

ТИРАНИЯ

Р.Т.Скрипников

**ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ
ИОАН
ВАСИЛЬЕВИЧ
ГРОЗНЫЙ**

В 2 томах

Том 1

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1996

—
ось
зо-
ти-
ым
зе-
ес-
бу
ом
ча-
ие
ть
ев-
ей.
ни-
о и
де
і.
ду
над
а с
ев-
по-
тке
что
ило

ББК 63.3(2)
С 45
УДК 947

Серия основана в 1993 году

Скрынников Р. Г.

С 45 Великий государь Иоанн Васильевич Грозный:
В 2 т. Т. 1.— Смоленск: Русич, 1996.— 448 с.—
(Тирания).

ISBN 5-88590-528-2.

Вторая половина XVI века стала важным этапом в истории Русского государства. Крутой поворот от боярского правления к реформам и последовавший затем опричный террор — таковы основные вехи развития страны того времени. Всесторонне характеризуя противоречивую личность Ивана Грозного, автор дает широкую панораму событий, сопровождавших царствование этого московского государя.

С 947000000

ББК 63.3(2)

ISBN 5-88590-528-2 (Т. 1)
ISBN 5-88590-527-4

© Р. Г. Скрынников, 1996
© Разработка и оформление серии.
«Русич», 1996

ВВЕДЕНИЕ

Древнерусское государство — Киевская Русь — пережило расцвет в XI—XII вв., а затем распалось на множество княжеств. В XIII в. Русь была завоевана кочевниками-монголами и надолго утратила национальную независимость. Самым крупным княжеством Северо-Восточной Руси (будущей великороссии) было Владимирское великое княжество. К началу XIV в. оно пришло в упадок. Борьбу за обладание Владимирским великим княжеством вели «молодые города» — Тверь и Москва. Сначала владимирской короной завладели тверские князья. Но вскоре они принуждены были уступить первенство московским князьям. Александр Невский наделил княжествами всех своих сыновей. Москва досталась самому младшему из них Даниилу, а от него перешла к его детям — Юрию и Ивану I Даниловичам. Своей преданностью Орде Даниловичи заслужили милость ее властителей.

Историки высказывали удивление по поводу «таинственных исторических сил, работавших над подготовкой успехов Московского княжества с первых минут его существования» (В. О. Ключевский). Полагают, что возвышению Москвы способствовало выгодное положение на перекрестке торговых путей. Однако нетрудно заметить, что положение Твери на волжском торговом пути было

не менее выгодным. Не торговля, а сила доставила Москве перевес над Тверью. Иван I привел на Русь татарскую рать и разгромил тверичей, поднявших восстание против Золотой Орды. Доверяя московскому князю, хан предоставил ему право собирать дань со всей Руси и доставлять ее в Орду. Дань стала средством обогащения московской казны. Московские государи не щадили сил и, не стесняясь, использовали подкуп, обман, насилие, чтобы расширить свои владения. Эти князья, лишенные таланта и отличавшиеся устойчивой посредственностью, вели себя как мелкие хищники и скопидомы (В. О. Ключевский)¹.

Лишь случай помог московскому княжеству избежать дробления и упадка после смерти Ивана I Калиты. Его старший сын Семен Гордый с семьей умерли от чумы. Та же участь постигла второго сына Калиты — Ивана II Красного. Будущее династии сосредоточилось на девятилетнем княжиче Дмитрие Ивановиче.

Фактически за княжича государством управляли его «великие бояре». Без них Дмитрий Иванович не мог вести войну и решать государственные дела. Северо-Восточная Русь делилась на множество независимых княжеств, постоянно враждовавших между собой. Если князь затевал войну без совета с боярами, те могли покинуть его и поступить на службу к другому князю. Их право на отъезд подтверждали все без исключения междукняжеские договоры. Время великого князя Дмитрия Ивановича с полным правом называют золотым веком боярства. По словам летописи, Дмитрий советовал своим сыновьям править государством в согласии с боярами: «И бояры своя любите, честь им достойную воздавайте противу

служению их, без совета их ничто же не творите». В прощальной речи к боярам великий князь сказал: «Великое княжение свое вельми укрепих. Отчину свою с вами соблюдах... И вам честь и любовь даровах... И веселихся с вами, с вами и поскорбех. Вы не нарекошестея у мене бояре, но князи земли моей...»². Сочиненные много позже речи, при всех их риторических красотах и преувеличениях, достаточно верно отражали характер взаимоотношений великого князя и его бояр.

Быстрое возвышение Москвы задерживало процесс дробления Северо-Восточной Руси, позволяло собирать «дробившиеся части в нечто целое»³. Приведенные слова В. О. Ключевского оказали глубокое влияние на русскую историческую мысль. В блестящем исследовании о Московском государстве А. Е. Пресняков сосредоточил внимание на формировании основ новой государственности при ближайших преемниках Ивана Калиты, на собирании власти московскими великими князьями⁴.

Понятие «собирание власти» не вполне точно отражает факт завоевания Москвой различных, не принадлежавших ей земель. На первых порах эти завоевания не имели важных исторических последствий. Ожесточенная борьба между Москвой и Тверью ускорила распад Северо-Восточной Руси. Подле великих княжеств Владимирского, Тверского и Московского образовалось Нижегородско-Суздальское великое княжество (1341). Ростовское, Ярославское и Стародубское княжества распались на множество удельных княжеств⁵.

Важной вехой в истории Руси стало время княжения великого князя Дмитрия Ивановича Мос-

ковского. При нем Москва усвоила новую для нее роль вождя в борьбе против чужеземного ига.

В 1378 г. полки московского и рязанского княжеств нанесли поражение татарам на реке Воже в пределах Рязанского княжества. Правителю Орды надо было либо отказаться от богатого русского улуса, либо обрушить на Русь сокрушительный удар, чтобы восстановить грозу татарской власти.

Орда была ослаблена длительными междоусобицами. Ее западной половиной правил эмир Мамай. За Волгой утвердился его соперник хан Тохтамыш, подчинивший себе среднеазиатские владения империи.

Русь вступила в войну с Ордой в неблагоприятных условиях. Против нее объединились два наиболее сильных противника — татары и литовцы. Орда Мамайя придвинулась к русской границе. На помощь ему шел литовский князь Ягайла с литовско-русскими полками. Дмитрий Иванович решил отправиться в ордынскую степь, чтобы сразиться с татарами до их соединения с Ягайлой. Ему удалось осуществить свой план.

Когда началась война, антиордынская коалиция окончательно распалась. Главные союзники Тверь и Нижний Новгород бросили Москву на произвол судьбы, а Рязань переметнулась на сторону татар. Лишь два княжества Ростовское и Ярославское прислали на помощь князю Дмитрию свои дружины⁶. Эти княжества, пережившие дробление, находились в сфере московского влияния. Представление об участии в войне до полумиллиона ратников с двух сторон сильно преувеличено. Москва едва ли могла выставить против Мамайя более двадцати-тридцати тысяч человек. Численное превосходство было на стороне татар.

Решающее сражение произошло на поле Куликовом в верхнем течении Дона 8 сентября 1380 г. Рать Мамайя потерпела поражение и отступила в степи.

Сражение на поле Куликовом было едва ли не самой кровавой битвой в русской истории. Потери московского ополчения были ужасающими. После сражения, повествуют русские летописцы, «оскуде бо отнюд вся земля Русская воеводами, и слугами, и всеми воинствы, и о сем великий страх бысть на всей земле Русстей»⁷.

Битва на поле Куликовом не привела к немедленному возрождению независимости Русского государства. Долговременные факторы, которые позволили монголо-татарам разгромить Русь и установить свое господство над ней в XIII в., как видно, не исчерпали себя и в следующем столетии. В XIV в. соотношение сил оставалось неблагоприятным для Руси. Разгромленный русскими, Мамай не мог противостоять хану Восточной орды Тохтамышу. Он бежал в Крым, где был убит итальянцами. Тохтамыш объединил обе половины Орды, после чего сжег Москву и обложил Русь данью.

Дмитрий Донской в своей внутренней политике следовал принципам, которые воспроизводили и углубляли порядки раздробленности. Он был первым из Даниловичей, оставившим после себя многочисленное потомство. Разделив «отчину» между пятью сыновьями, Дмитрий подготовил почву для усобиц, грозивших навсегда подорвать могущество Москвы.

Князь Дмитрий благословил сына-наследника Василия «своею отчиной великим княжением» Владимирским⁸. Что касается Москвы, она становилась совместным владением четырех старших

сыновой государя. Старший сын, кроме того, получил Коломну, Юрий — Звенигород, Андрей — Можайск, Петр — Дмитров. Младшему сыну Константину княжество было выделено позже.

Пока Владимирское княжество оставалось ядром государства и главной опорой великокняжеской власти, передача короны наследнику обеспечивала ему «старейшинство» среди братии и всех прочих русских князей. Однако в XV в. ситуация существенно изменилась. Владимир пришел в полный упадок, а средоточием могущества великого князя стала собственно Московская земля. Продолжая делить московскую «отчину», государь собственными руками разрушал фундамент сильной великокняжеской власти.

Примитивный строй организации московской государственной власти лишал ее необходимой устойчивости. В княжение Василия II, внука Дмитрия, в Москве вспыхнула кровавая междоусобица, длившаяся с 1433 по 1453 г. В ходе ее великий князь был согнан с трона дядей — удельным князем Юрием Галицким. Вернув трон, Василий II вел неудачную войну с ханом Улу-Мухаммедом. Будучи изгнан из Золотой орды, хан основал Казанское «царство» на Волге. В битве под Суздалем в 1445 г. Василий II был взят в плен, а затем за большой выкуп отпущен на Русь. Двоюродный брат Василия II князь Дмитрий Шемяка использовал момент, чтобы совершить переворот. Великий князь был захвачен на богомолье в Троице-Сергиевом монастыре и ослеплен (отсюда прозвище Темный). Шемяка не сумел поладить с церковным руководством и московскими боярами. Он бежал в Новгород, где был отравлен по приказу Василия II.

Смута продолжалась на Руси почти четверть

века и принесла неисчислимые бедствия народу. Традиционная оценка сводится к тому, что феодальная война закончилась победой «прогрессивных» сил, отстаивавших политическую централизацию, и поражением сил децентрализационных. Олицетворением первых был Василий II, вторых — его удельные противники⁹. В новейших исследованиях старая схема подверглась пересмотру. В удельных князьях А. А. Зимин увидел «людей будущего», «романтиков», свободолюбивых противников московского деспотизма и татарского ига. В их лице Север, развивавшийся по «предбуржуазному пути», вступил в конфликт с Центром, которому уготован был путь крепостничества¹⁰. В приведенных концепциях бросается в глаза несоответствие между теоретическими построениями и наличным фактическим материалом. По всей видимости, феодальная война второй четверти XV в. была обычной княжеской междоусобицей, ничем не отличавшейся от междоусобиц в любой другой земле.

В XV в. рядом с боярской знатью появилась многочисленная прослойка детей боярских, служивших в великокняжеском и удельных дворах. Вместе с тем начала складываться новая иерархическая структура правящего московского боярства. Происшедшие перемены наложили печать на состав и функции таких учреждений, как дума и двор, в границах каждого из великих и удельных княжеств. Удельные князья не раз занимали московский великокняжеский трон. Но их победа неизменно оборачивалась поражением, едва удельная дума и двор пытались оспорить первенство «великого» московского боярства и тем самым поколебать традиционную боярскую иерархию.

Наметились признаки крушения старого порядка наследования трона, при котором государство считалось «отчиной» всей княжеской семьи и монарх передавал трон не наследнику сыну, а братьям, и лишь после них право на корону предъявляли сыновья монарха. Архаический порядок престолонаследия служил источником постоянных межкняжеских распрей и неурядиц, подобных войне второй четверти XV в.

Московская смута, полагал А. Е. Пресняков, подорвала и разрушила удельно-вотчинный строй, привела к крушению обычного уклада отношений и воззрений¹¹. Смута, действительно, уничтожила почти все удельные княжества в Московском великом княжестве. Удельные государи потерпели поражение. Но порядки раздробленности вовсе не были искоренены. Духовное завещание Василия II Темного возродило к жизни систему уделов. Следуя примеру деда, князь передал младшим сыновьям 12 городов. Дмитров, Углич, Руза, Вологда вновь превратились в столицы вставших из пепла удельных княжеств. Почва для новых раздоров была готова.

Иван III (1462—1505) еще при жизни слепого отца стал его соправителем. Бедствия, постигшие князя в юности, закалили его волю. Взойдя на трон, Иван III все силы употребил на то, чтобы расширить свои владения и подчинить себе все русские земли. Для достижения этой цели он использовал любые средства — насилие, деньги, династические браки. Москва поглотила Ярославское и Ростовское княжества, Новгород Великий и, наконец, Тверь.

Ярославль давно попал в орбиту московского влияния. Дьяк Алексей Полуектов действительно

советовал Василию II отобрать «отчину» у Ярославских князей. Но Василий II не решился нарушить традицию. И только Иван III последовал совету дьяка и послал его в Ярославль, чтобы довершить дело. Известно, что Полуектов находился в опале в 1467—1473 гг., а значит, его появление в Ярославле следует отнести к более позднему времени, к исходу XV в. Описывая нововведения Полуектова, местный летописец отметил, что все князья Ярославские «простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь великий против их отчины подавал им волости и села...»¹². Ярославские князья утрачивали традиционные права и статьи дохода в Ярославле, а свои «волости и села» они как бы заново получали из рук нового суверена.

Присоединение к Москве сопровождалось общим описанием ярославских земель. Руководил московской переписью некто Иван Агафонов: «у кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добра, ин отнял да описал на великого князя ю, а кто будет сам добр, боярин или сын боярский, ин его самого записал». Целью описи было упорядочение службы бояр и детей боярских в пределах Ярославля. «Добрых» бояр и детей боярских записывали в службу, у неслужилых села и деревеньки отписывались в казну. Летописец назвал писца Агафонова «сущим созирателем (соглядатаем, лазутчиком. — Р. С.) Ярославской земли»¹³.

Важнейшим фактом русской истории XV в. было противостояние Москвы и Новгорода Великого. Новгородская земля избежала Батыева разгрома, и традиции Древней Руси получили тут органическое развитие. Новгород был древнейшим

городом Руси с высоким уровнем экономики и культуры. В Новгороде знать слобмила княжескую власть и основала боярско-вечевую «республику». Княжеский домен подвергся экспроприации. Князьям, приглашенным в Новгород по «ряду» (договору), запрещалось владеть землями в новгородских пределах. Утверждение новых порядков позволило новгородскому государству избежать дробления.

Высшим должностным лицом вечевой «республики» был архиепископ. Всеми делами Новгорода управляли выборные посадники и бояре. Важную роль в управлении Новгородом играло вече. В литературе не стихают споры о том, кого представляло вече. Согласно одной точке зрения, вече было органом народовластия (И. Я. Фроянов). Другое мнение сводится к тому, что новгородское вече было собранием бояр, землевладельцев из числа «житых» людей и богатых торговцев (В. Л. Янин)¹⁴. Сторонники последней точки зрения ссылаются на то, что археологам поныне не удалось обнаружить в Новгороде площадь, которая могла бы вместить более 400 — 500 человек.

подавляющую массу населения Новгородской земли составляли смерды. Они не принимали никакого участия в управлении. Городское население было малочисленным. Только его представители имели возможность влиять на дела государства через вечевые собрания. Символом государственности в Новгороде был вечевой колокол. Его удары оповещали все население города о созыве веча. Самый способ оповещения более подходил для народного собрания, чем для узкого по составу боярского ареопага. Скорее всего, вече не было органом повседневного управления республикой:

редкие упоминания о вече на страницах летописи разделены десятилетиями. По-видимому, народное собрание брало на себя всю полноту власти в исключительных случаях: когда городу грозило нападение, при низложении неудобного князя и пр.

Система веча имела сложную структуру. Город делился на пять «концов» (районов) и множество улиц. Каждая улица, а затем «конец» решали дела на собственном вече. В любом случае, вечевой строй Новгорода обеспечивал участие в управлении несравненно более широкого круга населения, нежели строй Московского княжества.

К середине XV в. Новгородская республика оставалась крупнейшей из русских земель. На севере ее владения включали Кольский полуостров, на востоке простирались до Урала. Однако ратные силы Новгорода далеко уступали московским. Республика не могла тратить значительные средства на содержание многочисленной армии. Это обстоятельство имело роковые последствия для судеб республики.

В середине XV в. Москва усилила давление на Новгород, добиваясь его подчинения великокняжеской власти. Не имея достаточных сил для обороны, новгородцы пытались опереться на помощь извне. Многие полагали, что только помощь Литвы может уберечь Новгород от судьбы других русских земель, завоеванных Москвой. Пролитовскую партию возглавляла влиятельная семья бояр Борецких. Обращение к католическому королю могло быть истолковано как отступничество от православной веры, вследствие чего вече отказало в поддержке Борецким. Для организации обороны в Новгород был приглашен сын киевского князя Михаил Олелькович. Он доводился двою-

родным братом Ивану III, а его отношения с королем Казимиром были далеко не дружественными. Князья Олельковичи исповедовали православную веру и не признавали унии с католической церковью¹⁵.

Князь Михаил прибыл в Новгород 8 ноября 1470 г. Но ситуация развивалась в неблагоприятном для него направлении. За три дня до приезда князя умер архиепископ Иона, пригласивший его. Вновь избранный архиепископ Феофил должен был отправиться на «поставление» в Москву. Но военные приготовления в Москве не прекращались, и в этих условиях Совет господ решил не отпускать Феофила к Ивану III. Архиепископ угрожал, что сложит сан и вернется в монастырскую келью. Но Новгород не принял его отставки.

Ссылаясь на «старину», Иван III требовал полного подчинения вольного города. В поход на Новгород государь взял с собой дьяка Степана Бородатого, умевшего «говорить по летописям». Летописи оправдывали завоевательные планы Москвы, указывая, что Новгород «из старины» был «отчиной» владимирских князей, и изображали претензии вольного города на независимость как крамолу. В глазах московских книжников только монархические порядки были естественными и законными, тогда как вечевая демократия представлялась дьявольской прелестью. Решение Новгорода отстаивать свою независимость любой ценой они постарались изобразить как заговор бояр Борецких, нанявших «шильников» и привлечших на свою сторону чернь. Само вече, под пером московского писателя, превратилось в незаконное скопище «злых смердов» и «безименитых мужиков». Они били во все коло-

кола и «кричаху и лааху, яко пси, глаголаху: За короля хотим»¹⁶.

Вече приняло решение обратиться за военной помощью к королю Казимиру, но архиепископ и сторонники Москвы позаботились о том, чтобы это решение не было выполнено. При князе Михаиле Олельковиче послами к королю были отправлены двое житых людей. Такое посольство неправомочно было заключать какие бы то ни было союзы.

Недруги Борецких обвиняли вдову Марфу в намерении выйти замуж за князя Михаила, чтобы с ним «владети от короля всею Новгородскою землею»¹⁷. То была клевета. 15 марта 1471 г. князь принужден был покинуть город. Очевидно, новгородцы «показали ему путь». В отместку Михаил подверг грабежу Старую Руссу. Таким образом, он покинул Новгород не с пустыми руками. Борецкие взяли верх и спешно снарядили новое посольство в Литву. В его состав вошли трое бояр, включая посадника Д. Борецкого, и пять житых людей. После возвращения посольства из Вильны новгородцы составили проект договора с королем Казимиром.

Главный пункт договора гласил, что король выступит со всем литовским войском, чтобы оборонить Новгород от Москвы. Казимиру вменялось в обязанность сохранить в неприкосновенности вечевые порядки Новгорода, православную веру, права и привилегии бояр. Новгородцы признавали власть короля и соглашались отвести его наместнику резиденцию на Городище в окрестностях Новгорода. В итоге переговоров с новгородцами король направил в Орду гонца с богатыми дарами, чтобы подтолкнуть татар к набегу на Русь.

Дипломатические усилия Новгорода не привели к успеху. Быстрое наступление московских войск помешало новгородцам завершить переговоры в Вильне. Договор, по-видимому, не был утвержден королем, и Литва уклонилась от войны с Москвой. Что касается Орды, она вторглась в пределы Руси с запозданием на год.

Не ожидая серьезного сопротивления, Иван III послал войска к Новгороду разными путями. Воевода князь Холмский с десяти тысячным войском отправился вдоль Ловати к Руссе, откуда было рукой подать до литовского рубежа. Отряд воеводы Стриги Оболенского двигался вдоль Мсты. Сам Иван III с двором и тверской силой шел следом за воеводами, значительно отставая от них. По пути московские ратники безжалостно разоряли землю, «пленующе и жгуще и люди в плен ведуще». Жестокими расправами с пленниками воеводы желали навести ужас на новгородцев. Пленным резали «носы, уши и губы»¹⁸.

С некоторой задержкой Новгороду удалось сформировать ополчение численностью до 40 тысяч ратников. Большая часть ополченцев — рядовые горожане — никогда прежде не участвовали в боевых действиях и были вооружены кое-как. Во главе ополчения стояли посадник Василий Казимир и Дмитрий Борецкий.

В июле новгородская рать продвинулась к Шелони с тем, чтобы не допустить соединения псковских войск с московскими и, дождавшись помощи из Литвы, обрушиться на полки Ивана III. На реке Шелонь новгородцы неожиданно для себя столкнулись с ратью Холмского. Некоторое время оба войска шли по разным сторонам реки, ища брода. Воевода медлил с переправой, ожидая подкрепле-

ния. Новгородцы рассчитывали использовать свой численный перевес, но в их войске возник раздор. Меньшие люди требовали немедленной атаки. «Ударимся ныне» на москвичей, — кричали они¹⁹. Воеводы конного архиепископского полка отказывались биться с москвичами, говоря, что они посланы против псковичей.

Согласно московским источникам, 15 июля ратники Холмского перешли «великую реку», бросились на новгородцев «яко львы рыкающе» и обратили их в бегство²⁰. На самом деле сражение началось неудачно для москвичей.

Как следует из новгородских источников, новгородцам поначалу удалось использовать перевес в силах. Они «бишася много и побиша москвич много», а под конец погнали «москвичи за Шелону»²¹. Но тут на новгородскую пехоту обрушились татары. Отряд касимовских татар, приданных воеводе Стриге Оболенскому, видимо, подоспел на Шелонь в разгар боя. Ни псковичи, ни двор Ивана III в битве не участвовали. Отборный отряд конницы — архиепископский полк — еще имел возможность вступить в дело и отогнать татар. Но он не двинулся с места. Новгородская рать потерпела сокрушительное поражение. Новгородцы стали жертвой кровавой резни. Иван III желал, чтобы Новгород почувствовал мощь княжеской власти и никогда больше не осмелился поднять оружие против Москвы. Москвичи перебили 12 тысяч новгородцев, а в плен увели всего 2 тысячи человек. Взятые в плен посадник Дмитрий Борецкий и трое других бояр были обезглавлены. Прочих посадников «Василья Казимера и его товарищов 50 лутчих отобрав повеле (Иван III. — Р. С.) вести к Москве и оттоле к Коломне и в тоурму всадити»²².

Новгородцы сожгли свои посады и стали готовиться к длительной осаде. Но архиепископ Феофил настоял на мирных переговорах с Москвой. Перспектива длительной осады города и угроза войны с Литвой побудили Ивана III не медлить с заключением мира. На Новгород была наложена контрибуция в 16 тысяч рублей. В тексте договора новгородцы еще именовались «Великим Новгородом, мужами вольными», но «отчина» великого князя Новгород обязался не отставать от Москвы и «не отдаться» за короля. Бояре привели новгородцев к присяге на верность Ивану III. Московские власти не решились упразднить в Новгороде вечевой строй. Последующие события обнаружили несовместимость республиканских и монархических порядков.

Осенью 1475 г. Иван III явился в Новгород «миром», но его сопровождала внушительная военная сила. По традиции новгородских должностных лиц могли судить лишь Совет господ и вече Новгорода. Великий князь пренебрег традицией. Поводов для вмешательства во внутренние дела Новгорода было более чем достаточно.

В обычных условиях вечевой строй «республики» обеспечивал участие населения в управлении государством при сохранении правопорядка. В обстановке острого кризиса вече, унаследовавшее от древнего народоправства архаические черты, неизменно обнаруживало теневую сторону. Когда жители разных «концов» города не могли прийти к согласованному решению, они пускали в ход силу. Одержавшие верх на вече подвергали прямому грабежу своих противников. Население Новгорода не могло простить сторонникам Москвы Шелонского побоища. Бояре Неревского «кон-

ца», ориентировавшиеся на союз с королем, использовали народные настроения для расправы с жителями Славенского «конца», тяготевшего к Москве. Они напали на Славкову улицу и подвергли ее жителей грабежу. В жалобе на имя Ивана III пострадавшие перечислили имена 25 лиц, повинных в грабеже. По прибытии в Новгород государь велел арестовать четырех бояр. Наказания избежали некоторые из главных инициаторов разбоя, зато под стражу угодил известный противник Москвы, имя которого не фигурировало ни в каких жалобах.

Добиваясь полного подчинения Новгорода, Иван III задался целью упразднить особый новгородский суд, заменив его великокняжеским. Вопрос о ликвидации вечевого строя был отложен на будущее.

Появление второй власти в Новгороде имело важные последствия. Жители, потерпевшие неудачу в суде «республики», немедленно обращались со своими исками к Ивану III. К весне 1477 г. в Москве собралась целая толпа новгородских жалобщиков, принадлежавших к различным слоям общества. Среди других во дворец явились двое мелких чиновников — подвойский Назар и дьяк новгородского веча Захарий. Кто снарядил их в Москву, невозможно установить. Домогаясь милости, эти лица употребили в своем обращении к Ивану III титул «государь». Официальные послы Новгорода неизменно именовали великого князя «господином». «Господин Великий Новгород» вел переговоры с «господином Великим князем». Такое обращение символизировало равенство сторон. Московские власти поспешили использовать обмолвку, чтобы предъявить «республике» но-

вые требования. Бояре Ф. Д. Хромой-Челяднин и И. Б. Тучко-Морозов прибыли в Новгород и потребовали признания за Иваном III титула государя и упразднения новгородского суда.

Новгородское вече выслушало послов и категорически отвергло их домогательства. Лица, давшие Москве повод для враждебных действий, были объявлены вне закона. Распри между сторонниками и противниками Москвы фактически привели к падению боярского правительства. Боярин В. Никифоров, который втайне от Новгорода поступил на службу к Ивану III и принес ему присягу, был убит на вече. В страхе перед разбушевавшейся толпой прочие бояре разбежались.

9 октября 1477 г. Иван III с войском выступил в поход на Новгород. В пути к нему присоединилась тверская рать. В ноябре московские, тверские и псковские отряды окружили Новгород со всех сторон. Новгородцы деятельно готовились к обороне. Городские укрепления включали Детинец (Кремль) и «город» с мощным поясом укреплений. Чтобы не допустить штурма со стороны реки, воевода В. Гребенка-Шуйский и жители спешно соорудили деревянную стену на судах, перегородив Волхов. Новгородцы рассчитывали на то, что многочисленная неприятельская армия, собранная в одном месте, не сможет обеспечить себя продовольствием и рано или поздно отступит, спасаясь от голода и сильных морозов. Расчеты новгородцев оправдались лишь отчасти. Ивану III пришлось распустить половину войска, чтобы воины могли добыть продовольствие грабежом. Исключительную услугу Москве оказал Псков, доставивший в лагерь великого князя обозы со съестными припасами.

Новгород имел возможность выдержать осаду. Но его мощь подтачивали распри. Боярское правительство разделилось. Сторонники Москвы, помня о недавних казнях на вече, спешили покинуть город, чтобы предупредить государя, что «новгородцы не хотят здати Новгород».

Самые решительные защитники новгородских вольностей были давно казнены или сидели в московских тюрьмах. Оставшиеся на свободе бояре и вече не сумели организовать оборону города. «Людям, — записал псковский летописец, — мятущимся в осаде в городе, иные хотящи битися с великим князем, а иные за великого князя хотяще задати, а тех болши, котори задатися хотять за князя великого»²³. Большое значение имела позиция архиепископа, настаивавшего на мирных переговорах с Москвой. 23 ноября 1477 г. новгородское посольство во главе с Феофилом явилось в походный шатер Ивана III на берегу Ильмень-озера. Новгородцы надеялись, что им удастся заключить мир на тех же условиях, что и прежде. Государь дал пир в честь послов, но отклонил все их просьбы. Надежды на почетный мир разлетелись в прах. Тем временем воинские заставы Ивана III заняли предместья Новгорода. Отбросив дипломатические ухищрения, Иван III объявил: «Мы, великий князь, хотим государьства своего, как есмь на Москве, так хотим быть на отчине своей Великом Новгороде». Вслед за тем московские бояре продиктовали послаам волю государя: «Вечю колоколу в отчине нашей в Новегороде не быти, посаднику не быти, а государство нам свое держати». Когда послы сообщили об этом на вече, в городе поднялось смятение и «многие брани». «Всташа чернь на бояр и бояри на чернь». Народ

утратил доверие к боярам и окончательно отказался повиноваться им: «мнози бо вельможи и бояре перевет имеаху князю великому»²⁴.

Оказавшись между молотом и наковальной, посадники пытались достичь соглашения с московскими боярами. Последние заверили послов, что Иван III не будет высылать новгородцев «на Низ», не будет «вступаться» (конфисковать) в их земли. Заверения положили конец колебаниям правителей республиканского Новгорода. Стремясь получить гарантии неприкосновенности своих имуществ, бояре просили, чтобы монарх лично подтвердил соглашение и принес клятву на кресте. Но им грубо отказали в этом.

Видя «неустройство» и «великий мятеж» в городе, князь В. Гребенка-Шуйский сложил крестное целование Новгороду и перешел на службу к Ивану III. Лишившись военного предводителя, новгородцы окончательно уступили всем требованиям московских властей.

15 января 1478 г. Патрикеев с другими боярами въехал в Новгород и привел к присяге жителей. Вече в городе более не созывалось. Наиболее важные документы из архива Новгорода, а также вечевой колокол были увезены в Москву; выборные должности, вечевые порядки, древний суд упразднены. Новгородская «республика», просуществовавшая несколько веков, пала. Автор московского свода 1497 г. не скрыл своего удивления по поводу неслыханного нарушения «правды» и старины в Новгороде. «А как и стал Новгород — Русская земля, — записал он, — таково позволение на них не бывало ни от которого великого князя, да ни от иного ни от кого»²⁵. Иван III объявился «не вступаться» в вотчины новгородцев, но

очень скоро нарушил свое обещание. Уже в феврале 1478 г. он приказал арестовать вдову Марфу Борецкую с внуком Василием и нескольких других лиц, возглавлявших пролитовскую партию. Под стражу был взят также архиепископский наместник. Всех арестованных Иван III приказал отправить в Москву, а «животы их (вотчины и прочее имущество. — Р. С.) велел отписать на себя»²⁶.

Посадник Василий Александрович Казимир, его брат Яков Александрович Короб, Лука Федоров и Михаил Берденев принесли присягу государю и были приняты на московскую службу. Однако в 1481 г. они подверглись аресту и в опале лишились всех своих земель. Зимой 1483—1484 гг. гонения на бояр приобрели еще более широкий размах. Власти обвинили в измене посадника Ивана Савелкова и 30 других бояр и житых людей. Крамола встревожила Ивана III, и он направил в Новгород «заставу ратную», которая стояла там четыре месяца. Неизвестно, кто из взятых под стражу бояр действительно сносился с Литвой. Несомненно одно. По делу о заговоре аресту подверглись крупнейшие землевладельцы Новгорода. Заговорщики были увезены в Москву, а их обширные вотчины конфискованы.

В конце 1480-х годов наместником в Новгород был назначен боярин Яков Захарьин-Кошкин. Он обвинил в измене разом весь Новгород. По словам современников, конфликт возник на почве злоупотреблений и лихоимства властей. Захарьин не церемонился с опальным городом, облагал жителей штрафами, ставил на правех. Обиженные и ограбленные новгородцы искали защиты у Ивана III. В свою очередь, наместник обвинил своих обличителей в государственной измене — покушении

на жизнь наместника. Иван III и его дума приняли версию Захарьина. Из Новгорода были выселены все местные землевладельцы — более тысячи бояр, житых людей и богатых купцов.

Грандиозный процесс, организованный Москвой, был последним, так как судить больше было некого.

Многие исследователи оценивают присоединение Новгорода к Москве как прогрессивное событие, связанное с необходимостью преодолеть раздробленность и создать централизованное государство. Они полагают, что сама история обрекла Новгородскую республику на исчезновение: политическое развитие Новгорода зашло в тупик, республика выродилась в боярскую олигархию²⁷.

Приведенные аргументы заключают в себе оправдание насилия над вольным Новгородом. Москва лишь выполнила свою историческую миссию. Слабый Новгород не мог противостоять внутренне прочной монархии Ивана III, которой принадлежало будущее.

Тезис о том, что республиканские порядки в Новгороде изжили себя, не согласуется с фактами. Подтверждением тому служит история новгородского боярского сословия. Противники Москвы из числа местных бояр были истреблены в первые годы после присоединения Новгорода к Москве. Массовые репрессии 1488 — 1489 гг. всей тяжестью обрушились на людей, лояльных по отношению к Москве. Иван III не пощадил промосковскую партию, вожди которой помогли ему покорить город. Его действия невозможно объяснить злой волей. Иван III не мог поступить иначе. Республиканско-вечевой строй Новгорода обладал такой внутренней прочностью, что разрушить его

могло только поголовное выселение всех новгородских бояр и прочих землевладельцев. Сам термин «присоединение», принятый в историографии, отличается неопределенностью и двусмысленностью. Речь шла не о присоединении, а о жестоким завоевании, сопровождавшемся первой в русской истории экспроприацией высшего слоя общества.

Вольный Новгород заключает «ряд» с князем. Наличие своего рода «общественного договора» сближало его культуру с западноевропейской политической культурой. «Присоединение» Новгорода принесло гибель его самобытной политической культуре, более высокой, чем московская.

Сословие новгородских землевладельцев сложилось исторически. На протяжении веков это сословие обеспечивало политическое руководство «республикой» и ее экономическое процветание. Завоевание Новгорода сопровождалось крушением всего традиционного строя новгородского общества. В конечном итоге, все это привело к катастрофе. Древнейший очаг культуры Руси пришел в упадок.

Главным последствием покорения Новгорода было образование колоссального фонда государственной земельной собственности, поглотившей все боярское и большую часть церковного землевладения Новгорода. Власть московских государей необычно усилилась, что создало почву для развития самодержавных тенденций.

Конфисковав все боярские владения в Новгороде, московские власти не сразу решили, как ими распорядиться. Следуя традиции, Боярская дума стала распределять эти земли среди знати. По приказу Ивана III в пределах Новгорода было образо-

вано удельное княжество для Федора Бельского, отъехавшего из Литвы в 1482 г. Столицей удела стал городок Демон, считавшийся «вотчиной» Бельского. Кроме того, он получил волость Мореву и много других волостей, по-видимому, в кормление.

Очень крупные владения достались боярину князю И. Ю. Патрикееву и его сыну Василию (более 500 обож), трем братьям Захарьиным (около 800 обож), влиятельным членам думы Ряполовскому, А. Челяднину, дворецкому Русалке-Морозову, новым правителям Новгорода, наместнику князю С. Ярославскому, новгородскому дворецкому М. Волинскому и другим²⁸.

Знать получила источник новых крупных доходов. Если бы она удержала новгородские пожалования в своих руках, результатом было бы неслыханное усиление ее могущества. Но этого не произошло. Историки давно обратили внимание на странный парадокс. К концу XV века пожалованные новгородские земли были отобраны не только у ональных бояр, но и у прочей московской знати, включая таких фаворитов, как бояре Челяднины или Захарьины. Факты позволяют объяснить отмеченный парадокс.

Иван III сделал своим наследником внука Дмитрия, коронованного в 1498 г. Год спустя он объявил о передаче Новгорода и Пскова сыну от второго брака Василию, получившему при этом титул великого князя Новгородского. Передача Новгорода, возможно, носила формальный характер. Тем не менее эта мера имела четко выраженную политическую цель. Она вывела Новгородскую землю из-под контроля Боярской думы. Бояре и прочие знатные люди, присягнувшие на верность Дмитрию-внуку и продолжавшие служить ему в Моск-

ве, должны были покинуть владения удельного князя Василия.

Существенное влияние на события оказали условия и потребности военного времени. Вывод всех землевладельцев из Новгорода означал ликвидацию старых вооруженных сил на территории Новгородской земли. Система обороны Северо-Западных рубежей России рухнула²⁹. 180 новых землевладельцев из московской знати не могли составить ядро нового ополчения, поскольку в большинстве своем продолжали нести службу в составе двора Московской земли. Правительство должно было осознать, что не сможет удержать завоеванный город, если не создаст себе прочную опору в лице новых землевладельцев. Уже Иван III начал испомещать на новгородских землях московских детей боярских. Василий III завершил перераспределение поместных земель в Новгороде. Новгородские имения, отобранные у аристократии, перешли в руки московских служилых людей. Немало детей боярских получили пожалования в Новгороде уже при Иване III. Однако те из них, кто не мог нести постоянную службу в новгородском ополчении, должны были расстаться с новгородскими «дачами». Вывод из Новгорода московской знати ускорил переселение на новгородские земли новых групп детей боярских из Московского княжества. В отличие от бояр, получавших сотни обож, дети боярские имели в среднем до 20—30 обож. Доходы с таких имений позволяли им нести службу в тяжеловооруженной дворянской коннице.

При завоевании Новгорода в 1478 г. Иван III конфисковал у новгородского архиепископа и монастырей лучшие земли и образовал из них вели-

кокняжеский домен. Получив Новгород в управление, Василий III пошел по стопам отца и отнял у Софийского дома еще 6 тысяч обож земли. В отличие от отца, удельный князь не стал присоединять эти земли к княжескому домену, а роздал в поместье детям боярским.

Новгородская съезжая изба сохранила несколько ранних документов, подтверждавших пожалование детям боярским земель в Новгороде. Термин «поместье» появляется в этих документах впервые. В октябре 1490 г. Иван III пожаловал сыну боярскому Тыртову небольшую новгородскую волостку «в поместье»³⁰. Существенную роль в выработке норм поместного права и упорядочении системы поместного землевладения сыграло валовое описание Новгородских пятин. В 1495 г. Иван III в последний раз посетил Новгород и тогда же отдал приказ о начале переписи. После передачи Новгорода удельному князю Василию опись продолжалась и была завершена в 1505 г. В пределах указанного отрезка времени архаическая система новгородских «пожалований» и «кормлений» окончательно трансформировалась в поместную систему. Разработка норм поместного права явно отставала от практики. Даже писцы не всегда четко разграничивали поместья и кормления. Писцы Деревской пятины отделили сыну боярскому Г.Сарыхозину деревни «в поместье и кормление».

Кормленщик получал кормление на год — два, редко на более длительный срок. Он управлял волостью, судил население и за это «кормился», взимая поборы с населения в свою пользу. Помещик получал поместье пожизненно, пока мог нести военную службу. Поместье передавалось по наследству сыну, если сын достигал 15 лет и мог продол-

жать службу. Располагая собственностью на поместную землю, государство неукоснительно взыскивало со всех поместных обож государеву подать. Помещик имел право на традиционный оброк. Государевы грамоты вменяли ему в обязанность заботиться, в первую очередь, об исправном взыскании с населения даней и подати. В случае неуплаты подати ему грозила государева опала. Атрибуты землевладения распределялись четким образом. Высший собственник — государство — осуществляло суд и управление в отношении всего поместного населения. На долю владельца поместья оставалась военная служба.

В 1497 г. дьяки составили первый общерусский судебник, в котором поместье и вотчина были упомянуты как главные категории светского землевладения. Поместная система, вопреки Г. Вернадскому, не была организована по образцу турецких «титмаров». Опыт Османской империи едва ли имел какое-нибудь практическое значение для российского дворянства XV в.

Нарождение самодержавных порядков сопровождалось резкими столкновениями между монархом и его знатью. Острый династический кризис усугубил дело. Иван III был женат первым браком на тверской княжне Марье, вторым браком на византийской царевне Софье (Зое) Палеолог. Царевна Софья вступила в брак на невыгодных для нее условиях. Сыновья Софьи могли претендовать на удельные княжества, но никак не на московский престол. Византийская царевна не знала русского языка и не пользовалась популярностью среди подданных.

Иван III женил первенца Ивана Молодого Тверского на дочери православного государя Стефана

Великого из Молдавии. В 1479 г. Софья Палеолог родила сына Василия. Четыре года спустя Елена Волошанка родила Ивану III внука Дмитрия.

Княжичу Дмитрию исполнилось семь лет, когда умер его отец Иван Молодой. Тридцатидвухлетний наследник престола страдал легким недугом — «камчюгою в ногах», или подагрой. Вылечить его взялся лекарь «мистер Леон Жидовин», выписанный Софьей из Венеции. Несмотря на старания врача, больной умер³¹. Кончина наследника была выгодна «грекине», и по Москве тотчас прошел слух, будто Ивана Молодого отравили итальянцы. (Андрей Курбский записал эти слухи через сто лет, нисколько не сомневаясь в их достоверности). Знаменитого венецианского врача вывели на площадь и отрубили ему голову.

Тринадцать лет Иван Молодой был соправителем отца. За это время у его двора сложились прочные связи с Боярской думой. Бояре помнили кровавую смуту, затеянную удельными князьями при Василии II и твердо поддерживали законную тверскую ветвь династии. Они с тревогой наблюдали за взаимоотношениями между Дмитрием-внуком и его дядей Василием, сыном Софьи. В 1497 г. власти решили короновать Дмитрия-внука по случаю его близкого совершеннолетия. Таким путем они надеялись пресечь смуту в самом зародыше. Коронацию готовили в тайне от «грекини». Но один из доверенных дьяков выдал тайну Василию и его матери. В окружении Софьи возник заговор. Его участники попытались опереться на великокняжеский двор, для чего «тайно к целованию привели» многих детей боярских из состава двора. Наиболее решительные из заговорщиков советовали княжичу Василию собрать войско, захватить Во-

логу и Белоозеро вместе с находившейся там великокняжеской казной. Таким путем сторонники «грекини» рассчитывали предотвратить коронацию Дмитрия-внука. Никто из членов Боярской думы не принял участие в аванюре, что и предопределило ее неудачный исход. Главные советники Василия — дети боярские Еропкин и Поярко — были четвертованы, другие заговорщики: князь И. Палецкий-Стародубский, В. Гусев, дьяк Стромиллов — лишились головы. В ходе следствия выяснилось, что Софью во дворце посещали колдуньи и ворожеи, приносящие зелье. Иван III тотчас велел утопить «лихих баб» в Москве-реке, а с женой «нача жить в бережении»³². Княжича Василия некоторое время держали под арестом — «за приставы».

14 февраля 1498 г. Дмитрий-внук в неполных 15 лет был торжественно коронован великокняжеской короной в Успенском соборе Кремля. Дмитрий не имел отношения к греческой ветви династии. Тем не менее церемония в Кремле напоминала коронацию византийских императоров.

Преодоление раздробленности и образование мощного государства создали почву для распространения в русском обществе идеи «Москва — новый Рим». Как то ни парадоксально, мысль о византийском наследии развивали не «греки» из окружения византийской царевны, а духовные лица и книжники, близкие ко двору Елены Волошанки. Зосима, которого считали единомышленником Елены, выразил новую идею в сочинении «Изложение пасхалии», поданном московскому собору в 1492 г. Пастырь сложил похвальное слово «самодержцу» Ивану III. Не упоминая о браке государя с византийской царевной, Зосима под-

черкивал верность Руси Богу и православию. Это превращало Москву в новый Царьград. Сам Бог поставил Ивана III — «нового царя Константина новому граду Константину — Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя»³³.

Своеобразную интерпретацию идея византийского наследия получила в сочинении XVI в. «Сказания о князьях владимирских». Автор Сказания старался доказать, что предки владимирских князей давно породнились с византийским императорским домом и стали его наследниками, в подтверждение чего он приводил легенду об императоре Константине Мономахе, вручившем царские регалии — «шапку Мономаха» внуку Владимиру Мономаху Киевскому³⁴.

После казней 1497 г. Софья и ее греческое окружение окончательно утратили доверие к верхам московского боярства. Взаимному непониманию немало способствовало то, что система политических взглядов Софьи и греков резко отличалась от московской. Бояре и народ обвиняли грекиню, прежде всего, в нарушении традиционного порядка престолонаследия в Московии. Согласно византийским нормам, только Синод мог обнародовать имя преемника василевса. Фактически же Синод лишь облекал в форму закона волеизъявление императора.

Иван III был привязан к взрослому сыну Василию, а на подрастающего внука нередко негодовал. Но при назначении наследника он не мог отступить от московской традиции. Распри в великокняжеской семье грозили подорвать власть монарха. Благодаря грекам, московский двор имел возможность основательнее познакомиться с византийскими порядками. В трудных ситуациях им-

ператоры нередко передавали отдельные провинции сыновьям-соправителям, что укрепляло положение царствующей династии. Ссылаясь на эту традицию, Софья стала домогаться, чтобы Иван III назначил удельного князя своим соправителем и передал ему крупнейший после Москвы город Новгород со всей Новгородской землей и Псковом. Идея раздела государства на несколько удельных княжеств не встретила сочувствия при дворе законного наследника и в Боярской думе. Пережившие смуту бояре опасались, что удельный князь Василий, опираясь на Новгород, стонит с трона малолетнего племянника Дмитрия. Дума, ведавшая внешними сношениями, четко выразила свое мнение по поводу всего происходящего. Литовский князь Александр, будучи зятем Ивана III, нередко получал дружеские советы из Москвы. Узнав, что Александр намерен отдать Киев своему брату во владение, московские власти резко высказались против раздела Литовского великого княжества, сославшись при этом на недавний опыт. «Слышал яз, — писали бояре от имени Ивана III, — каково было нестроение в Литве, коли было государей много. А и в нашей земле (на Руси. — Р. С.) каково было нестроение при моем отце»³⁵. Наказ, составленный в 1496 г., отражал официальную московскую доктрину.

Как следует из текста «Чина поставления и венчания Дмитрия Ивановича», Иван III произнес следующую речь: «...Ныне благословляю при себе и опосле себя великим княжеством Владимирским и Московским и Ноугородским и Тверским» внука Дмитрия, которого мне «дал Бог в сына моего место»³⁶. Решение отнять титул великого князя Новгородского у коронованного великого князя Дмит-

рия и передать его удельному князю было незаконным со всех точек зрения. Руководство Боярской думы, по-видимому, пыталось отстоять законность, и тогда монарх прибегнул к насилию. Думу возглавлял двоюродный брат государя князь И. Ю. Патрикеев. Он провел в думе почти 40 лет, из которых 27 лет служил наместником московским (этот пост он унаследовал от отца). К Патрикееву в хоромы переселился Иван III, когда началась починка старого великокняжеского дворца. К кругу высших руководителей думы принадлежал зять Патрикеева князь С. И. Ряполовский, за особые заслуги получивший титул «слуги и боярина».

31 января 1499 г. самодержец велел арестовать И. Ю. Патрикеева, двух его сыновей, Василия и Ивана, и зятя Ряполовского и предать их всех смертной казни. Благодаря «молениям» митрополита, Патрикеевы избежали смерти. Их постригли «в железах» (в кандалах) и разослали по монастырям в заточение. Слуга Ряполовский был обезглавлен палачом на льду Москва-реки на пятый день после ареста.

Решение о разделе государства между соправителями вызвало сопротивление не только в московских верхах, но и в народе. В начале 1499 г. Иван III прислал послов к посадникам псковским и всему Пскову с объявлением, что «де я князь великий Иван сына своего пожаловал великого князя Василия, дал емоу Новгород и Псков». Посадники и вече отказались подчиниться государю. Они спешно направили полномочное боярское посольство в Москву к Ивану III и внуку его Дмитрию, которому недавно принесли присягу на верность. Послы четко заявили, что не признают власть удельного князя, а будут подчиняться кня-

зю, который сидит на московском троне: «а которой бы был великий князь на Москве, той бы и нам государь». Этот принцип в глазах псковичей гарантировал сохранение независимости Пскова. Главное требование псковичей состояло в том, чтобы Иван III с внуком «держали отчину свою (Псков. — Р. С.) по старине». Переговоры в Москве были длительными и трудными. Посадники ссылались на присягу и «старину». Иван III приказал бросить двух посадников в тюремную башню. При этом он заявил: «Чи не волен яз в своем внуке и оу своих детех? Ино кому хочю, тому дам княжество». По приказу государя в Псков выехал новгородский архиепископ Геннадий, чтобы отслужить в Троицком соборе службу «за князя великого Василья». Псковичи не проявили никакого уважения к своему пастырю и не дали ему служить в соборе, сказав, что не имеют «тому веры, что быти князю Василью великим князем новгородским и псковским»³⁷. Лишь после того, как Иван III прислал в Псков своего личного представителя боярина И. Чоботова и обязался держать «отчину» свою «в старине», псковское вече смирилось. В сентябре арестованные посадники были отпущены из Москвы.

Ко времени образования единого государства Русь была одним из самых бедных европейских государств с малочисленным населением и сравнительно небольшой территорией. Ее границы проходили на ближайших подступах к Москве — за Можайском, Тулой и Нижним Новгородом. Лишь на севере владения России простирались до берегов Белого моря и Северного Ледовитого океана. На дальних северо-восточных окраинах Европы почвы были скудными, а климат суровым,

но, невзирая на это, великороссам удалось ценой больших усилий создать здесь крупные очаги земледелия.

Основную массу населения России составляли крестьяне. Крестьянское общинное землевладение сохранилось крупным массивом на севере и в Поморье. На всей остальной территории стремительно развивалось вотчинное землевладение. Крестьяне, жившие на частновладельческих землях, обязаны были платить, помимо налогов, оброки в пользу дворянина. Судебник 1497 г. впервые регламентировал правила выхода крестьян в Юрьев день. В последнюю неделю осени и первую неделю зимы крестьянин мог, уплатив оброки и заплатив барину «пожилое» (особую плату за пользование двором и усадебной землей), сойти из имения.

Образование фонда государственной земельной собственности — поместной системы оказало решающее влияние на формирование сословий в России. На Западе духовное сословие, стремившееся к автономии от светской власти, консолидировалось ранее других сословий и стало своего рода моделью для других сословий. В России дворянство опередило другие слои и группы — при этом зависимость от государственной власти стала самой характерной чертой этого сословия. Экспроприация высших слоев Новгорода позволила Москве сконцентрировать в своих руках огромные материальные ресурсы. Власть и могущество монархии упрочились.

В политическое сознание общества стала внедряться имперская доктрина. С 1497 г. гербом Российской монархии стал византийский герб — двуглавый орел. Скромный церемониал московского двора уступил место пышным византийским риту-

алам. Великий князь не довольствовался прежними титулами и стал называть себя «самодержцем». (Этот титул был точным переводом византийского императорского титула «автократор»). Полагают, что перемена в титулатуре была связана с обретением государственной независимости. Иван III стал обладать державой сам, а не из рук золотоордынского хана. Однако возможно и более простое толкование. В Византии титул «автократор» носил главный император, желавший подчеркнуть свое первенство в государстве по сравнению с императорами-соправителями. Любопытно, что старший сын императора, становясь соправителем отца, иногда усваивал титул кесаря или царя. Титул «самодержца» понадобился Ивану III после того, как у него появился один, а затем два соправителя, Дмитрий и Василий, с одинаковыми титулами «великих князей».

Объединение земель позволило России решить важнейшие внешнеполитические задачи. В то время как Русь шаг за шагом преодолевала раздробленность, Орда переживала распад и хаос. На ее территории возникли Ногайская, Крымская, Казанская, Астраханская и Сибирская орды. Древний трон находился в руках Ахмат-хана из Большой орды. Его владение простирались от Волги до Днепра. Лишь после кровавой борьбы со своей знатью Ахмату удалось возродить сильную ханскую власть. На короткое время Большая орда подчинила себе Крым. В 1472 г. хан сжег Алексин. Москва перестала платить дань татарам, и в 1480 г. Ахмат стал готовить новое наступление, чтобы сокрушить Русь. Обстановка, казалось бы, благоприятствовала осуществлению его планов. Против России ополчились все ее соседи. Король Кази-

мир грозил нанести удар с запада. Войска Ливонского ордена напали на Псков. В довершение бед в стране началась смута. Удельные князья Андрей Большой и Борис подняли мятеж против брата Ивана III и через Новгород ушли к литовской границе. Король Казимир обещал им покровительство, и мятежники отослали свои семьи в королевский замок Витебск.

Летом 1480 г. Ахмат-хан придвинулся к русским границам. При нем была «вся Орда, и братанич его царь Касым, да шесть сынов царевых»³⁸. Для отражения неприятеля Иван III послал наследника Ивана Ивановича с полками в Серпухов, а сам занял переправы через Оку в районе Коломны.

Давно минуло время, когда Орда могла выставить в поле до ста тысяч всадников. Ахмат-хан едва ли мог собрать более 30—40 тысяч воинов. Примерно такими же силами располагал Иван III. На помощь к нему прибыли войска тверского великого князя. В войне с татарами не смог участвовать Псков, подвергшийся нападению рыцарей. Мятеж удельных князей создал угрозу для московских городов. С весны города готовились к защите: «...все людие быша в страхе велице от братии его (Ивана III), все грады быша во осадех»³⁹. Пока не минула смута, великий князь мог лишь частично использовать городские ополчения для обороны южных границ.

Более двух месяцев Иван III ждал татар на Оке. Все это время Ахмат-хан провел в полном бездействии вблизи московских границ. Наконец татары, обойдя памятное для них поле Куликово, вступили в пределы Литвы.

Опасность угрожала Москве с трех сторон. От

Мценска к Калуге двигался Ахмат-хан с татарами. Удельные князья могли в любой момент подойти из Великих Лук. Королю Казимиру принадлежала Вязьма, и его войска могли достичь Москвы за несколько дней. Между тем Москва была плохо подготовлена к длительной осаде. Белокаменные стены Кремля за сто лет обветшали и требовали починки. Иван III делал все, чтобы остановить неприятеля на дальних подступах к городу. Он не слишком надеялся на прочность столичных укреплений и потому отослал жену Софью с малолетними детьми и всей великокняжеской казной на Белоозеро. 30 сентября Иван III вернулся из Коломны в Москву для совета с боярами, а сыну велел перейти из Серпухова в Калугу. Распоряжение было вызвано тем, что Орда переправилась через Оку к югу от Калуги и устремилась к реке Угре, по которой проходила русско-литовская граница. 3 октября Иван III выехал в армию. В пути он узнал об ожесточенных столкновениях на Угре. Вместо того чтобы поспешить к месту сражения, государь разбил лагерь на Кременце в тылу русской армии.

Бой на Угре продолжался четыре дня. Броды на реке были неширокими, что помешало хану ввести в дело большие массы конницы. Противники осыпали друг друга стрелами. Русские палили также из пушек и пищалей.

Русские полки возглавлял наследник Иван Молодой. Фактически же военными действиями руководили опытные воеводы: князья Холмский, Оболенский, Ряполовский. Столкновения на Угре могли привести к кровопролитному сражению. Но Иван III и его воеводы не искали такого сражения. В ставку к Ахмат-хану выехал сын бояр-

ский Иван Товарков-Пушкин. Хан отказался принять от гонца дары — «тешь великую» и потребовал, чтобы Иван III сам явился к нему с повинной и был «у царева стремени».

Дипломатический демарш был не более чем уловкой со стороны Ивана III. Ему нужно было перемирие с татарами, хотя бы временное, и он достиг своей цели. Хан не принял его дары, но согласился вести переговоры, для чего отпустил в Кременец своего гонца. Гонец вернулся ни с чем. Иван III отклонил требования Ахмат-хана, равнозначные возрождению власти Орды над Русью. Тогда хан отправил в Кременец новое предложение. Пусть великий князь пришлет ему для переговоров своего советника Никифора Басенкова, не раз ездившего в Орду. Но даже и на это предложение Иван III не согласился.

Обмен гонцами привел к прекращению боевых действий на Угре. Едва начались переговоры, Ахмат-хан отошел от переправ и остановился в двух верстах от берега. Иван III мог торжествовать. Его затея увенчалась успехом. Хан стоял на Угре «десять ден» — из них шесть он потратил на заведомо бесплодные и никчемные переговоры.

Русские полки обороняли Угру, пока в том была необходимость. С Дмитриева дня (с 26 октября) зима вступила в свои права, «и реки все стали, и мразы великыи, яко же не мощи зрети». Угра покрылась ледяным панцирем. Теперь татары могли перейти реку в любом месте и прорвать боевые порядки русской армии, растянувшиеся на десятки верст.

С наступлением морозов и началом ледостава в Кременце стало известно о приближении удельных полков. Братья имели при себе сильные пол-

ки, тогда как великий князь стоял в Кременце «с малыми людьми». Ивану III нельзя было медлить, и он вызвал с Угры сына Ивана с верными полками. Возникла возможность завершить переговоры о прекращении внутренней войны в стране. Иван III уступил домогательствам братьев и объявил о передаче им нескольких крепостей с уездами. Смута, подтачивавшая силы России изнутри в течение девяти месяцев, завершилась без кровопролития.

После отступления воевод к Кременцу вся русская армия оказалась собранной в один кулак.

Хан боялся затевать сражение с русскими, не имея помощи от короля. Но уже в октябре стало ясно, что Казимир не намерен выполнять своих союзнических обязательств. Жестокость и вероломство Ахмат-хана, разграбившего литовскую «украину», означали полное крушение их союза. Орда была утомлена длительной войной. Наступление морозов заставило ордынцев спешить с возвращением в свои зимние кочевья. «Бяху бо татары, — поясняет летописец, — нагы и босы, ободралися»⁴⁰. В начале ноября Ахмат-хан отдал приказ об отступлении. Его сын, двигаясь на восток, разорил несколько русских волостей под Алексиним. Встревоженный, Иван III немедленно направил в Алексин своих воевод. Уклонившись от встречи с ними, татарский царевич бежал в степи.

Из Кременца Иван III со всей армией перешел в Боровск. Некоторые историки считают, что Иван III совершил искусный военный маневр, надежно прикрыв подступы к Москве. Однако к моменту перехода Ивана III в Боровск отпала надобность в каких бы то ни было маневрах. Король Казимир так и не собрался на войну, а Орда ис-

чезла в степях. Ахмат-хан после отступления распустил свои войска на зимовку, за что и поплатился головой. Его соперники, ногайские князья, воспользовались оплошностью, исподтишка напали на ханскую «вежу» и убили Ахмат-хана.

«Стояние на Угре» завершило целую эпоху в историческом развитии России. Татарское иго пало, и Русское государство обрело национальную независимость.

Ордынское иго поддерживало и питало раздробленность Руси. Падение Орды ускорило ликвидацию порядков раздробленности. Вслед за Новгородом наступила очередь Твери. Ко времени «стояния на Угре» тверские князья сохранили независимость, но их земли оказались окружены московскими владениями со всех сторон. Чтобы противостоять московскому натиску, Тверь пыталась опереться на помощь Литвы. Михаил Тверской затеял сватовство при дворе короля Казимира. Иван III расценил это как недружественный акт, и его полки вторглись в тверские пределы. Они «пленили» тверскую землю и сожгли два городка. Великий князь Михаил Борисович принужден был отказаться от союза с Литвой и признал себя «братом младшим» московского князя, что серьезно ограничило независимость Тверского княжества. Однако Москва не могла покончить с Тверью, пока тверское боярство поддерживало московскую династию. Через полгода после похода на Тверь Ивану III пришлось снова снаряжать полки. Предлогом к войне была поимка тверского гонца с грамотой к королю Казимиру. В сентябре 1485 г. московская рать облегла Тверь. По-видимому, на этот раз Иван III дал определенные гарантии местным землевладельцам, следствием чего явился мас-

совый отъезд тверских бояр на службу к московскому князю. Иван III сохранил за тверскими боярами их земли, думные чины, принял к себе на службу «тверской двор». Позиция бояр определила судьбу некогда могущественного Тверского княжества. Покинутый вассалами, Михаил Тверской бежал в Литву. Тверь перешла под управление его родного племянника Ивана Молодого, получившего титул Тверского великого князя и соправителя Ивана III. Он правил Тверью вместе со старой «тверской думой». Отдельно от московского функционировал тверской «двор». Княжескими землями управлял Тверской дворец. Тверской «двор» слился с московским к началу XVI в., и тогда же некоторые из тверских бояр вошли в московскую Боярскую думу. Ломка, неизбежная в Новгородской «республике», оказалась излишней в Тверском княжестве.

За тверской войной последовала война литовская. В давнем конфликте с Литвой из-за русских земель перевес все больше склонялся на сторону России. Под натиском католицизма православное население Литвы все чаще обращало взоры в сторону единой верной Москвы. Отъезд православных князей (Воротынских и др.) на службу к Ивану III имел результатом присоединение к России значительной территории в верховьях Оки. По договору 1494 г. Литва признала утрату Вязьмы — важнейшей крепости на подступах к Москве. Брак литовского князя Александра с дочерью московского великого князя имел целью положить конец войне на границе. Но эта цель не была достигнута. В 1500 г. русские полки заняли Брянск и вышли на Днепр. В бою на р. Ведрошь воевода Д. Щеня-Патрикеев наголову разгромил литовскую

армию, позднее произвел глубокое вторжение в пределы Ливонского ордена. Русские предполагали закончить войну, заняв Смоленск. Но это им не удалось. Согласно миру, заключенному в Москве в 1503 г., к России отошли украинский город Чернигов, Новгород-Северский, Брянск и другие города.

Внешнеполитические успехи России были впечатляющими. Ее дипломатические связи расширились. Глава Священной Римской империи Германской нации направил в Москву посла и предложил Ивану III принять королевский титул. Европейские страны стремились заручиться союзом с Русским государством для отпора турецкому вторжению на Балканы. Москва отклонила предложение Вены. Воспитанные в византийских традициях, московские государи неоднократно употребляли титул «царь» или «кесарь», но исключительно в дипломатической переписке с Ливонским орденом и мелкими германскими княжествами. «Великий» князь Московии не желал ронять свое достоинство в сношениях с «великим» магистром Ордена или «великими» немецкими князьями.

Передача удельному князю Василию Новгородского и Псковского обеспечила ему успех в борьбе за власть. Вопрос об образовании Новгородского княжества не мог быть решен без участия главного соправителя Ивана III Дмитрия-внука, коронованного великого князя. В том, что Дмитрий возражал против раздела государства, сомневаться не приходится. Как заявляли русские послы за рубежом, «внука своего наш государь южаловал и он учал государю нашему грубити». Возражая деду, Дмитрий рассчитывал на поддерж-

ку Боярской думы. Но дума, запутанная казнями, молчала. Все это решило судьбу законного монарха. Иван III постарался не придавать огласке выдвинутые против него обвинения. 11 апреля 1502 г. Иван III приказал взять Дмитрия и его мать под стражу якобы «за малое их прегрешение». Иван IV имел случай упомянуть о подлинных обвинениях, выдвинутых против Дмитрия. В письме Курбскому царь утверждал, будто Дмитрий и его сообщники князя (в письме царя упомянуто было только имя отца Курбского) умышляли «многия пагубы и смерти» на Василия III. В памяти Ивана IV все акценты сместились. Дмитрий старался удержать трон, полученный им на основе закона и права. Василий III погубил Дмитрия, узурпировав трон. Через три дня после ареста внука Иван III благословил удельного князя Василия — «посадил на великое княжество Владимирское и Московское и учинил его всеа Руси самодержцем». Избегая раздора с думой, Василий не стал наказывать ни Курбского, ни других бояр — сторонников Дмитрия.

Через год после ареста Елены Волошанки умерла великая княгиня Софья. Вскоре же «начат изнемогати» и сам Иван III. Болезнь быстро прогрессировала: у государя отняло «руку и ногу и глаз». Возобновление борьбы за власть казалось неизбежным. В то время в Нарве было получено известие, что великий князь смертельно болен, сын Василий должен ему наследовать, «хотя русские более склонны к его внуку, отчего между детьми великого князя назревает большая распря»⁴¹. Иван III должен был считаться с настроениями народа. Перед смертью он искал примирения с внуком. С Дмитрия сняли оковы и привели во дворец. По сведениям австрийского посла С. Герберштейна,

умирающий произнес, обращаясь к внуку: «Молю тебя, отпусти мне обиду, причиненную тебе, будь свободен и пользуйся своими правами»⁴². В последний раз монарх пытался примирить своих родственников и соправителей, но успеха не достиг. Какие права он предполагал вернуть Дмитрию — остается загадкой. В завещании Ивана III имя Дмитрия не упоминалось. Как только великий князь умер, Василий заковал племянника Дмитрия «в железа» и посадил «в полату тесну», где он умер три года спустя.

Итогом длительного правления Ивана III было уничтожение почти всех старых уделов. Однако это вовсе не привело к перестройке системы управления государством на новых основах. Духовная грамота Ивана III возродила систему удельных княжеств в стране. Государь дал «ряд своим сыном», наделив уделами всех четырех братьев Василия III. Каждый из удельных получил долю как в Московском, так и в Тверском великом княжестве. Мирозрание первого русского самодержца было насквозь проникнуто духом старых традиций.

Василий III (1505 — 1533) довершил дело объединения русских земель, начатое Иваном III. Основные принципы его внутренней политики сложились еще в то время, когда он получил от отца в управление Новгород Великий. Борьба за трон вступила в решающую фазу, и все помыслы князя сосредоточились на том, чтобы упрочить свою военную опору — новгородское поместное ополчение. Для этого он постарался расширить фонд государственной земельной собственности, образовавшийся в Новгороде. К концу XV в. поместья в Новгороде получили 964 сына боярских. В начале XVI в. в новгородском ополчении слу-

жило уже 1400 детей боярских. Свергнув Дмитрия, Василий III не отказался от выработанной в уделе политики и распространил ее на все государство.

Формирование зависимого от трона дворянского военно-служилого сословия оказало глубокое влияние на развитие Российского государства в целом. Веками на Руси господствовала вотчина, обеспечивавшая старому боярству известную независимость по отношению к государю. Экспроприация новгородского боярства изменила всю ситуацию. Новгород и Псков по территории не уступали бывшему Московскому княжеству. Поэтому превращение конфискованных тут боярщин в собственность государства — поместье — сразу обеспечило государственной собственности ведущее место в системе землевладения. В XVI в. фонд поместных земель продолжал стремительно расти. В итоге казна смогла наделить государственной собственностью не отдельных лиц, не отдельные группы, а все сословие московских служилых людей. Фонд конфискованных земель был столь велик, а численность московских дворян столь ограничена, что власти давали поместья даже боевым холопам из распущенных боярских свит.

Поместья в Новгороде могли иметь лишь те московские служилые люди, которые согласились переселиться на далекую окраину. Власти столкнулись с большими трудностями, когда приступили к испомещению членов Государева двора Московской земли в центральных уездах. Чтобы создать крупный фонд государственной земельной собственности в Центре, власти использовали некоторые дворцовые и великокняжеские волости, светские вотчины и пр. Но этих земель было явно

недостаточно. В этих условиях в Москве возникли проекты секуляризации вотчин у церковных кафедр и монастырей. В 1478 и 1499 гг. Иван III дважды отбирал земли у Софийского дома и новгородских монастырей. Имеются данные о том, что Иван III и его соправитель Василий III пытались распространить новгородский опыт на московские уезды. В 1503 г. власти созвали в Москве собор высших иерархов для решения неотложных церковных дел. Сохранились два соборных приговора. Первый из них, датированный 6 августа 1503 г., свидетельствует о том, что великие князья Иван III и Василий, «поговоря с митрополитом» и священным собором, решили отменить церковные пошлины по случаю поставления иерархов и священников на должность. В сентябре того же года оба государя утвердили другой приговор священного собора, запрещавший вдовым попам служить в церкви и грозивший лишить чина тех из них, кто держал наложниц.

Согласно традиционной точке зрения, после решения вопроса о вдовых попах собор приступил к обсуждению проектов секуляризации монастырских вотчин. В пользу проекта выступил старец Нил Сорский, речь которого стала своего рода манифестом нестяжательства. Парадокс заключается в том, что ни в летописном отчете о соборе, ни в соборных приговорах нет и намека на секуляризацию. Все же данные о секуляризационных проектах и выступлении Нила заключены в поздних публицистических сочинениях. Объясняя указанный парадокс, ряд исследователей стал рассматривать известия о выступлении старца Нила и других нестяжателей (противников церковного землевладения) в 1503 г. как це-

ликом недостоверные. Эти известия будто бы сконструированы публицистами середины XVI века⁴³.

Слабость изложенной гипотезы заключается в том, что она совершенно не объясняет мотивы подлога и мистификации, в которой участвовал не один, а многие книжники и богословы, трудившиеся в разное время и принадлежавшие к разным направлениям церковной мысли. Любая из сторон поспешила бы изобличить другую, если бы та допустила грубую фальсификацию. Если собор 1503 г. обсуждал проект секуляризации церковных земель, то почему нет ранних свидетельств об этом? Попытаемся объяснить данный парадокс, оставаясь на почве строго доказанных фактов.

В 1499 г. Иван III отстранил от власти главных руководителей Боярской думы и передал Новгород в удел сыну Василию. Сразу вслед за тем в Новгороде была проведена секуляризация церковных земель. Псковский летописец весьма точно уловил последовательность и взаимосвязь происшедших событий: «В лето 7007-го (1499 г. — Р. С.) пожаловал князь великий сына своего, нарек государем Новугороду и Пскову... Генваря поймал князь великой в Новегороде вотчины церковные и роздал детям боярским в поместье, монастырские и церковные, по благословению Симона митрополита»⁴⁴. Современные московские летописцы ни словом не обмолвились о крупнейшей секуляризации, проведенной в 1499 г. у них на глазах. Это наблюдение объясняет, почему московские источники умалчивают о проектах секуляризации на соборе 1503 г. Обсуждение планов секуляризации в 1503 г. ни к чему не привело, не было никакого соборного решения по этому вопросу. По-

пытка распространить новгородский опыт на владения московской церкви вызвала острейший конфликт. Государю не удалось навязать собору свою волю, а потому официальные московские источники избегали говорить о его неудаче. Церковники же, возмущенные преступным посягательством властей на их имущество, заинтересованы были в том, чтобы навсегда предать инцидент забвению. Лишь после смерти Ивана III и его фактического соправителя Василия III запретная ранее тема стала широко обсуждаться публицистами. Их сочинения появились при жизни поколения, знавшего Нила или черпавшего сведения из уст его учеников. Книжникам не приходилось «конструировать» события прошлого и прибегать к мистификации.

Светские власти без колебаний применили насилие в Новгороде. В Москве они пытались склонить духовенство к уступкам методом убеждения. Объявив о намерении отобрать «села» (вотчину) у митрополита и монастырей, Иван III тут же пообещал им хлебное обеспечение («оброки») и денежные платежи («ругу») из казны. Теория и практика заволжских старцев в какой-то мере оправдывала намерения государя. Нил обличал греховность монастырских стяжаний. Будучи вызван Иваном III в Москву, Нил заявил: «Не достоин (недостойно) чернецем (монахам) сел (вотчин) имети». Поздние публицисты — противники нестяжателей — стали изображать дело так, будто Нил советовал государю отбирать земли у монастырей. Но это не так. Речи Нила имели иное значение. Он старался убедить монахов встать на путь спасения и добровольно отказаться от владения селами ради того, чтобы кормиться своим трудом и жить в нищете. Митрополит Симон попал в за-

труднительное положение. За несколько лет до собора он благословил государя на отчуждение земли у новгородского архиепископа, а теперь сам должен был испытать ту же чашу. Большинство собора готово было подчиниться решению монарха. Однако решительный протест со стороны игумена Троице-Сергиева монастыря, любимого ученика митрополита, и других иерархов изменил ситуацию. В беседе с Иваном III Симон Чиж заявил: «Не отдаю сел Пречистой церкви (митрополичьего дома), которыми владели чудотворцы митрополиты московские Петр и Алексей»⁴⁵. Архиепископ Геннадий столь резко возражал государю, что тот прервал его грубой бранью. Вскоре после собора монарх велел арестовать Геннадия и под предлогом его издоимства (взяточничества) лишил сана. Иван III тяжело заболел, так и не успев вернуться к проектам секуляризации. Сопротивление церкви предотвратило новое грандиозное расширение государственной собственности, грозившей раздавить русское общество.

Наряду с цветущими церковными вотчинами большую ценность в глазах властей представлял фонд наследственных княжеских земель, переживавший процесс дробления и упадка. Иван III и Василий III издали «уложения» (закон или практические распоряжения) о том, чтобы вотчинники Твери, Рязани, Оболенска, Белоозера не продавали свои вотчины «иногородним» и «в монастыри без доклада (особого разрешения монарха) не давали». Членам трех крупнейших княжеских домов — Суздальского, Ярославского и Стародубского — запрещалось продавать наследственные вотчины кому бы то ни было «без великого князя ведома». Приобрести княжескую вотчину могли

только прямые наследники умершего князя. Запрет землевладельцам продавать вотчины «без доклада» и ограничение круга покупателей вотчин ставили сделки на землю под контроль монарха. Любое нарушение процедуры «доклада» государю вело к отчуждению вотчины в казну. В центральных уездах государство обошлось без массовых конфискаций боярских вотчин, но вторжение власти в сферу частной (вотчинной) собственности началось. Казна задалась целью утвердить свое исключительное право на наследие удельной старины — богатейшие княжеские и боярские вотчины.

Иван III начал, а Василий III завершил формирование поместной системы в России. Основой системы служила государственная земельная собственность. Насилие как характерная черта московской политической культуры и создание колоссального фонда государственных земель резко усилили самодержавные тенденции монархии.

Псковская республика оказала прямую военную помощь Москве в завоевании Новгорода. Формирование самодержавных порядков неизбежно отнимало почву у традиционных отношений между московским монархом и вечевой республикой. В Пскове давно установилось своего рода двоевластие. Присланный из Москвы князь управлял городом вместе с псковским вече. Такая система управления была чревата частыми недоразумениями и конфликтами. В глазах Василия III процедура «приглашения» князя из Москвы на псковский стол давно превратилась в пустую формальность, и он решил упразднить ее. Московские власти направили в Псков князя И.М.Репню-Оболенского. Псковский летописец с раздражением записал, что боярин Репня водворился в городе без всяко-

го приглашения со стороны Господина Пскова — «не пошлиною во Псков приехал да сел на княжение»⁴⁶. Священники даже не успели встретить его «со кресты» в поле. Не без насмешки псковичи прозвали князя Найденной — найденышем. «Нашли» его псковичи прямо в княжеской резиденции. Репня был «лют до людей» и быстро довел дело до разрыва. Спровоцировав конфликт, Василий III стал готовить завоевание Пскова. Осенью 1509 г. он прибыл в Новгород во главе многочисленного войска. Узнав о государевом походе, псковское вече отправило в Новгород посадников и бояр. Вместе с дарами они вручили великому князю жалобу на Репню. Василий III постарался усыпить бдительность псковичей. Он уверил послов, что будет «отчину свою» Псков «жаловать и беронить». Псковичи не знали за собой никакой вины и легко отказались от подозрений насчет угрозы московского завоевания. Вслед за посадниками и купеческими старостами в Новгород потянулись «черные люди» и прочие жалобщики. Все это отвечало тайным намерениям государя. Поощряя челобитчиков, Василий III объявил: «копитесь вы, жалобные люди, на Крещение Господне, и яз вам всем оуправы подаю». В назначенный срок всем псковичам под страхом казни велели явиться на государев двор. «Лучших людей» пригласили в палаты, «молодых» оставили ждать под окнами. В палате псковичи попали в руки вооруженной стражи. Им объявили без дальних слов: «Поимани, де, естя Богом и великим князем». Прочих псковичей переписали и отдали на руки московским помещикам, владельцам новгородских дворов. Если верить московским летописям, государь вмешался в псковские дела, чтобы защитить народ, «понеже

бо тогда во Пскове быша мятежи и обида и насилие велико черным, мелким людем от посадников псковских и бояр»⁴⁷. Между тем псковское вече, выразившее мнение народа, жаловалось, прежде всего, на насилия московских властей в лице Репни.

Волнения в Пскове начались после незаконного ареста псковских выборных лиц и челобитчиков. Собравшись на вече, народ «начаша думать, ставить ли щит против государя, запиратися ли во граде». Псков обладал мощными укреплениями и мог выдержать длительную осаду. Поскольку выборные власти Пскова находились как заложники в Новгороде, вече разошлось, не приняв никакого решения.

Тем временем Василий III приказал начать переговоры с арестованными псковскими послами. Псковичи имели перед глазами опыт Новгорода, и им нетрудно было представить свое будущее. Но они находились под стражей, и им пришлось подчиниться силе. Московские бояре уведомили посадников, что государь намерен упразднить в Пскове вечевые порядки и ввести наместничье управление. В случае принятия этих требований, власти гарантировали псковским боярам неприкосновенность их имущества. Переговоры с арестованными, видимо, носили неофициальный характер и не получили широкой огласки. Поэтому псковские летописи ничего не сообщают о капитуляции посадников. Отчет о переговорах попал лишь на страницы московской летописи.

Навязав посадникам свою волю, Василий III без промедления отправил в Псков дьяка. Псковское вече собралось в последний раз. Дьяк потребовал снять вечевой колокол, упразднить выборные должности и принять в городе двух наместников.

При этом он ни словом не упомянул о гарантиях, полученных псковскими боярами в Новгороде. Вече выразило полную покорность государю. На рассвете 13 января 1510 г. вечевой колокол был сброшен на землю. Наблюдая эту сцену, псковичи «начаша плакати по своей старине и по своей воли».

Прибыв в Псков, Василий III объявил боярам, кушам и жителям людям, что они должны немедленно покинуть город из-за «многих жалоб» на них со стороны псковичей. Выселению подверглось 300 семей. Конфискованные у псковских бояр вотчины позволили значительно расширить фонд государственной земельной собственности в России. Псковские земли были пущены в поместную раздачу. Псковичи были изгнаны из Среднего города, где было более 1500 дворов. В опустевших дворах поселилась тысяча новгородских помещиков. Цитадель, опоясанная мощной крепостной стеной, превратилась в оплот московского владычества. Цветущий город пережил трудные дни. Многие горожане разбрелись по деревням в поисках пропитания. Прошло немало времени, прежде чем скитальцы возвратились в родные места: «начаша кои отколе копиться во Пскове, как были разошлись».

В отношении Литвы и Орды Василий III вел ту же политику, что и Иван III. Он настойчиво пытался отнять у литовцев русские земли. В 1512 – 1513 гг. московские воеводы дважды безуспешно осаждали Смоленск. В 1514 г. осада Смоленска возобновилась. Походу русской армии на этот раз предшествовали тайные переговоры с русским населением Смоленска и командованием наемных рот, оборонявших крепость. Инициати-

ва переговоров принадлежала литовскому магнату князю М. Глинскому. Он бежал в Москву после неудачного восстания против короля Сигизмунда в 1508 г. С небольшим отрядом Глинский прибыл в окрестности Смоленска в апреле 1514 г. за месяц до подхода главных сил. Тяжелая артиллерия приступила к обстрелу крепости 29 июля, а уже 30 июля город выкинул белый флаг. Смоленский наместник Ю. Сологуб и епископ явились в шатер великого князя для переговоров. Но там их тотчас арестовали и посадили «за сторожи»⁴⁸. Тем временем Глинский закончил переговоры с командирами наемников. Им были предложены почетные условия сдачи. Наконец, к Василию III явился смоленский боярин М. Пивов с делегацией, включавшей смоленских бояр, мещан и черных людей. Заблаговременно 10 июля самодержец утвердил текст жалованной грамоты Смоленску. Депутация Смоленска ознакомилась с грамотой и заявила о переходе в московское подданство. Жалованная грамота 1514 г. закрепила за смоленскими боярами их вотчины и привилегии. Смоленские мещане традиционно платили в литовскую казну налог в сто рублей. Грамота гарантировала отмену этого побора.

30 июля крепость открыла ворота перед московскими воеводами. Жители Смоленска были переписаны и приведены к присяге, жолнеры вознаграждены и отпущены в Польшу. Василий III обязался передать Смоленск в вотчину Глинскому, но не выполнил обещания. Тогда Глинский затеял секретные переговоры с королем и посулил ему вернуть город. По совету Глинского Сигизмунд направил гетмана К. Острожского с главными силами к Орше. Сам Глинский готовился

перейти в королевский лагерь для участия в литовском походе на Смоленск. В битве под Оршей двое знатных московских воевод заместничали и проиграли сражение. Успех Острожского ободрял противников Москвы в Смоленске. Местный епископ уведомил литовцев, что откроет им ворота крепости, как только они предпримут штурм. Однако заговор провалился. Первым был арестован Глинский, которому так и не удалось добраться до Орши. Затем был взят под стражу епископ. Его сообщники — смоленские бояре — были повешены на стенах крепости. Имея 6 тысяч воинов, Острожский не решился на приступ и отступил.

«Смута» в Смоленске привела к тому, что жалованная грамота утратила силу. Всякие упоминания о ней были старательно вычеркнуты из московских документов и летописей. Многие смоленские бояре и шляхтичи, вовсе не причастные к заговору, лишились вотчин и были переселены в замосковные уезды, где получили поместья.

Затяжная война между Россией и Польшей чрезвычайно усилила военные позиции Крыма. После смерти Менгли-Гирея, давнего союзника Ивана III, на троне утвердился Мухаммед-Гирей. Орда стала проводить более активную внешнюю политику. Крымские вторжения причиняли большие опустошения русским и литовским землям. В 1519 г. Крымская орда разгромила армию гетмана К. Острожского. Через год Крым и Польша договорились о совместном военном выступлении против России.

В течение трех лет казанский трон занимал московский вассал Шигалей. Весной 1521 г. местная знать свергла его, передав трон крымским Гиреям. Московский воевода был ограблен и вы-

слан из Казани, многие из его слуг перебиты. Переворот в Казани ускорил события. Мухаммед-Гирей не получил помощи от турок. Но в крымском набеге на Русь принял участие опытный литовский воевода с отрядом.

Летом 1521 г. хан обошел русские полки, собранные на Оке в Серпухове, и прорвался в окрестности Москвы.

Нашествие застигло Василия III врасплох. Поручив оборону Москвы зятю, татарскому царевичу Петру, великий князь бежал в Волоколамск. В пути, как писал австрийский посланник, ему пришлось прятаться в стог сена. Дожидаясь подхода войск из Новгорода и Пскова, великий князь приказал начать переговоры с крымским ханом. Казначей Ю. Д. Траханиотов, находившийся с сокровищницей в столице, отправил крымскому хану богатые поминки. Приняв дары, Мухаммед-Гирей обещал снять осаду и уйти в Орду, «если Василий грамотой обяжется быть вечным данником царя (крымского хана. — Р. С.), какими были его отец и предки»⁴⁹. Крымцы стояли под Москвой две недели, и за это время требуемая грамота была доставлена «царю». Достоверность приведенного известия С. Герберштейна не вызывает сомнений. В русских Разрядных записях отмечено, что при нападении татар на Москву «взял тогда царь крымской на великаго князя грамоту данную, как де великому князю дань и выход давать ему»⁵⁰.

По предположению Г. В. Вернадского, грамоту о подданстве составил не Василий III, а наместник Москвы царевич Петр. Московские государи не скрепляли подписью свои указы и грамоты. Заменой подписи служила государственная печать,

хранителем которой являлся казначей Ю. Траханиотов. Царевич и казначей могли изготовить грамоту в отсутствие государя. Но без ведома и разрешения Василия III, находившегося неподалеку от Москвы, они едва ли решились бы предпринять такой шаг.

Уступчивость Василия III объяснялась тем, что обстановка в Подмосковье все более осложнялась. Воеводы, стоявшие в Серпухове, препирались между собой, вместо того чтобы действовать. Молодой и менее опытный воевода князь Д. Ф. Бельский отказывался слушать советы старших воевод И. М. Воротынского и др. Василий III направил под Москву брата князя Андрея с удельными полками. Но татары помешали русским объединить свои силы. Получив требуемую грамоту от Василия III, Мухаммед-Гирей отошел к Рязани. Во время остановки под Рязанью татары в течение нескольких недель вели торговлю с русскими. Дворяне и состоятельные люди могли выкупить из плена своих близких. Мухаммед-Гирей сообщил рязанскому воеводе о грамоте, выданной ему Василием III, и потребовал, чтобы тот снабдил орду продовольствием за счет запасов, хранящихся в крепости. Воевода попросил предъявить ему государеву грамоту. Как только документ был доставлен в крепость, рязанцы пушечным огнем отогнали татар от стен города. Вслед за тем орда 12 августа 1521 г. ушла в степи.

Василий III признал себя данником Крыма, что означало восстановление власти Орды над Русью. Но новое ордынское иго продержалось несколько недель. Хан Мухаммед-Гирей был убит ногайцами. Его преемник потребовал от Москвы уплаты

«выхода» в сумме примерно 1800 руб. Однако его домогательства были решительно отклонены русскими.

Василий III постарался снять с себя ответственность за поражение и переложить вину на бояр. Он примерно наказал воеводу И. М. Воротынско-го, заключив его в тюрьму.

Одним из самых древних княжеств Северо-Восточной Руси было Рязанское княжество. К середине XV в. оно попало в орбиту московского влияния. Рязанский князь Василий воспитывался при московском дворе и был женат на сестре Ивана III. Его внук, князь Иван Иванович, стремился вернуть независимость своему княжеству. По некоторым сведениям, он пытался найти опору в Крыму. Угроза крымского нападения решила судьбу последнего из великих князей Рязанских. Василий III в 1520 г. заманил двоюродного племянника в Москву и подверг домашнему аресту. Князю вменили в вину сватовство к дочери хана. В дни нападения крымцев Иван Иванович бежал из Москвы в Рязань. Высказывают предположение о его сговоре с татарами. Как бы то ни было, Мухаммед-Гирей, покинув окрестности Москвы, совершил быстрый переход к стенам Рязани. Московские воеводы стойко обороняли Рязань, и князю пришлось направиться в Литву, где и закончилась его жизнь. Рязань была присоединена к владениям московской короны. Объединение великорусских земель завершилось.

Посол Сигизмунд Герберштейн, посетивший двор Василия III, дал уничтожающую оценку русским политическим порядкам. Русский монарх, по утверждению посла, властью далеко превосходит

всех монархов мира: всех своих подданных он одинаково гнетет жестоким рабством, у князей и прочей знати он отобрал все крепости⁵¹.

В отношении удельных князей Василий III проводил ту же политику, что и Иван III. Старший из удельных князей Андрей Большой Углицкий был уморен в тюрьме в 1494 г. Василий III не только не освободил своих двоюродных братьев — детей Андрея Большого, но держал их много лет «скованными» в переяславской тюрьме. Василий III отнял удел и взял под стражу князя Дмитрия Шемячича, владельца Новгород-Северского княжества. Самодержец неоднократно отбирал уделы у Воротынских, Бельских, Глинского.

Следуя традиции, московский государь пополнял свою думу представителями самых аристократических фамилий. Но права удельной и прочей аристократии неуклонно ограничивались. Право отъезда, опиравшееся на многовековую традицию, было окончательно уничтожено не законодательным актом, а практикой государевых опал и крестоцеловальных записей. Князья, заподозренные в намерении покинуть Россию, под клятвой обещали верно служить государю и выставляли многочисленных поручителей.

Определенное влияние на политическую ситуацию в России оказал династический кризис. Василий III искал православную невесту за рубежом. Православные царства на Балканах были уничтожены турецким завоеванием, а брак с иностранкой считался нежелательным. В конце концов, греки из окружения Софьи подсказали княжичу выход, сославшись на примеры из истории византийского императорского дома. Они посоветова-

ли провести перепись невест по всему государству и на смотринах избрать невесту для наследника и соправителя Ивана III. Ходили слухи, что советник Василия Ю. Траханиотов надеялся сосватать ему собственную дочь. Брак с Траханиотовой окончательно бы превратил московскую династию в «греческую», что едва ли прибавило бы ей популярности. Вопрос о браке решался в то время, когда Иван III был разбит параличом, а сторонники Дмитрия-внука не оставляли намерений вернуть ему московскую корону.

Летом 1505 г. писцы «нача избирати княжны и боярыни». Для участия в смотринах в Москву свезли 500 девиц. Василий III остановил свой выбор на Соломонии Сабуровой. Сабуровы были известны Василию, благодаря службе в его новгородском уделе. Отец невесты Ю. К. Сабуров служил наместником Корелы, входившей в состав новгородского удела Василия III. Растеряв наследственные вотчины, целое гнездо Сабуровых перешло на поместья в Новгород. Родня невесты не принадлежала к аристократии, а потому и не могла претендовать на боярский титул. По некоторым сведениям, отец Соломонии носил чин окольного.

Брак оказался неудачным — у супругов не было детей. По праву старшинства трон после смерти бездетного Василия должен был занять удельный князь Юрий. Притязания Юрия вызвали растущее беспокойство в великокняжеской семье. В 1523 г. Василий III впервые стал «думать» с боярами о своем разводе с бесплодной женой.

Развод противоречил московским традициям, и духовенство не скрывало своего неодобрения действиями монарха. Последнему пришлось обратиться за благословением к ученым афонским

монахам. Но монахи высказались против подготовлявшегося развода. Заручившись поддержкой митрополита Даниила, Василий III 23 ноября 1525 г. приказал начать розыск о колдовстве Соломонии. Брат великой княгини дал показания, что та держала у себя ворожею и прыскала заговоренной водой «порты» мужа, очевидно, чтобы вернуть его любовь. Неделю спустя виновную насильно постригли в монашки и отправили в Покровский девичий монастырь в Суздале.

После развода монарх женился на княжне Елене Глинской. По наблюдению А. А. Зимина, второй брак разделил жизнь Василия III на два периода. В период брака с Соломонией, символизировавшего определенную политическую программу, государь опирался на круг старомосковских бояр, «выражавших интересы широких кругов дворянства»⁵². Брак с Глинской принес с собой крутой поворот в политической линии Василия III, приведший к возвышению княжеской аристократии. При всем значении браков в великокняжеской семье их влияние на политическое развитие не следует преувеличивать. Невзирая на княжеский титул, Глинская не принадлежала к кругу правящей аристократии России. Она была сиротой, и ее дядя М. Глинский был осужден на пожизненное заключение за государственную измену. После свадьбы Василия III и Глинской ее дядя еще год находился под арестом и надзором.

Не удастся подтвердить фактами тезис об усилении аристократии в конце жизни Василия III. Московский государь, — писал в своих Записках С. Герберштейн, — не доверяет своей знати и делает исключение лишь для детей боярских, «т.е. знатных лиц с более скромным достатком; таких

лиц, придавленных своей бедностью, он обыкновенно ежегодно принимает к себе и содержит, назначив жалование»⁵³. Широкая раздача поместий помогла преодолеть кризис, вызванный процессом дробления боярщин и обнищанием детей боярских — низшего слоя землевладельцев. Развитие фонда государственных поместных земель оставалось стержнем политики Василия III на протяжении всей его жизни.

Правление Василия III вело к укреплению самодержавных порядков в России. Придворный Иван III И. Беклемишев с осуждением говорил, что Василий III не проявляет уважения к старине, а дела делает не с Боярской думой, а с избранными советниками в личной канцелярии. «Ныне, деи, — говорил Беклемишев, — государь наш, запершыся, сам-третей у постели всякие дела делает». При Иване III Беклемишев сам служил «у постели», иначе говоря, в личной канцелярии государя. Но при Василии III значение названной канцелярии непомерно разрослось. Главными лицами, вершившими дела в канцелярии, были отнюдь не высшие титулованные сановники государства, а худородные в глазах природных князей советники государя наподобие М. Ю. Захарьина и сына боярского И. Ю. Шигоны-Поджогина. Крушение традиционного строя предвещало гибель России. «Которая земля, — говорил политический вольнодумец Беклемишев, — переставливает обычаи свои, и та земля недолго стоит, а здесь у нас старые обычаи князь великий переменил, ино на нас которого добра чаяти?»⁵⁴

В соответствии с традицией Василий III никогда не подписывал свои указы, предоставляя делать это своим дьякам. Но в отличие от других госуда-

рей, он умел писать и при случае посылал жене записки «своей руки». Византиец по матери, Василий III проявлял интерес к западным новшествам и охотно покровительствовал итальянским архитекторам и строителям, западным докторам, богословам-грекам. Но он не сделал никаких усилий к тому, чтобы расширить и упрочить возникшие связи с Италией и другими западными странами. Великий князь не помышлял о европеизации русского общества, а это значит, что дух Возрождения остался чужд ему. В характере и привычках Василия III не было ничего яркого и неординарного. Подобно отцу, он был политиком расчетливым и осторожным и избегал всего, что могло привести к политическим потрясениям. На склоне лет дела стали тяготить монарха, и втайне он помышлял о пострижении. Местом своего упокоения он избрал Кирилло-Белозерский монастырь, чем невольно выдал свое истинное отношение к осифлянам.

В пятьдесят три года Василий III смертельно заболел. Недуг открылся в дни охоты под Волоколамском в 1533 г. По возвращении в Москву больной составил завещание в присутствии брата Андрея и ближних людей М. Ю. Захарьина, И. Ю. Шигоны, бояр князя В. В. Шуйского, М. С. Воронцова, казначея П. И. Головина. С ними государь держал совет о своем великом княжении, о сыне, «понеже сын его млад», и «како строиться царству после его». Приглашенные к постели умирающего считались его душеприказчиками. На них возлагались функции опекунов при младенце-наследнике. В ходе совещания круг опекунов расширился. Василий III «прибави к себе в думу к духовной грамоте» трех лиц. По поводу одного из них государю пришлось давать объяс-

нения: «князя Михаила Львовича Глинского прибавил, — сказал Василий, — потому, поговора с бояры, что ему в родстве по жене его». Глинский обладал неукротимым характером. Его авантюрные похождения известны были всей Европе. Ближние бояре несли ответственность за его осуждение и длительное тюремное заключение в Москве. Назначение Глинского встревожило опекунов, и, видимо, по их рекомендации в опекунский совет были «прибавлены» М. В. Тучков-Морозов (племянник М. Ю. Захарьина) и И. В. Шуйский (брат В. В. Шуйского). Самодержавный режим не успел окрепнуть, и монарха терзали дурные предчувствия. Он страшился, что бояре, не забывшие его опал и тюремных «сидений», не пощадят его наследника и вдову. Завершив составление духовной, больной созвал Боярскую думу и подробно объяснил мотивы включения в число душеприказчиков Глинского. Он, как заявил государь, «человек к нам приезжей и вы бо того не молвили... держите его за здешнего уроженца, занеже он мне прямой слуга». Глинский нес ответственность за личную безопасность великокняжеской семьи. «А ты бы, князь Михайло Глинской, за моего сына великого князя Ивана и за мою великую княгиню Елену... кровь свою пролиал и тело свое на раздробление дал», — так закончил речь к думе Василий III.

Последние часы жизни показали, что Василию III так и не удалось стать неограниченным монархом. Смертельно заболев, государь стал втайне от думы готовиться к постригу. Свое намерение он открыл любимцу Шигоне-Поджогину. Такое решение таило в себе громадный политический риск. В случае выздоровления монарх не мог вер-

нуться на трон как расстрига. Когда Василий III объявил свою последнюю волю думе, его брат, князь Андрей Старицкий, боярин Воронцов и Шигона заявили о своем несогласии. Не добившись послушания от душеприказчиков, больной обратился к митрополиту Даниилу с мольбой: «Аще ли (бояре. — Р. С.) не дадут мене постричи, но на мертвого меня положи платие чернеческое, бе бо издавна желание мое»⁵⁵. Митрополит пытался исполнить желание государя, но князь Андрей и Воронцов отгеснили его от ложа. Благочестивое намерение монарха поддержал один лишь М. Ю. Захарьин, в роду которого царил дух религиозного фанатизма.

Недруги обвиняли Василия III в том, что он отстранил от власти Боярскую думу и решает дела государства «сам-третей у постели». Создавая опекунский совет, монарх рассчитывал сохранить такой порядок. В ночь на 4 февраля 1533 г. государь скончался.

Москва отвергла решения Флорентийского собора об объединении восточной и западной церкви под главенством папы Римского. Падение Византии еще больше ограничило влияние византийской культуры на Русь. Лишившись византийских учителей, русское общество, в лице образованного духовенства, стало проявлять интерес к западной латинской мудрости.

Новгородский архиепископ Геннадий был едва ли не первым из москвитов, проявивших настойчивый интерес к книгопечатанию. По его заданию Ю. Траханиот в 1492—1493 гг. пригласил в Новгород любекского печатника Б. Готана. Благодаря пос-

редничеству греков, Готан был принят на службу к архиепископу, а привезенные им книги — Библия и Псалтырь — поступили в распоряжение софийских книжников. Русь могла воспринять крупнейшее достижение западной цивилизации — книгопечатание, но Готану не удалось осуществить свой проект. По сведениям поздней Любекской хроники, русские власти поначалу осыпали печатника милостями, но позднее отобрали все имущество, а самого утопили в реке. Известие о казни Готана не поддается проверке.

С именем Геннадия связывают появление «западничества» на Руси⁵⁶. Такое определение не вполне точно. «Западничество» как явление общественной мысли возникло много позже. Интерес владыки к Западу носил вполне утилитарный характер. Он не побоялся принять на службу образованных книжников с Запада, чтобы осуществить с их помощью ряд важных переводов.

При Софийском доме издавна существовала богатейшая на Руси библиотека и книжная мастерская со штатом книжников, переводчиков и писцов. Среди Софийских книжников выделялись двое братьев — архидьякон Софийского собора Герасим Поповка и Дмитрий Герасимов. Будущий знаменитый дипломат Митя Герасимов родился, по всей видимости, в Новгороде и получил образование в одной из школ Ливонии, благодаря чему овладел немецким и латинским языками. В ранней молодости он перевел на русский язык латинскую грамматику Доната, что показывало уровень его образованности. Герасимов начал карьеру как переписчик владычной мастерской, которую возглавлял его брат, архидьякон Герасим Поповка. В 1499 г. в мастерской была перебелена так называ-

емая Геннадиевская библия — полный свод библейских книг в переводе на славянский язык. Никаких данных о том, что инициатором этого предприятия выступил Иван III или московский митрополит, нет. На первом листе Библии имеется запись о том, что рукопись изготовлена в Новгороде Великом на архиепископском дворе «повелением архидиакона инока Герасима Поповки», дьяками Василием Иерусалимским, Гридей Исповедничким и Клементом Архангельским. Библия была едва ли не самой значительной русской книгой XV в. и включала не только давно известные, но и впервые выполненные переводы библейских книг.

Начав работу над Библией, Геннадий пригласил на службу в Софийский дом Вениамина, доминиканского монаха из Хорватии. «Презвитер, паче же мних обители святого Доминика, именем Вениамин, родом словенин, а верою латынянин» был, по его собственным словам, знатоком латинского языка и «фряжска». Вениамину принадлежала ведущая роль в составлении новгородского Библейского свода. Примечательно, что доминиканец целиком ориентировался на латинские рукописи, часть из которых он привез с собой. Следствием явился заметный сдвиг славянской Библии с греческого русла в латинское (Евсеев И. Е.)⁵⁷. По наблюдению Г. Флоровского, составители библейского свода «ни к греческим рукописям, ни даже к греческим изданиям в Новгороде не обращались», но использовали Вульгату в латинском оригинале и чешском переводе⁵⁸. Наиболее образованные книжники Вениамин и Митя Герасимов при составлении комментария к библейским текстам широко использовали немецкий энциклопедичес-

кий словарь Рейхлина, выдержавший в Европе до 1504 г. 25 изданий.

В Новгороде культурно-религиозное влияние Запада сказывалось ощутимее, чем в Москве, и тут раньше обнаружился контраст между новой теологией Запада и традиционным богословием, некогда составлявшим основу христианского учения. Западное богословие заново открыло для себя античную философию, что послужило толчком для разработки концепций теологии на новых основах. Восточная греческая церковь предпочитала схоластике мистические искания. На Руси наибольшую восприимчивость к новым идеям проявляли образованные новгородцы. В своих богословских исканиях они шли значительно дальше, чем могли позволить себе московские ортодоксы. На этой почве и возникло одно из интереснейших явлений русской общественной мысли — новгородское «вольнодумство», объявленное ересью. Начало конфликту между «еретиками» и ортодоксами положили не столько богословские споры, сколько практика церкви. В Москве процветала продажа церковных должностей. Про архиепископа Геннадия говорили, будто он затратил на приобретение должности две тысячи рублей — неслыханно большую сумму денег. Игумен псковского Немцова монастыря Захар, будучи противником симонии, не желал подчиняться авторитету архиепископа, к чьей епархии принадлежал его монастырь. В качестве республики Псков сохранял политическую независимость от Новгорода, и это позволило Захару открыто выступить с обвинениями против Геннадия. В течение трех лет игумен рассыла повсюду грамоты, в которых называл Геннадия еретиком. В свою очередь, архиепископ закле-

мил как еретиков Захара и двух новгородских священников — Алексея и Денисия. Эти священники были взяты Иваном III в Москву и сделали блистательную карьеру при его дворе. Алексей стал протопопом главного храма — Успенского собора, а Денисий — священником кремлевского Архангельского собора, усыпальницы московских государей. Затеяв борьбу с еретиками, Геннадий вскоре же обнаружил, что вольнодумство и ересь успели проникнуть в столицу православной Руси. Среди московских вольнодумцев самой заметной фигурой был дьяк Федор Курицын, близкий ко двору Ивана III. Ему и другим «еретикам» открыто покровительствовала мать наследника трона Дмитрия-внука Елена Волошанка. Федор Курицын критиковал монашество и развивал мысль о свободе воли («самовластии души») человека, которому образование и знание дают свободу, ибо он узнает, где добродетель, где порок, где пьянство, где невежество.

Русское вольнодумство и ереси конца XV — начала XVI в. получили неодинаковую оценку в литературе. В советской историографии их трактуют как реформационно-гуманистическое движение, направленное против феодальной церкви. В ереси видят «одну из форм классового протеста социальных низов против феодального гнета», ее распространение связывают с резким обострением классовой борьбы (А. А. Зимин, Я. С. Лурье)⁵⁹. Следует заметить однако, что никаких следов классовой борьбы в указанный период обнаружить не удается.

Как и на Западе, борьба с еретиками развернулась в XV в. на фоне ожидания близкого, неотвратимого конца света. Экзальтация, порожденная этими ожиданиями, была полна мрачными

предчувствиями и страхом. Крайняя жестокость, которую проявил Геннадий по отношению к еретикам, объяснялась как его личными качествами, так и тем умонастроением и эмоциональным состоянием, которые распространились тогда по всей Европе.

Несколько лет Геннадий спорил со священником Алексеем и другими новгородскими вольнодумцами по поводу надвигающегося Страшного суда. «Еретики» опровергали ортодоксов, ссылаясь на расчеты еврейского ученого астролога Эмануила бар Якова. Архиепископу пришлось самому обратиться к сочинению бар Якова, и он немедленно обнаружил там иудейскую ересь. Среди вольнодумцев одни резко отзывались о церковных беспорядках и симонии, другие пытались истолковать догмат Троицы и выражали сомнение в божественной природе Христа, что ортодоксы воспринимали как хулу на Богочеловека и Богородицу. За два года до грядущего светопреставления Геннадий обвинил всех вольнодумцев без разбора в «жидовстве» — принадлежности к тайной секте иудеев и потребовал для них смертной казни. Геннадий не раз обращался с письмами к главе церкви и своим единомышленникам в Москве, но верховный священнослужитель не спешил с розыском. После смерти Геронтия церковь возглавил Зосима, терпимо относившийся к московским еретикам. Избрание Зосимы сняло вопрос о суде над ближним дьяком Ивана III Федором Курицыным и другими московскими еретиками. Однако новгородские еретики были осуждены церковным судом. Их обвинили в жидовстве. Главным обвиняемым на московском процессе стал игумен Захар, не имевший никакого отношения к иудаизму.

Судилище над мифической сектой тайных иудеев завершилось тем, что новгородских еретиков вернули в Новгород и выдали Геннадию. По приказу владыки палачи сожгли на голове осужденных шутовские колпаки из бересты. Другие «еретики» были замучены в тюрьме.

Иван III спас Федора Курицына не потому, что разделял его взгляды. Суд над московскими «еретиками» грозил скомпрометировать двор наследника престола Дмитрия-внука, мать которого слыла еретичкой. Иван III был изоциренным политиком и, подобно Маккиавелли, оправдывал любые средства для достижения цели. Дмитрий был единственным законным наследником престола, утвержденным на троне обрядом венчания и признанным Боярской думой и народом. Тем не менее Иван III, в конце концов, решил низложить Дмитрия. Чтобы оправдать это незаконное решение, он призвал на помощь церковных ортодоксов и объявил Елену Волошанку еретичкой. Сын еретички не мог наследовать православный трон. Софья и ее сын Василий III добились цели, подав руку крайним ортодоксам.

В 1504 г. в Москве был созван священный собор, осудивший вольнодумцев на смерть. В Москве запылали костры. Сожжению подверглись брат Федора Курицына дьяк Иван Волк Курицын и несколько других лиц. В Новгороде были сожжены архимандрит Юрьева монастыря Касьян с братом, помещик Н. Рукавов и другие.

Одним из главных центров духовности на Руси был Кирилло-Белозерский монастырь. Обитель поддерживала давние связи с Византией. В ее стенах собирались известные книжники. При Иване III большую славу приобрел кирилловский старец

Паисий Ярославов, прославившийся своим подвижничеством. Решив низложить Геронтия, государь просил Паисия принять сан митрополита, но тот отказался от такой чести. Учеником Паисия был Нил Сорский. Нил, в миру Николай, происходил из дьяческой семьи Майковых, близкой ко двору Ивана III. Дьяки — великокняжеские чиновники, будущая бюрократия — принадлежали к самой образованной части русского общества. После пострижения Нил совершил путешествие на Афон в Грецию и, может быть, в Палестину. Там он близко познакомился с идеями исихазма. Благодаря трудам Григория Паламы, идеи исихазма приобрели исключительное значение в византийском религиозном сознании в XIV в. Не внешняя мудрость, учили исихасты, а внутреннее самоуглубление открывает путь к истине. Погружение в себя дает состояние покоя (исихия), «фаворского света», то есть общения с Богом. На Руси идеи Паламы стали известны сравнительно рано. Но в то время почвы для восприятия его мистических теорий тут еще не было. Исихазм стал достоянием русской религиозной мысли благодаря Нилу Сорскому. Нил не касался темы «фаворского света» и не цитировал Григория Паламу. Он не был паламитом, и его исихазм невозможно полностью отождествить с какой-то одной из византийских школ. «Исихия» Нила восходит к опыту древних византийских монахов-отшельников и к идеям продолжателя их дела Григория Синаита. В центре монашеской жизни, по Нилу, стоит молитва, как средство борьбы с искушениями и греховными помыслами, тщеславием и гордыней. Ответом на соблазны является «умное делание», «сокрушение», «слезный дар». «Глубочайшее чувство собственной

греховности, проникающее всего человека, одно может признавать милость Божию, которая и дарит исихию — в этом суть учения Нила» (Ф. Лиенфельд). По возвращении с Афона Нил основал скит на реке Сорке (отсюда прозвище Сорский) в окрестностях Кирилло-Белозерского монастыря. На Руси давно были известны пустыни-скиты, но лишь Нил дал им теологическое обоснование. Сочинения Сорского, на первый взгляд, кажутся причудливой мозаикой, сотканной из цитат. Но ближайшее рассмотрение показывает, что это — «говорение своего чужими словами», когда эти слова воплощают пережитое и воплощенное в личном аскетическом опыте. Примечателен Устав Нила Сорского — поучение в монашеской жизни, «итог его пути покаяния». Нищета, в глазах пустытника, была верным путем для достижения идеала духовной жизни. «Очисти келью твою, — учил старец, — и скудость вещей научит тя (тебя) воздержанию. Возлюби нищету, и нестяжание, и смирение». Монахам надлежит жить в нищете и кормиться плодами своих трудов. «Телесное» служит приготовлением к погружению в духовную жизнь. «Телесное» подобно листьям, тогда как духовная жизнь — плоды дерева. Без «умного делания» телесное — лишь «сухие сосцы». Завещание Нила проникнуто духом самоотречения и смирения: «Повергните тело мое в пустыне, — наказывал старец ученикам, — да изъядят его зверие и птица, понеже согрешило есть к Богу много и недостойно погребения»⁶⁰.

Современником Ивана III был другой подвижник русской церкви Иосиф Санин. Иосиф происходил из мелких дворян Волоколамска. В молодости он принял пострижение от старца Пафнутия в

Боровском монастыре и стал его преемником. Пафнутьев монастырь был семейной обителью Ивана III. Санина ждала блестящая карьера. Но он покинул Боровск и в 1479 г. уехал в родной Волоколамск, столицу удельного князя Бориса Васильевича. Там он основал Волоколамский монастырь. Подобно Нилу, Иосиф отвергал стяжательство (накопление богатств) как средство личного обогащения. Но он решительно отстаивал богатства монастырской общины, видя в этих богатствах средство милосердия и благотворительности. В Волоколамском монастыре с наибольшей полнотой были осуществлены принципы общинножителства иноков (принципы киновия, коммун). Санин обладал приятной внешностью и звучным голосом, был равнодушен к удобствам жизни и довольствовался заплатанной рясой. Он проявлял редкую заботливость о своих сподвижниках и учениках, зато его непримиримость и жестокость к идейным противникам не знала границ. Много энергии Иосиф тратил на то, чтобы приобрести земли для своего монастыря и скопить денежные богатства. Обители надлежало принимать «села» (вотчины) у богатых, чтобы благотворить нищим. Это правило было для Иосифа руководством к действию. При частых неурожаях Иосифо-Волоколамский монастырь раздавал хлеб тысячам обедневших крестьян и нищих, спасая их от голодной смерти. «Киновий» Иосифо-Волоколамского монастыря был большим достижением для своего времени. Обитель отражала особенности личности своего основателя. Усилия монастырских старцев были направлены на поддержание внешнего благочестия и безусловного послушания. Иноки находились под неусыпным наблюдением игумена и

старательно следили друг за другом; «монастырская дисциплина смиряла энергию характера, сглаживала личные особенности, приучала к гибкости и податливости и вырабатывала людей, готовых поддерживать и распространять идеи основателя монастыря»⁶¹ (П. Н. Милуков). Ученики Иосифа устроили и довели до крайних пределов такую черту своего учителя, как начетничество. «Всем страстям матери — мнение; мнение (самостоятельная мысль) — второе падение (грехопадение)»⁶², — так сформулировал свое кредо один из учеников Санина. Отсутствующую мысль — «мнение» — осифляне компенсировали цитатами, которые всегда имели «на кончике языка». Суть христианства начетчики видели не в познании и размышлении, а в устройстве жизни в соответствии с догматически истолкованными священными текстами.

Иосиф Санин стал главным гонителем еретиков после низложения архиепископа Геннадия в 1504 г. Санин посвятил защите православной догмы от ереси основное сочинение своей жизни, названное впоследствии «Просвятитель». В своем трактате Санин доказывал, будто ересь была завезена в Новгород из Литвы евреем Схарией, от которого иудаизм восприняли сначала новгородцы, а от них москвичи. Еретики якобы не признавали святую Троицу, отвергали божество Христа, не почитали Богородицу, не поклонялись кресту и иконам, чтили субботу вместо воскресенья.

В конце жизни Иосиф Санин покинул своих покровителей — удельных князей — и вместе с монастырем перешел под власть великого князя Василия III. Отдав все силы борьбе с ересью, Иосиф пришел к мысли о том, что только власть, организованная по типу византийской императорской

власти, может сохранить в чистоте православную веру. Византийская традиция постоянно питала русскую религиозную мысль. Сохранилось послание Иосифа к великому князю, сотканное почти целиком из цитат, заимствованных у византийского писателя VI века Агапита. Главная идея послания заключалась в тезисе о божественном происхождении царской власти: «царь убо (ибо) естеством (телом) подобен есть всем человеком, а властиво же подобен есть вышним (всевышнему) Богу»⁶³. Царь подобен солнцу и должен хранить подданных от ереси.

Идеи Иосифа Волоцкого, сформулированные им в конце жизни, оказали существенное влияние на порядки и политическую культуру Московского государства. В Древней Руси князя могли называть «царем», если он исполнял по отношению к русской митрополии те же функции, что и византийский император по отношению ко вселенской церкви (В. Водов). Идея Иосифа Волоцкого устраняла последние препятствия на пути превращения московского великого князя в наследника византийских императоров — носителя истинно христианского православного самодержавия.

Осифляне в XVI в. заняли влиятельное положение в руководстве русской церкви. Их противниками выступили так называемые нестяжатели. Признанным вождем нестяжателей был Вассиан Патрикеев. Ученик Нила Вассиан — в миру князь Василий Косой Патрикеев — сделал блестящую карьеру при дворе своего дяди Ивана III. В 30 лет он пережил опалу и был насильственно пострижен в Кирилло-Белозерском монастыре. Князь-инок преуспел в изучении Священного

Писания. Но, надев рясу, он продолжал смотреть на мир глазами опытного политика.

Вызванный в Москву в 1509 г. Вассиан стал со временем одним из самых влиятельных лиц при великокняжеском дворе. Писец Михаил Медоварцев так характеризовал значение князя-инок: он «великий временной человек, у великого князя ближней»⁶⁵. Пользуясь покровительством монарха и поддержкой главы церкви, Вассиан выступил с резкими нападками на Иосифа Волоцкого. Иосифо-Волоколамский монастырь порвал с удельным государем и перешел под покровительство Василия III. Но это не изменило отношения государя к Санину. В 1512 г. Иосиф жаловался великокняжескому дворецкому, что подвергается «хуле и злословию» Вассиана, но не может оправдаться из-за запрещения государя. В заключение игумен смиренно просил боярина, чтобы тот «печаловался» за него Василию III.

Прения между Вассианом и Иосифом привели к возобновлению споров о монастырских селах. Сочиненная в более позднее время повесть «Прение Иосифа» излагает следующий диалог двух известных церковных деятелей. Санин якобы упрекнул Вассиана за то, что тот учит государя у монастырей и церквей «села» отнимать. Вассиан отвечал ему словами: «Сие, Иосифе, на мя не лжеши, что аз великому князю у манастырей села велю отымати и у мирских церквей»⁶⁶.

«Прения» явились памятником публицистики. Тенденциозность этого сочинения сказалась не в фабрикации сведений о выступлении Вассиана против монастырского землевладения, а в освещении характера этого выступления. Нестяжате-

ли никогда не «велели» государю отбирать церковные земли в казну. Тем, кто удалился от мира и дал монашеский обет, доказывал Нил, «не достоин сел имети». Вассиан Патрикеев следовал заветам учителя. Самая характерная черта русского нестяжательства заключалась в неприятии насилия как средства исправления монашества. Секуляризация могла стать спасительной мерой лишь тогда, когда монахи сами пришли бы к осознанию ее необходимости.

Русская церковь сохранила тесные связи с православными греческими монастырями на Афоне. При Василии III московские книжники вели работу по исправлению и переводу богослужебных книг. В помощь им с Афона прибыл образованный богослов Максим (Михаил) Грек, приглашенный в Москву великим князем. Максим происходил из знатного византийского рода Триволис. В 1492 г. он отправился учиться в Италию и провел там десять лет. Во Флоренции он познакомился с выдающимся философом Марсилино Фичино, был свидетелем падения тирании Медичи и торжества Саванаролы. После гибели его Максим уехал для завершения образования в Венецию. В Италии он принял католичество, по возвращении на Афон вернулся в православие. В лице Максима образованная Россия впервые столкнулась с ученым-энциклопедистом, получившим глубокие и многосторонние познания в итальянских университетах. Принципы филологической науки Возрождения, которыми руководствовался Максим в своих переводах, были самыми передовыми для своего времени.

Будучи в России, Максим написал множество оригинальных сочинений. Его толкования церков-

ных писателей древности стали одним из немногих источников, откуда русские люди могли черпать разнообразные сведения, включая античную мифологию.

Максим Грек не дал втянуть себя в распри, терзавшие русскую церковь. Это позволило ему многие годы заниматься переводом церковных сочинений и исправлять старые русские книги.

В начале XVI в. сторонники церковной унии не прекращали своей деятельности в Москве. Одним из них был медик Никола Булев, приглашенный греками из Рима. По свидетельству монахов Иосифо-Волоколамского монастыря, Булев написал письмо брату Иосифа Волоцкого Вассиану. В письме он отстаивал идею единства веры и «приводил» истинное русское православие «к соединению латынскому»⁶⁷. Рассчитывая на поддержку греков, лейб-медик просил Максима Грека изложить историю разделения христианской церкви, чтобы вразумить русских. Философ был самого высокого мнения об удивительной мудрости Булева, однако резко осуждал его приверженность католицизму.

Большим влиянием при московском дворе пользовался Дмитрий Малый Траханиот. Его сын Юрий Малого Траханиотов сделал в Москве блестящую карьеру. В качестве казначея он возглавил великокняжескую Казну — одно из главных правительственных ведомств. Кроме того, грек стал печатником или хранителем государственной печати. Австрийский посол называл его главным советником Василия III, «мужем выдающейся учености и многосторонней опытности»⁶⁸. Ю. Траханиотов унаследовал от отца его симпатии к унии. Посол прусского ордена Д. Шонберг вел длитель-

ные беседы с казначеем о соединении церквей. Из этих бесед посол вынес впечатление, что русские согласны на унию с католической церковью. О своих впечатлениях Шонберг немедленно сообщил в Рим. Имперский посол Франческо да Колло тогда же беседовал с Н. Булевым и также заключил, что Москва готова принять унию.

Папа Римский в 1519 г. передал Василию III предложение принять титул царя и присоединиться со всей землей к церковной унии. Московский великий князь отклонил предложение.

Василий III сознательно старался создать на Западе представление, будто Россия готова вступить в антигусскую лигу. Одновременно он деятельно хлопотал о мире и союзе с Портой. Главная цель его дипломатической игры состояла в том, чтобы использовать союз с Империей для войны с Польшей. Но в окружении великого князя были люди, искренне желавшие сближения с католическим Западом. К их числу принадлежали греки.

Московские иерархи прощали грекам их симпатии к идее объединения христианского мира, пока видели в католиках союзников в деле искоренения иудаизма в Европе. После расправы с еретиками положение изменилось. В правление Василия III все больше сокращались культурные связи с Италией, падал интерес к достижениям западного мира.

Положение греков в Москве отличалось некоторой двусмысленностью. По традиции московские книжники продолжали видеть в них своих учителей. Одновременно сторонники национальной церкви отказывались подчиняться авторитету константинопольского патриарха.

Мысль о превосходстве русского православия

над греческим обрела после падения Византийской империи многих сторонников в России. Между 1514 и 1521 г. монах псковского Елиазарова монастыря Филофей обратился к Василию III с важным посланием. Следуя тезису о богоустановленном единстве всего христианского мира, Филофей доказывал, что первым мировым центром был Рим старый, за ним Рим новый — Константинополь, а в последнее время на их месте стал третий Рим — Москва. «Два Рима падоша (пали), — утверждал Филофей, — а третий стоит, а четвертого не бывать». В основе концепции Филофея лежало представление о некоем «Ромейском царстве нерушимом», сложившемся в эпоху Августа, к которой относились деяния и земная жизнь Христа. «Великий Рим» сохранил свое физическое бытие, но потерял духовную сущность, будучи пленен католичеством. Оплотом православия стало греческое царство, но оно попало под власть «неверных». Крушение двух царств расчистило место для Московского православного царства.

В послании государеву дьяку Мисюрю Мунехину Филофей уточнил свою идею следующим образом: греческое царство «разорися» из-за того, что греки «предаша православную греческую веру в латинство»⁶⁹. Русскому двору imponировали рассуждения об исключительной исторической миссии Москвы. Но не удается обнаружить доказательств того, что теории Филофея приобрели характер московской официальной доктрины. Василий III был по матери греком и гордился своим родством с византийской императорской династией. Греки, близкие к великокняжескому двору, нападки на византийскую церковь встретили с понятным возмущением. Мать Василия III воспиты-

валась в Италии. Сам Василий, не чуждый духа греко-итальянской культуры, покровительствовал Максиму Греку и поощрял его деятельность по исправлению русских книг. Сомнения в ортодоксальности греческой веры ставили его в щекотливое положение.

По наблюдению П. Паскаля и В. Водова, в «русском христианстве» версия христианских идей и текстов приобрела ярко выраженный национальный характер⁷⁰. За 500 лет существования русская церковная культура неизбежно должна была приобрести некоторые самобытные черты. Не менее существенно и другое обстоятельство. Русь приняла христианство, когда византийская церковь следовала Студийскому уставу, ставшему основой русского. Однако в XII—XIII вв. в Византии преобладание получил Иерусалимский устав. Московские митрополиты из греков Фотий и Киприан затеяли реформу с целью введения этого устава на Руси, но не довели дело до конца. Разрыв с Константинополем после Флорентийской унии увековечил древневизантийские черты в русской церковной культуре. Помимо всего прочего, старые славянские переводы греческих книг содержали множество ошибок и искажений. Таким ученым богословам, как Максим Грек, вооруженным методом филологической критики, нетрудно было обнаружить эти ошибки.

Среди московских образованных монахов деятельность Максима поначалу вызывала сочувствие, тем более что греку покровительствовал сам великий князь. Однако в 1522 г. Максим Грек подверг критике процедуру избрания московского митрополита Даниила, что изменило отношение к нему властей. После отказа подписать Флорентий-

скую унию, русские митрополиты перестали ездить «на поставление» в Константинополь. Максим не мог смириться с вопиющим нарушением прав главы вселенской православной церкви. Волоколамский игумен Даниил был избран на Московскую митрополию без благословения патриарха, а следовательно, в нарушение закона. Максим Грек доказывал ошибочность решения московского собора не принимать назначения на митрополию «от цареградского патриарха, аки во области безбожных турок поганого царя». Ученый инок опровергал идею о «поругании» греческого православия под властью турок и отстаивал мысль о неоскверняемой чистоте греческой церкви. Максим Философ без обиняков говорил, что считает избрание Даниила «безчинным».

Ученые греки пытались вернуть русскую церковь в лоно греческой. Ортодоксы увидели в их домогательствах покушение на независимость московской церкви. Споры о «чистоте» и «изрушении» греческой веры побуждали ученых греков все резче отзываться о «заблуждениях» москвитов и ошибках в их богослужебных книгах. В свою очередь, московские монахи, отстаивая ортодоксальность старых русских книг и обрядов, стали обвинять греков в ереси.

Василий III понимал, сколь важна для него поддержка московской ортодоксальной церкви, и, когда жизнь поставила его перед выбором — прослыть сторонником греческой «прелести» или главой истинного православного царства, он недолго колебался. Некто Марк Грек подвизался в Москве как лекарь и купец. Русские дипломаты хлопотали в Константинополе о том, чтобы султан разрешил его жене выехать на Русь. Несколько позже Кон-

стантинополь пытался вызволить самого Марка из России. Марк вел доверительные беседы с государем, из чего следует, что он был одним из придворных лекарей. По словам С. Герберштейна, Марк Грек первым осмелился высказать Василию III резкие замечания по поводу тяжких заблуждений русского православия. За это он был тотчас взят под стражу и бесследно исчез. Ю. Траханиотов также пытался отстаивать красоту греческой веры и вместе с тем вызволить Марка из беды. За это его отрешили от всех должностей. Впрочем, своего любимца монарх наказал лишь для вида. Очень скоро его вернули ко двору и, ввиду его болезни, позволили носить на носилках «наверх», в комнаты государя.

Греки объявили незаконным избрание Даниила на патриарший престол без санкции константинопольского патриарха. За это они понесли наказание. Даниил, прежде всего, постарался избавиться от Максима Философа. Осифляне дознались о сомнительном прошлом Грека, принявшего католичество во время учения в Италии. Среди ревнителей московской старины возникли подозрения, что Максим портит старые русские богослужебные книги. Ортодоксы были убеждены в святости и неизменности каждой буквы и строки этих книг. Едва ли не самый знаменитый каллиграф своего времени Михаил Медоварцев живо передал чувство потрясения, которое он испытал при исправлении церковных текстов по указанию Максима: «Загладил (стер. — Р. С.) две строки, и вперед глядети посумнелся есми... не могу... заглажывати, дрожь мя великая поимала и ужас на меня напал».

Иосиф Санин чтит дух и букву писания. Его

ученики далеко превзошли своего учителя в начетничестве. Митрополит Даниил с крайним неодобрением относился к деятельности чужеземца-переводчика. Во время судебного разбирательства Максим признался: «...говорил, что здесь на Руси (священные. — Р. С.) книги не прямы, а иные книги перевотъчики перепортили, не умели их переводить, а иные книги писцы перепортили, ино их надобно переводити»⁷¹.

Осифляне постарались любой ценой скомпрометировать Грека в глазах монарха. На суде трое свидетелей показали, будто Философ занимался колдовством: «Волшебными хитростями еллинскими писал еси водками на дланех», и, когда государь гневался на инока, «он учнет великому князю против того что отвечатьи, а против великого князя длани своя поставляет, и князь великий гнев на него часа того утолит и учнет смеяться».

Максим Грек обладал острым умом, обширными богословскими познаниями и в совершенстве владел приемами риторики. Неизвестно, чем бы закончился суд, если бы судьбы допустили свободный диспут. Стараниями Даниила прения на соборе свелись к мелочным придиркам в духе Иосифа Волоцкого. Исправляя по приказу Василия III Цветную триодь, Максим Грек внес в службу о Вознесении исправление. Вместо «Христос възде на небеса и седе одесную отца» он написал: «седев одесную отца». Ортодоксы учили, что Христос сидит вечно «одесную отца». Из исправленного текста следовало, что «седение» было мимолетным состоянием в прошлом — «яко седение Христова одесную отца мимолетное и минувшее». На допросах Максим защищал свое исправление, отри-

чая «разньство» в текстах. Но позднее он признал ошибочность своего написания и объяснил дело недостаточным знанием русского языка.

Чтобы утвердить незыблемость московской веры, митрополит Даниил в 1531 г. добился суда над Вассианом Патрикеевым и повторного розыска о провинностях Максима Грека. Писец показал на суде, что Грек делал исправления с одобрения князя-инока. «Ты слушай меня да Максима Грека, — говорил Вассиан Патрикеев чудовскому переписчику, — и как тебе велит писати и заглаживати Максим Грек, так учини. А здешние книги все лживые, и правила здешние кривила, а не правила»⁷². После того как переводы Максима Грека поставили под сомнение святость старых книг, вопрос об отношении к русским святым приобрел исключительно острый характер. На суде Даниил, обращаясь к Вассиану, заявил: «А чудотворцев (русских. — Р. С.) называеши смутотворцами», потому что они «у монастырей села имеют и люди»⁷³. И обвинитель, и обвиняемые не забыли старых споров о церковных «стяжениях». Но теперь оба затронули эту тему как бы вскользь. Не касаясь подробностей дела, Вассиан отвечал своему обвинителю: «Яз писал о селах — во Евангелии писано: не велено сел монастырем держати». Митрополит сослался на тексты из Кормчей и старых святых. На это Патрикеев отвечал: «Те держали села, а пристрастия к ним не имели». Когда же Даниил указал на пример новых чудотворцев, Вассиан ответил: «Яз того не ведаю, чудотворци ли то были». Судьи пытались использовать сочинения и толкования Вассиана для обвинения его в ереси. Князь-инок мужественно защищался, пуская в ход иронию и блестящее знание богослов-

ских сочинений. Вассиан не скрыл от собора своих сомнений по поводу догмата о двойной природе Христа, что имело для опального самые неблагоприятные последствия. Митрополит Даниил с гневом обрушился на еретические «мудрствования» Вассиана о том, что «плоть Господня до воскресения нетьленна». Вместо покаяния собор услышал твердые слова: «Яз, господине, как дотоле говорил, так и ныне говорю»⁷⁴. Зловещую роль на процессе Патрикеева и Максима Грека сыграл любимец Василия III — М. Ю. Захарьин. На суде он утверждал, будто в Италии Максим и двести других лиц выучились у некоего учителя «любомудрию философскому и всякой премудрости литовстей и витерстей, да уклонились и отступили в жидовский закон и учение»; папа Римский велел их сжечь, но Максим спасся, сбежав на Афон⁷⁵. Если бы Захарьину удалось доказать свои обвинения, еретика можно было послать на костер. Но Максиму Греку принадлежало несколько обличительных посланий против иудаизма, и выступление ближнего боярина не достигло цели. Ввиду очевидной абсурдности подозрений насчет «жидовства», митрополит Даниил не включил этот пункт в свою обвинительную речь.

В 1522 г. в Москву прибыл турецкий посол Скандер, грек по крови. Он привез предложение о мире и дружбе с Россией. Максим Грек виделся с земляком. Даниил использовал это обстоятельство и в 1531 г. обвинил Философа в изменнических сношениях с турками. Обвинения были беспочвенными. Максим верил в высокую историческую миссию богохранимой русской державы и надеялся на возрождение Греции под ее эгидой.

Инициаторы суда стремились очернить учено-

го-переводчика как лазутчика и колдуна с единственной целью — опорочить его переводы, подрывавшие старую веру. Главные обвинения сводились к тому, что Грек не признавал русских священных книг, исказил ряд канонических статей в Кормчей, «заглаживал» (стриал) отдельные строки в Евангелии, хулил русских чудотворцев.

После суда Вассиан Патрикеев был заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь, где и умер. Максима Грека перевели в тверской Отрочь монастырь. Его помощников разослали в другие обители. С греческой «прелестью» было покончено раз и навсегда.

В конце XV в. русское искусство, до того находившееся всецело под влиянием византийской традиции, испытало мощное влияние итальянской культуры. Иван III открыл дорогу в Москву итальянским архитекторам, инженерам, врачам и другим мастерам. Итальянцам суждено было оставить глубокий след в истории русской архитектуры. Шедевр Фиораванти — кремлевский Успенский собор в Москве — стал главной святыней православной Московский Руси. На многие десятилетия он стал образцом для русских мастеров, трудившихся в разных городах и землях.

Новые черты, обозначившиеся в облике Успенского собора, еще ярче выразились в архитектуре Архангельского собора, построенного итальянским архитектором Алевизом Новым в 1505 — 1508 гг. Собор служил усыпальницей московских государей.

Старый московский Кремль, воздвигнутый при Дмитрии Донском из «белого камня» — известняка в XIV в., обветшал. Из-за множества заплат его

полуразвалившиеся стены издали казались деревянными. Иван III нуждался в новой резиденции, отвечавшей мощи и великолепию его власти. Для перестройки Кремля он пригласил миланского инженера Пьетро Антонио Солари, Марко Руффо и других строителей. В 1487 г. Марко Руффо приступил к сооружению Беклемишевской башни, Антон Фрязин выстроил проездную башню (Тайницкую) с тайником для обеспечения крепости водой, а затем Свибловскую (ныне Водовзводную) башню, завершив укрепление южной части Кремля. Пьетро Солари воздвиг башни у Боровицких и Константино-Еленинских ворот, а затем вместе с Марко Руффо заложил новую Фроловскую (ныне Спасскую) проездную башню. Солари вывел стену до Боровицкой башни, а также от Никольской башни до Неглинной, где построил Собакину (ныне Угловая Арсенальная) башню с родником. Новые укрепления Кремля были построены из кирпича. Стены сохранились в неизменном виде, башни получили шатровые надстройки в XVII веке. После смерти Солари строительные работы продолжил инженер Алевиз из Милана. В 1495 г. была заложена Троицкая башня. Постройка Кремля была завершена в 1515 г. Алевизом Новым, поставившим стену вдоль р.Неглинной. Кремль стал одной из лучших крепостей Европы. Кремль был не только резиденцией московского монарха, но и символом нарождавшейся Российской империи.

Первая половина XVI в. стала временем расцвета шатровой архитектуры. Первым шатровым храмом была церковь Вознесения, воздвигнутая в великокняжеской усадьбе селе Коломенском в 1530 — 1532 гг. Этот придворно-княжеский храм яв-

лялся одновременно храмом-мемориалом. Церковь Вознесения явилась памятником в честь рождения в великокняжеской семье наследника Ивана.

Московская живопись пережила в XV в. свой золотой век. Традиции Андрея Рублева создали прочное основание для дальнейшего развития московской школы во второй половине XV в. Крупнейшим художником этого периода был Дионисий.

Блистательная эпоха итальянского Возрождения оказала глубокое воздействие на всю Европу. Русь не была исключением. В конце XV в. казалось, что Россия, потеряв духовного пастыря в лице Византии, готова искать пути сближения с западно-христианским миром. Итальянский брак Ивана III и деятельность греков-униатов в Москве расширили связи с Западом. Однако низложение архиепископа Геннадия, покровительствовавшего «латинам», фактический разрыв русско-итальянских связей, суд над Максимом Греком положили конец наметившемуся повороту. Флорентийская уния и падение Византии, по мысли Г. Флоровского, имели роковое значение для Руси: в решающий момент русского национального самоопределения византийская традиция прервалась, византийское наследие было оставлено и полузабыто; в этом отречении «от греков» — завязка и существо московского кризиса культуры⁷⁶. Почву для кризиса создал, по-видимому, не только разрыв с «греками», но и отказ от наметившегося поворота в сторону католического Запада. Торжество официальной церкви и самодержавных начал, утверждение идеи исключительности Москвы — «третьего Рима», последней мировой истинно христианской империи, способствовали изоляции Рос-

сии в то время, как она остро нуждалась в развитии культурных и прочих связей со странами Западной Европы.

Примечания к Введению

¹Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 2., М., 1957. С. 49-53.

²ПСРА. Т. 8. СПб., 1859. С. 56.

³Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 2., М.; Пг. 1923. С. 1.

⁴Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 160—191.

⁵Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 316—317.

⁶Скрынников Р. Г. Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1980. С. 69.

⁷ПСРА. Т. 8. С. 39—40.

⁸ДДГ. С. 34.

⁹Алексеев Ю. Г. Под знаменем Москвы. М., 1992. С. 254—256.

¹⁰Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 208.

¹¹Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 406—407.

¹²ПСРА. Т. 23. Пг., 1923. С. 157—158.

¹³Там же.

¹⁴Фроянов И. Я. Киевская Русь. Л.; 1980. С. 183. ср. Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Т. 1(11). Л., 1982. С. 94.

¹⁵Алексеев Ю. Г. Под знаменем Москвы. С. 128.

¹⁶ПСРА. Т.18. СПб., 1913. С. 227.

¹⁷ПСРА. Т.6. СПб., 1853. С. 5—6.

¹⁸ПСРА. Т.25. М.; Л., 1949. С. 228.

¹⁹ПСРА. Т.4. Ч.1. Вып.2. Пг., 1928. С. 446.

²⁰ПСРА. Т.25. С. 290; Т.23 С. 159.

²¹ПСРА. Т.4. Ч.1. Вып.2. С. 446.

²²ПСРА. Т.25. С. 290; Т.23 С. 159.

- ²³Псковские летописи. Т.2. М., 1955. С. 209—214.
²⁴Там же.
²⁵ПСРА. Т.25. С. 323.
²⁶Там же. С. 322—323.
²⁷Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 321—349; Алексеев Ю. Г. Под знаменем Москвы. С. 241.
²⁸Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и XVI в. Автореферат докт. дис. Л., 1975. С. 11. В исследовании Г.В.Абрамовича приведены подробные данные о конфискованных в Новгороде вотчинных землях.
²⁹Там же. С. 11—15.
³⁰Самоковасов Д. Я. Архивный материал. Т.1. Ч.2. М., 1905. С. 8.
³¹ПСРА. Т.6. С. 239.
³²ПСРА. Т.4. Ч.1. Вып.2. С. 530—531.
³³РИБ. Т.6. СПб. 1908. Стб. 796—797.
³⁴Дмитриева Р. П. «Сказание о князьях Владимирских». М.; Л., 1955. С. 109, 117.
³⁵Сб.РиО. Т.35. СПб., 1892. С. 430.
³⁶Русский феодальный архив XIV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 233.
³⁷Псковские летописи. Т.1. М.; Л., 1941. С. 83—84.
³⁸ПСРА. Т.25. С. 327.
³⁹Там же.
⁴⁰ПСРА. Т.6. С. 231.
⁴¹Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XIV—первой половины XVI в. М., 1967. С. 233.
⁴²Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 66.
⁴³Ostrovski D. «Fontological» investigation of the Moskovite Church Council of 1503. Ann. Arbor. Michigan. 1986. P. 1—341.
Плигузов А. И. Памятники раннего «нестяжательства» первой трети XVI в. Автореф. кандид. дис. М., 1986. С. 10; Его же. Соборный ответ 1503 г. // Русский феодальный архив. Вып. 4. М., 1988. С. 749—813.
⁴⁴Псковские летописи. Т.2. С. 252.
⁴⁵Бегунов Ю. К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики о борьбе Ивана III с церковным землевладением // ТОДРА. Т.20. М.; Л., 1964. С. 351—352.
⁴⁶Псковские летописи. Т.1. С. 92.
⁴⁷Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русско-му централизованному государству. Л., 1955. С. 185—197.

- ⁴⁸ПСРА. Т.737. Л., 1982. С. 53.
⁴⁹Герберштейн С. Записки о Московии. С. 174.
⁵⁰Разрядные книги 1475—1605 гг. Т.1. Ч.1. М., 1977. С. 177.
⁵¹Герберштейн С. Записки. С. 72.
⁵²Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 418.
⁵³Герберштейн С. Записки. С. 77—78.
⁵⁴ААЭ. Т.1. СПб., 1841. С. 141—143.
⁵⁵ПСРА. Т.4. Ч.1. Вып.3. Л., 1929. С. 558.
⁵⁶Lilienfeld F. Nil Sorskij und seine Schriften. Der Bruch der Tradition in Ru(land Ivan's III. Berlin, 1963.
⁵⁷Евсеев И. Е. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916. С. 16—21.
⁵⁸Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж. 1983. С. 16.
⁵⁹Зимин А. А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР периода феодализма. // Вопросы истории. 1950. № 3. С. 73; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М., Л., 1955. С. 126, 127, 128.
⁶⁰Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М. 1990. С. 160; Памятники литературы Древней Руси. Конец XIV—первая половина XVI в. М. 1984. С. 322.
⁶¹Милоков Н. П. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1905. С. 27.
⁶²Послания Иосифа Волоцкого. С. 366—370.
⁶³Там же. С. 184.
⁶⁴Vodoff W. Naissance de la Chretiente russe. Paris. 1988.
⁶⁵Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С. 106.
⁶⁶Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 279.
⁶⁷Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 356.
⁶⁸Герберштейн С. Записки. С. 106.
⁶⁹Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 340—341.
⁷⁰Pascal P. La Religion du peuple russe. Lausanne. 1973; Vodoff W. Naissance de la Chretiente russe. P. 1988.
⁷¹Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. С. 170, 196.
⁷²Там же. С. 105.

⁷³Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970. С. 150.

⁷⁴Там же. С. 148—150.

⁷⁵Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 114.

⁷⁶Флоровский Г. Пути русского богословия. С. 2.

Глава I АРИСТОКРАТИЯ И ДВОРЯНСТВО

По мере объединения русских земель местная знать переходила на службу к московскому государю и пополняла состав московского боярства. Вотчинное землевладение бояр в XV в. значительно расширилось. Но одновременно с образованием крупных земельных богатств происходил интенсивный процесс дробления вотчин. приметой кризиса было появление внутри высшего сословия новой категории служилых людей, усвоивших наименование «детей боярских»¹. Термин «сын боярский» указывал, прежде всего, на несамостоятельное, зависимое положение человека в качестве младшего члена семьи, поскольку при традиционном строе русской семьи власть родителя в отношении сына была исключительно велика. Власть отца опиралась еще и на то, что из его рук сын получал наследственные земельные владения — «отчину». Браки заключались в раннем возрасте (в 15 лет и ранее), а потому в боярской семье появлялось несколько взрослых сыновей до того, как глава семьи достигал старости. «Дети боярские» не обязательно были безземельными. Они в любой момент могли получить долю в наследственной вотчине, пожалование от князя или обзавестись куплями. Однако при наличии многих детей в боярских семьях и многократных

разделах вотчин недостаточная обеспеченность землей стала самой характерной чертой для новой социальной группы.

Кризис московского служилого сословия явился одной из главных причин новгородских экспроприаций. Образовавшийся в Новгороде фонд государственных земель был использован Иваном III и его сыном Василием для обеспечения государственных имениями (поместьями) московских детей боярских, переселенных в Новгород. Помещик владел им, пока нес службу в армии московского великого князя. Как только он переставал служить и не мог определить на службу сына, земля подлежала перераспределению. Поместье не должно было выходить «из службы»².

Полагают, что борьба между нарождавшимся поместным дворянством и богатыми вотчинниками-боярами стала едва ли не главным фактором политического развития России в XVI в. Эта оценка страдает очевидным преувеличением. Опровергая ее, В. Б. Кобрин предлагает «пересмотреть традиционное противопоставление помещиков и вотчинников как разных социальных категорий господствующего класса» ввиду того, что различие между вотчиной и поместьем имело несущественное значение и состав помещиков и вотчинников был близок, если не идентичен. Все это позволило В. Б. Кобрину сделать следующий вывод о роли и значении поместья: «историческое значение возникновения поместной системы состояло... не столько в создании новых кадров землевладельцев, сколько в обеспечении земель растущих старых феодальных семей»³.

Различия между вотчиной и поместьем носили принципиальный характер. Боярин владел вот-

чиной на праве частной собственности и был достаточно независим от монарха. Поместье было государственной собственностью, переданной во временное владение дворянину на условии обязательной службы. Помещик находился в тесной зависимости от трона. Благодаря развитию государственной собственности, старое боярство периода раздробленности трансформировалось в военно-служилое дворянское сословие XVI века. Вместе с тем возникли предпосылки для развития самодержавных порядков в России.

В самый момент образования поместной системы поместья в Новгороде получили примерно полторы тысячи московских служилых людей. Среди них было много отпрысков «старых феодальных семей». Но их реальное положение определялось не генеалогическими воспоминаниями, а тем, что они были детьми боярскими, т.е. принадлежали к прослойке сословия землевладельцев, характерной чертой которой было малоземелье.

В. Б. Кобрин не заметил того, что вместе с поместной системой в России утвердилась всеобъемлющая государственная земельная собственность, а это, в свою очередь, стало поворотным пунктом в истории дворянского землевладения в России.

Поместье стало той формой, которая обеспечила перераспределение земельных богатств в пользу служилого дворянства. Развитие поместья помогло господствующему сословию преодолеть наметившийся в конце XV в. кризис.

Что стало с новгородским боярством, лишившимся своих древних родовых вотчин? По мнению А. А. Зимина и В. Б. Кобрина, они пополнили состав московского военно-служилого сословия. В

Новгороде, писал В. Б. Кобрин, потеряли владения более 1000 феодалов. «В большинстве случаев они, видимо, стали помещиками центральных и восточных уездов...»⁴. В монографии В. Б. Кобрина приведен перечень московских служилых фамилий, предположительно происходивших из бояр и прочих землевладельцев, выселенных из Новгорода Иваном III. Однако В. Л. Янин констатировал, что в этом гипотетическом списке вообще нет (за единичным исключением) представителей новгородских боярских семей⁵.

Летописные известия о действиях Ивана III в отношении новгородских бояр требуют критической проверки.

Наиболее ранний и достоверный источник — Ростовская летопись — сообщает о том, что в 1483–1484 гг. лишились вотчин и были выселены из Новгорода 30 боярских семей⁶. Летописец ни словом не упомянул о пожаловании опальным землей на Москве.

Совершенно иначе освещает те же самые события официальный московский свод 1497 г. В 1483 г., утверждает его автор, Иван III забрал казну и села «больших» новгородских бояр, а им подавал поместья на Москве под городом, а иных бояр, которые коромолу держали на него, тех велел заточить в тюрьмы по городам⁷. Перед нами неудачная попытка официального летописца представить репрессии Ивана III как милость в отношении новгородцев. Крамолу на Ивана III держали все 30 «больших» бояр, обвиненных в заговоре. Значит, они все попали в тюрьму. Кому государь дал поместья, не совсем понятно.

По данным Ростовской летописи, в 1488–1489 гг. московский наместник Яков Захарьин

обвинил всех новгородских землевладельцев в покушении на его жизнь, после чего одни бояре были казнены, а другие выселены в Москву. Московский великий князь, — значилось в летописи, — «приведе из Новгорода боле семи тысяч житих людей на Москву... иных думцев (заговорщиков. — Р. С.) много Яков пресеке перевешал»⁸. Летописец упоминает о казнях новгородцев, но молчит о пожаловании им поместий.

Данные Ростовской летописи поддаются проверке. Новгородские писцовые книги конца XV — начала XVI в. упоминают имена 1054 землевладельцев, лишившихся вотчин после присоединения Новгорода к Москве⁹. В писцовых книгах фигурировали только имена глав семей. В изгнание вместе с изменниками были отправлены члены их семей. В среднем семьи насчитывали не менее шести-семи человек. Следовательно, общее количество ссыльных должно было превысить 6000–7000 человек.

«Краткий Кирилло-Белозерский летописец» сообщает: «Лета 6997 князь великий Иван вывел из Новгорода из Великого бояр и гостей с тысячу голов»¹⁰. Летописец располагал точными сведениями о числе ссыльных, но ему неизвестно было ничего о наделении опальных землями в Москве.

Подробные сведения о ссылке новгородцев записал московский летописец XVI в., откровенно оправдавший действия Ивана III. По его словам, великий князь перевел новгородцев «всех голов болши тысячи, и жаловал их на Москве, давал поместья... а в Новгород Великий на их поместья послал московских многих... детей боярских...»¹¹. Приведенное известие помещено в «Списке Царского», служившем продолжением Софийской I летописи¹². «Список Царского» был составлен в

начале XVI в., и его автор обнаружил очевидную неосведомленность по поводу событий 1480-х годов. По его словам, московские служилые люди были присланы в Новгород на «поместья» новгородских бояр. Летописец не знал, что до завоевания Новгорода Москвой никаких поместных земель там не было, а местные бояре владели вотчинами. Автор «Списка Царского» писал в то время, когда в Новгороде безраздельно господствовало поместье, а вотчинные времена были основательно забыты.

Критический анализ источников обнаруживает несостоятельность мнения, будто новгородское боярство стало частью московского служилого сословия. Экспроприация обратила этот мощный социальный слой в прах.

Возникнув на периферии, поместная система приобрела в XVI в. всеобщий характер и распространилась на всю территорию государства. Вотчина, господствовавшая на Руси в течение столетий, уступила первенство поместью. Каким образом это обстоятельство отразилось на положении московской аристократии? Было бы неверно предположить, что господство поместья подорвало влияние знати. Московское боярство оказалось достаточно сильным, чтобы использовать поместную систему в своих интересах. Поместные оклады бояр во много раз превосходили оклады малоимущих дворян и детей боярских, более всего нуждавшихся в земле. Отмечая этот факт, следует сделать важную оговорку. Аристократия имела право на наибольшие поместные оклады. Но для знати, сохранившей родовые вотчинные богатства, поместья служили одним из дополнительных видов обеспечения. Для провинциальных детей

боярских, владельцев мельчавших вотчин, поместье со временем превратилось в основной источник доходов. Знать, как правило, владевшая крупными вотчинами, и мелкие уездные дети боярские, державшие одни поместья, составляли резко разграниченные социальные категории внутри феодального сословия. Боярин-вотчинник эксплуатировал труд крестьян и холопов — владелец мелкого поместья нередко сам участвовал в обработке пашни.

Анализируя положение дворянства в странах Западной Европы и в России, Р. Крами пишет, что в отличие от русских бояр западные аристократы жили в укрепленных каменных замках под защитой своих частных армий, не зависели от монарха, но видели в нем первого среди равных и противились увеличению его власти¹³. Существенные отличия имелись, но значение их все же не следует преувеличивать. Своеобразие в положении русского боярства определялось традициями, уровнем производства, природными условиями. «Великие» бояре в России имели многочисленную вооруженную свиту, строили деревянные острожки в принадлежавших им городках, укрепляли свои сельские усадьбы. Удельные князья держали в пограничных городках гарнизоны и артиллерию. Суздальская знать, родственная династии, считала членов великокняжеской семьи своей же «братией» и противилась их самодержавным замашкам. Главный момент заключался в следующем: и в России, и на Западе могущество аристократии опиралось на крупное привилегированное феодальное землевладение.

Автор специальной монографии о русском боярстве XIV—XVI вв. Н. Коллмен констатирует на-

личие крупного боярского землевладения, но не исследует детально вопрос о его влиянии на политическую структуру общества на том основании, что сведения об экономическом положении бояр неполны, так что трудно соотнести рост или упадок их богатств с политическими успехами кланов. Русские бояре были землевладельцами, но, по мнению Н. Коллмен, не составляли социального класса. Землевладельческий класс как целое сдал свои позиции самодержавию при Иване III из-за дробления наследств и разорения. Суровый климат, трудные жизненные условия, традиции, постоянная военная опасность — все это давило на великого князя и бояр, делало их зависимыми друг от друга, позволяло создать лишь наиболее рудиментарные механизмы для поддержания порядка. В Англии партии, парламент, идеология — вот что влияло на политику больше, чем личные связи и знакомства; в Москве именно эти связи определяли политику, а группы формировались по принципу родства, дружбы, зависимости. Свой подход Н. Коллмен определяет как «антропологический анализ политики», концентрируя внимание на взаимоотношениях между индивидуальностями и группами, а не на классах и политических институтах. «Социальные классы и институты, — пишет исследовательница, — существовали в Московии, но они не были политически могущественными. Московские бояре и их кланы составляли маленькое привилегированное сословие — «аристократию», но это была аристократия только по социальному наименованию. Она не обладала властью как корпоративное сословие»¹⁴. Н. Коллмен исключительно высоко оценивает новаторские работы Э. Кинана, сделавшего фундаментальный вывод о том,

что семья была самым важным фактором московской политической жизни, поскольку политические группы были родственными, а политическая история формировалась через согласие, а не конфликты¹⁵.

С приведенным мнением трудно согласиться. Значение родственных и брачных отношений в русском средневековом обществе было велико, но еще более важное значение имели социальные структуры и политические учреждения. Политическое могущество московской аристократии подкреплялось наличием таких институтов, как Боярская дума и Государев двор. Боярская дума представляла московскую аристократию. Вместе с великим князем дума осуществляла управление Русским государством. Она окончательно конституировалась в высший орган монархии в связи с развитием приказов. Дума постоянно направляла своих членов — бояр и окольничих — в разные приказы. Дьяки ведущих приказных ведомств получили думные чины.

Государев двор был таким же старинным и традиционным учреждением русской монархии, как и Боярская дума, составлявшая как бы верхнюю палату двора. Двор вырос из наследственной службы московских вотчинников своим государям. Главный фонд вотчинных земель сохранялся в XVI в. в центре, и именно центр оставался основой «Государева двора Московской земли».

Важнейшим источником по истории «Государева двора Московской земли» является так называемая Дворовая тетрадь, которая включала списки членов думы и высших приказных чинов, а также обширные княжеские списки и поезданые списки членов Государева двора. Этот доку-

мент был составлен в Москве в 1552 г. и пополнялся до 1561 г. Таким образом, Тетрадь отразила перемены в составе Государева двора на протяжении десятилетия.

Собственно удельная знать была малочисленной, не более двух десятков человек. Удельные князья возглавляли думу и Государев двор, но влияние их на политическую структуру Руси XVI в. не следует преувеличивать. Процесс централизации государства беспощадно уничтожил древние удельные княжения Северо-Восточной Руси. Почти все уделы, сохранившиеся до времени Грозного, образовались в конце XV — начале XVI в. и были сравнительно молодыми княжествами. Крупнейшими уездами владели, во-первых, члены правящей московской династии, родственники царя (князья Старицкие, Углицкие) и, во-вторых, выходцы из Литвы (князья Бельские, Мстиславские, Воротынские, Одоевские, Трубецкие и т. д.) Князья стали переходить на московскую службу после того, как Русское государство добилось первых крупных успехов в войне с Литвой и присоединило Северские земли. Воротынские, Одоевские и Трубецкие сохранили старинные родовые владения на территории Чернигово-Северского княжества, но их вотчины, за исключением Воротынского уезда, подверглись сильному дроблению. Крупные литовские магнаты князья Бельские и Мстиславские получили удельные княжества из рук московского правительства и в значительной мере зависели от него. Удельная знать литовского происхождения основательно потеснила прочую знать, заняв первые места в Боярской думе и на военной службе.

Старомосковские бояре (Челяднины, Захарь-

ины, Морозовы, Плещеевы, Бутурлины и т. д.) владели обширными землями на территории собственно Московского княжества в Московском, Коломенском, Костромском и Переяславском уездах, издавна служили московским великим князьям и составляли наиболее прочную политическую опору поднимавшейся монархии. Старомосковская знать некогда безраздельно господствовала в думе и при дворе московских государей. Затем она уступила первенство более знатным княжеским фамилиям, но и тогда продолжала прочно удерживать в своих руках важнейшие отрасли приказного аппарата управления государством, включая Конюшенный приказ и Казну, а также Большой дворец и областные дворцы.

В среде титулованной знати прочные позиции занимали потомки литовского выходца князя Патрикеева (Щенятевы, Куракины, Голицыны), единичные представители рязанских и тверских княжеских фамилий (Пронские, Микулинские). Но они были малочисленными и по своему влиянию уступали коренной суздальской знати.

В то время как в Новгороде местное боярство было уничтожено полностью, а в Твери и Рязани знать понесла немалый ущерб, коренная суздальская знать — потомки великокняжеской династии Владимиро-Суздальской земли — избежали катастрофы, какую потерпели новгородские бояре. Их великие и удельные княжества попали в орбиту московского влияния уже в XIV в., и присоединение к Москве произошло без длительной и кровопролитной борьбы, в отличие от Новгорода и Твери. По своим историческим судьбам Оболенские князья ничем не отличались от владимиросуздальской знати. В целом, эта знать сохранила об-

ширные владения на территории своих княжеств, а некоторые пользовались вплоть до конца XVI в. (по крайней мере частично) удельно-княжескими правами. Изложенные факты объясняют, почему владельцы родовых вотчин из числа Суздальских и Оболенских князей служили в Государевом дворе по отдельным княжеским спискам. Лица из тех же княжеских фамилий, утратившие родовые земли, были занесены с прочими дворянами в списки тех городов, где у них были поместья и прочие имения.

Точное определение состава суздальских кланов затруднено из-за неисправности текста Дворовой тетради. Лишь частично сохранился список князей Стародубских. Реконструировать текст Тетради помогают Тысячная книга 1550 г. и Боярский список 1588/89 г. В Тысячной книге в стародубский княжеский список занесены Д. И. Хилков, П. И. и Ф. И. Татевы, А. В. Нагаев-Ромодановский, Ф. Б., И. Б. и П. Б. Ромодановские, В. И., И. А. и О. А. Ковровы, С. И. Гундоров. К ним следует присоединить князей Ф. И. Кривоборского (записан в княжеском списке Боярской книги 1588/89 г.) с братьями В. И., И. И. и И. И. Меньшим Кривоборскими. По разрядным книгам можно установить имена князей, успешно служивших в 1552–1564 гг., но не внесенных в государевы Дворовые тетради, а следовательно, проходивших службу по утраченному княжескому списку. Таковы С. Д., В. Д. и Ф. Д. Палецкие, Ф. И. и М. Гундоровы. Сделанные наблюдения позволяют предположить, что в Стародубском княжеском списке числилось не менее 35 лиц. Князя Гагарины (22 чел.) все без исключения служили по городovým спискам. Всего же в состав Государева двора входило до 60 человек, про-

исходивших из рода удельных князей Стародубских, потомков Владимирского великого князя¹⁶.

Неполными являются также списки ростовских князей. В Тысячной книге 1550 г. после заголовка «Статья 3-я» помещены списки: «Оболенские», «Ростов», «Ярославль», «Стародубские». Записанные в рубрике «Ростов» князя Н. Б. и И. Б. Лобановы-Ростовские, очевидно, несли службу по княжеским спискам Ростова, а значит, сохраняли какие-то земли в пределах бывшего Ростовского княжества. В середине 1550-х боярин С. В. Ростовский подвергся опале, вследствие чего имени его сына Н. С. Лобанова и родни — И. Б. и Н. Б. Лобановых — видимо, были вычеркнуты из Дворовой тетради. Этот факт следует учесть при реконструкции ростовского княжеского списка двора.

Наиболее точное представление о княжеской верхушке Государева двора и родовом землевладении кланов, принадлежавших к суздальской знати, дает таблица, составленная на основании дворовых документов.

Титулованная знать на государственной службе¹⁷

Фамилии	По дворовым спискам 50-х гг.		В составе Боярской думы	
	по княжескому списку	всего	бояре	окольничие
Суздальские	3	14	5	-
Ростовские	21	55	3	-
Ярославские	83	160	3	3
Стародубские	35	60	2	1
Оболенские	56	68	7	-
Итого	198	357	20	4

Общим предком первых четырех фамилий был владимирский великий князь Всеволод Большое Гнездо. Московский князь Иван I Калита вел род от князя Александра Невского, Князя Шуйские — от его брата Андрея, много лет княжившего во Владимире. Потомки Всеволода далеко разошлись в родстве, и в их среде постоянно царили раздор и соперничество. Но их объединяло сознание своего исключительного права на участие в управлении государством вместе с монархом.

Американские историки выдвинули новый взгляд на российскую знать. В Москве, утверждает Р. Хелли, существовала аристократия, но она была преодолена принципом обязательной службы; военная служба требовалась от всех землевладельцев, поэтому земельные владения не давали основания для независимости; дворянство не имело голоса как корпорация¹⁸.

По мнению Р. Пайпса, введение обязательной службы с земли означало упразднение частной помещичьей собственности, «экспроприация общества короной»¹⁹. Зависимость от короны и служба, как полагает Р. Крами, были центральным фактором в жизни русского боярства²⁰.

Отмеченные черты характерны для политической культуры России. Но их едва ли следует абсолютизировать. Наличие обширного фонда вотчинных земель свидетельствует о том, что частная собственность дворян на имения не была упразднена.

Тезис дореволюционной русской историографии о том, что государство закрепило дворян службу, несостоятелен. При своем возникновении московское самодержавие не обладало достаточной властью, чтобы навязать дворянам принцип обязательной службы с земли вопреки их воле.

К началу XVI в. фонды конфискованных вотчин в Новгороде были столь велики, а контингент детей боярских, претендовавших на поместье, столь ограничен, что правительство вынуждено было наделить землей более сотни боевых холопов из состава распущенных боярских свит. Ликвидация Псковской республики в 1510 г. увеличила избыточный фонд поместных земель. При таких обстоятельствах казна могла вслед за поколением «старых» помещиков обеспечить землей второе и третье поколение — сыновей и внуков «старых» помещиков, «приспевших» в службу. В дальнейшем, такой порядок приобрел значение традиции. Новгородский опыт оказал огромное влияние на все последующее развитие дворянского землевладения в России. Московские дворяне оценили выгоды поместного обеспечения и стали добиваться поместий для себя и своих сыновей, ссылаясь на свою службу трону. В Новгороде поместья получили те московские дворяне, которые согласились переселиться на окраину. В Новгородской земле все местное вотчинное светское землевладение было уничтожено без остатка. В первой половине XVI в. московские служилые люди стали получать поместья, оставаясь в пределах своих уездов, где сохранялась система местного вотчинного землевладения. Порождением поместной практики стал общественный договор, в силу которого казна взяла на себя обязательство обеспечить поместьями дворян и их потомков в мужском колене, пригодных к службе, а дворянское сословие согласилось на обязательную пожизненную военную службу. Этот договор казался служилым людям исключительно выгодным. Дворянские семьи были многодетными, что при отсутствии майората вело к дроб-

лению имений. Новый порядок гарантировал сыновьям и внукам помещика право на получение поместья в соответствии с окладом отца. Вновь народившаяся военно-служилая система могла функционировать лишь в условиях постоянных завоевательных войн и захватов. Она оказала влияние на весь строй Московского царства, став одной из главных пружин имперской политики.

Аристократия составляла верхушку правящего сословия, тогда как основную его массу — несколько десятков тысяч человек — составляли родовые дети боярские, владевшие небольшими поместьями. Низшее дворянство не имело единой для всей страны организации наподобие Государева двора. Без сомнения, мелкое городское дворянство поддерживало более тесные связи с собственными уездными верхами, чем с низшим дворянством других уездов и земель.

Будучи разобщены между собой, уездные дети боярские в то же время находились в прямой зависимости от центральной власти. Зарождение самодержавия в России было тесно связано с формированием военно-служилого сословия. Поместное ополчение стало мощной военной опорой монархии. С образованием приказной системы управления в рамках единого государства появилась дворянская бюрократия — необходимый элемент самодержавной системы.

Создание огромного фонда государственной (поместной) собственности позволило властям ввести принцип государственного регулирования служилого дворянского землевладения и преодолеть кризис высших сословий.

Становление самодержавия было связано с централизацией власти, носившей незавершенный

характер. Вопрос об отношении к централизации правящего боярства вызвал споры в литературе. Традиционное мнение сводится к тому, что монарх проводил централизаторскую политику, опираясь на мелкое дворянство, тогда как боярская знать противилась централизации. А. А. Зимин, первоначально разделявший это мнение, в конце концов пришел к выводу, что при анализе политической борьбы в XVI в. «нельзя усмотреть «децентрализаторские» тенденции, стремление воскресить времена феодальной раздробленности ни у одной из групп княжеско-боярской знати. Речь может идти лишь о борьбе за различные пути централизации государства»²¹. Зачисление аристократии в разряд поборников московской централизации кажется сомнительным. Однако представляется целесообразным, прежде всего, уточнить исходные моменты спора.

Русская монархия нуждалась в поддержке аристократии и феодального сословия в целом. Она пользовалась такой поддержкой. Источником же коллизий внутри господствующего класса в XVI в. был не абстрактный принцип централизации (в политическом сознании того времени он вообще не получил отражения), а вполне реальная проблема, четко сформулированная современниками. Власть московских государей настолько усилилась, что они пытались ввести в стране самодержавные порядки с неограниченной властью монарха. Однако знать пользовалась большим влиянием и всеми силами противилась самодержавным поползновениям монархии.

Примечания к главе 1. Аристократия и дворянство

¹Термин «дети боярские» стал употребляться в источниках с 1430—1440-х годов. (Сергеевич В.И. Русские юридические древности. СПб. 1890. Т.1. С. 325; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой половине XVI в. М., 1988. С. 22).

²О путях формирования московской военно-служилой системы см. исследования: Hellie R. Enserfment and Military Change in Moskovy. Chicago. 1971; Kollman N. Shields. Kinship and Politics: The Making of Muscovite Political System. 1345—1547. Stanford. 1987. Г. В. Вернадский полагал, что Московия заимствовала из Азии — у Османской империи такой институт как поместье (турецкий «титмар»). С этим трудно согласиться. Поместная система развилась в России в конце XV в., когда никаких следов турецкого влияния на русское общество обнаружить не удается.

³Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 133—135.

⁴Там же. С. 112.

⁵Там же. Мнение В. Л. Янина приведено в книге В. Б. Кобринна.

⁶ПСРА. Т.4. Ч.1. Вып.3. Пг., 1925. С. 610.

⁷ПСРА. Т.25. М., 1949. С. 330.

⁸ПСРА. Т.24. С. 237.

⁹Гневушев А. М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской земли. Т.1. М., 1915. С. 300—345.

¹⁰Исторический архив. Т. V. М.;Л., 1950. С. 35.

¹¹ПСРА. Т.6. СПб. 1853. С. 37.

¹²Клосс Б. М. «Список Царского» Софийской I летописи и его отношение к Воскресенской летописи // Летописи и хроники. М., 1984. С.37.

¹³Crummey R.O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite of Russia. 1613—1689. Princeton, 1983. P. 169—170.

¹⁴Kollman N. Kinship and Politics: The Making of Muscovite Political System. 1345—1547. Stanford. 1987. P.32, 39, 181

¹⁵Там же. P. 19.

¹⁶ТКАДТ. С. 55, 58, 63; Боярские списки. Ч.1. М., 1979. С. 123—124; Разрядная книга 1475-1505 гг. Т.2. Ч.72. М., 1981. С. 44, 55, 85, 99, 118.

¹⁷Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1956. С. 67. Цифровые данные уточнены в связи с реконструкцией княжеских списков.

¹⁸Hellie R. 1) In Search of Ivan the Terrible // Platonov S.V. Ivan the Terrible. 1974. P. IX—XXXIV; 2) What happened? Now did he get away with it? Ivan Groznyi's Paranoia and the Problem of Institutional Restraints: Доклад на конференции, посвященной 400-летию юбилею Ивана Грозного. Чикаго. 24—25 марта 1984.

¹⁹Pipes R. Russia under the old regime. Cambridge (Mass.), 1980. P. 121—123.

²⁰Crummey R. Aristocrats und Servitors. P. 168.

21 Зимин А. А. О политических предпосылках русского абсолютизма // Абсолютизм в России: XVII—XVIII вв. М., 1964. С. 23.

Глава 2 БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Иван III добился объединения великорусских земель в рамках единого государства. Но строй и облик этого государства окончательно определился лишь при его внуке Иване IV, получившем прозвище Грозный. Иван родился 25 августа 1530 г. в семье великого князя Василия III. Ко времени смерти отца ему исполнилось немногим более трех лет. Дядя наследника удельный князь Юрий Иванович, в течение десятилетий готовившийся занять место бездетного Василия III, не отказался от своих претензий. Со своей стороны монарх принял все меры, чтобы утвердить на троне своего сына.

Последние дни Василия III подробно описаны в летописной Повести о его смерти, составленной одним из ближних дьяков, очевидцем происшедшего¹. Повесть дает редкую возможность наблюдать изнутри за действием системы московского управления и получить представление о взаимоотношениях монарха и его знати.

Великий князь смертельно занемог в дни осенней охоты 1533 г. Предчувствуя близкую смерть, он тайно послал в Москву доверенных дьяков «по духовные грамоты отца своего и по свою, которую писал, едучи в Новгород и во Псков, а на Москве не повеле того сказывати митрополиту, ни бояром»². Гонцы исполнили поручение втайне

от братьев великого князя Юрия и Андрея, от бояр и от князя Михаила Глинского и Елены Глинской. Василий III ездил в Новгород и Псков в 1510—1511 гг., митрополит Варлаам скрепил грамоту не ранее 1512 г., когда он занял митрополичий стол. В семье Василия III не было детей, и реальным наследником трона был удельный князь Юрий, получивший удел из рук отца. Последнее обстоятельство объясняет, почему заболевший монарх затребовал отцовскую духовную грамоту. Старые завещания могли быть использованы Юрием в своих интересах, поэтому Василий III пошел на беспрецедентный шаг: Он «слушав духовных; свою духовную велел сжечи»³. После сожжения документа монарх вместе с любимцем И. Ю. Шугоной Поджогиным и двумя дьяками впервые стал обсуждать вопрос о том, «кого пустити в ту думу и приказати свой государев приказ». Некоторое время спустя больного доставили в столицу, и он вновь вернулся к вопросу о назначении душеприказчиков, без которых он не мог составить завещание. В назначенный день «приеде к великому князю брат его князь Андрей Иванович и нача князь великий думати з бояры». Когда душеприказчики собрались, государь «приказа писати духовную грамоту». Повесть о смерти Василия III дает точный перечень лиц, приглашенных для совета и утверждения великокняжеского завещания. Обычно московские князья составляли духовную в присутствии трех-четырех бояр. У грамоты Ивана III «сидели» трое бояр и казначей. Так же поступил и Василий III. Он пригласил трех бояр: князя В. В. Шуйского, М. С. Воронцова и М. Ю. Захарьина и казначея, но присоединил к ним тверского дворецкого Шигону и двух ближних дьяков. Главным вопросом на совещании

во дворце был вопрос, как утвердить на троне малолетнего наследника Ивана и «как строиться царству после его», т.е. после кончины Василия III.

Вопрос об обеспечении безопасности наследника и всей семьи побудил государя предложить ввести в круг душеприказчиков дядю великой княгини Михаила Глинского. Литовский выходец Глинский вскоре по приезде в Россию лишился положения служилого князя и долгое время провел в московской тюрьме. В глазах московской аристократии он был человеком недостаточно знатным, а главное, не принадлежал к числу руководителей думы, из которых только и могли назначаться душеприказчики. Нарушение традиции, по-видимому, вызвало возражения бояр. Монарху пришлось убеждать их: «Глинского прибавил потому, поговоря з бояры, что он в родстве жене его...». Итогом обсуждения был компромисс. В число душеприказчиков был включен, помимо Глинского, брат Василия Шуйского Иван и родня Михаила Захарьина — Михаил Тучков-Морозов.

Так образовалась «сечьмочисленная» комиссия, своего рода прообраз «семибоярщины». В начале XVII в. знаменитую «семибоярщину» возглавлял удельный князь боярин Ф. И. Мстиславский и шесть бояр. В комиссию входило много других лиц: окольничие, казначей, дьяки и пр. Но современники метко называли боярское правительство «семибоярщиной», поскольку именно бояре сосредоточили в своих руках все нити управления государством.

В день составления завещания Василий III окончательно решил, кого «пустити в думу и приказати свой государев приказ». По терминологии

духовных грамот «приказать кому-то сына» означало передать сына под опеку названного лица⁴.

Было бы ошибкой думать, что цель Василия III состояла в том, чтобы отстранить от управления Боярскую думу и заменить ее опекунским советом. Совет был не более чем одной из комиссий думы. Назначение членов совета не было результатом произвольного решения монарха.

В 1533 г. в состав думы входило примерно одиннадцать-двенадцать бояр. Назначение Шуйских определялось тем, что добрая половина членов думы (двое Шуйских, двое Горбатовых, А. А. Ростовский, а также в чине дворецкого И. И. Кубенский-Ярославский) представляла коренную суздальскую знать. Из старомосковских родов боярский чин имели трое Морозовых, Воронцов и Захарьин⁵. Становится понятным, почему Шуйским удалось ввести в регентский совет второго члена своей семьи и представительства в совете добились Морозовы. Опекунский совет был составлен из авторитетных бояр, представлявших наиболее могущественные аристократические кланы Боярской думы. Василий III непреднамеренно расширил совет с трех до шести бояр, что имело важные последствия. Опекунский совет получил возможность подменить думу в целом. Наличие главы Казенного приказа и двух других высших приказных дельцов позволяло совету решать финансовые, земельные и другие дела.

По давней традиции великий князь, покидая Москву, оставлял «царствующий град» в ведении боярской комиссии, в которую также входил казначей и другие чины. Опекунский совет и московская комиссия были высшими комиссиями Боярской думы, выполнявшими во многом сходные

функции при малолетнем государе или в случае отъезда монарха из Москвы.

Можно полагать, что предтечами «семибоярщины» начала XVII в. были, в равной мере, опекунский совет Василия III и московская боярская комиссия.

По данным Разрядных книг, управление «царствующим градом» в отсутствие Ивана IV осуществлял сын князя Андрея Владимир Старицкий и шесть бояр (1549 г.), удельный князь Юрий Васильевич и шесть бояр (1557 г.) или же семь бояр (1553, 1556, 1559). В другие годы (1547, 1555) при удельном князе числилось от трех до пяти бояр. В 1565, 1585 и 1598 гг. Москву ведали семь бояр⁶.

По словам летописца, Василий III благословил «на государство» сына Ивана и вручил ему «скипетр великой Руси», а жене Елене приказал держать государство «под сыном» до его возмужания⁷. В последующих летописях, составленных при дворе царя Ивана, можно прочесть, что Василий III вручил скипетр непосредственно жене, сердце которой было исполнено «великого царского разума», что и позволило ей стать правительницей государства⁸. Официальная летопись наделяла Глинскую правами законной преемницы великого князя. Однако источники неофициального происхождения рисуют другую картину. Как сообщал псковский летописец, Василий III «приказа великое княжие сыну своему большому князю Ивану и нарече его сам при своем животе великим князем и приказа его беречи до пятнадцати лет своим боярам немногим»⁹.

«Немногие бояре» — это и есть регентский совет, назначенный Василием III. Перед самой кончиной монарх еще раз призвал всех членов совета

и еще раз «приказывал» им о сыне и о правлении государством. Это второе совещание не имело того значения, какое имело первое совещание, когда было составлено завещание. Под конец Василий отпустил всех, оставив при себе трех человек: Глинского, Захарьица и Шигону. Им он дал последние наставления насчет жены, «како ей без него быти и как к ней бояром ходити»¹⁰. Таким образом, процедура сношений между думой и вдовствующей великой княгиней была поставлена также под надзор опекунов.

Занимаясь «устроением земским», государь ни разу не пригласил «жену Олену». Объяснение с ней он откладывал до самой последней минуты. Когда наступил кризис и больному осталось жить считанные часы, советники стали «притужать» его послать за великой княгиней и благословить ее. Тогда только Елену пустили, наконец, к постели умирающего. Рыдая, княгиня обратилась к мужу с вопросом о своей участи: «Государь! князь велики! На кого меня оставляешь и кому, государь, дети приказываешь?» Василий III отвечал кратко: «Благословил есми своего Ивана государством великим княжением, а тебе есми написал в духовной своей грамоте, как в прежних духовных грамотех отец наших и прародителей, по достоянию, как прежним великим княгиням»¹¹. Традиции, сложившиеся в роду Ивана Калиты, хорошо известны. Вдовы московских государей «по достоянию» получали вдовый прожиточный удел, но их никогда не назначали правительницами. Переписка между Василием III и Еленой Глинской показывает, что муж никогда не советовался с женой о своих делах. Перед кончиной он не позаботился посвятить ее в свои планы. Может быть, пятидесятилетний

государь не доверял супруге, которая была вдвое моложе его. Но решающее значение имело, вероятно, другое обстоятельство. Вековые обычаи не допускали участия женщин в делах правления. Источники не содержат никаких указаний на то, что овдовевшая великая княгиня могла возглавить Боярскую думу.

Учреждая регентство, Василий III сознавал опасность раздора между думой и многочисленным и авторитетным опекунским советом. Пригласив к себе всех членов думы, монарх обратился к ним с особой речью. Текст ее передан в разных редакциях «Повести» неодинаково. По Постниковскому летописцу, больной призвал бояр крепко постоять за то, чтобы законный наследник «учинився на государстве государем, была бы в земле правда и в вас бы розни некоторые не было». Затем монарх дал разъяснения по поводу нарушения традиции и включения в совет Глинского: «Да приказываю вам, — сказал он, — Михайло Львович Глинской человек к нам приезжей, и вы б того не молвили, что он приезжей, держите его за здешнего уроженца, занеже мне он прямой слуга». Василий III возложил на Глинского ответственность за обеспечение личной безопасности Елены и малолетнего сына: «А ты б, князь Михайло Глинской, за моего сына великого князя Ивана и за мою великую княгиню Елену... кровь свою пролиал и тело свое на раздробление дал», — так закончил Василий свою речь¹². В новгородской летописи по списку Дубровского речь передана иначе. Обращаясь к главе думы князю Д. Ф. Бельскому с братьями и к боярам, монарх сказал: «...приказываю вам своих сестричев князя Дмитрия Федоровича Белского с братиею и князя Михаила Львови-

ча Глинского, занеже князь Михайло по жене моей мне племя...»¹³. Василий приказал Д. Ф. Бельского... самому же Д. Ф. Бельскому. Редакторская правка лишила текст логики и смысла. Редактор ставил целью доказать, будто государь наделил главу думы Бельского такими же полномочиями, как и Глинского, поручив ему ратные дела и земское строение. В действительности было не так.

При жизни недруги бранили Василия III за то, что он нарушает «старые обычаи» и без совета с думой, «запершися сам-третей у постели, всякие дела делает». На первых порах никто не смел нарушить его последней воли. Польский гонец, побывавший в Москве через полгода после смерти великого князя, очень точно описал сложившуюся там ситуацию: «...на Москве старшими воеводами, которые з Москвы не мают николи зъехати — старшим князь Василий Шуйский, Михайло Тучков, Михайло Юрьев сын Захарьина, Иван Шигона, а князь Михайло Глинский, тые всею землею справуют и мают справовати до летъ (совершеннолетия. — Р. С.) князя великаго». Глинский во всем следует воле сотоварищей, и «все з волею княгини великой справуют. А князь Дмитрий Бельский, князь Иван Овчина, князь Федор Мстиславский тьи теж суть старшими при них (в думе. — Р. С.), але ничего не справуют (не управляют. — Р. С.)»¹⁴.

Приведенное донесение имеет огромное значение как свидетельство очевидца. Польский дипломат точно очертил круг лиц, управлявших всеми делами Москвы. Эти лица — исключительно члены «седемчисленной комиссии» — опекунского совета. Два источника независимого происхождения — псковская летопись и польское донесе-

ние — одинаково свидетельствуют о том, что опекуны Шуйский, Глинский, Захарьин и другие получили полномочия управлять государством, пока Иван IV не достигнет совершеннолетия. Дипломат называет по именам старших бояр думы — князя Д. Ф. Бельского, конюшого князя И. Ф. Овчину-Оболенского, Ф. Мстиславского, поясняя при этом, что их положение почетно, но они ничего не решают.

Прошло некоторое время, и в думе вспыхнули раздоры, которых так опасался Василий III.

В Москве не забыли смуты, затеянной удельными князьями при Василии II и поставившей государство на грань катастрофы. Одна из главных целей опекунского совета заключалась в том, чтобы оградить трон от покушений со стороны старшего удельного князя Юрия Ивановича. В браке с Соломонией Сабуровой Василий III не имел детей. На законном основании трон должен был наследовать князь Юрий. Второй брак государя создал новую ситуацию. Но Юрий не желал отказываться от своих планов. Исход борьбы за корону зависел от знати, среди которой большим влиянием пользовались князья Шуйские. Князь Юрий добился большого успеха, перезвав на службу к себе князей Андрея и Ивана Михайловичей Шуйских. Произошло это за пять лет до смерти Василия III. Великий князь потребовал выдачи Шуйских, приказал оковать их и разослал по городам. Осенью 1533 г. Юрий Иванович, узнав о болезни Василия III, тотчас отправился в Волоколамск, где в то время находился больной. Великий князь пытался скрыть от брата серьезность положения, «таяще от него болезнь свою». Юрий получил приказ покинуть Волоколамск и вернуться

в удельную столицу Дмитров, но не послушал государя, «не хотяше ехать»¹⁵. Тогда Василий III принудил брата к отъезду. Юрию надлежало оставаться в уделе, но он боялся упустить момент и вскоре же прибыл в Москву со своими боярами и отрядом детей боярских. Сразу после кончины Василия III Юрий попытался вновь привлечь на свою сторону князей Шуйских и прочую знать. Летописи сохранили две версии ареста Юрия Дмитровского. Согласно одной из них, удельный князь принес присягу на верность племяннику Ивану IV без всяких возражений в назначенное время. По случаю смерти государя правительница Елена, выслушав «печалование» митрополита и бояр, велела освободить из тюрьмы Андрея и Ивана Шуйских. Не медля ни дня, Андрей Шуйский «злодей, мало побыв тако, паки помыслы к князю Юрию отъехать, и не токмо отъехать, но и на великое княжение его поднять, а у князя сего (Юрия. — Р. С.) на мысли не бывало, понеже бо крест целовал великому князю: как было ему изменить?»¹⁶. Бросается в глаза пристрастность летописца, пытавшегося обелить поведение члена великокняжеской семьи и всю вину за заговор возложить на «злодея» Шуйского. Ближе к истине другая летописная версия, автор которой знал многие подробности происшедшего. Когда Андрей Шуйский вернулся из тюрьмы, к нему явился дьяк удельного князя Третьяк Тишков с наказом звать на службу в удел. Князь Юрий уже принес присягу, и Тишкову пришлось дать объяснения по этому поводу: «Князя Юрья бояре приводили, заперши, к целованью, а сами князю Юрию за великого князя (Ивана IV. — Р. С.) правды не дали: ино то какое целование? то невольное целование»¹⁷. Иначе говоря,

опекуны отказались заключить с удельным князем традиционное «докончание» (договор). Князь Андрей Шуйский якобы не дал дьяку определенного ответа, но отправился к «брату» — боярину князю Борису Горбатову, который тотчас уведомил обо всем правительство. Современники насколько не сомневались в том, что Горбатый был верным слугой и помог раскрыть заговор. Выслушав Андрея, князь Борис Горбатый «не всъхоте ехать ко князю (Юрию. — Р. С.), но и ему взъбранише. Опасаясь доноса, Андрей Шуйский тут же отправился во дворец и сообщил, будто боярин Борис Горбатый сам перезывал его на службу в Дмитровский удел, а князь Юрий дал ему знать, что «к нему хотят будто многие люди». Дознание кончилось тем, что власти посадили в башню сначала Андрея Шуйского, а затем князя Юрия со всеми его боярами. Дядю Ивана IV обвинили в том, что он хотел «засесть Москву», иначе говоря, покушался на трон¹⁸.

Члены семибоярщины действовали сообща, пока не миновала опасность переворота в пользу Юрия Дмитровского. Однако вскоре их единодушию пришел конец. Летом 1534 г. в Москве произошли события, повлекшие за собой крушение семибоярщины.

После кончины Василия III власти разослали гонцов в соседние государства с известием о происшедших в России переменах. Опасаясь, что крымцы используют момент для вторжения, русское командование решило направить главных воевод: трех братьев князей Дмитрия, Ивана и Семена Бельских, князя Ивана Овчину и других — в Коломну. Посол, ездивший в Польшу, вернулся в

Москву раньше крымских гонцов. Он привез от короля Сигизмунда «ответ гордостен». В Москве недооценили опасность, надвигавшуюся с запада. Согласно новой Разрядной записи, воевода князь С. Ф. Бельский и окольный И. В. Ляцкий-Захарьин с отрядом выступили в Серпухов¹⁹. Князья Воротынские выехали в свою удельную столицу Одоев на литовском рубеже. Тем временем королевские войска придвинулись к русской границе, изготовившись к нападению на Чернигов и Смоленск. Государство стояло на пороге войны с Литвой, когда в полках открылась измена. Воеводы С. Ф. Бельский, И. В. Ляцкий, князь Б. А. Трубецкой и «многие дети боярские великого князя» отъехали из Серпухова в Литву, где поступили на королевскую службу²⁰. Власти успели арестовать удельного князя И. М. Воротынского с детьми. Много лет спустя польский король напомнил одному из Воротынских, как его отец князь Иван «з уделом своим отчизным» (Новосильско-Одоевским княжеством) хотел «податься» в Польшу под королевскую власть, за что «немало лет в заточеньи был на Белоозере и смерть принял»²¹. После розыска старший сын Ивана Воротынского князь Владимир был подвергнут торговой казни. Его вывели на рыночную площадь и избивали батогами. После этого И. М. Воротынский был заточен в тюрьму на Белоозере, откуда он уже не вышел живым. Раскрытие заговора князей повлекло за собой широкие репрессии. В Москве сообщником С. Ф. Бельского был объявлен его старший брат боярин И. Ф. Бельский. Он попал в тюрьму, но избежал участи старшего Воротынского. Кратковременному аресту подверглись старший боярин

думы Д. Ф. Бельский и регент М. Ю. Захарьин, двоюродный брат окольного И. В. Ляцкого-Захарьина.

В историографии высказано мнение, что при малолетнем Иване IV князя Шуйские олицетворяли реакционную княжеско-боярскую оппозицию, тогда как Бельские и Захарьины выступали последовательными сторонниками централизованного государства. Анализ событий, сопутствовавших кризису 1534 г., не подтверждает эту схему.

На рубеже XV—XVI вв. Русское государство одержало верх в войне с Литвой и Польшей, чему немало способствовал переход на сторону Москвы Бельских, Воротыньских, Мстиславских и других князей. Некоторые из них отложились от короля со своими «великими» вотчинами. Конфликт внутри Польско-Литовского государства носил религиозный и национальный характер. В пределах Литвы, Украины и Белоруссии многие магнаты исповедовали православие, а русский язык употреблялся в качестве государственного. Объединение с католической Польшей изменило ситуацию.

В дни кризиса 1534 г. обнаружилась тенденция противоположного характера. Москва утратила притягательную для аристократии силу. Симпатии к Литве охватили не только удельную знать литовского происхождения, но и другие боярские фамилии. Присутствие Захарьиных среди беглецов служит ярким тому доказательством. Причины отеченного явления не следует искать в предательстве аристократии, ее реакционных устремлениях или, напротив, в приверженности централизации. Причины коренились в различиях политического строя. В Польско-Литовском государстве с выборной королевской властью все больше утверждались до-

говорные отношения между сувереном и вассалами, ограждавшие права и привилегии магнатов и шляхты. В единой державной России права великих бояр стеснялись все больше и больше, что и выталкивало их в Литву.

Летний кризис 1534 г. привел к большим переменам в Москве. Семибоярщина, в которой взяли верх князя Шуйские, фактически уступила власть Боярской думе. В думе опала на Бельских выдвинула на первое место конюшего и боярина князя И. Ф. Овчину-Оболенского. Великий князь Василий III возложил на М. Глинского главную ответственность за безопасность своей семьи. Однако бояре не желали считаться с последней волей государя. Интригу против Глинского затеял конюший И. Ф. Овчина. Конфликт возник на почве сугубо личного соперничества. Едва похоронив мужа, Елена Глинская завела фаворита в лице Овчины. Опасаясь за свое влияние при дворе, регент Михаил Глинский потребовал, чтобы племянница удалила от себя фаворита. Столкновение из-за влияния на великую княгиню приобрело затем политический характер. Спор шел о том, кому управлять государством — Боярской думе или регентскому совету. Не позднее 19 августа 1534 г. регент Михаил Глинский был арестован и препровожден в тюрьму. Главного опекуна обвинили в том, что он якобы опоил зельем умершего великого князя. Лживость официальной версии была очевидна для всех, кто знал, что Василий III умер от тяжелой болезни.

Вслед за Глинским из семибоярщины был изгнан М. С. Воронцов. Поздние летописи объясняли опалу Глинского и Воронцова тем, что они хотели держать «великое государство Российского

царствия», иначе говоря, хотели править государством²². Летописцы грешили против истины в угоду царю Ивану IV, считавшему мать законной преемницей власти Василия III. В действительности, и Глинский, и Воронцов правили государством по воле великого князя, четко выраженной в его завещании. Глинского уморили в тюрьме. Зато его главного «сообщника» по заговору боярина Воронцова назначили наместником Великого Новгорода.

В новом боярском правительстве, правившем от имени Елены Глинской, влиятельную роль играли конюший И. Ф. Овчина, дворецкий князь Иван Кубенский-Ярославский, регенты братья Шуйские, М. Ю. Захарьин и другие лица.

Правление Елены Глинской продолжалось недолго. С 1537 г. великая княгиня стала усердно посещать монастыри ради богомолья, что указывало на ухудшение ее здоровья. Близкая кончина правительницы возродила призрак династического кризиса. После смерти Юрия Дмитровского молва указывала на Андрея Старицкого как единственного претендента на трон. Чтобы упрочить положение малолетнего Ивана IV на троне, бояре поспешили разделаться с удельным князем.

После крушения семибоярщины князь Андрей укрылся в Старице, постоянно ожидая опалы. В свою очередь, Елена подозревала бывшего опекуна во всевозможных кознях. По совету Овчины она решила вызвать Андрея в Москву и захватить. Удельный князь почуял неладное и отклонил приглашение, сказавшись больным. При этом он постарался убедить правительницу в своей лояльности и отправил на государеву службу почти все свои войска. Этой его оплошностью сразу воспользо-

вались Глинская с фаворитом. Московские полки скрытно двинулись к Старице. Предупрежденный среди ночи о подходе правительственных войск, Андрей бросился из Старицы в Торжок. Отсюда он мог уйти в Литву, но вместо того повернул к Новгороду. С помощью новгородских дворян бывший глава семибоярщины надеялся одолеть Овчину и покончить с его властью. «Князь великий мал, — писал Андрей новгородцам, — держат государство бояре, и яз вас рад жаловати»²³. Хотя некоторые дворяне и поддержали мятеж, Андрей не решился биться с Овчиной и, положившись на его клятву, отправился в Москву, чтобы испросить прощение у невестки. Как только удельный князь явился в Москву, его схватили и «посадили в заточение на смерть». На узника надели некое подобие железной маски — тяжелую «шляпу железную» и за полгода уморили в тюрьме. По «великой дороге» от Москвы до Новгорода расставили виселицы, на них повесили дворян, принявших сторону князя Андрея.

Князь Михаил Глинский и брат великого князя Андрей были «сильными» людьми семибоярщины. Их Овчина наказал самым жестоким образом. Другие же душеприказчики Василия III — князья Шуйские, Юрьев и Тучков — заседали в думе до смерти Елены Глинской. По-видимому, именно в кругу старых советников Василия III созрели проекты важнейших реформ, осуществленных в те годы.

Бояре начали с изменений в местном управлении. Обязанность преследовать «лихих людей» они возложили на выборных дворян — губных старост, т. е. окружных судей. Они позаботились также о строительстве и украшении Москвы и провели важную реформу денежной системы. Дело в том,

что с расширением товарооборота требовалось все больше денег, но запас драгоценных металлов в России был ничтожно мал. Неудовлетворенная потребность в деньгах вызвала массовую подделку серебряной монеты. В городах появилось большое число фальшивомонетчиков. И хотя виновных жестоко преследовали: секли им руки, лили олово в горло — ничто не помогало. Тогда власти изъяли из обращения старую разновесную монету и перечеканили ее по единому образцу. Основной денежной единицей стала серебряная новгородская деньга, получившая наименование «копейка». На этой «новгородке» чеканили изображение всадника с копьем (на старой московской деньге чеканили всадника с саблей). Полновесная новгородская «копейка» вытеснила легкую московскую «сабляницу».

Смерть Е. Глинской в апреле 1538 г. изменила ситуацию в государстве. Князья Шуйские и прочие уцелевшие душеприказчики Василия III поспешили возродить систему боярской опеки. Временщик правительницы конюший И. Ф. Овчина-Оболенский был брошен в темницу, в которой за полтора года до того умер в оковах М. А. Глинский. Сохранилось известие, что «тяжесть на него (Овчину. — Р. С.) — железа — тут же положиша, что на нем Глинском была: там и преставися»²⁴.

По случаю смерти Елены свободу получили князья А. М. Шуйский и И. Ф. Бельский, а также бояре Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, содержавшиеся в заточении. Старшим среди опекунов после гибели Старицкого стали Василий и Иван Шуйские. Они-то и извлекли наибольшие выгоды из переворота. Они постарались упрочить

свои позиции в думе, добившись боярства для крамольного князя А. М. Шуйского и его брата И. М. Шуйского. В. В. Шуйскому было за пятьдесят, когда он женился на царевне Анастасии, двоюродной сестре Ивана IV. Став членом великокняжеской семьи, В. В. Шуйский покинул старое подворье и переехал на двор Андрея Ивановича Старицкого. Вспоминая детство, Иван IV с гневом и раздражением писал, что Василий и Иван Шуйские «самовольством» приблизились к его особе, «самовольством» у него «в бережении учинились и тако воцаришася»²⁵. В действительности, Шуйские стали опекунами Ивана IV не по своему произволу, а по воле Василия III.

Придя к власти, Шуйские не пожелали возродить регентский совет. 21 октября 1538 г. по их приказу был обезглавлен дьяк Ф. Мишурин — ближний дьяк Василия III и член опекунского совета. Боярина М. В. Тучкова отправили в ссылку. Ближайший союзник Тучкова И. Ф. Бельский подвергся аресту и попал на Белоозеро. Торжество Шуйских было довершено низложением митрополита Даниила. Главу церкви обвинили в том, что он «учал ко всем людем быти немилосерд и жесток, уморял у себя в тюрьмах и окованных своих людей до смерти, да и сребролюбие было великое»²⁶. Подлинной причиной гонений на митрополита явилось то, что вместе с Ф. Мишуриным он был «во едином совете» с И. Ф. Бельским.

Старый князь Василий Шуйский умер в самый разгар затеянной им смуты. Иван Шуйский не обладал ни авторитетом, ни опытом старшего брата. В столкновении между последним из опекунов и Боярской думой вновь одержала верх дума. Бояре добились освобождения И. Ф. Бельского и

вернули его в столицу. И. Шуйский перестал ездить во дворец и вскоре же был послан во Владимир с полками. Опекун не пожелал признать свое поражение. Подняв мятеж, он явился в Москву с многочисленным отрядом дворян. Мятежники низложили митрополита Иоасафа, а князя Бельского сослали на Белое озеро и там тайно умертвили.

В мае 1542 г. последний душеприказчик Василия III И. В. Шуйский умер. Во главе партии Шуйских стал А. М. Шуйский. Он не сумел заручиться поддержкой Боярской думы и был убит по приказу Ивана IV в конце 1543 г. Правлению Шуйских пришел конец. Великому князю в то время было 13 лет.

Боярское правление не привело к распаду единого государства. Более того, в 1534—1537 гг. были ликвидированы два крупнейших в стране удельных княжества — Дмитровское и Старицкое. Борьба за власть между боярскими кланами и придворными группировками носила ожесточенный характер, но не сопровождалась ни феодальной анархией, ни массовыми репрессиями. Время так называемой боярской реакции стало временем экономического процветания страны.

Примечания к главе 2. Боярское правление

¹Текст «Повести о смерти Василия III» помещен в ряде летописных сводов. Полагают, что раннюю редакцию Повести сохранил новгородский свод 1539 г. по списку Дубровского, датируемая 1539 г. (Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 390; Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30—70-х годов XVI в. Автореферат кандид. диссертации. М., 1979. С. 10; Лурье Я. С. Повесть о смерти Василия III Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 277—279; его же. Летопись Новгородская Дубровского. Там же. С. 53—54.). Приведенные ниже текстологические наблюдения доказывают, что текст Повес-

ти ранней редакции более точно воспроизводит Постниковская летопись, составленная в Москве близким ко двору дьяком Постником Маклаковым.

²Постниковский летописец. ПСРА. Т. 34. С. 18.

³Там же.

⁴ДДГ. С. 197, 251, 363.

⁵Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой половине XVI в. М., 1988. С. 289-290.

⁶Разрядная книга 1475—1605 гг. Т.1. Ч.2. М., 1977. С. 347—348; Т.1. Ч.3. М., 1978. С. 499, 513-514; Т.2. Ч.1. М., 1981. С. 11; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 542.; Боярские списки. Ч.1. М., 1979. С. 270.

⁷ПСРА. Т.8. С. 285.

⁸ПСРА. Т.13. С. 76.

⁹Псковская летопись. Вып.1. М., 1941. С. 106. Свидетельство Псковской летописи опровергает мнение А. Л. Юрганова о том, что функции бояр, свидетелей процедуры составления великокняжеского завещания, «не имели прямого отношения к управлению государством.» (Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533—1538 гг.). АҚД. М., 1987. С. 12.

¹⁰ПСРА. Т.34. С. 21.

¹¹Там же. С. 22.

¹²Там же. С. 21.

¹³ПСРА. Т.4. Ч.1. Вып.3. С. 558.

¹⁴Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.2. СПб., 1846. С. 331.

¹⁵ПСРА. Т.4. Ч.1. Вып.3. С. 558.

¹⁶Там же. Т.13. С. 77-78.

¹⁷ПСРА. Т.13. С. 78, 123.

¹⁸Разрядная книга 1475—1605 гг. Т.1. Ч.2. С. 243.

¹⁹Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 83—84; ПСРА. Т.13. С. 420.

²⁰ПСРА. Т.13. С. 79; Т.26. С. 315.

²¹Послания Ивана Грозного. С. 258.

²²ПСРА. Т.13. С. 420.

²³Там же. С. 95.

²⁴ПСРА. Т.34. С. 26.

²⁵Переписка. С. 27.

²⁶ПСРА. Т.34. С. 26.

Глава 3 МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО

После падения Шуйских на политическую авансцену выдвинулись бояре Воронцовы и Кубенские, а затем князья Глинские. Василий III поручил боярам опекать («беречь») сына Ивана до его совершеннолетия, после чего должно было начаться его самостоятельное правление. В 1546 г. Ивану IV исполнилось 15 лет, и его родня Глинские поспешили использовать момент, чтобы захватить власть. В 1546 г. великий князь выступил в свой первый военный поход. Будучи в военном лагере на берегу Оки, Иван забавлялся тем, что пахал вешнюю пашню, сеял гречиху, ходил на ходулях и наряжался в саван. Забавы кончились тем, что несколько старших воевод попали на Пыточный двор. После недолгого розыска суд приговорил к смертной казни конюшого боярина И. П. Федорова, дворецкого боярина князя И. И. Кубенского и двух бояр Воронцовых. Конюший и дворецкий возглавляли придворную лестницу чинов. Глинские добились их осуждения, чтобы расчистить место для себя. Трое бояр были казнены, а Федоров избежал смерти и был отправлен в ссылку. Освободившийся пост конюшого вскоре занял старший из Глинских.

Пасынком Федорова и его единственным наследником был князь Иван Дорогобужский. Он был

казнен вместе с князем Федором Ивановичем Овчининым-Оболенским. Как свидетельствуют летописи, их убили повелением Михаила Глинского и матери его княгини Анны¹. Новые временщики отомстили роду Ивана Овчины, повинного в гибели М. А. Глинского.

Иван IV не получил образования и оказался мало подготовленным к исполнению функций правителя обширной и могущественной державы, а окружали его случайные люди. Неудивительно, что свое совершеннолетие Иван IV ознаменовал лишь опалами да казнями. Глинские должны были позаботиться о том, чтобы вернуть популярность великокняжеской власти. Вероятно, по их почину или, во всяком случае, при их прямой поддержке Иван IV принял титул царя. В декабре 1546 г. Великий князь «держал совет» с митрополитом Макарием, который вскоре же собрал членов думы, включая опальных бояр². После этого было принято решение о женитьбе Ивана IV и его коронации на царство.

Люди средневековья представляли мировую политическую систему в виде строгой иерархии. Согласно византийской доктрине, центром вселенной была Византия, воспринявшая наследие Римской империи. Русь познакомилась с византийской доктриной еще при киевских князьях. Помнили ее и в московские времена. В XIV в. московских великих князей титуловали иногда стольниками византийского «царя». Конечно, титул этот лишен был в то время какого бы то ни было политического смысла.

Страшный татарский погром и установление власти Золотой Орды включили Русь в новую для нее политическую систему — империю великих

монгольских ханов, владевших половиной мира. Русские князья, получавшие теперь родительский стол из рук золотоордынских ханов, перенесли титул «царя» на татарских владык.

Московские князья давно именовали себя «великими князьями всея Руси», но только Ивану III удалось окончательно сбросить татарское иго и из князя-подручника стать самостоятельным сувереном-«самодержцем». Падение Золотой Орды и крушение Византийской империи в 1453 г. положили конец как вполне реальной зависимости Руси от татар, так и старым представлениям русских относительно высшей власти греческих «царей».

О коронации 16-летнего внука Ивана III бояре не сразу известили иностранные государства. Лишь через два года польские послы в Москве узнали, что Иван IV «царем венчался» по примеру прародителя своего Владимира Мономаха и то имя он «не чужое взял». Выслушав это чрезвычайно важное заявление, послы немедленно потребовали предоставления им письменных доказательств. Но хитроумные бояре отказались, боясь, что поляки, получив письменный ответ, смогут обдумать возражения и тогда спорить с ними будет тяжело. Отправленные в Польшу гонцы постарались объяснить смысл московских перемен так, чтобы не вызвать неудовольствия польского двора. Ныне, говорили они, землею Русскою владеет государь наш один, потому-то митрополит и венчал его на царство Мономаховым венцом³. В глазах москвитов коронация, таким образом, символизировала начало самодержавного правления Ивана на четырнадцатом году его княжения.

Ивана короновали 16 января 1547 г. После торжественного богослужения в Успенском соборе в

Кремле митрополит Макарий возложил на его голову шапку Мономаха — символ царской власти.

Затевая коронацию, родня добилась для себя крупных выгод. Бабка царя Анна с детьми получила обширные земельные владения на правах удельного княжества. Князь Михаил Глинский был объявлен ко дню коронации конюшим, а его брат князь Юрий стал боярином.

Едва ли можно согласиться с мнением, что коронация Ивана IV и предшествовавшие ей казни положили конец боярскому правлению. В действительности, произошла всего лишь смена боярских группировок у кормила власти. Наступил кратковременный период господства Глинских.

Коронация царя символизировала в глазах подданных начало его самостоятельного правления. Вспоминая те дни, Иван IV писал впоследствии: «Нам же пятагонадесят лет возраста преходяще, и тако сами яхомся строити свое царство, и по Божие милости и благо было началось строити»⁴.

Важнейшей вехой политического развития стало восстание в Москве, происшедшее вскоре после коронации Грозного. В 1547 г. выдалось на редкость засушливое лето. В Москве участились пожары. Самый крупный из них уничтожил большую часть деревянного города. В огне погибло несколько тысяч жителей. Десятки тысяч остались без крова и пропитания. Возникли слухи, что причиной пожаров были поджоги и колдовство: в Москве объявились «многие сердечники, выимали из людей сердца»⁵. Волхвы не поджигали город, а кропили дома «сердечным» настоем, что и вызывало пожар. Власти предприняли самые свирепые меры против «зажигальников»: их пытали, «и на пытке они сами на себя говорили», после

чего их казнили «смертною казньо, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали».

На второй день после «великого пожара» была сформирована боярская комиссия для наказания виновников бедствия. В воскресный день 26 июня бояре собрали народ на площади перед Успенским собором и начали спрашивать: «Кто зажигал Москву?» Чернь обвинила в поджоге Москвы Анну Глинскую «с детьми и людьми»: они будто бы вынимали сердца из людей и настоем кропили столицу и пр.⁶ Боярский розыск имел неожиданный финал. Народ вышел из повиновения и учинил расправу над боярином Ю. В. Глинским. Важные подробности о происшедшем сообщает неофициальная новгородская летопись, сохранившаяся в черновике с рядом исправлений в тексте. Автор летописи первоначально записал известие о восстании московской черни, но затем отметил, что восстали также и «большие» люди Москвы (большие московские дворяне, гости, бояре). По поводу гибели Глинского он сообщил следующее: «Москвичи большие и черные люди, изымаша князя Юрия Михайловича (Васильевича: — Р. С.) Глинского, дядю великого князя по матери, в церкви в пречистой оу митрополита в время обедне перед великим князем (три слова зачеркнуты. — Р. С.), извлекше из церкви едва жива и скончаша злою смертию извлекша из града... бе же князь великий в то время туто же в церкви (исправлено: «в Воробьеве». — Р. С.)»⁷.

Новгородский летописец, по-видимому, имел противоречивую информацию о том, где находился царь в момент мятежа. Известно, что за три дня до восстания царь прибыл в столицу для орга-

низации розыска о пожаре. В своей «Истории о великом князе московском» очевидец мятежа А. Курбский упомянул о том, что в столице «бысть возмущение велико всему народу, яко и самому царю утещи от града со своим двором»⁸. Из приписки к Царственной книге, составленной при участии царя, узнаем, что князь Ю. Глинский выехал на площадь с другими боярами. Услышав «про мать и про себя... неподобные речи», он укрылся в Успенском соборе. Дальнейшие подробности убийства описаны Иваном IV в письме Курбскому. По словам царя, толпа, «воскричав», схватила Ю. Глинского в приделе Дмитрия Солунского, а оттуда вытащила в соборную церковь «против митрополита места», после чего выволокла его «мертва» «в передние двери» и бросила «на торжищи яко осуженника»⁹. Курбский обвинил Грозного в пролитии крови в церквах. Иван IV старался доказать, что не он, а его враги бояре сами лили кровь в церквах. В пылу полемики он допустил неточность: официальная летопись ранней редакции засвидетельствовала, что Ю. Глинского убили «на площади камением». Новгородская летопись подтверждает, что боярина «извлекша из града (Кремля. — Р. С.) привязана ужем (веревкой. — Р. С.)», а затем добились «едва живого».

29 июня «чернь скопом» двинулась в Воробьево, требуя выдать на расправу бабу царя Анну Глинскую. И на этот раз действиями народа руководили лица, державшиеся в тени. Именно они послали на площадь городского палача (лицо, имевшее официальный пост). По «кличю» палача «поидоша многие люди черные к Воробьеву и с щиты из сулицы, яко же к боеви обычай имяху»¹⁰. Иван IV «оузрев множество людей, оудивися и оужасася».

Розыск выявил, что народ «по повелению приидоша», после чего власти «положи ту опалу на повелевших кликати». Эти лица и подверглись наказанию.

Современники считали причиной беспорядков в Москве, прежде всего, злоупотребления властей, вызывавшие недовольство в народе. Как писал новгородский летописец, «в царствующем граде Москве оумножившися неправде и по всей Росии от велмож, насилующих к всему миру и неправо судящих, но по мзде, и дани тяжкие...»¹¹. Царь Иван, редактируя официальную летопись, уточнил, что особое негодование народа навлекли на себя бояре Глинские: «В те поры, — значится в приписке к летописи, — Глинские у государя в приближение (были. — Р. С.) и в жалование, а от людей их черным людям насилство и грабеж, они же (временщики. — Р. С.) их от того не унимаху»¹².

Рассматривая восстание 1547 г. как явление классово-борьбы, исследователи высказывали мнение, что в нем участвовала масса посадского населения, посадские верхи, холопы. Что касается дворянства, из его среды в движении могли участвовать только «обедневшие дети боярские», т. е. деклассированные элементы¹³. Источники, однако, не дают основания для проведения подобной разграничительной черты. Из Новгородской летописи следует, что в мятеже участвовали не только черные люди, но и «большие москвичи». Московская официальная летопись сообщала, что столичная чернь «от великие скорби пожарные восколебашеся яко юроди» и вместе с Глинским «детей боярских многих побиша». При редактировании летописи царь детализировал сведения об участии дворян в дни восстания. По его словам, народ из-

бил «людей княже Юрьевых (Глинского. — Р. С.) безчислено» и «много же и детей боярских незнакомых побиша из Северы (Северской земли. — Р. С.), называючи их Глинского людами»¹⁴. Приведенные данные опровергают схему, согласно которой в дни восстания произошло столкновение между народом, с одной стороны, и феодальным дворянством — с другой. От народного гнева пострадали пришлые северские дети боярские. Столичные дворяне не понесли ущерба в дни восстания, возможно, потому, что многие из них сами участвовали в выступлении против Глинских. Именно по этой причине власти не смогли опереться на дворянское войско и подавить мятеж в самом его начале. В источниках можно найти прямое указание на причастность бояр к уличным беспорядкам в Москве. Но указания источников требуют сугубо критического отношения. Правя официальную летопись, Иван IV преследовал очевидную цель скомпрометировать бояр. Не называя имен, царь припомнил, как выслал бояр к народу, чтобы произвести розыск о волхвах-зажигальниках, но эти неназванные бояре «по своей к Глинским недружбе, наустиша черни». Перечитав приписку, Иван IV распорядился внести в ее текст (наверху страницы) дополнение, из которого следует, что в «совете» с чернью были благовещенский протопоп Федор Бармин, бояре князь Ф. И. Шуйский, князь Ю. И. Темкин, И. П. Федоров, Г. Ю. Захарьин, окольный Ф. М. Нагой и др. Поправка имела двусмысленный характер. Перечисленные бояре были в «совете с народом», т. е. либо советовались с ним о поимке поджигателей, либо подучали чернь избить Глинских. Шуйские были давними соперниками Глинских. И. П. Федоров также не имел

оснований заступаться за ненавистных временщиков, по милости которых он лишился пасынка и сам едва не был казнен за год до московских событий.

Напуганные мятежом в столице и убийством одного из членов семьи, Глинские попытались бежать в Литву. В погоню за ними был послан боярин князь П. И. Шуйский. В последний момент М. В. Глинский ускользнул от преследователей и явился в Москву с повинной, оправдываясь тем, что он с матерью «поехали были молиться в Оковец к Пречистой», да заехали не туда, «не зная дороги». В итоге правитель М. В. Глинский подвергся аресту и навсегда лишился высшего титула конюшего.

Какие политические последствия имело падение Глинских? По мнению И. И. Смирнова, наступил конец периоду боярского правления¹⁵. А. А. Зимин считает, что в борьбе с Глинскими победило реакционное боярство в лице Шуйских и Ростовских, но «победа феодальной аристократии была временной и непрочной»¹⁶. Кажется, перемены в составе правящих верхов, происшедшие после Московского восстания и падения Глинских, не имели того принципиального значения, какое им приписывают.

Представление, будто реформы в России могли быть проведены лишь после образования в стране дворянского правительства, по-видимому, столь же неосновательно, как и тезис, согласно которому проведение реформ было невозможно, пока у власти оставалась феодальная аристократия. Преобразования, осуществленные боярским правительством после смерти Василия III, опровергают оба эти предположения. Ближайшим следствием

восстания было то, что родня царя по матери — Глинские принуждены были уступить свое место при дворе родне царицы — боярам Захарьиным. Захарьины занимали высокое положение при дворе Ивана III и Василия III. Но они утратили его после смерти опекуна М. Ю. Захарьина. Брак царя с Анастасией вернул Захарьиным прежнее влияние при дворе.

Сколь бы существенными ни были перемены в составе придворных группировок, не они определили ход и направление преобразований.

Москва завершила объединение русских земель в конце XV — начале XVI в. Управлять обширным государством с помощью архаических институтов и учреждений, сложившихся в мелких княжествах в период раздробленности, оказалось невозможным. С развитием поместья началась перестройка военно-служилой системы на новых основах. Общерусский Судебник 1497 г. безнадежно устарел.

Правительство Глинских пало потому, что восстало против себя не только московские низы, но и детей боярских. Лишь опираясь на дворянские отряды, власти могли пресечь народные выступления. Но этого не произошло. Источником постоянного недовольства детей боярских был боярский суд, знаменитый своими злоупотреблениями. Уже опекуны Ивана IV предприняли в 1539 — 1541 гг. попытку реформы суда, передав некоторые из судебных функций «выборным головам» из детей боярских. Продолжение судебной реформы в 1549 г. положило начало более широкой программе государственных преобразований.

27 февраля 1549 г. Иван IV заявил боярам в присутствии митрополита и священного собора, что «до

его царского возраста от них (бояр. — Р. С.) и от их людей» детям боярским и христианам приходилось терпеть насилия («силы»), и штрафы («продажи»), и несправедливости («обиды великие») при решении дел о землях и холопах и других «многих дел». В заключение царь пригрозил опалой и казнью тем, кто дальше будет чинить беззакония. Обсудив вопрос, Боярская дума предложила передать иски, возбужденные «детьми боярскими и христианами» против наместников-бояр и их слуг, для решения в царский суд. Боярская челобитная легла в основу закона, утвержденного думой на другой день. Царь с боярами «уложил, что во всех городех Московской земли наместникам детей боярских не судити ни в чем, опричь душегубства и татьбы и розбоя с поличными»¹⁷. Отныне не боярский, а царский суд должен был судить детей боярских в наиболее важных для них тяжбах о землях и холопах.

В заключительной речи к думе Иван IV заверил бояр, что «не держит сердца» и «не положит опалы» на них «в тех делех», и вновь высказался за соблюдение закона и порядка. «Да и воеводам и княжатам и боярским детем и дворяном большим, — завершает свой рассказ летописец, — то же говорил». Приведенный текст позволил исследователям заключить, что царь держал речь перед первым в русской истории Земским собором. Однако такая интерпретация вызывает сомнения. Судебная реформа была выработана традиционным путем на заседании Боярской думы с участием высшего духовенства. Воеводы и прочие чины были приглашены в Кремль не для обсуждения, а для ознакомления с решением царя и думы. Приглашенные представляли не феодальное сословие

в целом, а верхушку Государева двора, объединявшего сравнительно малочисленный верхний слой господствующего класса.

Судебная реформа дала толчок к перестройке системы управления, расширила компетенцию судебных приказов. Помехой в их деятельности стало устаревшее законодательство. Власти спешно приступили к разработке нового кодекса законов, который был введен в жизнь уже в июне 1550 г. Рука об руку с судебной реформой проводилась земская реформа. Некоторые государственные функции передавались земским старостам, выбранным местным населением¹⁸.

Исходным пунктом преобразований явилась критика боярских злоупотреблений. Одобренная свыше, она способствовала пробуждению общественной мысли в России. Настала неповторимая, но краткая пора расцвета русской публицистики. Одним из самых ярких публицистов той поры был Иван Семенович Пересветов, подавший царю две челобитные с изложением обширной программы реформ¹⁹. Пересветов противопоставлял идеальное царство Магмет-салтана, процветавшее благодаря воинникам, православному царству Константина, погибшему из-за ленивых и богатых вельмож.

Идеал Пересветова — военная монархия, организованная по образцу Османской империи. Основу ее могущества составляет военное сословие. Царь должен неустанно заботиться о благополучии дворян-воинников: «Мудр царь, что воинам сердце веселит — воинниками он силен и славен», «что царьская щедрость до воинников, то его и мудрость». Худший грех вельмож царя Константина тот, что «всегда богатые о войне не мыслят, а мыслят о упокое», а главное, «вельможи его

ленивые богатые, не думают о войску». Греческие вельможи, утверждал Пересветов, погубили царя Константина, «укротили от воинства враждою от ереси своея и ленивства ради лукавством своим». Для осуждения таких «чародеев и еретиков» не надо и «лица» (поличного, улики). Их надо «огнем жещи» и «лютой смерти» предавать. Пусть горят костры на пыточном дворе и льется кровь вельмож-еретиков, лишь бы славилось царское имя и в государстве его торжествовала правда. Такова логика рассуждений писателя-воинника. «Царь на царстве грозен и мудр, царство его ширеет, и имя его славно по всем землям»²⁰.

И. С. Пересветов выступает решительным противником рабства. Это, по мнению Я. С. Лурье и ряда других исследователей, сближало взгляды Пересветова с мировоззрением представителей реформационно-гуманистического движения²¹. Изложенный вывод вызывает сомнения. Какой смысл имели тирады публициста против рабства? Был ли Пересветов противником рабства и грядущего крепостничества, как полагал Б. Д. Греков?²² Подобное расширительное толкование едва ли правомерно. Каждый раз, когда Пересветов конкретизирует свои взгляды на «порабощение», обнаруживается, что писателя заботит прежде всего и по преимуществу судьба «воинников». «В котором царстве люди порабощены, — говорит Магмет-салтан, — и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недруга», зато свободные воинники готовы против недруга «люто стояти... и чести себе добывати».

Мысль о недопустимости порабощения положена в основу проекта военной реформы Пересветова. Царство Константина, утверждал писатель,

пало потому, что «у вельмож его и лутчие люди порабощены были», зато мудрый «Магмет-салтан» «дал им волю, и взял их к себе в полк, и они стали у царя лутчие люди, которые у вельмож царевых в неволе были».

Будучи профессиональным воином, литовский шляхтич Иван Пересветов служил в наемных войсках в Польше, Чехии и Венгрии. Прибыв в Россию, он получил небольшое поместье. Но из-за «сильных людей» — бояр — его поместье быстро запустело («твое, государь, жалованье, поместье от великих людей от обид нарядили пусто»). Из-за рубежа Пересветов вывез некоторое имущество, но лишился его в тяжбах с сильными людьми. «От обид и волокит, — жаловался воинник царю, — наг и бос и пеш»²³. Помещик разорился до такой степени, что лишился даже боевого коня и доспехов, что отняло у него возможность оставаться на государственной службе.

Перспектива порабощения стала для Пересветова реальностью после того, как он оказался «наг и бос и пеш». Сказанное объясняет, почему порабощение в глазах «воинника» превращается в крупнейшее общественное зло.

Интересы российского дворянства преломились в уме Пересветова сквозь призму его собственного опыта. Именно по этой причине И. Пересветов не стал идеологом дворянства в такой мере, в какой Курбский стал идеологом боярской аристократии. В своих сочинениях писатель обошел полным молчанием вопрос о земельном обеспечении «воинников»-дворян, а между тем именно этот «великий вопрос» более всего волновал русское дворянство.

Один из парадоксов русской действительности

ти состоял в том, что единая в юридическом плане категория холопов включала совершенно разнообразные социальные группы: одни холопы трудились на господской пашне и занимали низшее положение в среде эксплуатируемого населения, тогда как другие служили в вооруженной свите господина, имели оружие, коня, нередко — служную пашню. Даже русские правоведы из числа приказных не могли преодолеть затруднения, простиравшиеся из двойственности холопства. Не удалось это и Пересветову. Обосновывая необходимость искоренения холопства, писатель ссылается на Магмет-салтана. Сей мудрый правитель запретил вельможам своих слуг «прикабаливати, ни прихолопити, а служить им добровольно». Чтобы гарантировать вольную службу, он приказал «предсобя книги принести полныя и докладные да велел их огнем пожещи». Публицист предлагал освободить порабощенных воинов и сформировать из них «царев полк», наподобие янычар султана. Отсюда следует, что его занимала судьба, в первую очередь, боевых холопов, немалое число которых происходило из разорившихся детей боярских. Некоторых порабощенных воинов, подчеркивал Пересветов, прельстили «светлые ризы», и ради этого они сами записались в холопство. «Светлые ризы» в этом случае являлись символом привилегированного положения людей, служивших в вооруженной свите господина²⁴.

Выступление Пересветова не было единичным явлением. Вслед за ним на общественной арене явился со своим сочинением поп Ермолай Еразм. Его более всего волновал вопрос об оскудении дворянства и необходимости «землемерия», т. е. перераспределения земель в пользу дворян.

Резкие обличения по адресу бояр-правителей, одобренные свыше, явились симптомом глубокого кризиса, охватившего русское общество. Выступления публицистов выражали общественные настроения и готовили почву для проведения реформ, условия для которых давно созрели. Однако осуществить преобразования должны были не писатели и публицисты, а те политические круги, которые имели реальную власть и занимали ведущие позиции при дворе и в думе. Захарьиным понадобилось примерно два года, чтобы окончательно занять место, освободившееся с падением Глинских. И лишь после этого реформы пошли полным ходом.

По случаю царского брака родной брат царицы Анастасии Д. Р. Юрьев получил чин окольничего, но уже в 1549 г. он вместе с В. М. Юрьевым удостоен был боярства. В руках названных лиц вскоре же сосредоточились важнейшие отрасли управления. Д. Р. Юрьев возглавил Большой дворец, а затем Казанский дворец, а В. М. Юрьев — Тверской дворец.

Среди Захарьиных, по-видимому, не было выдающихся государственных деятелей. Но их приход к власти способствовал выдвижению многих лиц, сыгравших ведущую роль в проведении реформ. Боярин В. М. Юрьев, пришедший к руководству Посольским приказом, первым оценил удивительные способности И. М. Висковатого и сделал его своим помощником. И. М. Висковатый служил посольским подьячим с начала 40-х гг. Решительный перелом в его карьере наступил в 1549—1550 гг., т. е. в то самое время, когда к руководству посольским ведомством пришел В. М. Юрьев.

Организованный Висковатым приказ стал од-

ним из главных центральных ведомств страны. Редкие дарования Висковатого как бы запечатлелись в созданном им учреждении. Выходец из низов — «всенародства», Висковатый достиг со временем высших постов в бюрократической иерархии. Иностранцы называли его канцлером.

С первых шагов самостоятельного правления Иван IV близко сошелся с узким кругом высшей приказной бюрократии, принадлежавшей к самой образованной части русского общества. Большое влияние на царя многие годы оказывал Висковатый. Но главным любимцем Ивана стал все же не он, а Алексей Адашев-Ольгов.

В литературе утвердилось мнение о довольно знатном происхождении Адашевых, якобы принадлежавших к роду «старинных и богатых костромских вотчинников», «высшему слою служилых костромичей»²⁵.

Никто из родни Адашевых не попал в 1550 г. в «тысячу лучших слуг», и только двое Ольговых попали в списки Государева двора по Костроме. Все прочие Ольговы служили в уездных дворянах и принадлежали к весьма заурядным провинциальным детям боярским²⁶.

Вспоминая о возвышении Адашева, царь Иван после смерти бывшего любимца писал о том, что тот в «юности нашей» «не вем каким обычаем из батожников водворишася» при царском дворе, «так, взяв сего от гноища и учинив с вельможами, а чающе от него прямыя службы»²⁷. В действительности, А. Ф. Адашев попал ко двору благодаря успешной и длительной службе отца. Василий III упомянул в 1533 г. о посылке в Казань «ближнево своего человека Федора Одашова сына Олгова»²⁸. В 1538 — 1539 гг. Адашев-старший ездил с посоль-

ством к турецкому султану; миссия закончилась успехом, за что он и был пожалован Иваном IV в Москве. Алексей Адашев из-за болезни вернулся в Россию годом позднее и тогда же был представлен великому князю, что подтверждается словами Ивана IV о появлении А. Ф. Адашева при дворе в годы юности государя. Однако признание Адашеву принесли не придворные успехи, а общественная деятельность.

По словам Пискаревского летописца, Адашев «правил Рускую землю», сидя «в ызбе у Благовещения». На площади против Благовещенского собора располагались Казенный приказ и другие приказные учреждения. Казна была одним из старейших ведомств страны. Она принадлежала к числу тех центральных учреждений, от которых в ходе реформ отпочковались многие «избы» или «приказы», ведавшие судом, финансами и т. д. В Казне хранились государственные документы, включая законодательные акты, вот почему именно в стенах Казенного приказа началась работа над царским Судебником, когда власти приступили к проведению судебной реформы. Едва ли случаен тот факт, что именно в период составления нового Судебника А. Адашев возглавил Казенный приказ, получив чин казначея²⁹. Как только разработка кодекса законов была завершена, Адашев ушел с этого поста. Некоторое время он числился в думных списках как первый царский стряпчий, а к осени 1553 г. был пожалован в окольные³⁰.

А. Адашев выдвинулся благодаря реформам, подобно другим выдающимся приказным деятелям своего времени. Участие в судебной реформе помогло незнатному дворянину добиться решающего успеха: войти в состав высшего государ-

ственного органа — Боярской думы. Служилой бюрократии, быстро набравшей силу, суждено было стать одним из важнейших элементов российского самодержавия.

Подавая челобитные царю Ивану IV, И. Пересветов уповал, по-видимому, на покровительство Захарьиных и Адашева. Непримирымый обличитель вельмож, Пересветов с особым чувством писал о боярине М. Юрьеве-Захарьине, под началом которого он успешно служил после прибытия на Русь. Алексея Адашева писатель называл мудрым деятелем. В судьбе Пересветова и Адашева было нечто общее. Оба во время своих зарубежных странствий побывали в пределах Османской империи. Не потому ли Пересветов избрал в качестве аллегории идеальное турецкое царство, что пытался сообразовать свое повествование с опытом человека, от которого зависело осуществление его проектов? Адашев провел за рубежом не так много времени, как Пересветов. И все же, если верить московскому летописцу, он прожил в Константинополе «з год, и приехал к великому князю, и князь велики его пожаловал, и взял его к себе в приближенье...»³¹. Рассказы о странствиях не могли не привлечь внимания Ивана. Османская империя достигла апогея своего военного могущества, и ее победы, наводившие страх на многих европейских монархов, обсуждались повсюду. Интерес к властителям Царьграда находил пищу также в семейных преданиях Ивана IV. Трон в Константинополе занимала династия Палеологов, с которой московский государь был связан прямым и близким родством. Бабка царя Софья бежала из Константинополя, когда город подвергся нашествию не сказочного, а реального «Магмет-салтана».

Различие между Пересветовым и Адашевым состояло в том, что первый был публицистом и прожектером, тогда как второй — любимцем царя и политическим дельцом. Воззрения Пересветова отличались стройностью и продуманностью, но слишком многое в них относилось к области утопий. Адашев же проводил реформы под влиянием неотложных нужд, не имея цельной и последовательной программы преобразований. Типичным примером его деятельности может служить реформа местничества. Началась Казанская война, и власти волей-неволей должны были подумать о том, чтобы ограничить местничество, мешавшее назначать на высшие военные посты самых способных и опытных воевод. И. Пересветов поддерживал идею завоевания Казанской «землицы». При этом он настойчиво советовал царю вовсе отменить местничество. Однако его мысль далеко опережала время. Понадобилось более ста лет, чтобы возникли условия для полного упразднения этого института. В середине же XVI в. любые попытки сколько-нибудь серьезного ограничения местнических порядков неизбежно натолкнулись бы на сопротивление могущественной знати, ибо эти порядки обеспечивали ее политическое господство. Адашев принужден был действовать в строго ограниченных рамках. Незадолго до смерти он включил отчет о своей первой реформе в текст официальной летописи: «А воевод государь прибирает, разсуждая их отечество, и хто того дородитца, хто может ратной обычай съдержати»³². Правитель, как видно, нисколько не сомневался в справедливости основного принципа местничества — назначении воевод по их породе или «отечеству». Способность к ратному делу занимала в его рассужде-

нии второе место. Царские указы о местничестве 1549 — 1550 гг. предусматривали возможность назначения в помощники главнокомандующему наиболее сведущих и одаренных воевод, не обладавших достаточной знатностью. Эти последние ограждались от местнических нападков со стороны других воевод. Принцип назначения на высший пост не отменялся, и закон вовсе не обязывал главного воеводу следовать советам своего заместителя. Указ достигал цели лишь в том случае, когда младший воевода пользовался особым доверием царя. Таким образом, ни о каком серьезном законодательном ограничении местничества не было и речи. Можно заметить, что в реформе местничества попытки устранить вопиющие недостатки местнической системы соединялись с интересами карьеры семейства Адашевых. Отец А. Адашева окольный Федор лишь после ограничения местничества смог получить первый самостоятельный воеводский пост, а именно пост третьего воеводы в армии, посланной для строительства Свияжска.

В литературе можно встретить мнение, что сочинения Пересветова повлияли на взгляды Ивана IV и его политику³³. В доказательство историки ссылались на царскую переписку. «Глухие ссылки на Пересветова, — утверждал М. Н. Покровский, — нередки в письмах Грозного»³⁴. Однако это утверждение, как показал Я. С. Лурье, относится к числу исторических мифов³⁵.

Ивану IV должны были импонировать резкие обличения по адресу бояр, которые «за веру христианскую не стоят, а государю верно не служат», а также пророчества Пересветова относительно того, что нынешний московский царь «будет мудр и введет правду во свое царство», что от его «муд-

рости великие грозы царские лукавые судии яко от сна проснутся» и пр. Однако двадцатилетний царь был мало подготовлен к роли грозного самодержца, которую предложил ему писатель.

Реальная власть в Русском государстве находилась в руках боярского правительства и Боярской думы. Через думу осуществлялись все нововведения. А потому прожектеры, подобные Пересветову, не имея думных чинов и общественного положения, не могли получить доступ к власти и стать деятелями реформы. Характерно, что Пересветов не сделал карьеры и умер в полной безвестности.

Крупнейшим явлением середины XVI в. было зарождение приказной системы центрального управления, просуществовавшей в России до петровских времен. И в этом случае реформа была продиктована нуждами момента и не вытекала из заранее разработанной программы. Центральные и местные органы власти отличались архаизмом и не могли обеспечить необходимую меру централизации власти. Обширным государством немыслимо было управлять с помощью учреждений, сложившихся в Московском княжестве в период раздробленности. Великий князь «приказывал» (поручал) решение дел своим боярам по мере необходимости. Быть «в приказе» означало вести порученным делом. Одним из первых «приказов», превратившихся в постоянное учреждение, было центральное финансовое ведомство — Казна. В его организации заметную роль сыграл византийский финансист и купец П. И. Ховрин-Головин. Чин казначей стал наследственным в его роду. Казначей ведал Денежным двором, собирали государеву «подать» в Московской земле, «дань» (на-

лог) в Новгороде, оплачивали военные расходы и пр. Со временем из состава Казны выделились узко финансовые ведомства, вроде Большого прихода. Государственной земельной собственностью стал управлять Поместный приказ, военными делами — Разрядный приказ, судом — Разбойный приказ.

В числе первых в Москве сформировались приказы, управлявшие княжеским доменом — собственностью великокняжеской фамилии. Дворцовый приказ снабжал дворец и многочисленные царские резиденции припасами. По мере присоединения земель и появления княжеских владений на окраинах рядом с Большим дворцом в Москве появились Новгородский, Тверской и др. дворцы. Как правило, посты дворецкого и конюшего занимали представители одних и тех же старомосковских фамилий Морозовых, позднее Захарьиных и Челядниных. Наследование приказных постов замедляло формирование приказного аппарата. Реформы Адашева послужили толчком к организации системы центрального управления на новых началах. В Дворовой тетради 1552 — 1562 гг. записано до 50 больших и дворовых дьяков, возглавлявших главнейшие приказы или избы. Спустя десятилетие число приказов увеличилось до 86. Штат каждого приказа составляли дьяк, подьячие и писцы числом от 20 до 50 человек.

Характерной чертой системы приказного управления была чрезвычайная дробность ведомств и отсутствие четкого разграничения функций между ними. Наряду с центральными отраслевыми управлениями (Казна, Посольский, Разрядный, Поместный, Разбойный, Ямской приказ, приказ Большого прихода) существовали областные приказы, управлявшие территориями отдельных зе-

мель (Тверской, Рязанский дворцы), упраздненными удельными княжествами (Дмитровский и Углицкий дворцы) и вновь завоеванными землями (Казанский дворец). Существовали также различные мелкие ведомства: Земский двор (полицейское управление), Московское тиунство и т. д. Не только областные дворцы, но и центральные приказы имели в своем ведении специально выделенные территории. В пределах своей территории приказ собирал налоги, творил суд и расправу. К примеру, Посольский приказ осуществлял управление Карельской землей.

Первыми в состав думы вошли руководители Казенного приказа — двое казначеев и их помощник — хранитель большой государственной печати — «печатник». В 60-х годах думными дьяками стали разрядный, поместный и посольский дьяки. Они постоянно присутствовали на заседаниях думы и докладывали дела. Дума периодически назначала бояр в качестве постоянных руководителей главных приказов и направляла окольных в менее важные приказы.

По существу, приказы стали разветвленной канцелярией думы. Таким образом, лишь с образованием приказной системы Боярская дума окончательно конституировалась в высший орган государственной власти. Важной особенностью почти всех новшеств середины XVI в. были сугубый практицизм правительственных мер, слабость их идеологического обоснования и несовершенство или отсутствие у них законодательной основы. Приказы не имели регламента, который определял бы структуру новых учреждений и регламентировал их деятельность.

Перемены в центральном управлении неизбеж-

но повлекли реформу устаревшей системы местного управления. Основу этой системы составляли «кормления». Бояре и знатные дворяне получали города и волости в «кормление». Власть на местах находилась в их руках. «Кормленщик» управлял городом или волостью в течение года или двух, творил суд и расправу, а также «кормился» за счет населения, обращая в свою пользу многие поборы. Мнение, будто правительство Адашева издало в 1556 г. закон, отменявший кормление по всей территории Московского царства не подтверждается источниками. Как доказал А. А. Зимин, летописный текст «приговора» 1556 г. является, скорее, публицистическим памятником, чем законодательным актом³⁶. Незадолго до опалы Алексей Адашев включил в текущую летопись отчет о своих реформах, имевший характер политического завещания. Если верить летописи, в приговоре о кормлениях участвовали царь «з братиею и с бояры», но в летописном рассказе не указаны ни месяц, ни день утверждения приговора, что подрывает доверие к документу.

Летописный приговор представляет собой многословный, чисто литературный рассказ о начинаниях Адашева, перемежающийся поучениями царю, ссылками на Евангелие и т. д. Автор летописи выступает в роли наставника, похвалами старящегося исправить ученика: начало премудрости государя, пишет он, страх Господен, чтобы «церковное предстояние в страхе и трепете имати», «ниже помышляюще во время святого пения»; потехи царские («ловы и иные учреждения») чтобы были отставлены, «потом же суд и правда нелицемерна всем»³⁷. Приговор подвергает решительной критике Устаревшую систему управления, при

которой местные власти — наместники и волостели — кормились за счет населения, т. е. собирали пошлыны в свой карман. Характерно, что царь Иван осуждал систему кормлений в столь же резких выражениях, как и автор летописного отчета. В послании Курбскому он писал: «Тако же убо и ваше хотение, еже вам на градах и на властех совадети, идеже быти, не подобает. И что от сего случишася в Руси, егда быша в коемждо граде градоначальницы и местоблюстители (кормленщици-наместники. — Р. С.), и какова разорения быша от сего, сам своима беззаконными очима видал еси»³⁸.

Приступая к изложению царского приговора о кормлениях, летописец подчеркнул, что «по се время» (до нынешнего времени) бояре и князи сидели «по кормлением по городом и волостем для росправы людем», но вот «вниде в слух благочестивому царю», что кормленщици (наместники) «многие грады и волости пусты учиниша», притесняли население «и много злокозненных дел на них учиниша: не быша им пастыри и учителя, но створишася им гонители и разорители». При всем том кормленщици и сами оставались в накладе. Ввиду частых жалоб и судебных исков, многие из них «и старого своего стяжания избыша, животов и вотчин»³⁹.

Решительная критика системы кормлений предполагала необходимость полной ликвидации этой системы. Однако на деле «приговор» вовсе не предполагал полной и повсеместной отмены кормлений. Согласно летописному тексту приговора, царь Иван своим повелением «бояр... и вельмож и всех воинов устроил кормлением праведными уроки, ему же достоит по отечеству и по

дородству». Иначе говоря, речь шла об упорядочении поборов в пользу кормленщиков — бояр и членов Государева двора.

Правительство упразднило ряд крупнейших кормлений-наместничеств в начальный период реформ. Но при этом его распоряжения не были подкреплены никакими законодательными актами. В Костроме и Рязани бояре «кормились» в последний раз в 1550 г. Покушение на доходы переводистой знати, по-видимому, вызвало противодействие с ее стороны. Правительству пришлось приостановить начатую реформу и, вместо отмены кормлений, заняться регламентацией «кормленных» поборов. Сразу после покорения Казани дворянство потребовало награды за свои ратные труды, и царь «пожаловал (кормлениями. — Р. С.) всю землю». Добившись решающих успехов в Ливонии в 1558 г., Иван IV пригласил многих отличившихся бояр и воевод в Александровскую слободу, «землями и кормлением их довольно пожаловал... тако же детей боярских всех многим своим жалованием жаловал... кормлением и поместьем»⁴⁰.

В районах с развитым служилым землевладением дворянские верхи, имевшие право на замещение «кормленных» должностей, прочно держали в своих руках нити управления. В таких районах реформа кормлений затянулась на два-три десятилетия. Благоприятная ситуация для реформы сложилась на Севере и в Поморье, где начисто отсутствовало боярское и дворянское землевладение. Основную массу населения Севера составляли «черносошные» (платившие подати) крестьяне, которые жили общинами, зависели только от властей, могли менять и продавать свои земли. Как

раз в 1555—1556 гг. население Великого Устюга, Двины и некоторых соседних районов получили от московского правительства грамоты, упразднявшие кормления и вводившие земское самоуправление. Из-за поборов кормленщиков, значилось в грамотах, царю «от крестьян челобитья великие и доука... беспрестанная», а потому «мы (царь. — Р. С.), жалуючи крестьянство, для тех великих продаж и убытков, наместников (кормленщиков. — Р. С.) и волостелей (кормленщиков. — Р. С.) ... от городов и волостей отставили»⁴¹. Бояре и дворяне кормленщики были отозваны в Москву, а местное управление передано в руки выборных земских старост. Шедшие в пользу кормленщиков доходы стали поступать в государственную казну как «кормленный окуп».

В период правления Алексея Адашева завершилось формирование военно-служилой системы, опиравшейся на фонд государственной поместной собственности. В центральных уездах формирование государственного фонда земель протекало иначе, чем на периферии. Наглядное представление об этом дает так называемая «тысячная реформа». В 1550 г. царь и его дума приняли решение о наделении тысячи «лучших слуг» небольшими поместными дачами в Подмосковье. Для проведения реформы требовалось никак не менее 118 тысяч четвертей пашни⁴². Такого количества свободных земель в Подмосковье у казны не было, и реформу удалось осуществить лишь частично. Одну треть лучшей тысячи составляли новгородские и псковские помещики. Обеспечить их подмосковными поместьями власти не смогли⁴³. «Лучшие слуги» Московской земли должны были получить 86.500 четвертей в радиусе 60—70 верст от Моск-

вы. Помимо Московского уезда, тысячников помещали в пределах Дмитровского, Звенигородского, Рузовского и Верейского уездов, наиболее близких к столице. Все эти уезды составляли древнейшее ядро всех владений московской короны. Тут располагался княжеский домен со старинными охотничьими угодьями. Тысячникам предполагалось передать «перевесные деревни и тетереvничии», обеспечивавшие птичью охоту великих князей⁴⁴. Издревле государственной собственностью были «числяки» и «ординцы»: доходы с их деревень и слобод обеспечивали содержание татарских писцов и прочих чиновников, собиравших дань на Руси. Эти деревни также были розданы «лучшим слугам» наряду с оброчными землями. Жители княжеских оброчных земель принадлежали к разряду чернососных крестьян. Теперь они превратились в помещичьих крестьян⁴⁵.

В список тысячи «лучших слуг» были внесены имена удельных князей — Бельского, Мстиславского и Глинского, а также доброй половины членов Боярской думы. Для владельцев крупных княжеств пожалование 200 четвертей под Москвой имело символическое значение. Тем не менее удельные владыки превращались в государевых помещиков, которым указ предписывал при необходимости жить не в своих удельных столицах, а в подмосковном поместье, чтобы «быть готовым в посылки»⁴⁶. Испомещение «лучшей тысячи» позволило правительству всегда иметь под рукой людей, которых можно было назначить воеводами в полки, головами в сотни, отправить с дипломатическими поручениями в соседние государства.

В состав «тысячи» попали лица из старомосковской знати, издавна владевшие крупными вот-

чинными богатствами в Подмосковье. Более 90 тысячников служили по Москве, Дмитрову и пр., т.е. определенно владели вотчинами в уездах, в которых власти решили разместить тысячу «лучших слуг». Единственное ограничение заключалось в том, что по указу их вотчины должны были отстоять от столицы более чем на 60 верст.

147 лучших слуг составляли элиту двора, и им положены были подмосковные поместья в 200 и 150 четвертей пашни. 614 детей боярских из 44 городов Московской земли должны были получить в дополнение к имеющимся у них вотчинам и поместьям подмосковные деревни со 100 четвертями пашни. Для мелких помещиков это был бы полный поместный оклад.

Разделение членов двора на «лучших слуг» и прочих дворян положило начало сложной перестройке Государева двора. Прежде организация двора определялась территориальным принципом. Реформа выдвинула чиновный принцип, в основе которого лежали такие признаки, как знатность и служебное преуспевание.

Испомещение московских служилых людей в Новгороде раскололо единый до того Государев двор Московской земли. Тысячная реформа должна была возродить утраченное единство. Но эта цель оказалась недостижимой. «Иметца земли дати» новгородцам, — значилось в указе, — «31700 чети»⁴⁷. Новгородцев должны были испоместить в последнюю очередь, но земли для них так и не нашлось. Практически, новгородские помещики и не могли нести службу в Москве из-за отдаленности Новгорода, исключительно плохого состояния дорог и непрекращавшейся двадцатипятилетней войны в Ливонии, поглощавшей все силы

новгородско-псковского поместного ополчения. Управлять из Москвы поместным фондом Новгорода было трудно, поэтому решением поместных дел там ведала Новгородская приказная изба. Аналогичным было положение с дворовой службой. Новгородцы несли службу не по московским, а по новгородским спискам.

Власти искали всевозможные средства для того, чтобы пополнить фонд государственной собственности. Они не осмелились применить в Московской земле новгородский опыт экспроприации боярщин, но пытались утилизировать процесс распада крупного княжеско-боярского землевладения.

В 1551 г. власти подтвердили традиционный порядок отчуждения родовых княжеских вотчин, в свое время санкционированный Иваном III и Василием III. Приговор гласил: «А Суздальские князи, и Ярославские князи, да Стародубские князи без царева и великого князя ведома вотчин своих мимо вотчичь не продавати никому же, и в монастыри по душам не давати»⁴⁸. Этот указ, по мнению В. Б. Кобрин, был направлен на консервацию пережитков удельной старины⁴⁹. Это не совсем верно. В 1551 г. правительство заявило о своем намерении взять под свой контроль все сделки на наследственные владения Суздальских, Ярославских и Стародубских князей. Любое отступление от этого принципа влекло за собой отчуждение княжеской вотчины в казну: «А кто вотчину свою без царя и великого князя ведома чрез сесь указ кому продаст, и у купца деньги пропали, а вотчичь вотчины лишен»⁵⁰. Конфискованные вотчины надлежало забрать на государя, «да те вотчины отдавать в поместье». Таким образом, цель нового законодательства заключалась не в консервации

удельной старины, а в расширении фонда государственной земельной собственности, служившей основой новой военно-служилой системы Московского государства.

Приговор 1551 г. содержал статью, регламентировавшую права вотчинников в пределах Белозера, Твери и Рязани. Закон воспрещал местным вотчинникам продавать свои земли иногородним, «мимо тех городов людей». В тогдашних условиях запрет продавать земли иногородним (дворянам из других городов или уездов) имел очевидную цель — поддержание «служилого города».

Приняв на себя обязательство об обеспечении поместными землями всех служилых людей и их сыновей, казна должна была постоянно заботиться о пополнении фонда поместных земель. По этой причине в период реформ власти вернулись к проекту частичной секуляризации церковных вотчин. В речи к членам Стоглавого собора в начале 1551 г. Иван IV весьма недвусмысленно указал на то, что монастыри не умеют как следует распорядиться доставшимися им землями и доходами. Вслед за тем старец Артемий подал собору совет «села отымати у монастырей». Митрополит Макарий употребил все старания, чтобы доказать царю греховность и преступность любых покушений на церковное имущество и доходы. Тем не менее церкви пришлось поступиться частью своих земельных богатств. Согласно приговору 1 мая 1551 г. епископы и монастыри должны были передать казне все земли, пожалованные им после смерти Василия III боярскими правительствами. Во-вторых, они обязаны были вернуть старым владельцам — дворянам и «христианам» — поместные и черные земли, отнятые церковниками за долги или «на-

силством». В-третьих, закон полностью запрещал духовенству приобретать новые земли «без доклада», т.е. без специального на то разрешения властей⁵¹. Меры подобного рода должны были предотвратить выход земель «из службы».

Практические результаты описанных земельных мер не следует преувеличивать. Система ограничений вступала в действие лишь в том случае, если возникала угроза выхода земли из службы. При наличии наследников и при нормальном течении службы князя из состава Государева двора имели право и на выкуп родовых земель, и на первоочередное получение земель из поместного фонда, пополнявшегося за счет конфискованных вотчин.

Земельное законодательство Адашева нельзя рассматривать как преимущественно или исключительно продворянское. Развитие поместной системы отвечало интересам всего служилого сословия в целом.

Государственный поместный фонд в Новгороде был создан посредством прямого насилия. Власти вскоре же столкнулись с трудной и даже неразрешимой задачей поддержания экономического благополучия конфискованных земель. В собственности казны перешли цветущие земли. Но уже через полвека появились грозные симптомы. В Деревской пятине, одной из главных житниц Новгорода, к началу 1550-х годов запустело 27% пашни⁵². После первых же ревизий власти должны были признать, что в распределении и использовании фонда государственных земель царит полная неразбериха. Тревога по этому поводу прозвучала уже в так называемых «Царских вопросах» Стоглавому собору 1551 г. Иван IV заявил о необ-

ходимости генеральной ревизии, которая позволила бы выяснить, кто какими землями и кормлениями владеет и какую службу несет. «До возраста царского», — утверждал Иван IV, — в годы боярского правления многие бояре и дворяне обзавелись землями и кормлениями «не по службе», а другие оскудели: «у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детми ныне втрое, а иной голоден». Чтобы исправить положение, надо составить закон (приговор) «Да поверстати (служилых людей. — Р. С.) по достоинству безгрешно, а у кого лишек, ино недостаточного пожаловати»⁵³.

Уравнительный принцип был одним из основополагающих принципов поместной системы при ее организации. При нормальном ходе службы отцовское поместье переходило по наследству сыновьям. Наследование поместий в двух-трех поколениях вело к сближению двух основных форм землевладения — поместья и вотчины. Дело усугублялось тем, что поместное право не получило четкой юридической базы. Принцип равномерного распределения государственных земель между всеми членами служилого сословия оказался нарушенным, государственное регулирование землевладения и службы поставлено под вопрос. Обращение царя к Стоглаву свидетельствовало, что наибольшее беспокойство властей вызывало положение мелкого дворянства, составляющего главную массу служилого сословия. Оклад в 100 четвертей был характерен для этой прослойки. (Бояре имели оклад в 1000 четвертей). Правительство считало недопустимым, чтобы при отцовском окладе в 100 четвертей у одних сыновей-наследников было 300 четвертей, а у других ничего. Слова царя свидетельствовали о намерении ввести по всему го-

сударству единообразную систему поместных окладов, соответствовавших служебному положению дворян, «породе» и службе отцов. Для упорядочения военно-служилой системы власти решили провести описание земель, организовать смотры дворян по всему государству и пересмотреть налоговую систему.

Смотр дворян имел место в 1556 г. Его цель сводилась к следующему: «да уведает государь свое воинство, хто ему как служит, и государское к ним по тому достоинству и жалованье»⁵⁴. Разбор и верстание, проведенные в ходе генерального смотра, сопровождались установлением окладов для всех служилых людей и новиков, поступивших на службу.

В летописном отчете фигурирует единый «Приговор о кормлениях и службе». По Зимину, закон о сплошной отмене всех кормлений никогда не был издан, тогда как закон о службе, несомненно, существовал⁵⁵. С этим можно согласиться. Однако надо иметь в виду, что летопись сохранила не подлинный текст, а всего лишь пересказ так называемого Уложения о службе 1556 г. По-видимому, Адашев работал над летописью во время своего пребывания в Ливонии. Сразу после смерти Адашева царский гонец забрал из его канцелярии и увез в Москву подготовленные им летописные материалы для «летописца лет новых». В царском архиве хранился «обыск князя Ондreja Петровича Телятевского в Юрьеве Ливонском про Олексею смерть Адашева, и списки черные, писал (А. Адашев. — Р. С.) память, что писати в летописец лет новых, которые (списки — Р. С.) у Олексея взяты»⁵⁶.

Адашев писал не саму летопись, а «память» — распоряжение приказным людям, какой материал

должен быть включен в летопись и под каким углом зрения его следует рассматривать. После опады Адашева составление летописи перешло к чиновникам Посольского приказа, успевшим составить последнюю часть летописи с 1560 до 1567 гг. В описи архива Посольского приказа помечено: «Ящик 224. А в нем списки, что писали в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го до лета 7074-го и до 76-го»⁵⁷. Адашев довел работу до 1560 г.

Не имея под руками текста подлинного приговора, Адашев ограничился его пересказом, отметив в конце отчета: «подлинныя тому розряды у царских чиновначалников, у приказных людей»⁵⁸. Из пересказа Адашева следует, что военная реформа затронула все служилое сословие от вельмож до простых воинов. Разрешив вопрос о кормлениях, «государь и сея расмотри: которые вельможи и всякие воины многими землями завладели, служба оскудеша, — не против государева жалования и своих вотчин служба их, — государь же им урвения творяше: в поместьях землемерие им учиниша, комуждо что достойно, так устроиша; преизлишки же разделиша же неимущим»⁵⁹.

При анализе реформ XVI в. надо иметь в виду то, что Россия не имела ученого «сословия» правоведов и развитой юриспруденции. Законодательные функции Боярской думы и приказных ведомств были ограничены. Источником закона было не право, а монаршая воля. Все дела в думе решались по формуле: «Царь указал, а бояре приговорили». Летописный отчет о реформе службы снабжен заголовком «О рассмотрении государском». Реформа опиралась не на закон с четко разработанными юридическими нормами, а на царские

предначертания. Предоставление поместий служилым людям имело вид царской «милости» или царского «пожалования». В летописном «приговоре» отсутствуют данные насчет того, какие поместные оклады служили исходной нормой при проведении уравнительного «землемерия» и как определялись излишки у «вельмож», оскудевших службой. Из текста «приговора» следует, что поместное «землемерие» имело одним из главных последствий установление единой нормы службы для различных видов землевладения. Каждый землевладелец, будь то вельможа или воинник, должен был выставить в поле бойца с каждых 100 четвертей земли, вотчинной или поместной; «и кто послужит по земли, и государь их жалует своим жалованием, кормлением, и на уложенные люди дает денежное жалование; а кто землю держит, а службы с нее не платит, на тех на самех имати денги за люди»⁶⁰.

Боярская книга 1556 г. свидетельствует, что нормы службы с земли, обозначенные в летописном отчете Адашева, носили реальный характер. Примечательно, что при определении норм службы власти приняли за исходный оклад в 100 четвертей «доброй» земли. Помещики, имевшие меньший оклад, вообще не обязаны были выставять в поход боевых холопов.

Вотчинники получили право на поместье наряду с прочими служилыми людьми, вследствие чего принцип обязательной службы был распространен на всех вотчинников. Так поместная система, в конечном счете, уравнила в службе все прослойки высшего класса.

На дворянских смотрах середины XVI в. была установлена единая система поместных окладов для

всех или большинства членов военно-служилого сословия России. Казна гарантировала поместное обеспечение не только дворянам, но и их потомкам при их поступлении на государеву службу. Тем самым устранялась угроза разорения, казавшаяся неотвратимой при наличии многих сыновей в семье и обязательном разделе земли между всеми наследниками. Таким образом, государственная собственность породила грандиозную утопию. Она сулила дворянству благоденствие на все обозримое будущее. Рано или поздно утопия должна была рухнуть.

Россия унаследовала налоговую систему от времен раздробленности. В каждой земле существовали свои налоги, оброки и повинности, соответствовавшие традициям. В итоге реформ власти добились единообразия в налоговой сфере, введя «большую соху» как единицу обложения по всей стране. На крестьянских «черносошных» землях (в основном, на Севере, где были упразднены кормления) в соху клали 500 четвертей пашни, на монастырских — 600, на поместных — 800 четвертей доброй угодной земли. Оскудение дворянства вынудило казну сделать весьма серьезные уступки военному сословию. Отныне служилые люди платили гораздо меньшие налоги со своих земель, чем крестьяне Севера или монастыри. Налоговые льготы должны были приостановить начавшееся запустение фонда государственных земель и разорение мелкопоместных дворян, составлявших ядро русской армии.

Реформы середины XVI в. привели к реорганизации военных сил, что позволило России активизировать восточную политику. Татарское нашествие надолго остановило миграцию славянского

населения в южные степи в бассейне Дона и Нижней Волги. Расширение экономических связей между Русью и Ордой привело к возникновению в ордынской столице Сарая большой русской колонии. С разрешения хана русская митрополия основала в Орде епископство Сарайское и Подонское. Кровавые усобицы, потрясшие Орду после ее распада, привели к запустению Сарая. Сарайское епископство закрылось, а его епископ был отозван в Москву и поселен на Крутицах. Но приток русского населения на ордынские земли не прекратился, а усилился. В XVI в. Россия многократно страдала от катастрофических неурожаев и голода. Бедствия вели к массовому бегству разоренного и голодающего населения на необжитые девственные земли великой степи. Беглецы (из холопов и других слоев общества) селились на речных островах, в гористых местностях, наподобие волжских Жигулей, и других местах, недоступных для кочующей Орды. Население степных «станций» было этнически неоднородным. Поначалу в них преобладали татары, по разным причинам вынужденные покинуть родные места и скрываться от власти. Со временем подле татар появилось более многочисленное славянское население. Миграционные потоки из России оказались более сильными. Однако само название вольницы («казаки»), наименование их предводителей («атаманы», «есаулы») имели сугубо татарское происхождение. Бегство в степь вело к отказу от привычного уклада жизни. Казаки не пахали землю, потому что кочевые орды могли обнаружить их поля и уничтожить посевы и самих владельцев. Отказ от земледелия объяснялся и тем, что среди беглецов многие не вели хозяйства на земле в России. Казаки

не держали лошадей, а их главным занятием было рыболовство. В случае опасности они спасались от татарской конницы на своих быстроходных стругах (судах). Одним из главных источников дохода казаков были война и грабеж. Вольница постоянно тревожила татар нападениями, угоняла их стада, сбывала коней в пограничных русских городах. Вольные казаки избирали своих командиров и все дела решали на «круте» (собрании мужчин-воинов). Вольная колонизация степей опережала правительственную. Ко времени Ивана IV казаки основали свои станицы по всему течению Дона и Нижней Волги. Вольница не признавала над собой власти царя. Но когда русские полки появились в Нижнем Поволжье, казаки оказали им неоценимую помощь⁶¹.

Освобождение Руси от монгольского ига было следствием распада одной из крупнейших в мировой истории военных держав — Монгольской империи. Избавившись от кочевников-татар, Восточная Европа столкнулась лицом к лицу с кочевниками из Малой Азии — турками. Османская империя сокрушила тысячелетнее Византийское царство. Ее власть распространялась на Болгарию, Сербию, Крым, Молдавию и Албанию. В XVI в. турки захватили Сирию и Египет, нанесли поражение венграм и осадили Вену. Османская империя создала многочисленную сухопутную армию, ядром которой составляла иррегулярная конница. Турки добились господства на Средиземном море.

После распада Золотой орды казалось, что татарская сила никогда не соберется воедино. Однако после того, как турки подчинили самое мощное из татарских «царств» — Крымское ханство, возникла реальная возможность воссоединения

бывших владений Орды под эгидой турок. После нападения крымского хана на Москву в 1521 г. казанцы порвали вассальные отношения с Россией. Вскоре же в Казани водворились крымские Гиреи. Казань пыталась отстоять свою независимость, обращаясь за помощью то к Крыму, то к России. В 1545—1546 гг. борьба между сторонниками Бахчисарая и Москвы привела к изгнанию с казанского трона сначала крымского ставленника Сафа-Гирея, а затем московского ставленника Шах-Али. Постоянные междоусобицы подрывали силы Казанского царства изнутри.

После коронации Ивана IV русское правительство выдвинуло план военного покорения Казанской земли. Российское дворянство с энтузиазмом поддержало планы царя. Иван Пересветов с редкой откровенностью выразил общее настроение. «Мы много дивимся тому, — писал Пересветов, — что великий сильный царь долго терпит под лазухой такую землю (Казань) и кручину от нее великую принимает; хотя бы таковая земля удобная и в дружбе была, ино было ей (ее) немочно терпети за такое угодие»⁶². Плодородие «подрайской» Казанской земли — вот что влекло дворян в Нижнее Поволжье. Русские дворяне рассчитывали на то, что война принесет им богатую добычу и казанские поместья. Митрополит Макарий благословил Ивана IV на войну с «агарянами» (неверными).

Первый поход на Казань русские войска предприняли в 1548 г. Кампания была плохо подготовлена, и царь с полками застрял у Нижнего Новгорода, не сумев переправиться за Волгу из-за раннего таяния льда. Иван IV повернул вспять «со многими слезами». В дни второго похода в 1550 г.

русская армия вышла в окрестности Казани, но воеводы не решились на длительную осаду.

Накануне третьего похода русские построили на правом берегу Волги против Казани острог Свяжск. Казанцы пытались избежать войны и выразили покорность («добили челом») царю. Шах-Али вновь занял казанский трон. Но служилому хану не удалось усидеть на татарском троне. В 1552 г. Казанский край был вновь охвачен пламенем войны. Передовые силы русской армии сосредоточились в Свяжске заблаговременно. Ими командовал князь Александр Горбатый, талантливый и опытный воевода. Внезапное вторжение Крымской орды едва не расстроило планы царя. Крымцы появились под Тулой, в непосредственной близости от Москвы. Воеводы отразили татар от стен крепости, а затем разгромили их арьергарды на р. Шиворонь.

23 августа московские полки приступили к осаде Казани. Город, расположенный на обрывистом холме у р. Казанки, был защищен дубовыми стенами и рвом. Крепость служила резиденцией для хана и его знати. Она не могла вместить большой гарнизон. Ко времени осады орда с кибитками и табунами продолжала кочевать в окрестных степях. Передовые силы русской армии наблюдали за передвижениями Орды и старались предотвратить ее нападения с тыла на русский осадный лагерь. Верховным главнокомандующим считался двадцатидвухлетний царь. Но он не имел никакого военного опыта и ничем не отличился в кампании. Командующим русской армии Курбский назвал Горбатого. Его умелые действия обеспечили успех осадных работ в начале кампании. Когда укрепленный лагерь был построен, Горбатый раз-

громил Орду в битве на Арском поле. Татары произвели вылазку из крепости, но Орда не смогла подкрепить их натиск ударом с тыла.

В ходе осады дьяк Выродков возводит против Царевых ворот трехъярусную башню. Установленные на ней пушки обстреливали татарский гарнизон поверх крепостных стен.

В течение сентября немецкий инженер (летописи называли его розмыслом или мудрецом) подвел четыре подкопа под стены крепости. Взрыв порохового заряда засыпал колодцы, питавшие город водой. После взрыва подкопа у Арских ворот последовал штурм крепости. Отряды воеводы Басманова добились наибольшего успеха, заняв Арскую башню. Из-за неподготовленности прочих полков общий штурм был отложен на два дня. Все это время войны Басманова, «заставившись» крепкими щитами, удерживали башню. 2 октября последовал генеральный штурм крепости. Русские ворвались в крепость с разных сторон. Татары сражались с ожесточением. Понеся огромные потери, воеводы решили ввести в бой последние резервы — Царев полк. Иван IV находился в своем шатре. Лишь по окончании молитвы он выступил с полком к месту сражения. Промедление дало пищу для неблагоприятных толков. Как писал Курбский, в критический момент воевода приказал развернуть государеву хоругвь возле главных ворот «и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взяв, близ хоругви поставиша»⁶³.

Свежие силы решили исход сражения на улицах города. Казань пала.

Казанское ханство обладало крупными силами и доминировало среди более мелких татарских «царств» и улусов на обширной территории от

Поволжья и Северного Кавказа до Сибири. Падение Казани вызвало крушение всего конгломерата государств, образовавшихся на развалинах Золотой Орды. Вассалами и данниками царя признали себя правители Большой Ногайской орды и Сибирского ханства, Кабарда и пятигорские князья на Северном Кавказе. Башкиры объявили о присоединении к России. Москва не вмешивалась в дела ногайцев и сибирских татар. Но Астрахань должна была открыть крепостные ворота перед русскими воеводами. Астраханский хан Дербыш-Али присягнул на верность царю.

На протяжении многих лет Россия принуждена была держать значительные силы на территории Казанского ханства, где продолжались народные восстания. В ходе восстания татарская знать, не сложившая оружия, подверглась истреблению либо закончила жизнь в плену. Новгородские летописцы сообщают подробности о судьбе казанцев, плененных в казанской войне. Шестьдесят казанских татар привезли в Новгород и сначала развели по дворам, возложив обязанность кормить их на архиепископа и «гостей веденых». Вскоре же татар переселили в три вновь построенных тюрьмы. После двухлетнего тюремного заключения часть пленников согласилась принять православие и была распределена по монастырям, «а которые не захотели креститься, ино их метали в воду»⁶⁴.

Орда никогда не чинила притеснений православной церкви. В свою очередь, русские власти в условиях непрерывных восстаний не предпринимали попыток к искоренению ислама в завоеванном царстве.

Та часть казанской знати, которая выразила

готовность к сотрудничеству с Москвой, перешла на царскую службу и заняла высокое положение в официальной московской иерархии. Московское правительство стремилось оторвать татарских «царевичей» от их степных кочевий и переселить вместе с их войском — «двором» — на Русь. Одни из переселенных «царей» и «царевичей» сохраняли религию предков, другие получали землю и принимали христианскую веру.

Мусульманские ханы владели «царством» в Касимове, «удедами» в Юрьеве и Романове, крещенные «царевичи» держали земли в Звенигороде, Суражике и иных местах. В Касимове и других мусульманских «уделах» татарские владыки держали собственную администрацию, творили суд и расправу, отправляли свои религиозные обряды. Как заявляли русские послы за рубежом, в переданных ханам городах «мусульманские веры люди по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит, всякой иноземец в своей вере живет»⁶⁵. Во владениях мусульманских ханов жили не только татары, но и православное русское население. Права мусульманских ханов в отношении этих двух групп населения были неодинаковы. Касимовские ханы выступали как удельные владыки по отношению к татарскому населению и как кормленщики по отношению к русскому населению, отданному под их власть.

Русские использовали всевозможные средства, чтобы упрочить свое господство в Казани. Они вывели из казанской крепости все население и поселили в татарские дворы русских дворян. В 1555 г. было образовано Казанское архиепископство, приступившее к христианизации края.

В конечном итоге, завоевание «подрайской землицы» не оправдало надежд русского дворянства. Степи с их мощным травяным покровом отличались редким плодородием, но с трудом поддавались обработке. Площадь распаханной земли в пределах края оставалась незначительной.

Русское правительство произвело первый раздел казанских земель вскоре после завершения семилетней Казанской войны. В мае 1557 г. казанский воевода наделил землями, ранее принадлежавшими казанскому хану и его мурзам, русских дворян и детей боярских. «Подрайская земляца» пополнила фонд государственных поместных земель России. Крупные поместья получил царский наместник Казани. Значительные владения были выделены архиепископскому дому. С 1565 г. расхищение земель коренного населения Среднего Поволжья приобрело еще более широкий размах: в поместную раздачу поступил значительный фонд государственных «черных» и дворцовых деревень, а также земли, «исстари» принадлежавшие татарам, чувашам и мордве. В одном Казанском уезде переселенцы получили 10 сел, 3 сельца, 28 деревень и 10 пустошей, 525 крестьянских дворов. В их руки перешло около 14 тыс. четвертей пашни, а если считать вместе с перелогом и пашенным лесом — более 23 тыс. четвертей пахотной земли⁶⁶.

Примечания к главе 3. Московское царство

¹Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. С. 105; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 274.

²ПСРА. Т.13. С. 450.

³Сб. РИО. Т.59. С. 345.

- ⁴Переписка. С. 29.
⁵ПСРА. Т.34. С. 29.
⁶ПСРА. Т.13. С. 455.
⁷ПСРА. Т.4. Ч.1. Вып.3. С. 620.
⁸Курбский А. Сочинения. С. 168, 169.
⁹Переписка. С. 29.
¹⁰ПСРА. Т.13. С. 456—457; ПСРА. Т.4. Ч.1. Вып.3. С. 621.
¹¹ПСРА. Т.4. Ч.1. Вып.3. С. 620.
¹²Там же; Т.13. С. 456.
¹³Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 114.
¹⁴ПСРА. Т.13. С. 456.
¹⁵Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. С. 136.
¹⁶Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 310—312, 319, 440.
¹⁷Исторический архив. М., 1956. Т.7. С. 295—296.
¹⁸Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л. 1969. С. 365 и др.
¹⁹Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 217 и др.
²⁰Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 156, 167, 178, 183.
²¹Лурье Я. С. [Рецензия] // Известия АН Отделение литературы и языка. 1959. Т.8. Вып.5. — С. 450—451; Переписка. С. 231—232.
²²Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Кн.2. М., 1954. С. 219—221.
²³Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. С. 331.
²⁴Сакетти А. Л., Сальников Ю. Ф. О взглядах И. Пересветова // Вопросы истории. 1957. № 1. С. 119.
²⁵Лихачев Н. П. Государев родословец и род Адашевых. СПб. 1897, Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // Ученые записки МГУ. Кафедра истории СССР. М., 1954. Вып.167. С. 32—33.
²⁶ТКДТ. С. 149, 150.
²⁷Переписка. — С. 30.
²⁸Лихачев Н. П. Государев родословец и род Адашевых. С. 5.
²⁹Разрядная книга 1475—1605 гг. Т.1. Ч.2. М., 1977. С. 290.
³⁰Там же. С. 450—451, 457.

- ³¹ПСРА. Т.34. С. 181.
³²ПСРА. Т.13. С. 267.
³³Иловайский Д. История России. М., 1890. С. 687; Орлов А. С. Древняя русская литература. М.; Л., 1945. С. 314.
³⁴Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т.2. М., 1913. С. 112.
³⁵Переписка С. 231.
³⁶Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 429.
³⁷ПСРА. Т.13. С. 267.
³⁸Переписка С. 24.
³⁹ПСРА. Т.13. С. 267.
⁴⁰Там же. С. 312
⁴¹Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 423.
⁴²Веселовский С. Б. Феодалное землевладение Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М., 1953. С. 317.
⁴³Павлов А. Н. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 106.
⁴⁴ТКДТ. С. 53.
⁴⁵Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. С. 416.
⁴⁶ТКДТ. С. 53.
⁴⁷Там же.
⁴⁸Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. С. 31—33.
⁴⁹Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 76, 81—82
⁵⁰Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в. Тексты. С. 31—33.
⁵¹Там же.
⁵²Аграрная история Северо-Запада России. Новгородские пятины. Л., 1975. С. 295.
⁵³ПСРА. Т. 13. С. 268—269.
⁵⁴Там же. С. 271.
⁵⁵Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 430.
⁵⁶Описи царского архива. С. 43.
⁵⁷Там же.
⁵⁸ПСРА. Т.13 С. 269.
⁵⁹Там же. С. 268—269.
⁶⁰Там же.
⁶¹Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск. 1982. С. 117—122.

⁶²Зимин А. А. И. С. Пересветов. С. 378.

⁶³Курбский А. История о великом князе Московском. Спб., 1913: С. 38.

⁶⁴Новгородские летописи. Спб., 1879. С. 87.

⁶⁵Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л., 1954. С. 77.

⁶⁶ЦГАДА. Ф.1209. N 643. Л., 366—369. Пашня дана в пересчете на три поля.

Глава 4 ИЗБРАННАЯ РАДА

В своей «Истории о великом князе Московском» Андрей Курбский упомянул о том, что при Сильвестре и Адашеве делами государства управляла Избранная рада. Если верить письмам Грозного, Рада состояла сплошь из изменников бояр. По Курбскому, в Избранную раду входили мудрые мужи. Несмотря на то, что «История» несколько не уступала по тенденциозности письмам царя, предложенный Курбским термин «Избранная рада» получил признание в исторической литературе и лег в основу многих историографических оценок. С. М. Соловьев и В. М. Ключевский называли Избранную раду боярским советом, действовавшим на царя через таких лиц, как Сильвестр и Адашев. С. Ф. Платонов считал, что в Раде преобладал княжеский элемент и «чисто княжеская тенденция», но по составу она не совпадала ни с Боярской, ни с ближней думой, ибо возникла как «частный кружок, созданный временщиками для их целей и поставленный ими около царя не в виде учреждения, а как собрание «доброхотающих» друзей»¹.

По мнению И. И. Смирнова, Избранная рада сложилась в результате ликвидации боярского правления и явилась проводником дворянских интересов². А. А. Зимин называл Избранную раду

правительством компромисса, подчеркивая, что ее преобразования отвечали «пожеланиям дворянства и дальновидных кругов боярства»³. По мнению Д. Н. Альшица, Избранная рада выступала от имени служилой массы и верхов посада и, в отличие от органа совещательного и законодательного — Боярской думы, — имела функции директорий, или фактического правительства⁴.

Как правило, историки использовали понятие «Избранная рада» для обозначения правительства реформ 1550-х гг. Обращение к «Истории» Курбского позволяет выявить ошибку в исходном пункте рассуждений о Раде. Первые реформы были проведены под эгидой Захарьиных. По мнению Курбского, рады в то время еще не существовало. Избранная рада, утверждал князь, образовалась после того, как Сильвестр и Адашев собрали подле Ивана IV мудрых советников, а недостойных «ласкателей» Захарьиных отогнали прочь⁵. Захарьины приобрели большое влияние при дворе, благодаря родству с царицей Анастасией. Их позиции пошатнулись после кризиса 1553 г.

В дни тяжелой болезни в марте 1553 г. Иван IV составил духовное завещание и назначил опекунов при младенце Дмитрии. Опытный политик Василий III облек регентскими полномочиями брата князя Андрея Старицкого и влиятельных вождей Боярской думы. Иван IV с детства не доверял знати и считал, что интересы наследника лучше всех защитит царица Анастасия и ее братья Захарьины.

Царь был при смерти. Захарьины готовились взять власть в свои руки и править от имени сестры-царицы и ее сына. Однако Боярская дума помнила, какими потрясениями сопровождалось правление Елены Глинской, и противилась регентству

Анастасии и ее братьев. В официальной летописи ранней редакции кризис обрисован с помощью евангельской цитаты: «посети немощь православного нашего царя... и сбытся на нас евангельское слово: поразисте пастыря, раздутся овца»⁶. Летопись находилась в ведении А. Адашева, желавшего предать забвению «вся злая и скорбная». Однако прошло некоторое время, и Иван IV взялся за исправление летописи. На полях двух летописных томов — Синодального списка и Царственной книги — появились обширные приписки, посвященные событиям 1553 г. Иван IV правил Синодальный список, по-видимому, в июле 1563 г. Обширная приписка на полях Царственной книги, которую можно назвать «Повесть о мятеже», появилась на свет позже. (См. Приложение.) Летописные приписки отличаются тенденциозностью и могут быть использованы лишь после тщательной критической проверки. Для сравнения следует привлечь, прежде всего, ранние источники документального происхождения — крестоцеловальные записи (записи присяги) князя Владимира, сохранившиеся в трех вариантах: первая была составлена 12 марта 1553 г., вторая (черновая) — в апреле 1554 г. и третья — в мае 1554 г. Иван IV заболел 1 марта 1554 г., а к 11 марта положение его казалось безнадежным. 12 марта Старицких принудили утвердить крестоцеловальную запись, которая в основных пунктах повторяла «докончание» Василия III с удельным князем Юрием Ивановичем по случаю рождения Ивана IV в великокняжеской семье. После кризиса младенец Дмитрий погиб, а в царской семье родился сын Иван. В апреле 1554 г. власти составили новую, значительно более подробную запись, и в мае Вла-

дими́р принес присягу на имя царевича Ивана. К тому времени властям поступило много доносов, и царь располагал значительно более полной информацией об интриге Старицких, чем в марте 1553 г. Эта информация отразилась в новых ограничительных пунктах, включенных в запись 1554 г. Владимир взял на себя следующее обязательство: «А жити ми на Москве в своем дворе, а держати ми у себя своих людей всяких 108 человек, а более ми того людей у себя во дворе не держати, а опричь ми того, служилых людей своих всех держати в своей отчине»⁷. Запись подтверждает достоверность данных «Повести о мятеже» о том, что в самые тяжелые дни болезни князя Старицкие собрали на столичном дворе удельное войско — «своих детей боярских да учили им давати жалованье денги», что вызвало протест со стороны верных бояр⁸. Князя Владимира заподозрили в подготовке военного переворота, что удостоверено записями 1554 г. В черновом варианте оставлен пробел в тексте, зато в беловике точно обозначена максимальная цифра людей, которых Старицкие могли держать на своем дворе в Кремле. В удельной армии служили сотни детей боярских с боевыми холопами. Фактически их запрещено было вывозить из провинции в столицу. Даже знатные бояре держали на московских подворьях до сотни вооруженных слуг. Старицким разрешалось держать в столице сотню «людей всяких», среди которых, очевидно, преобладала прислуга, жившая на удельном дворе.

Летописные приписки сообщают, что в дни кризиса Старицкие и их родня пытались перезвать на службу в удел многих влиятельных людей Боярской думы. Крестоцеловальные записи подтвер-

ждают этот факт. 12 марта 1553 г. князь Владимир обязался не принимать в удел «служебных» князей с вотчинами и бояр. В апрельской записи этот список был расширен: запрет распространялся на детей боярских, дьяков и всяких людей.

У царя Ивана был глухонемой брат Юрий. Тесть Юрия князь Дмитрий Палецкий входил в ближнюю думу царя. Палецкий тщетно добивался выделения Юрию удельного княжества, управление которым перешло бы в его руки. «Повесть о мятеже» сообщает, что Палецкий присягнул царевичу Дмитрию и тут же тайно известил княгиню Ефросинью, что «они (Юрий с женой и тестем. — Р. С.) им будут, княгине Ефросиньи и князю Володимиру, на государство не сопротивны, а служити им готовы», если те пожалуют Юрия удельным княжеством⁹.

Летописные сведения находят подтверждение в документальных материалах. В 1554 г. Старицкий обязался выступить против любых недругов царя и его наследника, «хоти которой брат родной учинитца недругом сыну твоему... и отступит от него»¹⁰. Обязательство насчет «брата родного» имело в виду недееспособного царского брата Юрия и его окружение.

Автор летописных приписок многократно подчеркивал, что душой боярского заговора была мать Владимира княгиня Ефросинья. Согласно «Повести о мятеже», боярин Палецкий вел переговоры с Ефросиньей через свояка В. П. Борисова, родного дядю Ефросиньи. В апреле 1554 г. князь Владимир обязался немедленно донести на мать в случае новых интриг с ее стороны: «А по грехом, мать моя княгиня Ефросинья учнет мя на которое лихо... учнет мя наводити... и мне матери своей княгини

Ефросиньи, в том ни в чем не слушати, а сказати ми те ее речи сыну твоему, которой на государстве будет, и матери его в правду без хитрости». Владимиру вменили в обязанность слушаться не мать, а царских бояр: «А без бояр сына твоего которого дела не делати, которые бояре в твоей, государя моего, душевной грамоте писаны, и не сказав ми сыну твоему и его матери, никакого дела не вершити».

Фактически крестоцеловальная запись ставила князя Владимира под опеку царицы Анастасии и бояр, записанных «в душевной грамоте», т. е. опекунов Захарьиных. Владимир обязался обличить мать не только за дурные поступки, но и за дурные помыслы. «А хотя мя мать моя и не учнет наводити на лихо, а взведаю, что мать мя сама захочет которое лихо учинити, или умышляти учнет которое лихо над сыном твоим (царским. — Р. С.) и над его матерью, или над его бояры и дьяки, которые в твоей, государя нашего, душевной грамоте писаны: и мне то лихо матери своей сказати... в правду без хитрости, а не угаити ми того никак некоторыми делы, по сему крестному целованью»¹¹.

Положение опекунов (Захарьиных) было достаточно трудным. Они не располагали ни достаточной поддержкой в Боярской думе, ни в ближней думе. О ближнем боярине князе Дмитрие Курлятове ходили слухи, будто он, как и другой ближний человек — казначей Н. Фуников, вел тайные переговоры с Ефросиньей и ее сыном Владимиром, «а хотели его на государство». Автор «Повести» попытался подтвердить слухи, отметив, что названные лица не принесли присягу 11 марта под предлогом болезни.

Ранняя переписка на полях Синодального тома содержала выписки из судебных материалов и носила в целом объективный характер. На суде в 1554 г. участник заговора князь Ростовский показал, что бояре не желали признать авторитет регентского совета, назначенного больным Иваном IV. Перезывая бояр на службу к Владимиру, Ростовский и другие сторонники удельного князя говорили: «только нам служити царевичю Дмитрею, ино нам владети Захарьиным и чем нами владети Захарьиными, ино лутчи служити князю Владимиру...».

Автор «Повести о мятеже» сослался на доносы от верных бояр, обличавшие заговорщиков. Согласно «Повести», конюший боярин Иван Федоров-Челяднин сообщил, что к нему обращались родственники Ефросиньи и отговаривали его от присяги Дмитрию следующим образом: «Ведь де нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиным, а нам служити государю малому, и мы учнем служити старому — Володимеру Ондревичу»¹².

Текст царской духовной грамоты не сохранился. Но сетования знати подтверждают, что главными регентами при Дмитрии государь назначил Захарьиных.

Аристократия претендовала на власть в государстве и негодовала на самодержавные замашки царя. В тайной беседе с литовским послом боярин Ростовский жаловался: «Их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас ими теснит, да и тем нас истеснил ся, что женился у боярина у своего дочер взял понял робу свою и нам как служити своей сестре»¹³.

«Повесть о мятеже» сообщает об открытом выступлении бояр, но ее данные не находят подтверждения в документальных источниках. Наличие черного варианта «Повести» позволяет проследить за тем, как под пером летописца возникла версия «мятежа».

Главные события, согласно «Повести», произошли 12 марта в день общей присяги. Церемония должна была проводиться в Передней избе дворца, куда царь выслал князя В. И. Воротынского и И. М. Висковатого с крестом. Торжественное начало омрачилось тем, что старший боярин думы князь И. М. Шуйский заявил формальный протест: «Им не перед государем целовати (крест. — Р. С.) не мочно: перед кем им целовати, коли государя тут нет?»¹⁴. Подлинный смысл протеста Шуйского заключался в следующем. Руководить присягой мог либо сам царь, либо старшие бояре. Вместо этого церемония была поручена Воротынскому. Бояре, превосходившие «породой» Воротынского, не скрывали раздражения. Подойдя к кресту, князь И. И. Пронский попрекнул Воротынского отцом, которого умертвили в темнице за измену. Боярин князь Д. И. Немого-Оболенский, покидая Кремль, сетовал: «Бог то не знает: нас де бояр приводят к целованию, а сами креста не целовали»¹⁵. По-видимому, Оболенский негодовал на то, что регенты принесли присягу не на общем заседании Боярской думы на глазах у всех, а за спиной думы, на день раньше.

К составу ближней думы принадлежал А. Ф. Адашев. В качестве главного советника и любимца царя он имел основания рассчитывать на участие в опеке над Дмитрием. Однако именем умирающего царя во дворце распоряжались Захарьины, не допустив-

шие включения Адашева в опекунский совет. Немилость недавних покровителей обидела Адашевых. Выступив после Шуйского, окольник Ф. Г. Адашев обратился к думе со следующим заявлением: «Ведает Бог да ты, государь: тебе, государю, и сыну твоему царевичу Дмитрию крест целуем, а Захарьиным нам Данилу з братиею не служивати; сын твой, государь наш, еще в пеленицах, а владети нами Захарьиным Данилу з братиею; а мы уж от бояр до твоего возрасту беды видели многия»¹⁶. Протест Ф. Г. Адашева дал повод для инсинуаций. В письме Курбскому Грозный прямо приписал Алексею Адашеву намерение «известить» младенца царевича. Однако из «Повести о мятеже», сочиненной самим царем, следует, что Алексей верно-подданически и без всяких оговорок целовал крест Дмитрию в первый день присяги. Отец А. Адашева недвусмысленно высказался за присягу законному наследнику, но при этом выразил неодобрение по поводу регентства Захарьиных.

В первоначальном тексте «Повести» сразу за речами Шуйского и А. Адашева следовало изложение «царских речей». Грозный будто бы обвинил бояр в том, что они «свои души забыли, нам ест и нашим детям служить не хотите». Видя растерянность главных регентов Захарьиных, Иван IV якобы стал стыдить их: «А вы, Захарьины, чего испугались? Или чаете, вас бояре пощадят? Вы от бояр первыя мертвецы будете!»¹⁷. Иван IV заклинал опекунов спасти царицу с сыном.

Царские речи, без сомнения, являются вымыслом. Иван был при смерти, не узнавал людей и не мог говорить. Но даже если бы он сумел что-то сказать, у него не было бы повода для «жесткого слова» и отчаянных призывов. Перечитав «По-

весть», царь должен был заметить несообразность своего рассказа. Решив исправить дело, Иван дополнил рассказ. После строки с речью Адашева в тексте появился выносной знак (крестик в круге), обозначающий вставку. Сама вставка помещена была на полях следующей страницы летописи. Содержание вставки сводилось к следующему: «Бысть мятеж велик и шум и речи многия в всех боярех, а не хотят пеленичнику служити». Крамольные бояре, отказавшиеся от присяги, с верными боярами «почали бранитися жестоко, а говорячи им (Захарьиным и др. — Р. С.), что они хотят сами владети, а они (противники Захарьиных. — Р. С.) им служити и их владения не хотят». «И бысть меж бояр брань велия и крик и шум велик и слова многия бранныя. И видев царь... боярскую жестокость и почал им говорити так»¹⁸. Теперь в «Повести о мятеже» все стало на свои места. «Жестокое» слово царя выглядело теперь как естественная реакция на «боярскую жестокость».

Анализ черновика «Повести» ставит под сомнение версию об открытом мятеже бояр в думе 12 марта 1553 г.

Автор «Повести» пожелал скомпрометировать не только Адашева, но и Сильвестра. Когда Старицкие начали собирать войска на своем кремлевском подворье, сказано в «Повести», опекуны «начаша от них беречися и князя Володимера Ондреевича ко государю часто не почали пушати». Тогда священник, бывший у Старицких «в велицей любви», вступил в спор с опекунами, говоря: «про что вы ко государю князя Володимера не пушаете? брат вас, бояр (Захарьиных. — Р. С.), государю доброхотнее». Стремясь возложить на Сильвестра вину за начавшиеся раздоры в кругу

ближайшей царской родни, автор «Повести» заключил рассказ словами: «И оттоле бысть вражда меж бояр (Захарьиных. — Р. С.) и Селиверстом и его советники»¹⁹.

Царь сочинял «Повесть» с помощниками, подбиравшими для него материал, подготовлявшими черновик, а затем следившими за изготовлением беловика. Скорее всего, именно они, перебеляя рассказ о Сильвестре, подправили его речь. В беловом варианте летописи фраза священника была передана следующим образом: «Про что вы ко государю князя Володимера не пушаете? Он государю добра хочет»²⁰. Из текста речи Сильвестра оказался исключен полемический выпад против бояр Захарьиных. Смысл царского рассказа сводился к тому, что придворный священник назвал Захарьиных людьми менее доброхотными царю, чем князь Владимир, и это оскорбление положило начало длительной вражде. Составители беловика сохранили фразу «и оттоле бысть вражда...», но эта фраза утратила обоснование. Свидетельство о поведении Сильвестра не поддается проверке. Очевидно лишь одно. Наставник царя был лицом духовным и считал своим долгом потушить ссору в кругу ближайшей родни царя. Это и дало повод для обвинения его в «предательстве».

Поведение князя Владимира в день присяги было более чем сомнительным. Согласно «Повести о мятеже», он не сразу согласился присягнуть на верность младенцу Дмитрию, а лишь после угрозы со стороны верных бояр. Это свидетельство «Повести» достаточно правдоподобно. В 1554 г. с князя Владимира взяли запись, что он не будет мстить государевым боярам, дьякам и всяким людям, чем бы они ни «згубили» ему при жизни

государя. В «Повести» лица, нагрубившие удельному князю и опасавшиеся мести с его стороны, названы по именам. То были Воротынский и Висковатый. Воротынский намекнул, что может поколотить князя: «Тебе служить не хочу, — заявил он, — а за них, за государей своих, с тобою говорю, а будет где доведетца по их государей своих велению и драться с тобою готов». «Иные бояре» (надо полагать, Захарьины) пошли еще дальше. Они пригрозили удельному князю смертью: «Да почали, иныя бояре говорити, чтобы князь целовал, а не учнет князь креста целовати, и ему оттудова не выйти»²¹.

Опекуны трижды посылали на подворье к Ефросинье с просьбой привести на запись сына княжью печать. Лишь после многих настояний княгиня велела запечатать документ, сказав при этом: «Что то де за целование, коли невольное?».

Автор «Повести» ни разу не упомянул имени митрополита. Митрополит Макарий не подвергался опале и до последних дней пользовался расположением Грозного. Почему Иван в рассказе о событиях 1553 г. не упомянул его имени? Ведь по традиции умирающий государь поступал на попечение митрополита, который должен был позаботиться об устройении его души.

Отец царя Василий III, смертельно заболев, втайне от думы стал готовиться к пострижению в монахи. В его планы были посвящены одни духовные лица, а затем он открыл свои намерения любимцу Шигоне-Поджоину и дьяку М. Путятину. Однако ни Шигона, ни другие опекуны не одобрили его замыслов. Когда умирающий объявил о своем замысле в присутствии всей думы, его намерение энергично поддержал один Михаил

Юрьев-Захарьин. (Захарьины выделялись среди бояр своим религиозным рвением: Михаил и его брат Григорий приняли постриг перед кончиной). Регенты Андрей Старицкий и Воронцов попытались силой помешать митрополиту совершить обряд пострижения над умирающим Василием III.

Бояре твердо придерживались принятых порядков и не желали создавать прецедент. Но их постигла неудача. После Василия III обычай пострижения стал наследственным в роду Калиты. Монахами кончили жизнь и Иван IV, и Федор, а после них — царь Борис Годунов. Все это надо иметь в виду при анализе летописной повести о болезни Ивана в 1553 г.

Василий III умер в ночь, и лишь на следующий день дума принесла присягу Ивану IV. Бояре Захарьины были настолько уверены в близкой кончине царя, что организовали присягу младенцу Дмитрию до смерти монарха. Не лишено вероятности, что с одобрения регентов Захарьиных Макарий и старцы возложили на полумертвого царя чернеческое платье. Конечно, это предположение не является доказанным. Но некоторые признаки его подтверждают. В годы опричнины Иван IV подолгу носил иноческое платье и с большим усердием разыгрывал роль игумена в созданном им подобии опричного монастыря в Александровской слободе. Грозный знал, что его отец собирался постричься в Кирилло-Белозерском монастыре, и сам готовился к этому.

Макарий, подобно Сильвестру, хлопотал о примирении Захарьиных с князем Владимиром, что в глазах монарха было равносильно предательству. Но «Повесть» была написана при жизни Макария, которого царь почитал и не желал чернить.

События 1553 г. получили в литературе различную оценку. И. И. Смирнов принял на веру рассказ о «мятеже» в думе и заключил, что подавление «мятежа» означало тяжелое поражение княжеско-боярской реакции. А. А. Зимин не придал значения наиболее достоверным сведениям о заговоре, опиравшимся на судебное дело С. Ростовского, и заключил, что «события 1553 г. не были ни боярским мятежом, ни заговором». Вопреки точным и недвусмысленным показаниям источника, А. А. Зимин называет сторонниками Старицкого князей Ф. И. Шуйского, П. И. Шуйского, А. Б. Горбатого и Ю. И. Темкина, «защитников прав и привилегий феодальной аристократии», противостоящих сторонникам централизации и «удовлетворения насущных нужд основной массы служилых людей»²².

В летописной приписке, воспроизводившей показания С. Ростовского, никто из Шуйских не назван в числе сторонников Старицкого. Зато в качестве главных заговорщиков названы известные противники Шуйских — князя Щенятев, Куракины и др. Напомним, что Шуйские, придя к власти, захватили Московский двор и имущество Старицких, отправили в ссылку их ближайшую родню — князя П. М. Щенятева.

Внутренний кризис развивался на фоне внешнеполитических трудностей. На протяжении длительного времени военные усилия России были сосредоточены на объединении земель и обороне границ. С образованием царства и рождением самодержавия обозначился четкий поворот к имперской политике. Казанская кампания открыла период завоевательных войн, объектом которых стали сначала Нижнее Поволжье, а затем Прибал-

тика. Война несла беды и разорение не только соседям России, но и ее собственному народу. Завоевания, ставшие важнейшей частью программы нарождавшегося самодержавного государства, не вызвали единодушного одобрения даже внутри военно-служилого сословия. Завоевание Казани привело к затяжной и кровавой войне. Попытки подавить восстание поволжских народов не приносили успеха. Приверженцы традиционных принципов внешней политики с тревогой наблюдали за развитием событий в Поволжье. Боярин князь С. В. Ростовский четко уловил наметившиеся в обществе настроения недовольства. В тайной беседе с литовским послом С. Довойной, прибывшим в Москву в августе 1553 г., Ростовский заявил, что из-за тяжелой войны Русское государство «оскудело» и не сможет удержать завоеванные земли: «Казани царю и великому князю не здержати, ужжо ее покинет»²³. Традиционная политика России в отношении Казани состояла в том, чтобы поддерживать мир с Казанью либо добиваться от казанских ханов вассальной зависимости.

Боярин Ростовский через посла Довойну известил польского короля о своем намерении выехать в Польшу. Но он желал иметь гарантии того, что за рубежом будет пожалован «великим жалованьем». В 1554 г. он отправил к королю сначала слугу Бакшея, а затем сына Никиту. Однако Никита был схвачен на границе, и измена раскрылась. На суде Ростовский поначалу отрицал наличие заговора и оправдывался тем, что «хотел бежати от убожества и малаумьства, понеже скудота у него была разума». Однако под тяжестью улик боярин вскоре же был вынужден назвать имена многочисленных сообщников: «с ним ехати

хотели такие же палоумы Ростовские князи Лобановы и Приимковы и иные клятвопреступники». Опасаясь неблагоприятных толков за рубежом, Посольский приказ предписал своим дипломатическим агентам выступить с разъяснениями, которые невольно выдали истину. Дипломаты должны были категорически опровергнуть сведения, будто «со князем Семеном хотели ехать прочь многие бояре и дворяне», ибо «к такому дураку добрый кто пристанет? А лишь с ним воровали его племя — такие же дураки»²⁴. Источники позволяют более точно установить имена «многих бояр и дворян», замышлявших отъехать в Литву вместе с князьями Ростовскими. В разгар суда над Владимиром Старицким в 1563 г. Грозный затребовал из архива судное дело князя С. В. Ростовского и на основании его исправил летописный рассказ о суде над изменником. Из продиктованной царем летописной вставки следует, что причиной отъезда Ростовских было не скудоумие князя Семена, а страх наказания за участие в боярском заговоре. Впрочем, не только страх, но и политические симпатии влекли московских бояр в Литву. В Польско-Литовском государстве участие знати в избрании монарха не расценивалось как государственная измена, а считалось делом законным и необходимым. В Русском государстве князья и бояре, высказавшиеся за избрание на трон царского брата князя Владимира, знали, что их ждет суровая кара. На заседании ближней думы во время суда Ростовский показал: когда царь Иван выздоровел, «мы меж себя почали говорит, чтобы то дело укрыт», «а яз [со] страху с того времени учял мыслити в Литву». Из судебных материалов, приведенных в летописи, следует, что круг сообщников

князя Семена не ограничивался одними князьями Лобановыми и Приимковыми. К перечню «палоумов», намеревавшихся отъехать в Литву, Иван IV приписал: «князь Ондрей Катырев-Ростовский и иные»²⁵. После князя Семена князь Андрей был самым влиятельным среди Ростовских лицом. Судебное дознание скомпрометировало многих знатных персон. Однако руководство постаралось замаять дело. Несомненно, князь Семен Ростовский не был главой и инициатором заговора в пользу князя Владимира и по своему влиянию далеко уступал главным заговорщикам. Грозный назвал поименно многих заговорщиков, но не уточнил, кто из них участвовал в совещаниях об «укрытии дела» и бегстве в Литву. Как следует из летописной приписки, кроме родни Ефросиньи князей Щенятева и Куракиных, в заговоре участвовали бояре: князь И. И. Пронский, князь Д. И. Немого-Оболенский, П. Серебряный-Оболенский, С. Микулинский, а также многие другие князья и дворяне, члены Государева двора. Всех их объединяла решимость ни в коем случае не допустить прихода к власти Захарьиных.

Династический кризис стал для Захарьиных суровым испытанием. По их настоянию Иван IV сразу после выздоровления отправился с семьей на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. Алексей Адашев и Андрей Курбский противились поездке, но в конце концов приняли в ней участие. В Кириллове находился инок Вассиан Топорков, свидетель последних дней Василия III и участник его пострижения. Ко времени путешествия в Кириллов Иван IV уже знал некоторые подробности относительно недавнего заговора в пользу Старицких. Обнаружившаяся боярская крамола

крайне встревожила его, и он, естественно, пожелал обсудить этот вопрос с советником своего отца. В частности, царь спросил старца, «как бы мог добре царствовать и великих и сильных своих в послушестве имети?» Отвечая на этот вопрос, престарелый советник Василия III стал внушать Ивану «непослушание синглитскому совету» (Боярской думе) и рекомендовал ограничить влияние боярства. В его советах Курбский усматривал главную причину последующих «великих гонений» против боярства. Имея в виду советы Вассиана Топоркова, Курбский писал, что топорок, сиречь малая секира, обернулся великой и широкой секирой, которой посечены были благородные и славные мужи великой Руси²⁶.

Топорков был апологетом самодержавного образа правления, и в некоторых отношениях его мысли переключались с идеями Ивана Пересветова. Напомним, что Пересветов также советовал царю править «с грозой» и казнить вельмож. Пересветов и Топорков явились предтечами грядущего опричного террора. Однако в середине 1550-х гг. условия для террора еще не созрели, и Грозный не мог последовать советам Топоркова.

Боярский суд вел дело весьма осмотрительно и осторожно. Судьи намеренно не придали значения показаниям князя Семена насчет заговора княгини Ефросиньи и знатных бояр. Главными сообщниками Ростовского были объявлены княжьи холопы: «в думе у него злой и в приказе были два его человека, Бакшей да Семейка: теми и с послы ссылался; а те того, сказывают не ведали, толко бежать хотели». Итак, по официальной версии, А. И. Катырев, Лобановы, Приемковы и прочие не названные по имени клятвопреступники не

знали об изменнических делах князя Семена, а только «бежать хотели». Намерения не стали действиями, и потому «многие бояре и дворяне», замышлявшие побег в Литву, отделались испугом, избежав дознания и суда.

После доклада царю боярский суд приговорил Семена Ростовского к смертной казни. Право боярского отъезда было одной из древнейших политических традиций Руси. Искоренить эту традицию оказалось не так-то легко даже после образования единого государства. Решение о казни Ростовского должно было послужить грозным предостережением для знати, видевшей в Польско-Литовском государстве землю обетованную и помышлявшей о бегстве за рубеж.

Осужденный на смерть князь Семен был выведен для казни на площадь «на позор», но приговор не был приведен в исполнение. По ходатайству митрополита Макария, епископов и архимандритов казнь была заменена тюрьмой. Боярина отправили в заточение на Белоозеро. Его вооруженную холопскую свиту распустили.

В беседах с литовцами боярин Ростовский поносил и оскорблял Захарьиных, имевших все основания настаивать на расправе с изменником. Показания Ростовского на суде скомпрометировали многих знатных бояр, составивших заговор в целях передачи трона удельному князю. Если бы Захарьиным удалось добиться суда над Старицкими и их сообщниками, они могли бы изгнать из думы всех своих противников и окончательно упрочить собственные позиции при дворе. Но их старания не поддержали ни руководство Боярской думы, ни духовенство.

После событий 1553 — 1554 гг. влияние Захарьи-

ных стало быстро падать. В дни царской болезни они показали себя не с лучшей стороны, поспешив с преждевременной присягой. После выздоровления Ивана они настояли на поезде в Кириллов, имевшей трагический исход. Царская семья путешествовала на речных стругах. Придворные следили за строгим соблюдением церемониала. Когда нянька шла на струг с царевичем на руках, ее поддерживали под руки братья царицы. Во время одной остановки на Шексне сходни не выдержали тяжести и перевернулись. Участники процессии оказались в реке. Младенца выхватили из воды, но он был уже мертв. Иван IV панически заклинал Захарьиных спасти сына от изменников, однако они не уберегли его от нечаянной гибели. Доверие царя к «шурьям» подверглось серьезному испытанию.

В соперничестве за влияние на молодого государя верх взяли Сильвестр и Адашев, тогда как Захарьиным пришлось пожать плоды своих неудач. Благодаря царице Анастасии, Захарьины были в курсе всех дел и разговоров в царской семье. Стремясь лишить их самого надежного источника информации, Адашев и Сильвестр стали обсуждать дела втайне от царской семьи. Иван IV с негодованием вспоминал о поведении наставников: «...доп Селивестр со Алексеем здружились, начаша советовати отаи нас...»²⁷.

Успех заговора Старицких грозил Захарьиным гибелью, и они настаивали на жестких мерах. Митрополит Макарий противился каким бы то ни было репрессиям, и заодно с ним выступали Адашев и Сильвестр. Следуя Курбскому, можно заключить, что Избранная рада образовалась после того, как Сильвестр «отогнал» от государя «ласкателей» За-

харьиных, подвигнув на то и присовокупив «себе в помощь» Макария — «архиерея онаго великого града».

Захарьины занимали место в ближней думе государя как родственники царицы. Их место в «Избранной раде» (ближней думе) занял князь Дмитрий Курлятев-Оболенский. В письме Курбскому Иван IV гневно упрекал Сильвестра и Адашева за то, что они «пустили» в его думу родовитого боярина Курлятева. Влияние Курлятева в боярской думе было столь значительным, что в 1548 г. он добился успеха в местническом споре с боярином князем Федором Куракиным. Позже (в 1553 г.) он затеял спор с удельным князем А. И. Воротынским и знатнейшим из старомосковских бояр коняшим И. П. Федоровым-Челядниним. Счет с Федоровым завершился тем, что бояр «розвели» по разным городам. Попытка знатного рязанского князя И. И. Пронского «посчитатися» с Курлятевым в 1557 г. была отклонена под формальным предлогом.

Курлятев использовал свое влияние, чтобы насадить свою родню в Боярской думе. Одновременно с ним в думу вошли В. С. Серебряный и К. И. Курлятев, позднее — П. С. Серебряный, Д. И. Немого, И. В. Горенский, Ф. И. и Ю. И. Кашины, М. П. Репнин. По сравнению с другими княжескими домами Оболенские имели наибольшее число представителей в думе.

В письме Курбскому Иван IV жаловался на то, что Сильвестр и Адашев, пользуясь покровительством Курлятева, «с тем своим единомысленником нача злый совет утвержати, и ни единыя власти оставиша, идеже своя угодники не поставиша...»²⁸.

Попав в круг «избранных» друзей царя, Кур-

лятев приобрел столь влиятельное положение в государстве, что придворные стали заискивать перед ним. Иван IV никогда не мог простить могущественному временщику и его клеветам мелких и обидных унижений. «А Курлятев был почему меня лутче? — писал царь. — Его дочерем всякое узорочье покупай, — благословно и здорово, а моим дочерем, — Проклято да заупокой». Заупокойные по царевнам объяснялись тем, что все они умерли в младенчестве.

Однажды Курлятеву довелось возглавить боярский суд, разбиравший поземельную тяжбу между царским свояком кн. В. А. Сицким и кн. Прозоровским. Для решения тяжбы бояре пригласили в суд самого царя. Последний утверждал, что его «обыскивали, кабы злодея». «Попамятуй и посуди: с какою есте укоризною ко мне судили Сицково с Прозоровскими», — писал Грозный много позже²⁹.

Захарьиным не удалось покарать своих обидчиков князей Ростовских. Иван IV сетовал на то, что ему помешали расправиться с Ростовским, и ругал Сильвестра за пособничество изменнику. По словам царя, поп и его советники «того собаку почали в велице брежении держати и помагати ему всеми благими, и не токмо ему, но и всему роду...». Слова Грозного не были домыслом. До наших дней дошло любопытное послание Сильвестра к некоему опальному вельможе. Имя адресата неизвестно. Считают, им был боярин А. Б. Горбатый. Такое предположение основано на недоразумении. Сильвестр попал в ссылку за несколько лет до опалы А. Б. Горбатого и писать из монастырского заточения едва ли имел основания. С другой стороны, опала на Горбатого носила скоротеч-

ный характер: он был казнен в самый день объявления его царским изменником. Таким образом, боярин лишен был возможности получать какие бы то ни было утешительные послания.

История «некоего опального вельможи», изложенная в письме Сильвестра, как две капли воды походит на историю злополучного изменника. Кстати, Ростовский был единственным из вельмож, подвергшимся опале во времена всеилия Сильвестра.

Выражая сочувствие скорбям опального, протопоп упоминает о том, что его постигло «великое страшное наказание... отлучение царских очей и всякого ближнего совета и отнятие дому, и взятие всякого стяжания и отослание в далечие страны». Подчеркнем, что Ростовский после осуждения лишился всего имущества («стяжания» и дома), боярского титула (отлучение от «ближнего совета»), что он был послан на казнь и позорование и лишь в последний момент помилован (побывал «у смертного часу» и «у казни») и что, наконец, он подвергся ссылке на Белоозеро («в далечие страны»). В конце послания Сильвестр писал, что бог увидел покаяние опального вельможи, «умилостивилась душа царская, и за нужу поместьицом устроил мя и вотчинку отдал, а вперед не оставит бог слез твоих»³⁰.

Вернувшись из ссылки, Ростовский получил назначение на воеводство. Вместе с изменником за рубеж намёревался бежать его родственник князь А. И. Катырев. Через три года после суда он получил боярство.

Влиятельнейшим деятелем думы был князь А. Б. Горбатый. Он располагал большими земельными богатствами и находился в родстве с цар-

ской семьей. Зятьями Горбатого были царский племянник И. Ф. Мстиславский и царский шурин Н. Р. Юрьев-Захарьин. Участник «казанского взятия» князь А. М. Курбский, составивший подробное описание казанской войны, неизменно называет Горбатого «великим гетманом» и мужем, очень сведущим в военных делах³¹. Сохранилось обширное послание Сильвестра к казанскому наместнику князю А. Б. Горбатову. Священник выражал удовлетворение по поводу «розумных» и «премудрых» писем Горбатого к царю, хвалил многие его труды, «подвиги» и устройство воинства в новозавоеванном Казанском ханстве. Ближняя дума, писал он, всецело одобряет деятельность казанского наместника: «велми о сем государь и вси ближнии благодарят твоего разума делу о всем». Сильвестр без обиняков заявлял, что Горбатову принадлежит главная заслуга в покорении Орды. Казань, писал священник, взята «царским повелением, а вашим храбрством и мужеством, наипаче твоим крепким воеводством и сподручными ти»³².

В период Избранной рады в высшей боярской курии думы безраздельно господствовали княжата.

Большая часть думных людей из нетитулованной знати носила низший чин окольных. Захарьины по-прежнему занимали в думе почетное положение, но их влияние продолжало падать. Старейший боярин Г. Ю. Захарьин подал в отставку.

В начале 1550-х гг. реформы в государстве проводились под эгидой бояр Захарьиных, в середине десятилетия — Д. И. Курлятева и других вождей Избранной рады. Но как на первом, так и на вто-

ром этапе преобразований самым крупным деятелем реформ оставался Адашев.

В середине XVI в. дворянство устами Пересветова и других публицистов заявило о своих особых требованиях и интересах. Оживление общественной мысли оказало определенное влияние на деятельность таких реформаторов, как Адашев. Однако он и его покровители и сподвижники не сочувствовали радикальным идеям публицистов и не оказали им существенной поддержки. А. М. Курбский очень точно заметил, что Адашев был «царев» «согласен» (следовал его предначертаниям и «повелениям») и «общей вещи зело полезен»³³. Один из самых ярких представителей княжеской аристократии хвалил полезность государственной деятельности реформатора.

В своей общественной деятельности Адашев руководствовался правилами, которые снискали ему всеобщую популярность. Он любил справедливость, сурово карал взяточников и волокитчиков. В дворянской среде долгие годы жили воспоминания о торжестве правосудия при Адашеве. Автор «Пискаревского летописца» записал их несколько десятилетий спустя: «А как он (Адашев. — Р. С.) был во времени (приближении у царя. — Р. С.), и в те поры Русская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе. А кому откажет, тот вдругорядь не бей челом; а кой боярин челобитной волочит, и тому боярину — не пробудет без кручины от государя; а кому молвит хомутовкою (обличит в плутнях. — Р. С.), тот болши того не бей челом, то бысть в тюрьме или сослану»³⁴.

Согласно давно сложившейся историографи-

ческой традиции, главным соправителем Адашева был благовещенский священник Сильвестр. Недавно традиционная точка зрения подверглась основательной критике в исследовании А. Гробовского³⁵. Английский историк отметил крайнюю тенденциозность писаний Грозного и Курбского, из которых исследователи черпают все сведения о Сильвестре.

Благовещенский священник обратил на себя внимание царя в дни московского пожара. В то время как придворные старались «ласкательством» завоевать расположение молодого царя, Сильвестр (по словам Курбского) избрал себе роль сурового пастыря и обличителя, не боявшегося сказать правду в лицо государю. В дни бедствий священник явился перед Иваном, «претяще ему от бога священными писаньями и срозе заклинаяще его страшным Божиим судом». Ради спасения царя поп «кусательными словесы нападающе» на него, как бритвою «режуще» непохвальные нравы питомца³⁶.

Курбский изобразил «блаженного» пастыря и закоренелого грешника Ивана в традициях житийной литературы. Но суть их взаимоотношений он выразил верно. «Кусательные слова» царь не забыл до последних дней жизни. В юности Грозный терпел и даже ценил резкость наставника, зато после разрыва с ним воспоминания о пережитых унижениях стали для царя источником невыносимых душевных терзаний.

Сильвестр ничего не домогался для себя лично, проявляя полное бескорыстие, что придавало его обличениям особую моральную силу. К концу жизни он находился на том же служебном посту, который занял в начале своей карьеры в Москве.

По крайней мере дважды оставался вакантным пост протопопа Благовещенского собора, исполнявшего роль царского духовника. Но то ли Сильвестр не хлопотал о повышении, то ли Иван предпочитал иметь духовником людей более терпимых и менее резких. Священник так никогда и не стал протопопом. Фигурой политической священник сделался не сразу. Лишь сближение с главным деятелем реформ А. Адашевым открыло перед Сильвестром более широкое поле деятельности. Об их сближении упоминается не только в Переписке Грозного с Курбским, но и в Пискаревском летописце. Вопреки мнению А. Гробовского, нет доказательств того, что автор названного летописца черпал сведения из писем Грозного или «Истории» Курбского. Летописец знал такие подробности о жизни названных лиц (например, о поездке Адашевых в Турцию), которые отсутствуют в сочинениях царя и Курбского. Пискаревский летописец подтверждает сведения о дружбе двух царских советников: «В ту же пору был поп Сельвестр и правил Рускую землю с ним (Адашевым. — Р. С.) заодни, и сидели вместе в ызбе у Благовещения»³⁷. Воспоминания, записанные летописцем, не отличались точностью. Сильвестр служил, как и положено попу, в Благовещенском соборе, а Адашев судил в приказной избе, стоявшей напротив названного собора. Однако основной факт — тесное их сотрудничество — летописец, по-видимому, уловил верно.

В приписке к Царственной книге Иван IV умалчивает о правительственном значении Адашева, выдвигая на первый план фигуру Сильвестра как единоличного правителя государства. По его словам, Сильвестр «всякия дела и власти святителс-

кия и царския правяще, и никто же смеяше ничтоже сътворити не по его велению, и всеми владаше, обема властми, и святительскими и царскими, якоже царь и святитель...»³⁸.

Сведения приписки поражают своей пристрастностью. К тому же царь противоречит себе, как только начинает излагать конкретные факты, доказывающие рассуждения о всесии Сильвестра. В дни болезни царя священник лишь однажды подал голос, советуя допустить Старицкого к постели царя. Но на его слова никто не обратил внимания.

При всей тенденциозности Грозный верно указал на два источника влияния придворного проповедника. Во-первых, «никто же смеяше ни в чем же противитися ему ради царского жалованья», и, во-вторых, он был «чтим добре всеми». Будучи не столько политиком, сколько церковным пастырем, Сильвестр пользовался большим моральным авторитетом.

Был ли Сильвестр попом-невеждой, как характеризовал его в раздражении царь? По-видимому, эта оценка ошибочна. Сильвестр не относился к числу необразованных людей, чуждых просвещению. Его библиотека включала не менее двух-трех десятков выявленных книг. Пометы в тексте этих книг свидетельствуют о знании священником греческого языка, а возможно, и латыни, и в целом о его образованности. Запись об авторстве Сильвестра в «Житие княгини Ольги», служившем вступлением к Степенной книге, подтверждает его участие в составлении этого памятника. Возвеличивая царскую власть, Сильвестр представляет «самодержавство» не просто преемником Рима и Византии, но

«исконным, основанным на подвиге крещения Ольги и просвещения ею Руси»³⁹. Тем же идейным целям утверждения величия царской власти подчинены были живописные работы, выполненные под руководством Сильвестра в Кремле.

Церковь внесла свою лепту в создание политической догмы самодержавия. Митрополит Макарий развивал мысль о божественном происхождении царской власти. Странником той же теории выступил и Сильвестр. Царь никогда бы не простил наставнику его бесконечных наставлений и «кусательных слов», если бы не это обстоятельство.

Биографию Грозного источники позволяют воссоздать несравненно полнее, нежели биографии Адашева или Сильвестра. Будущий царь потерял отца в три года, а в семь с половиной лет остался круглым сиротой. Его четырехлетний брат Юрий, глухонемой от рождения, не мог делить с ним детских забав. Достигнув зрелого возраста, Иван не раз с горечью вспоминал свое сиротское детство. Чернила его обращались в желчь, когда он описывал обиды, причиненные ему, заброшенному сироте, боярами. Описания царя столь впечатляющи, что их обаянию поддались историки. На основании царских писем В. О. Ключевский создал знаменитый психологический портрет Ивана-ребенка. В душу сироты, писал он, рано и глубоко врезалось чувство брошенности и одиночества. Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, превратили его робость в нервную пугливость. Ребенок пережил страшное нервное потрясение, когда бояре Шуйские однажды на рассвете вломились в его спаль-

ню, разбудили и испугали его. С годами в Иване развились подозрительность и глубокое недоверие к людям⁴⁰.

Насколько достоверен образ Ивана, созданный рукой талантливого мастера? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что Иван рос, окруженный материнской лаской до семи лет, и именно в эти годы сформировались основы его характера. «Опекуны, пока были живы, не вмешивали ребенка в свои распри, за исключением того случая, когда приверженцы Шуйских арестовали в присутствии Ивана своих противников, а заодно митрополита Иоасафа. Враждебный Шуйским летописец замечает, что в то время в Москве произошёл мятеж и «государя в страховании учиниша». Царь Иван велел сделать к тексту летописи дополнения, которые значительно уточнили картину переворота. При аресте митрополита бояре «с шумом» приходили к государю в постельные хоромы. Мальчика разбудили «не по времени» — за три часа до света — и заставили петь «у крестов». Ребенок, как видно, даже и не подозревал о том, что на его глазах произошёл переворот. В письме к Курбскому царь не вспомнил о своем мнимом «страховании» ни разу, а о низложении митрополита упомянул мимоходом и вполне равнодушно: «Да и митрополита Иоасафа с великим безчестием с митрополии согнаша». Как видно, царь попросту забыл сцену, будто бы напугавшую его на всю жизнь. Можно думать, что непосредственные ребяческие впечатления, по крайней мере лет до двенадцати, не давали Ивану никаких серьезных оснований для обвинения бояр в непочтительном к нему отношении.

Поздние сетования Грозного производят стран-

ное впечатление. Кажется, что Иван пишет с чужих слов, а не на основании ярких детских воспоминаний. Царь многословно бранит бояр за то, что они расхитили «лукавым умышлением» родительское достояние — казну. Больше всех достается Шуйским.

У князя Ивана Шуйского, злословит Грозный, была единственная шуба, и та на ветхих куницах — то всем людям ведомо; как же мог он обзавестись золотыми и серебряными сосудами; чем сосуды ковать, Шуйскому лучше бы шубу переменить, а сосуды куют, когда есть лишние деньги.

Можно допустить, что при великокняжеском дворе были люди, толковавшие о шубах и утвари Шуйских. Но что мог знать обо всем этом десятилетний князь-сирота, находившийся под опекой Шуйских? Забота о сохранности родительского имущества пришла к нему, конечно же, в более зрелом возрасте. О покраже казны он узнал со слов «доброхотов» много лет спустя.

Иван на всю жизнь сохранил недоброе чувство к опекунам и в письмах не скрывал раздражения против них. Припомню одно, писал Иван, как бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель покойного отца и положив ноги на стул, а на нас и не смотрит. Среди словесной шелухи мелькнуло, наконец, живое воспоминание детства. Но как превратно оно истолковано! Воскресив в памяти фигуру немощного старика, сошедшего вскоре в могилу, Иван начинает бранить опекуна за то, что тот сидел не «преклоняясь» перед государем — ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга перед своим господином. «Кто же может перенести такую гордыню?» — этим вопросом за-

вершает Грозный свой рассказ о правлении Шуйских.

Бывший друг царя Курбский, ознакомившись с письмом, не мог удержаться от иронической реплики. Он высмеял неловкую попытку скомпрометировать бывших опекунов и попытался растолковать Ивану, сколь неприлично было писать «о постелях, о телогреях» (шубах Шуйских) и включать в свою эпистолию «иные бесчисленные яко бы неистовых баб басни»⁴¹.

Иван горько жаловался не только на обиды, но и на «неволю» своего детства. «Во всем воли несть, — сетовал он, — но вся не по своей воли и не по времени юности». Но можно ли было винить в том лукавых и прегордых бояр? В чинных великокняжеских покоях испокон веку витал дух Домостроя, а это значит, что жизнь во дворце подчинена была раз и навсегда установленному порядку. Мальчика короновали в три года, и с тех пор он должен был часами высиживать на долгих церемониях, послушно исполнять утомительные, бессмысленные в его глазах ритуалы, ради которых его ежедневно отрывали от увлекательных детских забав. Так было при жизни матери, так продолжалось при опекунах.

По словам Курбского, бояре не посвящали Ивана в свои дела, но зорко следили за его привязанностями и спешили удалить из дворца возможных фаворитов. Со смертью последних опекунов система воспитания детей в великокняжеской семье неизбежно должна была измениться. Патриархальная строгость уступила место попустительству. Как писал Курбский, наставники «хваляше (Ивана), на свое горшее отрока учаще». В отроческие годы попустительство наносило воспита-

нию Ивана больший ущерб, чем мнимая грубость бояр.

Иван быстро развивался физически и в тринадцать лет выглядел сущим верзилкой. Посольский приказ официально объявил за рубежом, что великий государь «в мужской возраст входит, а ростом совершенного человека ужь есть, а з божьею волею помышляет уже брачный закон принять»⁴². Дьяки довольно точно передали внешние приметы рослого юноши, но напрасно приписывали ему степенные помыслы о женитьбе.

Подросток очень мало напоминал прежнего мальчика, росшего в «неволе» и строгости. Освободившись от опеки и авторитета старейших бояр, великий князь предался диким потехам и играм, которых его лишали в детстве. Окружающих поражали буйство и неистовый нрав Ивана. Сведения об отроческих забавах великого князя принадлежат перу Курбского. Оценивая их, надо иметь в виду, во-первых, что подобного рода сведения не поддаются проверке, так как не имеют аналогий в других источниках, и, во-вторых, что «История» Курбского представляет собой памфлет. По утверждению боярина, Иван лет в двенадцать забирался на островерхие терема и сталкивал «с стремнин высоких» кошек и собак, «тварь бессловесную». В четырнадцать лет он «начал человек ураняти». Кровавые забавы тешили «великого государя». Мальчишка отчаянно безобразничал. С ватагой сверстников — детей знатнейших бояр, — он разъезжал по улицам и площадям города, топтал конями людей, бил и грабил простолюдию, «скачюще и бегающе всюду неблагочинно»⁴³.

С кончиною опекунов и приближением совершеннолетия великого князя бояре все чаще стали

впутывать мальчика в свои распри. Иван живо помнил, как в его присутствии произошла потасовка в думе, когда Андрей Шуйский и его приверженцы бросились с кулаками на боярина Воронцова, стали бить его «по ланитам», оборвали на нем платье, «вынесли из избы да убить хотели» и «боляр в хребет толкали». Примерно через полгода после этого инцидента в думе один из «ласкателей» подучил великого князя казнить Андрея Шуйского. Псарь набросился на боярина возле дворца у Курятных ворот. Убитый лежал наг в воротах два часа. «От тех мест, — записал летописец, — начали бояре от Государя страх имети и послушание»⁴⁴. Впрочем, прошли долгие и долгие годы, прежде чем Иван IV добился послушания от бояр, пока же он сам был орудием в руках придворных. Они, как писал Курбский, «начаша подущати его и мстити им (Иваном) свои недружбы, един против другого»⁴⁵.

Примерно в одно время с кончиной последнего из опекунов умер «дядька» и воспитатель великого князя конюший Иван Иванович Челяднин. Старый уклад жизни в великокняжеской семье окончательно рухнул. Много позже Иван любил упрекать бояр, не сподобивших государей своих «никогого промышления доброхотного». Нас с единокордным братом Юрием, жаловался он, стали питать как иностранцев или же как «убожайшую чадь», как тогда пострадали мы «во одеянии и в алыче»; сколько раз вовремя не давали нам поесть! Как же исчезли такие многие бедные страдания, каковы перестрадал я в юности? — патетически восклицал Иван. Несомненно, в его жалобах, как эхо, звучали живые воспоминания юности. Но вот вопрос, к каким годам они относились? Можно

сказать почти наверняка, что ко времени, когда Иван избавился от всякой опеки и стал жить в «самовольстве». «Ласкающие пестуны», стараясь завоевать расположение мальчика, не слишком принуждали его к учению. Наказать его за безобразия или заставить вовремя поесть никто не мог.

Наступление совершеннолетия Иван IV отметил тем, что за какие-то невежливые слова велел отрезать язык Афанасию Бутурлину, затем осудил на смерть нескольких бояр и двух своих сверстников, принадлежавших к самым известным аристократическим семьям России.

Женитьба, коронация на царство, страх, испытанный в дни московского восстания, неизбежно сказались на поведении Ивана. Но подлинной эпохой в его жизни стало знакомство с Сильвестром, которому суждено было стать его учителем жизни. Фанатизм и экзальтация были, пожалуй, наиболее яркими чертами этого церковного деятеля. Придворному священнику нередко являлись божественные видения, он слышал «небесные голоса».

В сочинениях Курбского можно обнаружить две взаимоисключающие версии пророчеств Сильвестра. В одном случае, Курбский резко осуждал всякие сомнения в божественной природе Сильвестровых чудес, а в другом — сам допускал возможность того, что наставник царя хитрил. По словам Курбского, священник укрощал Ивана «мечтательными страхами» и видениями. А «ласкатели твои, — обращался он к царю, — клеветали на одного презвитера, иже бы ты устрашал не истинными, но льстивыми видениями»⁴⁶. Однако в «Истории» Курбский писал совсем иное: Сильвестр добивался послушания от Ивана, «еще к тому и

чюдеса и аки бы явление от бога поведающе ему, не вем, аще истинные, або так ужасновение пу-щающе, буйства его (Ивана. — Р. С.) ради, и для детских неистовых его нравов, умыслил был себе сие; яко многожды и отцы повелевают слугам де-тей ужасати мечтательными страхии...»⁴⁷.

Надо иметь в виду, что первую версию Курбс-кий изложил в письме к царю и она была всецело подчинена полемическим целям, тогда как в «Ис-тории», предназначенной для друзей, князь допустил известную откровенность.

После разрыва с Сильвестром Грозный стал смотреть новыми глазами на учителя и его про-рочества. В первом письме Курбскому он писал: не «мните мя детскими страшили (выдумками Сильвестра. — Р. С.) устрашити, яко же прежде того с попом Селивестром и со Алексеем (Ада-шевым. — Р. С.) лукавым советом прельстисте мя»⁴⁸. Мысль о том, что Сильвестр, пугая ученика вымыс-лами, считал его человеком умственно ущербным, «младенчествующим разумом», казалась царю не-сравненно более обидной, чем любые обвинения в кровопийстве и пр. Тем не менее на семнадцатилет-него Ивана рассказы и убежденность священника оказывали действие потрясающее. Именно Силь-вестр заронил в душу Грозного искру религиозного фанатизма, приучил его к «молитвам прилежным к Богу», постам и воздержанию. Вспоминая о том вре-мени, Иван IV живо описал, как «совета ради духов-наго и спасения ради души своея» он принял попа Сильвестра, и начало было благим: следуя священ-ному писанию, государь покорился благому настав-нику «без всякого разсуждения»⁴⁹.

Приобщение к религии внесло большие пере-мены в жизнь дворца. Англичан, посещавших стра-

ну в то время, поражали многие привычки мос-ковского государя, отличавшегося в молодости могучим телосложением и высоким ростом. Царь чуждается грубых потех, не очень любит охоту, зато находит удовольствие в богослужениях. «Он, бесспорно, очень усерден в своей вере», — писал один англичанин из Москвы⁵⁰.

Подчинившись авторитету Сильвестра, царь ревностно исполнял все церковные обряды. В июне 1552 г. крымский хан напал на Тулу. Воеводы сла-ли в Москву гонца за гонцом. Последний гонец застал царя за трапезой. Не закончив ее, Иван отправился служить вечерню — «обычай бо има-ше царь благочестивый никогда же погрешити законом уставного правила». После вечерни царь велел полкам выступить против татар. В том же году Ивана посетили первые видения. Накануне решающего штурма Казани двадцатитрехлетний царь явственно слышал в ночи «как бы Симонова монастыря звон»⁵¹.

Характерный эпизод произошел в Кремле в 1559 г., когда Грозный вернул датским послам при-везенные ему в подарок замысловатые часы, ук-рашенные движущимися изображениями небесных планет. Послам было сказано: «Для христианского царя, который верует в бога и которому нет дела до планет и знаков (небесных), подарок неприго-ден»⁵².

Годы реформ в России явились временем ка-нонизации множества русских святых, а также временем исключительного внимания к юродивым. Большим почетом в те годы пользовался в Москве дивный «нагоходец», зимой и летом ходивший «без телесного одеяния» — в лохмотьях, с тяжкими ве-ригами на шее. То был Василий Блаженный. Его

смерть была отмечена в официальных записях Разрядного приказа. Юродивого похоронили в Троице-Сергиевом монастыре при огромном стечении народа.

Время преобразований было важной вехой в жизни царя. Не будучи подготовлен к роли правителя обширного государства, он должен был на долгие годы подчиниться воле наставников.

Период реформ стал подлинной школой для Ивана IV. С конца 1540-х гг. его захватили смелые проекты реформ, взлелеянные передовой общественной мыслью. Но он по-своему понимал их цели и предназначение. Грозный рано усвоил идею божественного происхождения царской власти. В проповедях пастырей и библейских текстах он искал величественные образы древних людей, в которых, «как в зеркале, старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска или перенести на себя самого отблеск их света и величия»⁵³. Сложившиеся в его голове идеальные представления о происхождении и неограниченном характере царской власти, однако, плохо увязывались с действительным порядком вещей, обеспечивавшим политическое господство могущественной аристократии. Необходимость делить власть со знатью воспринималась Иваном IV как досадная несправедливость.

В проектах реформ царю импонировало, прежде всего, то, что их авторы обещали искоренить последствия боярского правления. Не случайно резкая критика злоупотреблений бояр стала исходным пунктом всей программы преобразований. Грозный охотно выслушивал предложения об искоренении боярского «самовольства». Такие пред-

ложения поступали к нему со всех сторон. Об этом писал Иван Пересветов, вручивший царю свои челобитные. О том же говорил ему старец Вассиан Топорков при свидании в стенах Кирилло-Белозерского монастыря.

Советы править с грозой пали на подготовленную почву, но царь не мог следовать им, оставаясь на позициях традиционного политического порядка. В этом и заключалась конечная причина его охлаждения к преобразовательным затеям.

Дворянские публицисты и приказные дельцы все без исключения рисовали перед Грозным заманчивую перспективу укрепления единодержавия и могущества царской власти, искоренения боярского самовольства. Но их обещания оказались невыполненными. На исходе десятилетия реформ Иван пришел к выводу, что царская власть из-за ограничений со стороны советников и бояр вовсе утратила самодержавный характер.

В своих политических оценках Иван следовал несложным правилам. Только те начинания считались хорошими, которые укрепляли единодержавную власть. Конечные результаты политики Избранной рады не соответствовали этим критериям. Обманутый в своих ожиданиях, Иван IV отказался от курса реформ, которым посвятил лучшие годы жизни.

Примечания к главе 4. Избранная рада

¹Платонов С. Ф. Очерки. С. 104; Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923. С. 55, 58, 59.

²Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. С. 160–162.

- ³Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 477—479.
- ⁴Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 49—50.
- ⁵Курбский А. Сочинения. С. 171.
- ⁶ПСРА. Т.13 С. 230.
- ⁷СГД. Ч.1. N 169.
- ⁸ПСРА. Т.13 С. 524—525.
- ⁹Там же. С. 523.
- ¹⁰СГД. Ч.1. N 169.
- ¹¹Там же.
- ¹²ПСРА. Т.13 С. 525.
- ¹³Там же. С. 238.
- ¹⁴Там же. С. 524, 525.
- ¹⁵Там же.
- ¹⁶Там же.
- ¹⁷Там же.
- ¹⁸Там же.
- ¹⁹Там же.
- ²⁰Там же. С. 531.
- ²¹Там же. С. 526.
- ²²Зимин А. А. Реформы... С. 414.
- ²³ПСРА. Т.13. С. 237.
- ²⁴Там же. С. 238.
- ²⁵Там же. С. 237.
- ²⁶Курбский А. Сочинения. С. 217.
- ²⁷Переписка. С. 30—31.
- ²⁸Там же.
- ²⁹Там же. С. 32.
- ³⁰Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1874. С. 100.
- ³¹Курбский А. Сочинения. С. 170.
- ³²Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей... С. 91.
- ³³Курбский А. Сочинения. С. 170.
- ³⁴ПСРА. Т.34. С. 181.
- ³⁵Grobovsky A. The «Chosen Council» of Ivan IV. Reinterpretation. New York. 1969. С. 43—48 и др.
- ³⁶Курбский А. Сочинения. С. 129, 169—170.
- ³⁷ПСРА. Т.34. С. 181.
- ³⁸ПСРА. Т.13. С. 524.
- ³⁹Курукин И. В. Сильвестр: Политическая и культурная деятельность. АКД. М., 1983. С. 18; Розов Н. Н. Библиотека

Сильвестра // Исследование источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 191—205.

⁴⁰Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч.2. Пг., 1915. С. 230—231.

⁴¹Курбский А. Сочинения. С. 113.

⁴²Сб. РИО. Т.59. С. 228.

⁴³Курбский А. Сочинения. С. 165—166.

⁴⁴ПСРА. Т.13. С. 145, 444.

⁴⁵Курбский А. Сочинения. С. 166.

⁴⁶Там же. С. 128.

⁴⁷Там же. С. 169.

⁴⁸Переписка. С. 43.

⁴⁹Там же. С. 30.

⁵⁰Гамель И. Англичане в России в XVI—XVII столетиях. // Записки Академии наук. СПб., 1865. Т.8. Приложения. С. 44.

⁵¹ПСРА. Т.13. С. 215.

⁵²Щербачев. Копенгагенские акты. Вып.1. С. 139.

⁵³Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч.2. С. 241.

Глава 5 ВОЕННЫЕ ПОБЕДЫ

Реформы Ивана IV привели к реорганизации военных сил России. Ядром армии стало конное дворянское поместное ополчение. Благодаря смотрам вооружение всадников приобрело некоторое единообразие. Каждый воин имел железный шлем, панцирь или кольчугу, меч, лук и стрелы. Дворяне из состава Государева двора выводили в поход по несколько холопов в полном вооружении. Бояр сопровождали до 30 — 70 слуг. Окруженный слугами, под защитой окружавших его холопов, дворянин чувствовал себя господином на поле брани. Источники XVI в. сохранили первые точные данные о численности русских войск. В походе 1562 г. полевая армия России насчитывала 18 тысяч детей боярских¹. Их сопровождало до 20 — 30 тысяч их холопов. В сражениях главные силы армии составляли Большой полк. Его воевода был главнокомандующим всей армии. Флаги Большого полка — полки правой и левой руки. Шедшие в авангарде сторожевой и передовой полки защищали Большой полк от внезапного нападения. Такое построение вполне оправдывало себя в войнах с кочевниками, у которых русские заимствовали многие приемы боя. Московская конница начинала бой, осыпая неприятеля тучами стрел, лишь после этого разворачивалось конное сражение. Лег-

кая иррегулярная конница обладала большей подвижностью, чем тяжеловооруженная дворянская конница, поэтому русские избегали сражаться в открытом поле. Ежегодно русская армия выступала на Оку в ожидании крымских вторжений. В районе Оки была устроена оборонительная линия, переправы защищались подводными частоколами. На возможных путях вторжения татар русские устраивали «засеки» — валили деревья, копали рвы. Армия XVI в. многократно превосходила армию Московского княжества XV в.

С конца XIV в. русские научились обращению с огнестрельным оружием. При Иване IV артиллерия стала гордостью русской армии. Усовершенствование огнестрельного оружия привело к появлению ружей, именовавшихся «пищалью» (выстрел сопровождался шипением и «пищанием», отсюда «пищаль»). Обращение с ружьем требовало особых навыков, а потому пищальников набирали преимущественно из городских ремесленников. Первые отряды с новым вооружением появились в Новгороде и Пскове, позднее в Москве. Иван IV в 1550 г. сформировал трехтысячный отряд стрельцов, поручив им охрану своей загородной резиденции в селе Воробьево. Помимо стрельцов ружья были у казаков. В походе 1562 г. численность пехоты с огнестрельным оружием превышала 7 тысяч человек.

В 1555 г. Крым попытался нанести России удар, который помог бы народам Нижнего Поволжья избавиться от русского владычества. Крымская орда пересекла русскую границу и навязала армии Ивана Шереметева сражение в урочище у Судьбищ. В течение двух дней татарская конница без устали атаковала московские войска. Татары

глубоко проникли в расположение русской армии и ранили главнокомандующего, что вызвало панику в дворянском ополчении. Шереметева увезли с поля боя «наполы мертва» (едва живого). Вслед за тем другие воеводы дрогнули и побежали. «Многие люди з бою съехали, розметав с себя орудие»². Командование армией принял на себя окольный А. Д. Басманов. Он отступил к обозу, оставленному в лесу, и приказал трубить сбор, играть в сурну и бить в набат. На боевой сигнал собралось до пяти-шести тысяч детей боярских, стрельцов и боярских холопов. Наскоро устроив засеку вокруг близлежащего оврага, отряд Басманова до вечера отбивался от татар. Хан Девлет-Гирей «со всеми людьми и с пушками и с пищальми» трижды приступал к оврагу, а затем перед заходом солнца «с великой тщетой» ушел в степи. На приступах татары потеряли многих людей. Русская армия избежала полного разгрома.

Полагаясь на помощь Крыма, хан Дербыш-Али порвал с Москвой и изгнал царского воеводу с Переволоки между Волгой и Доном. Крымский хан прислал в помощь янычар и турецкую артиллерию. Царь немедленно направил в низовья Волги своих воевод. Еще до подхода московских отрядов волжские казаки разгромили ставку Дербыш-Али и вынудили его к бегству из Астрахани. Астраханское царство было ликвидировано, а его территория включена в состав России.

Вторжение крымцев побудило Москву приступить к подготовке крымского похода. Вольные казаки помогли царским воеводам в войне с Казанью и Астраханью, и Москва рассчитывала использовать силы донских и украинских казаков в кампании против крымцев. В 1558 г. в устье Днепра и

Дона появились русские флотилии с отрядами стрельцов. Запорожские казаки захватили Хортицу на Днепре (будущая Запорожская сечь), а затем турецкую крепость Ислам Кермен. Предводитель казаков князь Дмитрий Вишневецкий объявил о переходе на царскую службу. В 1558 г. Вишневецкий с запорожцами был отправлен на Дон для действий против турок в Азове и Керчи. Одновременно брат правителя Данила Адашев спустился по Днепру на Черное море, прошел за Перекоп и разгромил несколько прибрежных сел. Судя по распоряжениям разрядного приказа, действия против Крыма на море носили вспомогательный характер; главная же цель состояла в том, чтобы выманить орду из Крыма и разгромить ее в решающем сражении. Войну с татарами должен был возглавить сам царь. Один из старших воевод князь М. И. Воротынский получил приказ идти за Тулу и Дедилов «на Поле мест розсматривать, где государю царю и великому князю и полком стоять»³.

Грандиозные военные замыслы Адашева не осуществились. Трое главных московских воевод с многочисленными полками простояли за Тулой на реке Шиворонь до конца лета, тщетно поджидая орду.

В экспедиции против Крыма участвовали сравнительно небольшие силы — около 8 тыс. стрельцов и казаков. Поэтому нападение на Крым не дало больших результатов.

Появление русских на Тереке и на Дону привело к тому, что пятигорские черкесы поднялись против турок и изгнали их с Тамани. Переговоры с черкесскими князьями породили большие надежды в Москве. Русские не забыли тех отдаленных времен, когда Игоревичи владели Тьмутаран-

канским княжеством на Тамани и их влияние распространялось на Северный Кавказ. В результате переговоров с черкесскими князьями в Москве возник проект образования под эгидой России вассального Черкесского княжества на Северном Кавказе. Трон вассального княжества Иван IV предложил Вишневецкому. Ему предстояло объединить западочеркесские племена для борьбы с татарами и турками. В феврале 1560 г. Вишневецкий выехал в Пятигорск. Его сопровождали черкесские князья, принявшие крещение в Москве, и православные священники, которые должны были крестить черкесские племена «по их обещанию и челобитью». Однако Вишневецкий пробыл в Пятигорске недолго. Царские послы утверждали позже, будто Грозный свел своего вассала с государства «из Черкас» за то, что тот «учал жити в Черкасах не по наказу»⁴. Покинув Пятигорск, Вишневецкий уехал на Днепр.

В 1558 г. Россия начала войну против Ливонского ордена и стала настойчиво добиваться мира с Крымом. Царские послы сулили хану богатые «поминки» в случае заключения тесного союза, «братства и любви» между обеими странами. Получив из Крыма согласие на заключение мира, Москва в сентябре 1563 г. снарядила в путь посла Ф. И. Салтыкова, который должен был отвезти в Крым «поминки» и подписать союзный договор. Мирные переговоры завершились в начале 1564 г., когда хан клятвой на троне скрепил договор о дружбе и братстве с Россией. Летом договор был утвержден в Москве царем. Полтора месяца спустя Орда вторглась в Россию.

Полагаясь на союз с Крымом, командование с наступлением осени распустило по домам дворян-

ские отряды, охранявшие южную границу. Стоявшие в приокских крепостях «легкие» воеводы располагали ничтожными силами. Фактически Москва была незащищена перед лицом многочисленного и сильного врага. Но вторгшаяся орда не решилась напасть на Москву и, свернув с московской дороги, двинулась к Рязани. Крымцы надеялись легко овладеть этим городом. Укрепления его находились в самом плачевном состоянии. Военные силы, оборонявшие город, были невелики. К моменту вторжения в окрестностях Рязани случайно оказался воевода А. Д. Басманов, отдыхавший в своем рязанском поместье. Наспех собрав вооруженную свиту, воевода напал на татарские разъезды, отослав в Москву захваченных «языков», а сам засел в Рязани. Жители кое-как подправили городские укрепления, «крепости нужные с нужею едва поделаша и града покрепиша и бои по стенам изъставиша»⁵.

2 октября татары окружили Рязань и «ночным временем с приметом и с огнем многожды» приступали к городу. Гарнизон отбил все приступы врага и произвел несколько вылазок, «из града выезжаа, с татары бишася, из града стрельбою по царевым (ханским. — Р. С.) полком из наряду стрельяли»⁶.

Бояре спешно направили на помощь Рязани имевшиеся в их распоряжении дворянские отряды. Московские заставы проникли в расположение главной ханской ставки.

Встревоженный подходом московских войск, хан не стал дожидаться сбора рассеявшихся по Рязанщине сил и 5 октября ушел в степи. Отставший от главных сил четырехтысячный отряд ширинского мурзы Мамай был наголову разбит

А. Д. Басмановым. Победители захватили в плен самого Мамаю и 500 татар. С дороги хан послал в Рязань двух гонцов с грамотой и поминками. В грамоте он писал царю, что «роzkручинился» на него, не получив поминок, «а которые ныне посланы ко мне поминки, и яз их приму»⁷.

Со времени покорения Казани война на южных границах приобрела затяжной характер. Не добившись мира с Крымом, Россия приступила к завоеванию Прибалтики.

Со времени появления англичан на Белом море (в 1553 г.) и установления правильных торговых сношений с Англией интерес России к европейской торговле резко усилился. В июне 1556 г. московское правительство позволило англичанам устроить «пристанище корабельное» на Белом море и разрешило им «торг по всему государству повольной»⁸. Однако суровые естественные условия стесняли развитие торговли на Белом море. Условия навигации на Балтийском море были более благоприятными.

Россия вела торговлю с Западом через Балтику, используя посредничество ливонского купечества. Ливонцы извлекали крупные доходы из этой торговли. Целям утверждения посреднической монополии служила традиционная политика блокады России, проводившаяся Орденом. Во время первых переговоров с ливонцами в 1554 г. Москва потребовала предоставить русским купцам право свободной торговли с купцами из Западной Европы на рынках Риги и Ревеля.

Полтора века спустя Россия должна была вести двадцатилетнюю войну со Швецией, чтобы утвердиться на берегах Балтики. Ивану IV не надо было прибегать к войне, чтобы получить доступ

на Балтику. Русское государство на протяжении многих веков владело обширным участком балтийского побережья и всем течением реки Невы, по которой проходил древний торговый путь «из варяг в греки». России принадлежал также правый берег реки Наровы, в устье которой заходили корабли многих европейских стран. Таким образом, государство имело широкий выход на Балтийское море перед началом Ливонской войны. Однако русские не могли использовать его, не имея морского флота и гаваней. В апреле 1557 г. Москва приступила к осуществлению программы мирного утверждения на Балтийском море. Дьяк Разрядного приказа И. Г. Выродков прибыл в устье Наровы для строительства морского порта. К июлю того же года на низменном правом берегу Наровы был построен «город для бусного (корабельного. — Р. С.) приходу заморским людям»⁹. Сразу вслед за тем правительство издало указ, полностью воспрепятствовавший новгородскому и псковскому купечеству ездить с товарами в ливонские города Нарву и Ревель и предлагавший ждать «немцев» в своей земле, в новом корабельном пристанище. Однако пристань на Нарове не стала морскими воротами страны. Западные торговые суда продолжали плавать в Ригу, Ревель и немецкую Нарву, минуя русский «город», не имевший ни торговой биржи, ни налаженного товарооборота, ни складов.

Московские власти не проявили настойчивости при осуществлении планов мирного утверждения на берегах Балтийского моря. На первый план была выдвинута задача завоевания ливонских гаваней и захвата Ливонии. Военные планы Москвы носили откровенно захватнический характер

Орденское государство, основанное немецкими крестоносцами на землях эстов и ливов, находилось в состоянии разложения и упадка, что вдохновляло сторонников войны в Москве.

В декабре 1557 г. в Москву были вызваны послы Ордена. Царь ультимативно потребовал от Ордена выплаты крупной контрибуции. В последний момент соглашение было сорвано под тем предлогом, что послы не могли сразу выплатить контрибуцию и просили отсрочки.

22 января 1558 г. русские войска пересекли ливонскую границу в районе Пскова и, разорив окрестности Дерпта и Нарвы, ушли в Ивангород. Нападение московитов вызвало панику по всей Ливонии; но оно имело значение военной демонстрации.

В конце апреля 1558 г. Орден направил на Русь послов с полной суммой затребованной у него контрибуции. В середине мая послы прибыли в Москву, но к тому времени ситуация на западных границах полностью изменилась.

Строительство морского порта в устье Нарвы привело к тому, что среди немецких бюргеров в Нарве образовалась промосковская партия, стремившаяся сохранить доходную торговлю с Русью любой ценой. Вспыхивавшая по временам перестрелка приносила ущерб как Нарве, так и Ивангороду. В начале апреля ивангородские воеводы произвели массированную бомбардировку Нарвы, после чего нарвцы заявили о своей готовности признать власть царя и направили послов в Москву. Царь обещал послам обширные привилегии. Тем временем к Нарве подошли орденские войска, и в городе взяли верх противники Москвы. Нарвская артиллерия обстреляла Ивангород, не-

взирая на перемирие. Военные действия на границе вступили в решающую фазу с того момента, как в Ивангород был прислан боярин А. Д. Басманов. Располагая ограниченными силами (около тысячи новгородских дворян и пятисот стрельцов), он решился штурмовать сильно укрепленную немецкую крепость. Когда 11 мая в Нарве вспыхнул пожар, русские бросились к стенам крепости и после короткого приступа заняли город. В конце мая отряды Басманова заняли крепость Нейшлос в истоке Наровы. Отныне русские прочно держали в своих руках все течение реки.

Царь Иван, придавая исключительное значение «нарвскому мореплаванию», старался создать благоприятные условия для его развития. Он представил купечеству Нарвы самые широкие привилегии: право самоуправления, свободу вероисповедания, право на беспощадную закупку основных товаров на рынках России.

Падение Нарвы имело далеко идущие последствия. Царь поспешил выпроводить из Москвы ливонских послов, отказавшись от привезенной ими контрибуции.

Война в Ливонии приобрела широкие масштабы. Воевода князь В. С. Серебряный осадил Дерпт (Юрьев) и после бомбардировки занял город 18 июля 1558 г.

Правитель Алексей Адашев советовал царю продолжать активную восточную политику. В 1558 г. его брат Данила возглавил экспедицию в Крым. Одновременно московские власти заключили с Орденом перемирие сроком на один год. Воспользовавшись передышкой, магистр Ордена Г. Кетлер в 1559 г. подписал в Вильне союзный договор с литовцами, согласно которому Ливония

перешла под протекторат Литвы и Польши. Король Сигизмунд обещал ливонцам немедленную военную помощь. Взамен Орден сделал значительные территориальные уступки в пользу Литвы. Виленское соглашение круто изменило ход Ливонской войны. Для русской дипломатии оно было тяжелым поражением. Теперь России противостоял не слабый, раздробленный Орден, а мощное Литовско-Польское государство. Рассчитывая на помощь короля, ливонцы возобновили военные действия до истечения срока перемирия. Их нападение застало русских врасплох. Юрьевский воевода З. И. Плещеев потерял более тысячи человек убитыми. Но рыцарям не удалось отвоевать Юрьев. Встревоженный царь немедленно направил в Ливонию главного воеводу князя И. Ф. Мстиславского. Затянувшаяся осенняя распутица превратила дороги в непроходимое болото, и царская рать застряла в грязи на столбовой дороге из Москвы в Новгород.

Вслед Мстиславскому Иван IV направил в Ливонию своего любимца боярина А. М. Курбского и правителя А. Ф. Адашева.

Летом 1560 г. русская армия во главе с князем И. Ф. Мстиславским и А. Ф. Адашевым предприняла решительное наступление против ливонцев. В битве под Эрмесом воевода князь В. И. Барбашин-Суздальский наголову разгромил отборную рыцарскую армию. После трехнедельной осады 21 августа русские заняли одну из сильнейших ливонских крепостей Феллин, служившую резиденцией престарелого магистра Ордена В. Фюрстенберга. Победителям досталась почти вся артиллерия Ордена. Фюрстенберг пленником был увезен в Москву.

В письме к царю А. Адашев просил сохранить жизнь пленному ландмаршалу Ордена Беллю, имея в виду его исключительный авторитет среди немецкого населения Лифляндии. Однако ландмаршал навлек на себя гнев Грозного, ответив на его вопросы «противным словом»¹⁰. Мстя за недавние поражения в Ливонии, царь предал Белля и четырех других командоров жестокой казни. Несколько пленных рыцарей были публично казнены в Пскове.

Развивая наступление, воевода А. М. Курбский стал продвигаться к Риге. Литовский воевода гетман Полубенский пытался остановить русских под Венденом и внезапно, «изгоном», напал на армию Курбского, но потерпел поражение и ушел за Двину. Отступление гетмана свидетельствовало о том, что литовцы не смогут немедленно оказать Ливонии серьезную военную помощь.

Невзирая на победы, положение русских в Прибалтике продолжало осложняться. Вслед за Литвой в войну вмешались крупнейшие прибалтийские государства Дания и Швеция, принявшие участие в разделе ливонского наследства. В апреле 1560 г. герцог Магнус, брат датского короля, вступил во владение островом Эзель. Спустя месяц Ревель и Северная Эстляндия перешли под власть Швеции.

Швеция, не добившаяся успеха в войне с Русским государством в 1554–1557 гг., была слабейшим из противников России и Ливонии. Но московское правительство не ставило целью немедленное изгнание шведов из Ревеля. В августе 1561 г. оно предоставило шведам 20-летнее перемирие, тем самым признав их завоевания в Ливонии.

Считая Данию крупнейшей морской державой

на Балтике, Россия искала прочного союза с ней. В июле 1562 г. в Можайске был подписан русско-датский союзный договор, по которому царь Иван признал владением Дании остров Эзель и прибрежную провинцию. Русско-датский союз был успешнее датской, нежели русской дипломатии. Россия не могла извлечь из него никаких выгод. В начавшейся шведско-датской войне естественным союзником Дании стала Литва.

Русская дипломатия пошла на уступки Швеции и Дании в Ливонии с единственной целью — создания широкой антилитовской коалиции. Этого Москве не удалось достичь, зато ее усилия предотвратили образование антирусской коалиции и тем самым создали благоприятные условия для борьбы с главным противником — Литвой. 28 ноября 1561 г. магистр Ордена Кетлер подписал соглашение с королем Сигизмундом-Августом. Владения Ордена окончательно перешли под власть короля. Литовские войска заняли всю Южную Ливонию, на территории к западу от Двины образовалось вассальное Курляндское герцогство, объявленное леном литовской короны. Успех литовцев положил конец колебаниям московского правительства. В Москве окончательно взяли верх сторонники «большой войны» с Литвой. Срок русско-литовского перемирия истек в марте 1562 г., и Москва решила использовать это обстоятельство для вторжения в литовские пределы. Ее решение оказало заметное влияние на ход и исход Ливонской войны. Война с Литовско-Польским государством потребовала от России громадного напряжения всех ее ресурсов.

В декабре 1562 г. русская армия была собрана на литовской границе. Целью наступления был

избран Полоцк — крупнейшая пограничная литовская крепость, закрывавшая пути из Москвы на Вильно, столицу Литовского великого княжества.

5 января 1563 г. в Великие Луки прибыл Грозный. Через неделю многочисленная русская рать выступила к Полоцку. Даже в победных русских реляциях отмечено, что «путное шествие» к Полоцку было «нужным и тихим»¹¹. В самом деле, из-за отвратительного состояния дорог армия продвигалась вперед невероятно медленно. Чтобы преодолеть расстояние в 150—180 км, ей понадобилось более двух недель. Неширокая полоцкая дорога не могла вместить всей массы войск и обозов. Армия ежечасно застревала в лесных теснинах среди болот. Под конец полки утратили всякий порядок; пехота, конница и обозы перемешались между собой, и движение вовсе застопорилось. Порядок был восстановлен с большим трудом. Царь с приближенными самолично разъезжал по дороге и «разбирал» людей в заторах. Самым деятельным его помощником был расторопный обозный воевода князь Афанасий Иванович Вяземский. Этот незнатный дворянин тогда впервые обратил на себя внимание Ивана Грозного.

В первых числах февраля русская армия приступила к правильной осаде Полоцка. Воевода В. С. Серебряный придвинул пушки к стенам острога. В его распоряжении находился «весь наряд стеной» (стенобитные орудия) и «верхний» (мортиры). Некоторые из осадных пушек стреляли ядрами весом до 20 пудов.

Полоцкий гарнизон насчитывал около двух тысяч человек при 20 орудиях. В помощь Полоцку литовское правительство спешно направило гетмана Н. Радзивила с 3400 солдатами. Радзивил ос-

тановился в 7 милях от города, но оказать помощь осажденным не решился.

Огнем тяжелой артиллерии воеводы разрушили укрепления полоцкого острога и вынудили литовцев отвести все свои силы в Верхний замок. Ночью 10 февраля полоцкий гарнизон предпринял вылазку и попытался захватить русские батареи. Однако боярин И. В. Большой-Шереметев с передовым полком, отбив атаку, «втоптал» литовцев в замок. Во время перестрелки Шереметев был контужен, и его место занял боярин князь Ю. И. Кашин. 11 февраля князь В. С. Серебряный приступил к расстановке батарей внутри сожженного острога против главной крепостной башни Полоцка «Темные ворота». В ночь на 13 февраля князь В. С. Серебряный приказал главному «нарядному воеводе» (начальнику артиллерии) князю М. П. Репнину подвергнуть крепость методическому обстрелу. Серебряный начал «бити по городу по всему не с одново места изо всего наряду и из верхних пушек из вогненных». В течение двух суток русская артиллерия бомбардировала город днем и ночью, «без опочиванья» (отдыха).

На рассвете 15 февраля князь В. С. Серебряный известил царя, что пушечным огнем удалось поджечь крепостную стену у больших ворот и что замок горит во многих местах. В тот же час Серебряный донес, что полоцкие воеводы сдали городское знамя и заявили о капитуляции. Под утро литовцы покинули горящий город, сдавшись на милость победителя. Только польские роты, находившиеся в крепостной башне, продолжали отчаянное сопротивление. Поляки сложили оружие лишь после того, как воеводы именем царя пообещали им свободу.

На третьи сутки после капитуляции царь Иван торжественно въехал в Полоцк. Не желая ссориться с Польшей, он щедро одарил и отпустил на родину четырех пленных польских капитанов и 500 польских солдат.

Русские не тронули православное население Полоцка. Но все граждане литовского происхождения были уведены пленными в Россию. Самая жалкая участь постигла местных еврейских жителей. Благочестивый царь, отслужив молебен в честь победы над безбожными «люторами», велел истребить всех полоцких евреев. Как передает летописец, «которые были в городе (Полоцке. — Р. С.) жили люди жидове, и князь велики велел их с семьями в воду в речную въметати, и «утопил их»¹². В те же дни татары рубили головы монахам-бернардинцам. В Литве первоначально отказывались верить сообщениям о таком невероятном варварстве.

Падение Полоцка было крупнейшим событием Ливонской войны. Русская армия заняла ключевую крепость на Западной Двине, в устье которой находился крупнейший ливонский порт Рига. Успешное выступление в Литве царь намерен был использовать, чтобы продиктовать литовцам условия мира и добиться от них уступок в Ливонии. На первых порах расчеты Грозного как будто бы начали оправдываться. 21 февраля в царский лагерь под Полоцком прибыли литовские послы с предложением о мире. Войска были утомлены осадой, и царь поспешил заключить перемирие, продолжавшееся в течение почти целого года.

Россия видела в Литовско-Польском государстве главного противника. Стремясь не допустить сближения между литовцами и шведами, русские

дипломаты признали Ревель и Пернов шведскими владениями, но потребовали от шведов очистить замок Пайду на границе с русской Ливонией. Раздраженный шведскими притязаниями, царь Иван в июле 1563 г. сделал королю Эрику XIV грубый выговор, «а писал х королю... многие бранные и подсмеятельные слова на укоризну его безумию»¹³. Эрик XIV в самом деле был подвержен приступам безумия. Зная о том, что трон короля непрочен, Иван IV обращался с ним на редкость высокомерно. Он отказывал ему в праве на личные сношения с «великим московским государем» и предлагал сноситься через наместника Новгорода. «Когда его царское величество, — писал Грозный, — будет с своего царства двором витати в Свейских островах, тогда его (Эрика XIV. — Р. С.) королево повеление крепко будет, а что с царского величества королю мир и суседство имети, а не с царского величества (новгородскими. — Р. С.) наместники, и то так от меры отстоит, якоже небо от земли»¹⁴.

Бранное письмо царя могло серьезно осложнить русско-шведские отношения, но шведский король находился в столь трудном положении, что безропотно снес все оскорбления. Несколько позже царь Иван, будучи недоволен действиями датчан, написал грубое письмо к королю Дании, которое датский посол не решился передать по назначению. Прибыв в Нарву, посол З. Феллинг, взявшийся доставить царское послание в Стокгольм, вскрыл свиток. Грамота, по свидетельству шведского дипломата, оказалась «грубым, нескладным, варварским, излишним писанием, неудалым ответом на верительную грамоту» датского посла¹⁵.

Письмо Грозного к шведскому и датскому ко-

ролям были своего рода вехой в истории тогдашней московской дипломатии. Они показывали, что после Полоцкого похода влияние тридцатитрехлетнего царя Ивана на дела дипломатического ведомства усилились. Определяя внешнюю политику России, Иван все больше руководствовался собственным нетерпением и высокомерием, нежели трезвым расчетом.

При заключении перемирия под Полоцком литовцы обязались незамедлительно прислать в Москву послов, но обещания не выполнили. Мирные переговоры, начавшиеся в Москве с большим запозданием, окончились неудачей. Стороны не могли прийти к соглашению ни по вопросу о Ливонии, ни по вопросу о границах в районе Полоцка. Послы решительно отклонили требование об уступке России Ливонии до Двины, а также Полоцка. В начале января 1564 г. литовцы выехали на родину; следом за ними в Литву двинулась многочисленная царская рать.

Русское командование сосредоточило на литовской границе две сильные армии: одну в Полоцке под командованием воевод князей П. И. Шуйского и С. В. Яковлева, другую в Смоленске под командованием воевод князей В. С. и П. С. Серебряных. Будучи в Москве в январе 1564 г., литовские послы получили информацию о том, что русские собрали в Полоцке до 14 тыс. ратников и в помощь им послан 8-тысячный отряд татар. В действительности, вспомогательное татарское войско было направлено не в Полоцк, а в Смоленск. Командующий литовской армией гетман Н. Радзивил в реляции о битве с войском Шуйского отметил, что русских было около 17 или 18 тысяч.

В Полоцке сосредоточились главные силы, яд-

ром которых были новгородская «кованная рать», дети боярские из Пскова и Торопца. Под командованием воевод находилось до сотни орудий.

По царскому наказу полоцкая армия должна была соединиться со смоленской на неприятельской территории в 5 верстах от Орши, а затем наступать на Минск. В наказе были точно обозначены не только время соединения обеих армий, но и пункты остановок армий на марше.

Литовцы были осведомлены о московских планах и решили разгромить русские армии порознь, не допустив их соединения. Почти все наличные силы — 8 тыс. человек с артиллерией — Литва направила против Полоцкой армии.

Поздним вечером 26 января 1564 г. в окрестностях Улы произошло сражение, в котором армия Шуйского потерпела поражение. Царские воеводы вынуждены были принять бой в чрезвычайно невыгодных для себя условиях. Полоцкая армия вышла к Уле после утомительного трехдневного перехода. Двигаясь по неширокой лесной дороге, многотысячное войско растянулось на пространстве не менее трех-пяти километров. В то время как авангарды выходили к Уле, основные силы и обозы с оружием оставались далеко позади. Бой начался в сумерках, «к ночи», и закончился уже при свете луны.

Главные силы русской армии не успели к месту боя. Весь удар литовцев принял на себя передовой полк. Бой длился не менее двух часов. По словам Н. Радзивила, его атакующая пехота встретила отчаянное сопротивление русских. Те и другие отступали попеременно. Наконец гетману удалось опрокинуть передовой полк, после чего главный воевода И. П. Шуйский бежал с поля боя.

Литовцы преследовали русских на пространстве в 5 миль, пока не добрались до их обозов. Как свидетельствовал Н. Радзивил, его люди захватили более 5000 повозок со множеством доспехов, панцирей и «разных воинских орудий»¹⁶. Как видно, русские так и не успели подготовиться к битве. По литовским данным, русская армия потеряла до половины своего состава — много тысяч людей. Из московской летописи следует, что в битве под Улой было убито и взято в плен не более 150 дворян и детей боярских. Псковские дворяне, участвовавшие в битве, подтвердили московские сведения. Как записал псковский летописец, в битве под Улой «детей боярских побили немного, а иные все разбежались: прилучилось к ночи»¹⁷. Победа литовцев была весьма внушительной. В итоге битвы погиб главнокомандующий полоцкой армией, считавшийся одним из лучших московских воевод. «Князя Петра Шуйского, — записал летописец, — збили с коня, и он з дела (с поля боя. — Р. С.) пеш утек, и пришел в литовскую деревню, и тут мужики, его ограбя, и в воду посадили»¹⁸. Потери в командном составе подтверждают, что в битве с литовцами участвовали силы передового и частично большого полка. В плен к литовцам попал и воевода передового полка З. И. Плещеев.

Литовская армия потеряла убитыми не более 20 человек, но число раненых в ней достигло 600 — 700 воинов.

Поражение России произвело сильное впечатление на ее союзников и противников. Оно свело на нет все усилия русской дипломатии в Крыму. Получив известие о военных неудачах Москвы, крымский хан не утвердил союзного договора с Россией и заключил союз с королем. Антирусская

коалиция предприняла совместные действия против Москвы уже осенью 1564 г.

Король Сигизмунд II сосредоточил на русской границе до 20 тысяч литовцев, венгров, волынян и прусских немцев. Из Польши для войны с Россией был прислан отряд в 12 тысяч поляков.

19 сентября 1564 г. королевская рать подступила к Полоцку. Литовские отряды напали на Алыст в русской Ливонии и Чернигов.

Русское командование немедленно направило все наличные силы на помощь Полоцку. 7 октября русская армия достигла Великих Лук. Выступление ее на западную границу обнажило южные рубежи. Тем временем многочисленная Крымская орда, нарушив соглашения с Москвой, напала на Рязань. Союзники не добились победы.

Более двух недель королевская армия простояла в полном бездействии в нескольких верстах от Полоцка и «к городу некоторою стрелбою, ни приступом не промышляли»¹⁹. Узнав о движении к Полоцку армии князей В. С. Серебряного и И. И. Пронского, литовцы поспешили отступить за Двину. Случилось это 4 октября, т.е. за день до отступления татар от стен Рязани.

Возобновление войны на западных и южных границах ставило Россию в исключительно трудное положение. Впервые против нее объединились все ее наиболее опасные противники: литовцы и поляки, татары и стоявшие за их спиной турки. Прошло 15 лет с тех пор, как Грозный предпринял первый поход под стены Казани. С этого времени война не затихала ни на один год, принося новые беды народу и разорение стране. Летом 1564 г. датские послы доносили из Москвы о том, что Грозный ведет большие приготовления к войне с

литовцами, но ему приходится тяжело, так как страна истощена тяжелыми войнами, тем не менее, в середине XVI в. Московское царство все больше приобретало имперское обличье. Его власть распространялась на завоеванные народы в Нижнем Поволжье и Прибалтике. В районе Нарвы и Юрьева проживало эстонское и немецкое население, придерживавшееся преимущественно протестантской веры. С завоеванием Чернигова при Иване III и Полоцка при Грозном к России были присоединены земли, населенные украинцами и белорусами. В Белоруссии московские власти взяли на себя роль защитников местного православного населения от протестантской ереси. В дни полоцкого похода митрополит Макарий объявил, что православное воинство ведет священную борьбу против «прескверных лютор», засевших в Литве²⁰. Православное духовенство относилось к протестантской ереси с большей подозрительностью, чем к исламу.

При взятии Дерпта (Юрьева) царские воеводы клятвенно заверили местных бюргеров, что они не будут переселены в Россию, сохранят веру и собственность. Однако их обещания не были выполнены. Под предлогом раскрывшейся «измены» и «заговора» царь вывел немецких купцов в города Владимир, Кострому, Нижний Новгород и Углич. Обвинения бюргеров были надуманными. Юрьевцы не могли рассчитывать на возвращение под власть Ордена, так как Орден распался, а его магистр укрылся за Двиной в Курляндии.

Русское духовенство старалось любыми средствами предотвратить распространение люторской ереси на святой Руси и с этой целью требовало воспретить переселенцам-протестантам богослуже-

ние. Некоторые из иерархов настаивали на употреблении насильственных мер для искоренения ереси. Однако попытки такого рода натолкнулись на сопротивление светских властей. Царь наказал митрополита, насильно заставившего одного немца-протестанта принять православие. Слухи об этом проникли в протестантскую Германию в весьма преувеличенном виде. Рассказывали, будто московский митрополит (точно не известно, в какое время) принужден был заплатить за насилие над лютеранином 60 тысяч руб.²¹

Немецкие купцы, ездившие в Москву, с похвалой отзывались о веротерпимости царя и его расположении к немцам. Царь, передавали они, обнаруживает обширные познания в религиозных вопросах. Он охотно ведет диспуты на догматические темы, особенно с ливонскими пленниками (протестантами), разбирает различия между православием и католичеством, всерьез подумывает о соединении церквей.

Иван и его дипломаты лелеяли планы образования в Ливонии вассального Орденского государства и потому старались не оттолкнуть от себя протестантское ливонское дворянство. По этой причине Грозный позволил немецким бюргерам-переселенцам отправлять свой культ. Протестантский проповедник Ваттерман свободно ездил по русским городам, где жили немцы, обучая их «лютерской ереси». Позднее Иван IV дозволил немцам выстроить протестантскую кирху в двух верстах от православной столицы²².

В Ливонии Москва проводила ту же земельную политику, что и в Казани. Владения магистра и дворян, отказавшихся поступить на царскую службу, перешли в царскую казну и пополнили

фонд государственной земельной собственности. Власти стали спешно насаждать в Прибалтике помещную систему и переселять туда русских помещиков.

Царь многократно обещал щедрые милости ливонским дворянам, согласным перейти на русскую службу. Но его попытки наладить в Ливонии московскую военно-служилую систему неизбежно должны были оттолкнуть от России немецкое дворянство Прибалтики. Служилых немцев стали наделять поместьями в центральных уездах России. Из них был сформирован особый отряд в составе российской армии. Ливонцы И. Таубе, Э. Крузе, К. Эберфельд подвизались при царском дворе в роли доверенных советников. Таубе, по его собственным словам, был уравнен честью с придворными московскими боярами²³. Появление советников-лютеран в окружении царя вызвало возмущение в среде ортодоксального духовенства.

Завоевательные войны начала царствования Грозного показали, что Россия обладает огромной военной мощью, опасной для всех ее соседей. Однако ее могущество было вскоре же подорвано внутренними раздорами.

Примечания к главе 5. Военные победы

¹Витебская старина. Витебск, 1885. С. 118–120.

²ПСРЛ. Т.13. С. 257.

³Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.2., Ч.1. М., 1978. С. 48.

⁴Кушева Е. Н. Политика русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки. Т.34. М., 1950. С. 265.

⁵ПСРЛ. Т.13. С. 388.

⁶Там же. С. 389.

⁷ЦГАДА. Ф.123. №11. Л., 131 об.

⁸ПСРЛ. Т.13. С. 270.

⁹ПСРА. Т.13. С. 284.

¹⁰Курбский. Сочинения. С. 257; Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Вып. 2. С. 392.

¹¹ПСРА. Т.13. С. 350.

¹²Псковские летописи. Вып.2. С. 244.

¹³ПСРА. Т.13. С. 369.

¹⁴Там же.

¹⁵Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся до русской истории. Вып.1 // Чтения ОИДР. 1915. Кн.4. С. 230.

¹⁶Витебская старина. Т.4. С. 124—125, 158, 189—190.

¹⁷Псковские летописи. Вып.2. С. 245.

¹⁸ПСРА. Т.34. С. 190.

¹⁹Там же. С. 389—390.

²⁰ПСРА. Т.13. С. 351.

²¹Письмо В.Зенга 1566 г. // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т.IX. СПб., 1831. Прим.166.

²²Прибалтийский сборник. Т.3. Рига, 1880. С. 156.

²³Штаден Г. Записки. С. 131; Форстен Г. Балтийский вопрос в XVI—XVII вв. Т.1. СПб., 1893. С. 473; Послание И. Таубе и Э. Крузе. // Русский исторический журнал. Кн.8. Пг., 1922. С. 32—34.

Глава 6 РАЗРЫВ С БОЯРСКОЙ ДУМОЙ

Главная особенность реформ Адашева заключалась в их беспорядочности. Не имея общего плана, власти проводили в жизнь свои распоряжения, а затем отменяли их, как то было с кормлениями. Казанская война прервала течение реформ, а Ливонская война покончила с реформаторами. Сколь бы непоследовательными ни были преобразования, они достигли цели. Россия получила новый свод законов — Судебник 1550 г. и новую систему управления в центре и на местах. Военно-служилая система приобрела свой окончательный вид и стала фундаментом Российской монархии.

Иван IV разочаровался в реформах. В тридцать лет его стала тяготить мелочная опека наставников. В 1560 г. он удалил от двора Адашева, отправив его в действующую армию. Воеводы достигли немалых успехов, разгромив рыцарское войско. Но их успехи не удовлетворили самодержца. 30 августа 1560 г. судьба Адашева решилась окончательно. По царскому указу он должен был покинуть полки и принять пост воеводы во вновь завоеванном рыцарском замке Феллин (Вильянди). Едва опальный вельможа явился к месту назначения, как один из подчиненных ему дворянских голов О. В. Полев, оценив благоприятные возможности, стал тягаться с ним о местах. Земляк Ада-

шева костромской дворянин Полев не имел ни думного, ни воеводского чина. Но царь рассмотрел его иск и велел «развести» воевод, для чего Адашев был переведен из Феллина в Юрьев в подчинение тамошнему воеводе князю Д. И. Хилкову. В Юрьеве временщика ждали мучительные унижения. Хилков отказался принять Адашева в качестве младшего воеводы. Думный чин и связи в столице позволяли вчерашнему правителю протестовать против произвола юрьевского воеводы, но Адашев был человеком совсем другого склада. Типичный представитель служилой дворянской бюрократии, он униженно молил Хилкова о приеме на службу, получил отказ и снова бил ему челом.

К началу октября правительство объявило о конфискации всех земельных владений А. Ф. Адашева в Костроме и в Переяславле. Взамен этих земель ему было пожаловано несколько тысяч четвертей земли в Бежецкой пятине Новгорода. Бывший правитель ненадолго стал крупнейшим из новгородских помещиков.

Протопоп Сильвестр пустил в ход все свое влияние, стремясь предотвратить отставку Адашева. Но его хлопоты кончились неудачей. Сознывая безвыходность положения, Сильвестр объявил царю о том, что намерен уйти на покой в монастырь.

В письме Курбскому Иван IV подчеркивал, что Сильвестр «своею волею отоиде (в монастырь. — Р. С.), нам же его благословне отпустившим». Свое решение царь объяснял тем, что намерен судиться с учителем не на этом, а на том свете. «...В будущем веце, — писал царь, — хочу суд прияти, елико от него пострадах душевне и телесне»¹.

Традиционная точка зрения сводится к тому, что падение Избранной рады было ускорено раз-

ногласиями по внешнеполитическим вопросам. Сильвестр с Адашевым настаивали на продолжении активной восточной политики, тогда как царь настаивал на вторжении в Прибалтику. Американский исследователь А. Н. Гроровский показал уязвимость такой схемы, опирающейся на тенденциозные противоречивые свидетельства Ивана IV и Курбского².

Невозможно составить сколько-нибудь полное представление о внешнеполитических расхождениях царя и Сильвестра ввиду отсутствия достоверных данных о «программе» священника. Падение Сильвестра явилось следствием усилившихся раздоров в ближнем окружении царя. Оттесненные от власти Захарьины пытались вернуть утраченное влияние. Царица Анастасия старалась помочь им, но ее вмешательство в государственные дела вызвало негодование наставников царя и бояр. Монарх не раз сетовал на то, что советники воздвигли на Анастасию Романовну «ненависть зельну», сравнивали ее с нечестивой римской императрицей Евдоксией, гонительницей Иоанна Златоуста³. В этом сравнении заключался намек на Сильвестра, терпевшего от царицы не меньшие неприятности, чем Златоуст от Евдоксии.

Царица Анастасия, не достигшая тридцати лет, много болела, но до поры до времени спасалась богомольями. 8 августа 1560 г. она умерла, после чего прошел слух, будто ее околдовали — «счаровали» — недруги. В своей «Истории» Курбский записал, что именно такое обвинение было предъявлено Сильвестру и его сотоварищам. Слова князя не были запоздалым вымыслом. Сразу после бегства в Литву в 1564 г. Курбский пенял на то, что Иван клеветает на доброхотов, «облыгает» их «из-

менами и чародействы»⁴. В 1564 г. Грозный уклонился от обсуждения вопроса об околдовании жены и лишь много лет спустя, вернувшись к этой теме, невольно подтвердил достоверность рассказа Курбского. В 1577 г. царь писал: «Да много того, что мне от вас бед, всего того не исписати. А и з женою вы меня про что разлучили? Только б вы у меня не отняли юницы моя»⁵. В разгар опричнины послы в Литве должны были без обиняков заявить, будто старая измена Курбского — над царицей Анастасией «лихое дело с своими советниками учинил»⁶.

В первом письме Курбскому царь описал обстоятельства кончины Анастасии здраво, без всяких ссылок на дьявольские силы. Осенью 1559 г. Иван IV, по случаю болезни жены, отправился на богомолье к Николе Чудотворцу в Можайск. Богомолье было прервано известием о поражении воевод в Ливонии. Согласно летописной версии, царь, узнав о беде, «хотел ехати вскоре к Москве, да невозможно было ни верхом, ни в санех: безпуга была кроме обычая на много время; а се грех ради наша царица не домогла»⁷. Иван IV считал, что переезд окончательно подорвал здоровье жены и ускорил ее кончину. В письме Курбскому он писал: «Како убо воспомяну, иже во царствующий град с нашею царицею Анастасиею с немощною от Можайска немилостивное путное прехождение. Единого ради мала слова непотребна!»⁸.

Кем было произнесено «непотребное слово», способствовавшее гибели царицы? Из контекста письма следует, что малое непотребное слово произнес не кто иной, как наставник. Оно явно относилось к числу тех «кусательных слов», которыми Сильвестр «истязал» и наставлял на путь истин-

ный своего ученика. Из пояснений царя следует, что предметом его разговора с Сильвестром вовсе не были тонкости внешнеполитической программы. Когда началась «германская война», писал царь попу Сильвестру «о том на нас люте належаще», и когда случалась болезнь кого-нибудь из членов царской семьи, «и сия убо вся вменяху аки их ради, нашего к ним непослушания сия бываху!»⁹. Таким был смысл «непотребного слова» Сильвестра. Наставник требовал послушания, а царь считал, что советник ставит под угрозу благополучие и даже жизнь членов царской семьи. Сильвестр, как в запальчивости утверждал Грозный, лишил царскую семью «прохождения по святым местам», приношения и обетов ко святым «о душевном спасение и о телесном здравие, и о всем благом пребывании нашем и царицы наша и чад наших, и сия вся вашим лукавым умышлением от нас отнюдь възшася, врачевстей же хитрости, своего ради здравия, ниже помянути тогда бяше»¹⁰.

Логика приведенного рассуждения очевидна: царица погибла, когда злые советники помешали ее богомолью у Николы Можайского.

По настоянию Захарьиных царь созвал в Москве собор для суда над Адашевым. В нем участвовали митрополит, епископы и Боярская дума в полном составе. Опальный временщик верноподанически просил государя допустить его в столицу для участия в судебном разбирательстве. Митрополит Макарий не побоялся выступить в защиту опальных. «...Подобает, — заявил он, — ...приведенным им быти зде пред нас... и нам убо слышести воистину достоит, что они на то отвещают»¹¹. Однако царь понимал, что для суда над Адашевым у него нет ни оснований, ни улики. Настаивая на

расправе с Адашевым, Захарьины льстили царю и в то же время напоминали ему старые обиды. «Великого и славного и мудраго, боговенчанного царя, — говорили они, — держали перед тем, аки в оковах, повелевающе... в меру ясти и пити и со царицею жити». Их аргументы были таковы, что задевали самолюбие самодержца и рождали неуверенность в благополучном исходе суда в случае появления в Кремле подсудимых. Бывшие правители, утверждали Захарьины, пользуются большим авторитетом и популярностью, нежели сам царь: «А к тому любяще их все твое воинство и народ, нежели тебя самого»¹².

Вмешательство церковного руководства грозило сорвать соборный суд. Мнение митрополита разделяли влиятельные покровители Адашева в Боярской думе. Однако против Макария выступил Левкий, архимандрит кремлевского Чудова монастыря. Монастырь был митрополичим, глава церкви не ждал предательства со стороны одного из ближайших помощников. Царь утверждал, что Чудов был до его времени «яко един от убогих... монастырей», и лишь при архимандрите Левкии «сравняся всяким благочинием с великими обителями». До времени собора Левкий ничем не выделялся среди кремлевских духовных лиц. В 1560 г. чудовский архимандрит выступил против Макария, за что и заслужил похвалу от самодержца.

Соборный суд 1560 г. по существу был «колдовским процессом», обычным в эпоху средневековья. Курбский с полным основанием упрекал царя в том, что тот лживо обвинил своих «добрых» в измене и «чародействе». В колдовстве были обвинены не сами царские советники, а люди из их окружения. В доме Алексея Адашева обита-

ла приживалка полька Мария — «Магдалыня», принявшая православие. По-видимому, на нее то и пало подозрение в порче царицы и причинении лиха царской семье. Мария были обвинена как «чаровница и Алексеева согласница» и позднее казнена вместе с пятью сыновьями¹³.

Адашев подвергся аресту в Юрьеве и угодил в тюрьму. Царская опала надломил его. Вскоре после собора он «впал в недуг огненный» и умер. Царь срочно послал в Юрьев одного из ближних дворян, чтобы расследовать обстоятельства смерти Адашева, поскольку явились подозрения, что опальный правитель покончил жизнь самоубийством.

Вместе с Адашевым опале подвергся весь круг его ближайших родственников и соратников. Брат правителя Д. Ф. Адашев лишился чина окольничего и был выслан из Москвы. Началась чистка приказного аппарата от сторонников Избранной рады.

Уезжая в Кириллов монастырь, Сильвестр забрал с собой библиотеку и другое имущество. После соборного суда Грозный послал в Кириллов дьяка И. М. Висковатого, чтобы разобрать книги опального. По утверждению царя, гонения на бывших советников носили умеренный характер: «сыскав измены собаки Олексея Адашева со всеми его советники (царь. — Р. С.) милостиво гнев свои учинили: смертные казни не положили, но по разным местом розослали»¹⁴.

Книги Разрядного приказа подтверждают слова Грозного. Один из главных деятелей Избранной рады боярин князь Д. И. Курлятев был отправлен в почетную ссылку — на воеводство в Смоленск. Семья Сильвестра удостоилась последней милости. Его сын Анфим получил разрешение служить дьяком воеводской избы в Смоленске, под кры-

лом у Курятева. Падение Избранной рады сказалося на ее покровителях в составе Боярской думы. Сильвестр пользовался расположением А. Б. Горбатого и состоял с ним в дружеской переписке. В думе Горбатый занимал самое высокое положение. С момента падения рады он не получил ни одного воеводского назначения.

Сторонников Сильвестра в Боярской думе заставили принести специальную присягу на верность царю. Они клятвенно обязались порвать всякие сношения с опальными вождями рады.

Ко времени падения Избранной рады царь Иван Васильевич достиг тридцати лет. Внешне его окружали всевозможные знаки полной, почти рабской покорности и внимания. Английский путешественник, побывавший при царском дворе в 1558 г., писал на родину: «Я думаю, в христианском мире нет государя, которого его подданные, дворянского и простого сословия, боялись бы больше и вместе с тем больше любили...»¹⁵. Враги, добавляя англичанин, которых у царя немало, бояться его не меньше, чем жаворонки сокола. Вспыльчивый и невоздержанный в гневе, царь наводил трепет на своих недругов. Среди подданных он пользовался определенной популярностью. Но ни страх врагов, ни популярность в народе не были свидетельством решающего влияния молодого царя на дела государства.

Ни один указ, ни одно начинание не могли совершиться без государева повеления. Царь часто вмешивался в дела управления, но с его мнением не всегда считались. Памятуя собственный печальный опыт, Грозный в своем завещании многословно поучал наследника, как ему властвовать над людьми, во всем подчинять своей воле,

как осмотрительно пользоваться правом опалы. Советы отличались мудростью, но сам Иван IV редко им следовал.

Наставники царя не слишком высоко оценивали способности своего ученика, что глубоко обижало последнего. «Не мни мя неразумна суца, — писал царь Курбскому, — ниже разумом младенчествуца, яко же начальницы ваши поп Сильвестр и Олексей неподбно глаголали»¹⁶. Приведенные строки написаны были в момент запальчивости, тем не менее они достаточно красноречиво характеризуют взаимоотношения между молодым Грозным и его советниками.

Годы правления Избранной рады были, по утверждению Грозного, временем всевластия бояр. Бояре с попом Сильвестром и Адашевым хотели «под ногами своими всю Рускую землю видети (...) сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел»¹⁷.

Жалобы Ивана IV как бы подводили итог начальному периоду его самостоятельного правления. Наставники были избраны Иваном по собственной воле, но период ученичества затянулся и потерял в его глазах привлекательность, превратившись в тягостную опеку.

Проводя реформы, Избранная рада использовала традиционный механизм управления, маховым колесом которого оставалась Боярская дума. Практически, разработкой и осуществлением реформ занимались приказы и ближняя дума, функционировавшая в качестве комиссии Боярской думы. Адашев не предпринимал своих нововведений без бояр. В свою очередь, Боярская дума не могла обойтись без посредничества Сильвестра и

Адашева во взаимоотношениях с неуравновешенным и нервным монархом. Иван IV имел возможность избавиться от опеки наставников. Но закончить с опекой Боярской думы, оставаясь на почве традиционных порядков, он не мог.

После отставки Сильвестра и Адашева царь постарался искоренить самую память об опальных временщиках. То, что считалось при них хорошим тоном, подвергалось теперь безусловному осмеянию. Благодетельные наставления Адашева были забыты.

Бесчинства царя коробили бояр. Но ревнителей старины, отказывавшихся участвовать в царских потехах, корили тем, что они «недоброхотны» царю, и «еще Селивестров или Алексеев дух, сиречь обычаи, не вышел из них!». На смену унылому постничеству пришли роскошные пиры и потехи. Происшедшие при дворе перемены Иван IV оправдывал соображениями государственной пользы. В письмах Курбскому он утверждал, будто играми и потехами он хотел добиться популярности среди народа и дворян, «сходя к немощи их, точию дабы нас, своих государев, познали, а не вас, изменников! (...) И сего ради церковное предстояние не твердо, ово убо ради царских правлений, еже вами разрушено...»¹⁸.

Если прежние советники обращались с государем, как с подопечным, то новые всячески льстили ему, восхваляли его мудрость. «А еже восхваляше тя, и возношаше и глаголаше тя царя велика, непобедима и храбра..? Егда же надут от них и прельщен, что получил еси?»¹⁹ — спрашивал царя его старый советник. Бесконечные славословия, лесть и лицемерие придворных как нельзя более

подходили к новым настроениям царя, его требованиям неограниченной власти.

Вскоре после падения Избранной рады в Москву прибыли послы от константинопольского патриарха. Вселенский собор специальной грамотой подтверждал право москвитя на царский титул. Глава вселенской православной церкви освятил своим авторитетом власть православного московского царя. Затейные по этому поводу пышные богослужения призваны были поднять престиж монарха и его нового правительства.

Примерно через неделю после смерти царицы Анастасии Романовой митрополит и епископы обратились к Ивану Васильевичу с неожиданным ходатайством. Они просили царя, чтобы он отложил скорбь и «женился ранее, а себе бы нужи не наводил». Причиной поспешности, по С. Б. Веселовскому, были обстоятельства самого деликатного свойства. Как передает летописец, «умершей убо царице Анастасие, нача царь яр быти и прелюбодействен зело»²⁰. На упреки Курбского насчет «кроновых жертв» царь отвечал прямо и откровенно: «А будет молвиш, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, ино вси есмы человецы»²¹.

Советуя царю поспешить с браком, князья церкви заботились не только о его нравственном спасении. Браки в царской семье всегда были крупным политическим событием. Боярская дума и духовенство опасались чрезвычайного усиления власти Захарьиных и надеялись с помощью нового царского брака подорвать их позиции при дворе.

Первый брак царя шокировал титулованную знать. Бояре с пренебрежением отзывались о «робе» — царица. Новую невесту благодетельному

государю решено было искать за рубежом среди дочерей владетельных особ. Сватовство в Польше имело успех. Король Сигизмунд II не прочь был выдать за царя сестру Катерину. Но королевский совет воспротивился браку. Сенаторы требовали, чтобы московский государь лишил прав на престол детей от первого брака и прекратил военные действия в Ливонии. Из-за кончины короля Густава Вазы сватовство при шведском дворе оказалось несвоевременным. Невесту Грозному нашли в Кабарде. Местный князь Темир-Гука без дальних слов согласился отпустить на Русь дочь Кученей. 15 июня 1561 г. княжну привезли в Москву. Иван IV велел черкешенке «быти на своем дворе, смотрел ее и полубил». 21 августа царь обвенчался с Кученей, принявшей в крещении имя Мария. Брачный пир продолжался три дня. В течение этого времени все ворота Москвы оставались на запоре. Жителям столицы и иностранцам под страхом наказания запрещено было покидать свои дворы. Власти опасались, как бы чернь не омрачила свадебного веселья, как то случилось после первой царской свадьбы.

По случаю вступления во второй брак царь составил новое завещание, закреплявшее порядок престолонаследия и определявшее имущественное положение новой царицы и возможных ее детей. В завещании были названы имена душеприказчиков, которые должны были войти в опекунский совет при семилетнем наследнике. Бояре-регенты принесли присягу на верность царевичам и царице Марии. Они поклялись не искать себе государя «мимо» наследника и управлять страной в полном соответствии с царским завещанием, следуя тому, «что есми государь наш царь и великий князь на-

писал в своей духовной». «А правити нам, — значилось в тексте присяги, — сыну твоему государю своему царевичу Ивану... по твоей духовной грамоте...»²². Текст завещания исчез, однако сохранилась специальная запись, служившая приложением к завещанию.

Имеющиеся к ней подписи (Данило Романович, Василий Михайлович и пр.) позволяют установить состав совета. Известную трудность вызывает расшифровка подписи «Иван Петров». Из двух бояр с этим именем (Яковлев и Федоров) первый в 1561 — 1562 гг. находился в Москве, тогда как второй служил в Юрьеве. А. А. Зимин сравнил подпись грамоты с подписями И. П. Яковлева и И. П. Федорова на приговоре Земского собора 1566 г. и бесспорно установил, что в первом случае «рукоприкладствовал» Яковлев²³.

Регентский совет 1553 г. по представительности далеко уступал седьмочисленной боярской комиссии Василия III. Совет 1561 г. был еще менее представительным и авторитетным. Характерной чертой нового совета было засилие Захарьиных, оттеснивших от власти всех своих соперников. Главными опекунами царевича Ивана значились Д. Р. Юрьев, В. М. Юрьев, И. П. Яковлев и Ф. И. Колычев. Из пяти бояр, членов регентского совета, трое принадлежали к роду Захарьиных, а четвертый (Ф. И. Колычев) был их однородцем.

Титулованная знать — князь А. П. Телятевский и кравчий князь П. И. Горенский-Оболенский — занимала в совете подчиненное положение. Князь Телятевский происходил из знатной, но обедневшей ветви князей Тверских-Микулинских. При дворе Телятевские служили по спискам «помещиков из Ярославля». Телятевский и

Горенский были людьми молодыми и при Адашеве не занимали видных постов, что и определило выбор царя. Телятевскому Иван поручил расследовать обстоятельства смерти Адашева в Юрьеве в 1560 г.

Передавая регентство целиком в руки Захарьиных, государь рассчитывал раз и навсегда решить вопрос о престолонаследии в пользу старшей ветви династии. Захарьины должны были оградить права своего племянника царевича Ивана и пресечь любые покушения на трон детей от второго брака.

Регентский совет должен был забрать в свои руки бразды правления государством после кончины монарха. Однако регенты исполняли определенные функции и при его жизни. Эти функции были связаны, в частности, с управлением Москвой в отсутствие царя. При Адашеве Москву ведала «семибоярщина», в которой несколько лет подряд первенствовали князья Шуйские. Когда в мае 1562 г. царь выступил в литовский поход, «ведать Москву» он оставил сыновей и с ними бояр Д. Р. и Н. Р. Юрьевых, В. М. Юрьева, В. П. Яковлева, князя В. А. Сицкого. Грозный поручил наследнику «по вестем во все города о бережение к воеводам писати от себя, и всякие свои земские дела приказал делати сыну своему царевичу Ивану». Практически, за восьмилетнего царевича столицей управляли бояре Юрьевы.

Захарьины постарались упрочить свое влияние в Боярской думе, а также и в приказном аппарате управления. Прежде всего, они добились возвращения из многолетней ссылки Н. А. Фуникова-Курцева, подвергнувшегося преследованию со стороны Сильвестра. Получив думный чин казначея,

Курцев возглавил главное финансовое ведомство — Казенный приказ.

Правительство щедро вознаградило еще одного противника Сильвестра — И. М. Висковатого. Дьяк получил думный чин печатника и стал главным помощником Н. А. Курцева в Казенном приказе. Свою деятельность в Казне Висковатый начал с «реформы» печати. 3 февраля 1561 г. старая «меньшая» великокняжеская печать была заменена большой печатью, украшенной символом самодержавия: «Орел двоеглавной, а среди его человек на коне, а на другой орел же двоеглавной, а среди его инърог»²⁴.

Приказная бюрократия служила послушным орудием монархии. Курбский язвительно осмеивал царя за его доверие к приказным бюрократам из поповичей. Писарям русским, утверждал он, «князь великий зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичей или от простого всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих»²⁵.

Защитник старины, выходец из старой дьяческой фамилии Т. Тетерин высказывал не менее резкие суждения о значении приказной бюрократии. Царь больше не верит боярам, писал Тетерин М. Я. Морозову, «есть у великого князя новые верники-дьяки, которые его половиною кормят, а другую половину себе емлют, у которых дьяков отцы вашим (бояр. — Р. С.) отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют»²⁶.

По указанию царя руководители приказов приступили к разработке уложения о княжеских вотчинах, вступившего в силу после утверждения в думе 15 января 1562 г. Кружок Адашева с его про-

граммой реформ исчез с политической арены, но объективные тенденции развития землевладения не изменились. Процесс дробления и упадка крупного княжеского землевладения шел безостановочно, и власти стремились утилизировать этот процесс. Земельные приговоры 1551 и 1562 гг. исходили из того, что казна является единственной законной наследницей «великих» княжеских вотчин, лишившихся своих владельцев. Уложение 1562 г. более полно и последовательно ограничивало родовое княжеское землевладение и служило прямым прологом к опричным конфискациям княжеских вотчин. По сравнению с законами Избранной рады менялся самый объем ограничений.

В уложении 1562 г. впервые были упомянуты фамилии князей Ростовских, Воротынских, Одовских и Трубецких, отсутствовавшие в указе 1551 г. Всем перечисленным в указе княжатам запрещалось продавать и иметь свои «старинные» родовые вотчины. Сделки подобного рода объявлялись незаконными. Княжеская вотчина, проданная сыну боярскому «опричь» братии и племянников вотчича, отбиралась в пользу казны. Подвергались конфискации также все без исключения выморочные вотчины княжат. «Великие» вотчины, завещанные князем-вотчинником жене или отданные за дочерьми и сестрами в приданое, отчуждались с известным вознаграждением, земельным и денежным. Даже ближайшие родственники по мужской линии (братья и племянники, исключая сыновей) могли наследовать старинные княжеские вотчины лишь по царскому указу: «и государь того посмотря, по вотчине и по духовной и по службе, кому которую вотчину напишет, велит указ учинити»²⁷.

Старые ограничения впервые получили силу обратного действия в 1562 г. Все княжеские вотчины, приобретенные «иногородцами» путем покупки или с приданым «после» великого князя Василия III в период боярского правления 1533—1547 гг., отчуждались в казну без всякой компенсации. Вотчины, приобретенные с 1552 по 1556 г., отчуждались за известную компенсацию по усмотрению правительства. Пересмотру не подлежали лишь сделки на княжеские и прочие вотчины, заключенные в 1557—1562 гг. Причиной исключения были земельные мероприятия, проведенные правительством в 1556 г. в связи с упорядочением военно-служилой системы землевладения и проверкой владельческих прав на земли. Результаты «землемерия» 1556 г. не подвергались пересмотру: закон о конфискации не распространялся на 1557—1562 гг., и вся практика этого периода признавалась законной.

Традиционное вотчинное право не ограничивало дворянина в его правах на распоряжение земельной собственностью и не предусматривало обязательной службы вотчинника с земли. Стремительное развитие поместья и превращение его в господствующую форму землевладения трансформировало вотчинное право. Наделение казенными поместьями всех членов дворянского сословия привело к распространению на вотчинников обязательной военной службы. Поместные нормы и практика создали почву для вмешательства казны в сферу распоряжения вотчинным землевладением, вовсе не принадлежавшим к категории государственной собственности.

Формально Уложение 1562 г. не содержало специального пункта о церковном землевладении. Но

по существу оно ограничивало возможности дальнейшего роста земельных богатств монастырей. Именно так прокомментировал смысл царского Уложения 1562 г. Поместный приказ в одной из своих грамот конца 70-х гг.: «наш указ, как есмя не велели ярославских вотчин в монастыри давати во 70-м году»²⁸. Грамота адресовалась в Ярославль, поэтому в ней и упоминались только ярославские вотчины. Выморочные княжеские владения, а также вотчины, оставшиеся без ближайших наследников, доставались прежде по общему правилу монастырям. Теперь все они были объявлены исключительной собственностью казны.

По существу, Уложение 1562 г. продолжало земельный курс Избранной рады. Однако царь, порвав со сторонниками реформ, объявил себя противником всего, что они делали. В пылу полемики с Курбским Иван IV взялся доказать, что незаконными были не его распоряжения об отчуждении в казну родовых княжеских земель, а меры, проведенные радой. Сильвестр и его сообщники, утверждал Грозный, в нарушение старых земельных законов стали раздавать боярам «великие вотчины» и села, «еже деда нашего великого государя уложение, которые вотчины у вас (бояр. — Р. С.) взимати и которым вотчинам еже несть потреба от нас (царя. — Р. С.) даятися, и те вотчины ветру подобно раздавали неподобно, и то деда нашего уложение разрушили и тем многих людей к себе примирили»²⁹. Аристократия выражала крайнее негодование по поводу покушения казны на ее родовые земли. Иван же рассматривал свои действия как исполнение заветов деда, отбравшего вотчины у бояр.

Приход Захарьиных к власти и их политика

вызвали недовольство аристократии. Первыми за протестовали владельцы удельных княжеств, располагавшие внушительными силами и достаточно независимые в своих поступках.

Крушение Избранной рады подало семье Глинских надежду на возвращение к власти. Они не забыли того, что Василий III князь Михаил Глинский, недовольный московскими порядками, пытался бежать на родину в Литву, за что и угодил в тюрьму. Его сын князь Василий, как видно, шел по стопам отца, и лишь родство с царем спасло его от тюрьмы. В июле 1561 г. Василий Глинский был взят под стражу, в конце того же месяца подписал крестоцеловальную грамоту и был освобожден. В «проклятой» грамоте боярин признавал, что «преступил» перед царем и обязался впредь без ведома последнего не «ссылатися ни человеком, ни грамотами» с королем Сигизмундом и панями польскими и литовскими, «не приказывать» к ним никаких вестей. Всех людей, которые «учнут» с ним «думати о литовской посылке и отъезде», удельный князь обязался немедленно «поймати, да поставити... перед своим государем». То же самое он должен был сделать с любым литовским лазутчиком, который прибудет к нему «с грамотами или с речами» из-за рубежа. Глинский обещал далее — не отъезжать в уделы к братии царя Ивана, не приставать к лиходеям «в здешней ли земле или в уделех», выдать правительству любого человека, который будет говорить ему «лихо» на царя и его семью. Опальный князь обязался «не проносити никому» царской «думы» и тех речей, которые он услышит во дворце³⁰.

Через два месяца после прощения В. М. Глинский возглавил поход русских войск в Ливонию.

Но распри в кругу царской родни не прекратились.

Видной фигурой при дворе Грозного был его родственник по материнской линии князь Д. И. Вишневецкий. В 1560 г. Вишневецкий выехал в Пятигорск, где занял трон вассального черкасского княжества³¹. За непослушание царь Иван IV вскоре же отнял княжение у вассала³². Покинув Пятигорск, Вишневецкий уехал на Днепр, откуда послал гонцов в Литву. В письме к Сигизмунду он объяснял отъезд на Русь тем, что хотел «годне» служить государю и Речи Посполитой, «справы того неприятеля (москвиты. — Р. С.) выведавши»³³.

Король счел благоразумным принять объяснения строптивого вассала и 5 сентября направил ему охранную грамоту на въезд в Литву. Но Вишневецкий не спешил вернуться на родину. Положив королевский лист в карман, он уехал на Русь. В ноябре 1561 г. князь явился в Москву, где назревали важные события.

Сигизмунд II Август имел в Москве влиятельную родню. За два века при дворе московских великих князей собралась добрая половина потомков великого князя Гедимина. В середине XVI в. среди них первенствовали князья Бельские. Они вели род от четвертого сына Ольгерда, Ягеллоны — от шестого. Из трех братьев Бельских один погиб во время боярских усобиц, а другой бежал в Литву. Вследствие этого их удельное княжество избежало дробления. После воцарения Ивана IV князь Иван Бельский возглавил Боярскую думу. В начале 1562 г. он был взят под стражу. Первого боярина арестовали в то самое время, когда дума обсуждала Уложение о вотчинах, имевшее целью ограничить княжеско-боярское землевладение. В

течение трех месяцев Бельского содержали на Угрешском дворе в Москве. Все его имущество и двор были опечатаны, удельное княжество отобрачено в казну. В ходе следствия Бельский был обвинен в заговоре и подготовке побега в Литву. При аресте у него были найдены охранные грамоты на въезд в Литву, подписанные королем Сигизмундом.

На допросе Бельский во всем повинился и признал, что изменил государю, «с Жигимонтом Августом королем есми ссылаася и грамоту есми от него себе опасную взял, что мне к нему ехать, и хотел есми бежати...». Бельский получил тайные грамоты из Литвы к январю 1562 г. Обмен письмами с королем должен был отнять не менее одного-двух месяцев. Следовательно, тайные переговоры начались не позднее ноября-декабря 1561 г. Именно в это время в Москву приезжал удельный князь Вишневецкий, уже имевший охранные грамоты от короля. Подобно Глинскому, Вишневецкий доводился родственником царю по женской линии.

Бельский был повинен в государственной измене. За аналогичное преступление боярин князь С. Ростовский был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой. Конфликт между монархом и главой думы был чреват серьезными политическими потрясениями. Поэтому царь готов был примерно наказать изменника. Но Боярская дума, церковное руководство и вся «земля» отказались подчиниться его воле. Розыск о заговоре в думе был прекращен. Согласно официальной версии, у Бельского не было сообщников, помимо трех знатных дворян.

20 марта 1562 г. удельный князь был освобожден.

ден из-под ареста. За него поручились «в первую руку» группа влиятельных членов Боярской думы и «во вторую руку» более сотни княжат, дворян и приказных. Поручители отвечали за опального своими головами. В случае его отъезда они должны были заплатить казне 10 тыс. рублей. В апреле 1562 г. за Бельского торжественно поручился митрополит Макарий и все высшее духовенство.

В специальной грамоте Бельский клятвенно обязался не возобновлять попыток отъезда в Литву, обещал не сноситься с королем Сигизмундом и своею литовской братией «ни человеком, ни грамотой», не принимать иноземцев и не «приказывать» никакого «слова» за рубеж.

Два момента, по-видимому, вызывали наибольшую тревогу властей: во-первых, литовская ориентация удельных князей и, во-вторых, угроза их объединения. Бельский обязался прекратить всякие сношения с Вишневецким, Воротынскими, Старицким и другими удельными владельцами. Запрет был достаточно своевременным. В апреле 1562 г. Вишневецкий бежал в Литву. Несколько месяцев спустя царь вызвал с южной границы и арестовал удельных князей М. И. Воротынского и А. И. Воротынского. Воротынские оказали немало услуг династии. Во время династического кризиса 1553 г. старший из трех братьев Воротынских Владимир доказал свою преданность царю и Захарьиным. Именно он руководил церемонией присяги царевичу Дмитрию в Боярской думе и добился повиновения от всех открытых и тайных сторонников Старицкого. Вскоре же Владимир умер, а его место занял брат Михаил, получивший от царя высший титул слуги и боярина. В думе он уступал честию разве что Бельскому и Мстиславскому. С

первых лет Ливонской войны Воротынский, как старший и самый знатный из северских князей, не раз возглавлял оборону всей южной границы от татар.

Раздоры между царем и Воротынским возникли после падения Избранной рады. Передают, что на князя А. И. Воротынского царь держал «гнев великой» со времени своей свадьбы в 1561 г. Причиной раздора был, вероятно, вопрос о выморочной трети Новосильско-Одоевского удельного княжества, перешедшего после смерти князя В. И. Воротынского (1553) в руки его вдовы княгини Марьи. Земельное Уложение 1562 г. начисто лишало двух младших братьев Воротынских права на выморочный «жеребей», включавший лучшие земли удела. Новый закон обсуждался в Боярской думе в январе 1562 г., и Воротынские, надо думать, выразили свое отношение к нему. Обсуждение затрагивало имущественные интересы, и бояре не выбирали выражений. Официальная версия сводилась к тому, что «князь Михайло государю погрубил», что и явилось причиной опалы на братьев Воротынских³⁴. Власти подозревали, что Воротынские намерены отъехать в Литву.

Для осуждения князей Воротынских правительство использовало донос княжеской челяди. В царском архиве хранился «сыскной список и роспросные речи боярина князя Михаила Ивановича Воротынского людей 71-го году»³⁵. М. И. Воротынский и вся его семья были сосланы на Белоозеро и заключены там в тюрьму. Брата «слуги» князя А. И. Воротынского власти сослали в Галич.

Тотчас после Полоцкого похода Боярская дума ходатайствовала за Воротынских, но смогла добыть-

ся помилования лишь для князя А.И.Воротынско-го, младшего из братьев.

Главным результатом суда над братьями Воротынскими была ликвидация Новосильско-Одоевского удела. С арестом удельных владык царь «вотчину их Новосиль и Одоев и Перемышль и в Воротынку их доли велел взять на себя»³⁶. Есть все основания полагать, что, освободив князя А. И. Воротынского, правительство не вернуло ему его доли в удельном княжестве. 20 апреля 1563 г. А. И. Воротынский вышел из тюрьмы, а в мае царь Иван ездил в Воротынск, Одоев Старый и Перемышль и осматривал перешедшие в казну удельные города. Примерно через год после освобождения, князь А. И. Воротынский наместничал во Ржеве с боярином кн. И. И. Пронским. «Не вели нашего отечества отнять, — писал он царю, — пощади, государь, не выдай нас Пронскому князю Ивану, чтоб мы, холопи твои, в вековом позоре не были! Царь, государь, смилуйся, пожалуй!» 4 августа 1564 г. Грозный отклонил его челобитье. «И ты бы, князь Александр, — писал Иван, — знал себе меру!»³⁷ Вскоре после неудачной местнической тяжбы А. И. Воротынский удалился на покой в Троице-Сергиев монастырь и некоторое время спустя умер.

Князь Д. И. Курлятев-Оболенский после суда над Адашевым был сослан на воеводство в Смоленск, но вскоре получил полную отставку. Официальная летопись глухо упоминает о том, что он был пострижен за «великие изменные дела», но в чем состояли эти дела — не разъясняет. Некоторые сведения на этот счет сообщает один любопытный документ, присланный в царский архив по личному распоряжению Грозного. В описи ар-

хива об этом документе сказано следующее: «Коробочка 187... да тут же грамота княж Дмитреева Курлятева, что ее прислал государь, а писал князь Дмитрей, что поехал не тою дорогою; да и список воевод смоленских, в котором году сколько с ними было людей»³⁸. На первый взгляд, оправдательная грамота смоленского воеводы Курлятева, заехавшего не той дорогой, имела маловажное, даже пустяковое значение. Но, помимо видимого содержания, эта грамота имела еще какой-то особый смысл, иначе ненужную бумагу не стали бы отправлять в архив и хранить там наряду с важными документами.

Упоминание в описи двух загадочных документов по делу Курлятева вызывает ряд недоуменных вопросов. Зачем сосланному в Смоленск Курлятеву понадобилось оправдываться перед царем за то, что он поехал не тою дорогой? Куда мог заехать опальный боярин, если иметь в виду, что Смоленск стоит на самом литовском рубеже? Для какой цели царю нужны были сведения о воеводах, служивших в Смоленске до Курлятева, о численности их вооруженных свит и т. д.? Все эти вопросы получают объяснение в том случае, если предположить, что во время пребывания в Смоленске Курлятев предпринял попытку уйти за рубеж в Литву, но был задержан и оправдался тем, что заблудился. То обстоятельство, что он «заблудился» со своим двором и вооруженной свитой, вызвало особое подозрение у правительства и служило уликой против опального. Недаром царь приложил к «делу» Курлятева список смоленских воевод, «в котором году сколько с ними было людей» и велел хранить его вместе с отпиской боярина.

Предположение об отъезде вполне объясняет

тот факт, что Курлятев, посланный в Смоленск на год, в действительности пробыл там очень недолго и до истечения срока был смещен с воеводства.

Курлятев был ключевой фигурой в правительстве Избранной рады, и его постигло суровое наказание. Московский летописец записал под 1562 г.: «Того же лета октября в 29 день царь... положил опалу на боярина на князя Дмитрея Курлятева за его великие изменные дела, а велел его и сына его князя Ивана постричи в черньцы и отослати на Коневец в монастырь под начало»³⁹.

Расправившись с боярином, царь не пощадил его дочерей. Вместе с матерью две княжны Курлятевы были доставлены в Оболенск, родовое гнездо всех Оболенских князей, и там пострижены в монахини. Сообщая о повелении царя постричь Курлятевых, князь Курбский восклицает в сердцах: «Неслыханное беззаконие! Силою повеле, все родне, сиречь со женою и с сущими малыми детками, плачущих вопиющих, а по коликих летех подавлено их всех»⁴⁰.

Семью Курлятевых разослали в разные места. Жену и двух дочерей отвезли в глухую Челмогорскую пустынь, стоящую в 43 верстах от Каргополя.

Д. И. Курлятев сначала содержался «под началом» у монахов Рождественского монастыря на острове Коневец посреди Ладоги. Однако розыск о боярской измене продолжался, и власти решили подвергнуть Курлятева более строгому наказанию. В государственном архиве хранилось подлинное дело о ссылке Курлятева в монастырь: «Столпик, а в нем государева грамота от Троицы из Сергиева монастыря к Москве, к дьяку к Ондрею Васильеву, да другая ко князю Дмитрею Хворостинину, да к дьяку к Ивану Дубенскому, писана о

князе Дмитрее Курлятева, как велено ево вести в монастырь к Спасу на Волок... иных столбцов нет лета 7071-го году»⁴¹.

Иосифо-Волоколамский монастырь, стоявший в 18 верстах от Волока, зачастую служил тюрьмой для наиболее опасных государственных преступников.

Государев двор издавна выполнял функции обеспечения безопасности царя и его семьи. Множившиеся государевы опалы свидетельствовали, что Иван IV все больше утрачивал доверие к своим дворянам.

Особую тревогу Ивана вызвало дело о заговоре стародубских воевод. В начале марта 1563 г. к царю в Великие Луки была привезена вестовая отписка от смоленского воеводы М. Я. Морозова, бывшего члена Избранной рады. Отписка, сохранившаяся в книгах Разрядного приказа, лишена тенденциозности, неизбежной при летописной обработке. «Прислал к ним, — писали смоленские воеводы, — казачей атаман Олексей Тухачевский литвина Курняка Созонова, а взяли его за пяти верст от Мстиславля, и Курьянко сказал: король в Польше, а Зиновьевич (литовский воевода. — Р. С.) пошел к Стародубу в чистой понедельник (21 февраля 1563 г. — Р. С.) и с ним литовские люди из Мстиславля, из Могилева, из Пропойска, из Кричева, из Радомя, из Черческа, из Гоим, а пошел по ссылке стародубского наместника — хотят город сдать»⁴².

По Разрядам, в Стародубе служили наместник князь В. С. Фуников-Белозерский и воевода «для осадного времени» И. Ф. Шишкин. Родня Адашева Шишкин был единственным из Ольговых, дослужившимся до воеводского чина.

Служба в Стародубе завершилась крушением карьеры Шишкина. Царь поверил наговорам на стародубских воевод и «наспех» на подводах послал в Стародуб Д. Г. Плещеева, родню Басманова, а вдогонку ему С. А. Аксакова и еще нескольких дворян. Заподозренные в измене, воеводы Шишкин и Фуников были арестованы и под конвоем отправлены в Москву. Началось расследование, которое привело к аресту почти всех родственников бывшего главы правительства А. Адашева. Под стражу были взяты окольный Д. Ф. Адашев, его тесть П. Туров, воевода А. П. Сатин, шурин А. Ф. Адашева.

Суд над стародубскими изменниками наэлектризовал политическую атмосферу до крайних пределов и вызвал первую крупную вспышку террора.

В дни, когда был раскрыт стародубский «заговор», боярин князь Курбский получил назначение на воеводство в Юрьев, что означало для него почетную ссылку. Прежде чем отправиться в Юрьев, Курбский заехал за семьей в Москву. Там он виделся со своим приятелем П. И. Туровым, вскоре арестованным по делу о стародубской измене. Туров рассказал боярину о своих мрачных предчувствиях — «исповедал» «видение божественное дивное... проповедающее (ему. — Р. С.) смерть мученическую...»⁴³ Через месяц «видение» сбылось: родственник Адашева сложил голову на плахе. Туров погиб примерно в одно время с И. Ф. Шишкиным. Тогда же казни подверглись брат А. Ф. Адашева — окольный Д. Ф. Адашев с сыном Тархом, Алексей и Андрей Сатины с семьями.

Многие сторонники павшего правительства понимали роковое значение «стародубского дела» и

старались помешать готовившейся расправе с адашевскими родственниками. К числу лиц, пытавшихся заступиться за «изменников», принадлежал, по-видимому, боярин князь А. М. Курбский. Однако его хлопоты не достигли цели.

Едва закончился розыск об измене в Стародубе, возникло изменное дело Старицких князей.

Приход к власти Захарьиных оживил их давнее соперничество со Старицкими. Князь Владимир Андреевич в качестве «царского брата» занимал самую высокую ступень придворной иерархии. На протяжении всего времени правления Избранной рады Разряды неизменно выделяли его как второе (после царя) лицо в государстве. С отставкой Адашева положение изменилось. Захарьины лишь ждали повода, чтобы скомпрометировать своих заклятых врагов. Суд над главой Боярской думы И. Д. Бельским дал властям первый повод к подозрениям в отношении Владимира Андреевича: царского брата заподозрили в причастности к измене. Во всяком случае, власти включили в поручную грамоту Бельского пункт, воспрещавший ему какие бы то ни было сношения с думой Старицкого удельного княжества.

В дни Полоцкого похода 1562 г. произошли события, усилившие недоверие властей к удельному князю. В дни похода на сторону литовцев перешел знатный дворянин Б. Н. Хлызнев-Колычев. Изменник «побеже ис полков воеводских з дороги в Полтеск и сказа полочаном царев и великого князя ход к Полотцску с великим воинством и многим нарядом»⁴⁴. Перебежчик выдал важные сведения о планах русского командования, которые немедленно же были переданы полоцкими воеводами литовскому правительству.

Измена Б. Н. Хлызнева бросила тень на князя Владимира Андреевича, и царь, по-видимому, решил учредить надзор за семьей брата. Сразу после падения Полоцка в Старицу к Ефросинье Старицкой выехал с «речами» Ф. А. Басманов-Плещеев, новый фаворит царя, пользовавшийся его исключительным доверием. Когда 3 марта 1563 г. князь Владимир выехал из Лук в Старицу, его сопровождал царский пристав И. И. Очин, родня Басмановых. Внешне еще ничто не омрачало отношений между Грозным и его братом. В марте 1563 г. Грозный по пути в Москву остановился в Старице и «жаловал» Старицких, «у них пировал». Затем в конце мая он уехал в Александровскую слободу и пробыл там почти два месяца. Именно в этот период власти получили донос, положивший начало розыску об измене царского брата. Доносчик Савлук Иванов служил дьяком у Старицких и за какие-то провинности был посажен ими в тюрьму.

Оттуда Савлук ухитрился переслать царю «память», в которой сообщал, будто Старицкие чинят государю «многие неправды» и держат его, дьяка, «скована в тюрьме», боясь разоблачения. Иван велел немедленно же освободить Савлука из удельной тюрьмы. Доставленный в Александровскую слободу, дьяк сказал на Старицких какие-то «неисправления и неправды». «По его слову, — сообщает летопись, — многие о том сыски были и тех неисправления сысканы». Розыск об измене Старицких тянулся все лето. С начала июня и до 17 июля царь безвыездно находился в Александровской слободе. Иностранным послам в Москве объявили, будто государь с боярами уехал в село «на потеху». В действительности, царь был занят совсем не шуточными делами. В связи с начав-

шимся розыском в Слободу прибыли митрополит и руководство Боярской думы — бояре князья И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский, И. И. Пронский, а также боярин Д. Р. Юрьев, дьяк А. Щелкалов. Следствие вступило в решающую фазу. В первый раз князя Владимира заподозрили в намерении захватить трон в 1553 г., и в то время подозрения имели серьезные основания. К царю поступили доносы от видных членов думы конюшего Федорова и окольного Салтыкова, которых родня и сторонники Ефросиньи Старицкой старались втянуть в заговор. В 1564 г. у правительства не было столь авторитетных свидетелей. Обличения Савлука Иванова не внушали доверия: дьяк подал донос из тюрьмы, спасая жизнь. В 1553 г. царь был при смерти, и князь Владимир имел шансы на успех. В 1563 г. царь был здоров, и победоносный поход на Полоцк упрочил его положение на троне.

Подготавливая суд над Старицкими, Иван IV обратился к архивным документам и старым летописям, которые должны были заменить недостающие улики. 20 июля 1563 г. монарх вернулся из Александровской слободы в Москву и в самый день приезда затребовал во дворец материалы судебного процесса боярина Ростовского 1554 г. с подробными показаниями о тайном заговоре князя Владимира 1553 г. Материалы суда, рисовавшие Старицких как давних государственных преступников, легли в основу летописной приписки к Синопальному списку летописи. (См. Приложения.) Приписка продиктована была летописцу самим царем. Из нее следовало, что в 1553 г. в заговоре княгини Ефросиньи и ее сына участвовали бояре «князь Петр Щенятев и князь Иван Турунтай Про-

нской и Куракины родом и Го (зачеркнуто) и княз Дмитрий Немой и княз Петр Серебряной»⁴⁶. Ефросинья происходила из рода Патрикоевых-Хованских. К роду Патрикоевых принадлежали также Щенятевы, Куракины и Голицыны. Первоначально автор приписки намеревался причислить к изменникам бояр Голицыных. Но писец успел записать лишь две первые буквы. Царь переменял намерение, и писец вычеркнул фамилию, которую начал писать «Голицыны». Ко времени розыска 1563 г. старших Голицыных не было в живых, и указание на них утратило актуальность. Дело в том, что летописный перечень изменников был для царя своего рода проскрипционным списком. Конфликт между царем и думой нарастал неуклонно с 1562 г. и достиг крайнего напряжения в 1563 г. Если бы митрополит и боярское руководство признали основательность собранных улик и санкционировали суд над заговорщиками — сторонниками князя Владимира, разгром Боярской думы был бы неизбежен. Однако намерения царя не были осуществлены.

Царь был человеком жестоким и мнительным, менее всего склонным прощать своих врагов. Очевидно, ему не удалось организовать суд над братом и его сторонниками в думе из-за решительного противодействия Боярской думы и руководства церкви. Поражение в столкновении с думой побудило Ивана IV к продолжению летописных работ. На этот раз он занялся исправлением «Царственной книги». На ее полях появилась вторая обширная приписка, так называемая «Повесть о мятеже», написанная тем же почерком, что и синодальная приписка, и посвященная тому же сюжету — боярскому заговору 1553 г. (См. Приложение). Автор

«Повести» дополнил рассказ о тайном боярском заговоре 1553 г. Но центральное место во второй приписке занял все же не этот сюжет, а открытый конфликт между царем и боярами в думе, вылившийся в «боярский мятеж». Имеются основания предполагать, что описанный в приписке эпизод отразил не события десятилетней давности, а то, что произошло в Кремле в момент составления «Повести», когда фактически произошел разрыв царя с Боярской думой.

По утверждению Ивана IV, «мятеж» в думе случился 12 марта 1553 г. при проведении общей присяги. Сигналом к «мятежу» якобы послужили слова старшего боярина думы князя И. М. Шуйского, заявившего формальный протест по случаю нарушения церемонии присяги⁴⁷. Сведения «Повести» нарушали схему синодальной приписки, согласно которой главными крамольниками были родня и сторонники Старицких. Шуйские принадлежали к числу противников удельного князя. Из летописей известно, что Шуйские захватили подворье князя Андрея Старицкого после его гибели в тюрьме, что положило начало их вражде.

Сплошное наблюдение за приписками и исправлениями, внесенными на поля лицевых сводов, подтверждает вывод, что Грозный использовал любой повод, чтобы очернить Шуйских. Под его диктовку дьяки записали сведения о том, что в 1538 г. бояре Шуйские уморили конюшего князя И. Ф. Овчину, что именно они «ободраша на своем дворе» и обезглавили дьяка Ф. Мишурина, отправили в ссылку боярина М. В. Тучкова (оба числились душеприказчиками Василия III, и расправа с ними равнозначна была перевороту). Иван IV счел нужным пояснить, что вместе с князем

И. М. Шуйским главную роль в перевороте 1542 г. сыграл его сын князь Петр, своевременно прибывший в столицу с отрядом дворян-заговорщиков; что ответственность за мятеж 1543 г. нес не один только князь А. М. Шуйский, как значилось в первоначальном тексте летописи, но также его брат И. М. Шуйский и Ф. И. Скопин. В списке бояр, спровоцировавших бунт черни в Москве, первым был назван Ф. И. Скопин. Иван IV помнил о давней вражде между Старицкими и Шуйскими и ни разу не назвал Шуйских в числе участников заговора в пользу князя Владимира. Тем не менее в «Повести о мятеже» он не преминул упомянуть об изменнической речи князя Ивана Шуйского⁴⁸.

Предметом обличений Ивана IV стали не одни Шуйские, но и прочая суздальская знать — князья Ростовские, Ярославские, Стародубские. Вина ее заключалась в том, что эта знать занимала господствующие позиции в думе и при дворе и ограничивала власть самодержца. В качестве изменников в приписках Ивана IV фигурируют боярин дворецкий Иван Кубенский-Ярославский с братом Михаилом (1542 г.), князь Юрий Темкин (1547 г.), князь Семен Лобанов и Андрей Катырев Ростовские (1553-1554 гг.), князь Федор Палецкий (1543 г.) и Дмитрий Палецкий Стародубский (1553 г.).

Случайными участниками смут в приписках выглядят бояре Г. Ю. Захарьин и И. П. Федоров (1547 г.), И. В. Шереметев (1542 г.), А. Д. Басманов (1543 г.), С. Морозов (1553 г.). В известиях об этих лицах можно заметить нюансы, которые мало значат для нас, но имели исключительное значение в глазах современников. Список лиц, повинных в мятеже 1547 г., выглядел следующим образом: «Быша же в совете сем <...> князь Федор Шуй-

кой, князь Юрий Темкин, Иван Петров Федоров, Григорей Юрьевич Захарьин, Федор Нагой и инии мнози»⁴⁹. Царь выделил двух бояр, назвав их по отчеству. Последовательно исправляя летопись, монарх старательно выправил составленный при Адашеве рассказ о том, как «по диаволу действу» были оклеветаны перед Иваном «ложными словесы» бояре, из которых один — Федоров — попал в тюрьму на Белоозеро. Опальный был назван в особо уважительной манере «Иваном Петровым сыном Федоровича»⁵⁰. Несколькими страницами ниже Иван IV, дополняя рассказ о мятеже 1547 г., назвал «Ивана Петрова Федорова» в числе крамольников, что по крайней мере отчасти оправдывало царский произвол по отношению к нему в 1546 г. В приписке о мятеже 1553 г. Грозный именовал Федорова с полным отчеством (правом на отчество с «вич» гользовалась в России исключительно знать) ввиду того, что боярин доносом доказал верность престолу.

Г. Ю. Захарьина царь явно выделил среди других лиц, назвав его «Григорием Юрьевичем». Но включение этого имени в список крамольников обнаружило, что к 1563—1564 гг. расположение царя к родне оказалось поколебленным. В «Повести о мятеже» Иван IV признал факт непопулярности Захарьиных и ни единым словом не похвалил их. Не они, как следует из летописной приписки, руководили присягой в думе, не они подавили боярский «мятеж».

Кризис власти приобрел в 1563—1564 гг. исключительно острый характер. Царь закончил рассказ о мятеже 1553 г. на полях Синодального списка поразительным признанием: «... и от того времени быс вражда промеж государя и людей»⁵¹. Слова

Ивана IV довольно точно отражали ситуацию, сложившуюся в 1563 г., когда конфликт («вражда») между государем и «людьми» достиг апогея.

Среди бояр, не одобрявших репрессий и из-за этого «враждовавших» с царем, был его личный друг князь Андрей Курбский. Обращаясь к боярину в 1564 г., Иван IV писал, что подверг его «малому наказанию» за дело — «за твое преступление, понеже согласился еси с нашими изменники». ⁵² «Преступление» думы состояло в том, что она всеми силами пыталась остановить террор. «Почто, — пенял Иван IV Курбскому, — имея в сигклите (Боярской думе. — Р. С.) пламени паляща, не погаси еси, но паче разжег еси? Где было ти советом разума своего злодейственный совет исторгнути, ты же убо больми плевела наполни еси!» ⁵³ Исторгнуть «плевела» и погасить пожар в думе можно было лишь одним способом — подчиниться монарху и покарать его врагов. Недавний любимец Курбский не согласился с царем, а значит, согласился «с изменники».

Следует иметь в виду, что раздор царя с думой не был кратковременным эпизодом. Он начался ранее 1563 — 1564 гг. Напомним, что в январе 1563 г. Курбский отправился вместе с войском под стены Полоцка. После занятия Полоцка воеводы могли рассчитывать на награды и отдых. Вместо этого царь отослал Курбского на воеводство в Юрьев Ливонский, дав ему на сборы месяц. В начале апреля 1563 г. боярин прибыл в Ливонию, а год спустя бежал за рубеж ⁵⁴. Очевидно, заседание Боярской думы, на котором Курбский «разжег пламя» злодейственного совета, могло произойти либо в 1562 г., либо в марте 1563 г., когда Курбский ненадолго вернулся в Москву. Розыск о

боярском заговоре в пользу князя Владимира лишь углубил конфликт.

После опалы на князя Бельского, ареста старших бояр Воротынских, пострижения князя Курлятева центральной фигурой Боярской думы стал прославленный покоритель Казани князь А. Б. Горбатый Суздальский. По-видимому, именно он вместе с другими членами думы и митрополитом Макарием предотвратил разгром думы в 1563 г. А. Б. Горбатый был казнен через год после столкновения с царем. Еще раньше по повелению Грозного были убиты без суда и следствия или замучены бояре князь М. П. Репнин и Ю. И. Кашин Оболенские, князь Д. И. Хилков Стародубский, Н. Шереметев, предан пытке И. Большой Шереметев. Никто из них не фигурировал в числе участников боярского заговора в пользу Старицких, перечисленных в синодальной приписке. Очевидно, их вина сводилась к неповиновению воле самодержца, вступившего в конфликт с Боярской думой.

«Печалование» митрополита Макария за князя Владимира и заговорщиков в думе связало Ивану IV руки. Простив брата, он должен был, как истинный христианин, предать забвению инцидент, связанный с отказом думы повиноваться монарху в 1563 г. Вследствие этого, материалы «розыска» 1563 г. так и не были включены в официальную московскую летопись. Принужденный к молчанию, самодержец тем не менее нашел способ обличить своих противников как давних врагов трона. Составление летописи начиналось с подбора текущего материала, который подвергался обработке в недрах Посольского приказа и митрополичьей канцелярии. По этой причине летописание постоянно отставало от жизни. На 1563 — 1564 гг. царь не имел

под рукой готовой летописи, включавшей записи лета и осени 1563 г. Однако «Царственная книга» находилась в полном распоряжении государя, и ничто не мешало ему внести записи о боярской измене на поля этой летописи.

Центральное место в «Повести о мятеже» занимали «царские речи». Автором их был сам Иван IV. По свидетельству «Повести», открытое нежелание бояр присягать наследнику, их «мятеж» — шум и брань — едва не сорвали церемонию присяги. Однако царь, на самом деле не присутствовавший на церемонии, поднялся со смертного одра и «жестоким словом» умирил бояр.

Применительно к 1553 г. царские речи кажутся сплошным вымыслом. Иван IV, как показано выше, не имел ни сил, ни повода для произнесения «жестокоего слова». Но в этих речах без труда угадывается ситуация 1562—1563 гг., когда дума отказалась повиноваться воле монарха. В голове Грозного конфликт преломился в идею о великой измене бояр, отвергших законную, поставленную самим Богом династию. Эта идея выражена в следующих словах «Повести о мятеже», обращенных к думе: «коли мы вам ненадобны и то на ваших душах». Видя растерянность регентов Захарьиных, государь объявил им, что мятежные бояре убьют их первыми. После этого Иван стал просить их бежать с наследником за рубеж⁵⁵.

Привыкнув с юности рубить головы боярам, монарх нисколько не сомневался в том, что бояре, взяв верх, истребят и малолетних царских детей с их матерью, и их родню. При таких обстоятельствах государь всея Руси впервые пришел к мысли о бегстве за рубеж ради спасения жизни своей и своих ближних. К практической подготовке бег-

ства он приступил спустя три года. Свидетельство «Повести» дает почву для предположения о том, что идея отъезда из России впервые обсуждалась в ближней думе в кругу бояр Захарьиных до бегства Курбского.

Лицевой свод хранился в Посольском приказе, служившем одной из канцелярий Боярской думы. Захарьины принадлежали к составу ближней думы. Поэтому царская речь, обращенная к ним, носила сугубо доверительный характер. Можно предположить, что монарх обнаружил сведения, обсуждавшиеся в узком кругу ближних людей и не подлежавшие разглашению. Включая «Повесть» в официальную летопись, царь строго рассчитал свой шаг. Обличения бояр, поднявших «мятеж» в думе, должны были послужить грозным предостережением для думы. Применительно к ситуации 1563 г. «царские речи» отнюдь не были вымыслом.

Конфликт между царем и думой имел мирный исход вследствие вмешательства церкви. Митрополиту Макарию удалось убедить царя отказаться от намерения судить князя Владимира и его приверженцев в думе. Церковь взяла на себя роль арбитра в конфликте между членами династии. Как повествует летописец, Иван IV призвал во дворец высших иерархов церкви и ознакомил их с итогами розыска. «И перед отцем своим и богомолцом Макарием митрополитом и перед владыками и перед освещенным собором, — значитса в летописи, — царь и великий князь княгине Ефросинье и ко князю Владимиру неисправление их и неправды им известил и для отца своего Макария митрополита и архиепископов гнев свой им отдал»⁵⁶. Официальная летопись представляла дело не впол-

не точно. Духовенство действительно просило царя за опальных, но государь внял совету митрополита не сразу.

Обвинив брата в измене, Грозный велел взять его под стражу. Среди документов 1563 г. в царском архиве хранилась «свяска, а в ней писана была ссылка князя Володимера Ондреевича в Старицу...»⁵⁷ Опала и ссылка Владимира сопровождалась конфискацией его удельного княжества. Иван считал душой заговора не своего недалекого брата, а его мать. Ее постигло суровое наказание. Ефросинью доставили из Старицы на подворье Кирилло-Белозерского монастыря, и 5 августа 1563 г. игумен Васьян постриг ее в монашеский чин. Официальная версия гласила, будто тетка царя, уведав свои вины, сама отпросилась в монастырь. Но эта версия едва ли соответствует обстоятельствам дела. Ефросинья была полна сил, ее обуревали честолюбивые замыслы, и по своей воле она никогда бы не покинула мир. В монашестве Ефросинья приняла имя старицы Евдокии. Ее ссылка имела в глазах царя столь важное значение, что он поручил сопровождать Евдокию на Белоозеро члену регентского совета ближнему боярину Ф. И. Умному-Колычеву. Местом заточения удельной княгини стал Воскресенский Горицкий монастырь. В царском архиве в ящике 214 подле дела об отпуске на Белоозеро «княж Ондревы Ивановича княгини во иноцех Евдокие» хранился особый документ — «отписка, как государь со старицы Евдокеи и сына ее со князя Володимера Ондреевича с сердца сложил»⁵⁸. Данные подлинной архивной описи не оставляют сомнения в том, что сначала Ефросинья подверглась принудительному пострижению и была отправлена к месту заточения, и лишь пос-

ле этого государь специальной грамотой объявил о прощении опальной семьи. Произошло это не ранее осени. В октябре 1563 г. Иван в знак окончательного примирения с братом ездил в Старицу, пировал там и «прохлаждался» в удельно-дворцовых селах.

Царь вернул брату удельное княжество, но при этом распустил его думу и отправил на службу в удел верных дворян. Бояре Захарьины, возглавлявшие дворцовый приказ, добились передачи ряда удельных сел в их ведение. Взамен городка Вышгорода князь Владимир получил городок Романов на восточной окраине государства.

К 1563 г. Макарию исполнилось 80 лет. Он не раз обращался к царю с ходатайством об отставке. «Многажды, — писал митрополит в завещании, — помышлях и желях отрещися всего архиерейского именованя и действия», но каждый раз уступал настроениям царя и «понуждению» собора.

Незадолго до смерти Макарий составил духовное завещание. Тщетно было бы искать в нем какие-нибудь намеки на происходившую в то время политическую борьбу. Оно благожелательно к государю, его брату Владимиру, «боголюбивым боярам и князьям»; содержит благословение «детем боярским, и дяком, и гостем с их женами и з детьми и с прочим христоролюбивым воинством»⁵⁹.

Со смертью Макария 31 декабря 1563 г. церковь лишилась опытного и авторитетного руководителя, что развязало руки Грозному. Политический кризис вступил в новую фазу.

Прощение семьи князя Владимира сняло вопрос об изгнании из думы и казни участников его мнимого или действительного заговора. После смерти Макария Иван IV обрушил удар не на глав-

ных «изменников» из летописного проскрипционного списка, а на других бояр. В приписках к летописям монарх постарался скомпрометировать бояр князей Дмитрия Немого и Петра Серебряного как злостных заговорщиков. Казнены были не они, а два других представителя княжеского дома Оболенских — князь Михаил Репнин и Юрий Кашин, отличившиеся при взятии Полоцка в 1564 г. Бояр мог судить лишь боярский суд. Но дума не желала выдать своих членов царю на расправу. Чтобы преодолеть это препятствие, Грозный велел убить названных бояр без суда и следствия, чем грубо нарушил законный порядок.

Князь М. П. Репнин был схвачен царскими слугами во время всенощной в церкви и убит на улице ранним утром 31 января 1564 г. Князя Ю. И. Кашина умертвили спустя несколько часов во время утренней молитвы. В синодике опальных Репнин и Кашин записаны вместе в том порядке, в каком они подверглись казни.

Установление последовательности событий позволяет установить обстоятельства, ускорившие гибель Оболенских.

Казнь совершилась на четвертый день после поражения царского войска в Литве в январе 1564 г., когда в Москву прибыли гонцы от воевод. Первые известия о поражении были, по-видимому, сильно преувеличены. Царь отдал приказ о казнях сразу после того, как ему сообщили о гибели армии.

План наступления на Литву не мог быть принят без санкции царя и думы, осуществлявшей высшее военное руководство. В соответствии с этим планом две армии на первом этапе вторжения действовали раздельно, имея приказ соединиться на территории противника. Подобный образ

действия таил в себе слишком большой риск. Но царь отстранил от руководства военными операциями самого талантливого из своих воевод — Горбатого, и сам определял военные планы.

«Мятеж» бояр в думе внушил мнительному самодержцу мысль о том, что непокорные бояре готовы вступить в сговор с королем Сигизмундом ради свержения законного государя. За три недели до казни Репнина Москву покинуло литовское посольство. Власти подозревали, что именно послы получили секретную информацию о московских военных планах, которая и помогла литовцам одержать победу. Раскрытые секреты были доступны лишь членам Боярской думы, которые и оказались под подозрением.

Несколько месяцев спустя царь Иван, отвечая на упреки Курбского, писал, что бояре казнены за измену, что подтверждается свидетельством беспристрастных очевидцев. «...Сия их измены, — писал он, — всей вселенной ведомы, аще восхищени, и варварских языцех увеси и самовидцев сим злым деянием можеша обрести, иже куплю творящим в нашем царствии и в посольственных прихождениях приходящим»⁶⁰. Очевидно, царь имел в виду «самовидцев» (послов и купцов), покинувших Москву незадолго до казни бояр.

В самых резких выражениях Курбский упрекал Ивана за пролитие в церкви «святой крови» своих воевод. На это Грозный отвечал, что давно уже ничего не слышал о святой крови: «Во всей земли в нынешнее время несть ея явленно, не вемы». «Мучеников же в сие время за веру, — продолжал он, — у нас нет <...> а еже (кто. — Р. С.) обряцется в сопротивных <...> тот по своей вине и казнь приемлет <...> а еже о измене и чародействе воспо-

мянул еси, — ино, таких собак везде казнят!»⁶¹,
Монарх обвинил Оболенских в том, что они при-
мкнули к «сопротивным» (противникам царя в
думе) и учинили измену. В пылу полемики Иван IV
обличил убитого Репнина как «блудника». Упрек по-
будил Курбского подробно изложить историю му-
ченической смерти Репнина.

Рассказ Курбского привлекает внимание мно-
гими живыми подробностями. Однажды, повеству-
ет Курбский, царь пригласил боярина во дворец
на веселый пир со скоморохами и ряжеными, «хо-
тяще бо его тем аки в дружбе себе присвоити».
Когда все изрядно подвыпили, царь и его прияте-
ли пустились плясать со скоморохами. Подобная
непристойность шокировала ревнителя благочес-
тия князя Репнина. Ко всеобщему смущению, бо-
ярин, прослезившись, стал громко корить и уве-
щевать Ивана, «иже не достоин ти, о царю
христианский, таковых творити!» Царь пробовал
урезонить строптивца и попросил его: «веселися
и играй с нами!». Он попытался надеть маску на
нелюбезного гостя, но тот, забыв приличия, рас-
топтал «мошкарку» ногами. Ссылаясь на свой бо-
ярский сан, он заявил: «Не буди ми се безумие и
безчиние сотворити в советническом чину суццу
мужу!»⁶² В сердцах Иван велел вытолкать упрямо-
го боярина взашей за двери.

Ссора на маскараде живо характеризовала вза-
имоотношения между монархом и его думой в
первый период его правления. Знать, похоже, еще
не боялась перечить Ивану IV.

Бояре Шереметевы не участвовали в заговоре
князя Владимира. Но они не боялись спорить с
царем в думе и поплатились за это. Боярин Иван
Шереметев и его брат Никита были арестованы и

подвергнуты пытке. Ивана оковали большой цепью
«по вые, по рукам и по ногам», перепоясали толс-
тым железным обручем, к которому привесили
тяжелый груз (будто бы десять пудов железа). В
таком виде его поместили в «презлую» темницу,
распластав на узком «остром» помосте. Когда че-
рез сутки Грозный явился в темницу к боярину,
тот едва дышал. Грозный велел разрешить его от
тяжких уз и перевел в «легчайшую» темницу⁶³.
Учитывая авторитет Шереметева в думе и его про-
шлые заслуги, царь не решился казнить бывшего
советника. Зато он выместил гнев на боярине
Никите, которого велел удавить в темнице за день,
когда его старший брат был избавлен от пыток.
Во время заключения Шереметевых казна нало-
жила руку на их имущество. Царь долго допыты-
вался у Ивана Шереметева, куда тот спрятал мно-
гие skarбы свои, но ответа так и не получил.
Шереметевы были одной из самых влиятельных
старомосковских фамилий.

Среди сторонников насильственных действий
главная роль, бесспорно, принадлежала боярину
Басманову. Его отец служил постельничим у Васи-
лия III. Выдвижению Алексея Басманова более все-
го способствовали его выдающиеся военные за-
слуги. Воевода был одним из главных инициаторов
Ливонской войны. Неумолимый собутыльник мо-
лодого царя, его «согласник» и «ласкатель», бо-
ярин занял самое видное положение при дворе.
Недоброжелатели не упускали случая очернить
ненавистного воеводу. Ненавидя Басманова, Курб-
ский крайне пристрастно объяснял обстоятельст-
ва его возвышения. Царь будто бы сделал его сына
Федора своим интимным фаворитом, что и обес-
печило карьеру отца.

После бегства за рубеж Курбский открыто обвинил Ивана IV в предосудительных отношениях с юным Федором Басмановым. С сарказмом писал он о сотрапезниках царя и «согласных» боярах (Басмановых), губителях души его и тела, «иже детьми своими, паче Кроновых жерцов действуют»⁶⁴.

Противники Грозного, хорошо понимая роль и значение Басманова в новом правительстве, всеми силами старались ограничить его влияние на царя. Сразу же после побега в Литву в апреле 1564 г. Курбский обрушил яростные нападки на Басманова, требуя его немедленного удаления из правительства. «...И видех ныне сигклита, — писал он, — ... иже днесь шепчет во уши ложная царю и льет кровь крестьянскую, яко воду и выгубил уже сильных во Израили <...> не пригоже у тебя быти таковым потаковником, о царю!»⁶⁵ Письмо Курбского было написано под непосредственным впечатлением казни бояр в январе 1564 г. Из письма явствует, что Басманов нес главную ответственность за казнь вождей оппозиции: именно он «лил кровь, как воду» и «губил сильных во Израили».

В «Истории о великом князе Московском» Курбский с крайним негодованием пишет о царских «ласкателях» и «шурьях» В. М. Юрьеве с «братъею». Однако отзывы о Юрьевых не идут ни в какое сравнение с теми бранными эпитетами, которыми он награждает Басманова, «преславного похлебника, а по их языку маянка (маньяка. — Р. С.) и губителя своего и святорусские земли»⁶⁶.

В целом, кружок лиц, поддержавших программу крутых мер и репрессий против боярской оппозиции, был очень немногочислен и не включал в себя никого из наиболее влиятельных членов Боярской думы.

Смерть Макария благоприятствовала осуществлению планов Басманова.

Примечания к главе 6. Разрыв с думой

¹Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 33.

²Грбовский А. Н. Иван Грозный и Сильвестр. Лондон. 1987. С. 96—100.

³Курбский. Сочинения. С. 32, 45.

⁴Там же. С. 7.

⁵Там же. С. 104.

⁶Сб. РИО. Т.71. С. 778.

⁷ПСРЛ. Т.13. С. 321.

⁸Переписка. С. 33.

⁹Там же.

¹⁰Там же.

¹¹Курбский. Сочинения. С. 263.

¹²Там же. С. 260—261.

¹³Там же. С. 277.

¹⁴Переписка. С. 42.

¹⁵Гамель И. Англичане в России в XVI—XVII столетиях // Записки имп. Академии наук. Т.8. СПб., 1865. Прилож. С. 44.

¹⁶Переписка. С. 42.

¹⁷Там же. С. 104.

¹⁸Там же. С. 16.

¹⁹Курбский. Сочинения. С. 269.

²⁰Веселовский. Исследования. С. 95.

²¹Переписка. С. 104.

²²СГДА. Ч.1. С. 474.

²³Зимин А. А. Опричнина. С. 88, прим.3.

²⁴Сб. РИО. Т.71. С. 24.

²⁵Курбский. Сочинения. С. 221.

²⁶Послания Ивана Грозного. С. 537.

²⁷Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в. Л., 1986. С. 55—56.

²⁸Садиков. Из истории опричнины. С. 294.

²⁹Переписка. С. 31.

³⁰СГДА. Ч.1. С. 470—472.

³¹ПСРЛ. Т.13. С. 324.

³²Кушева Е. Н. Политика Русского государства... С. 265.

³³Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т.2. СПб., 1865. С. 155.

³⁴Сб. РИО. Т.71. С. 345.

³⁵Описи царского архива. С. 36.

³⁶ПСРА. Т.13. С. 344.

³⁷Разрядная книга 1475—1605 г. Т.2. Ч.1. С. 163.

³⁸Описи царского архива. С. 36.

³⁹ПСРА. Т.13. С. 344.

⁴⁰Курбский. Сочинения. С. 280.

⁴¹Описи царского архива. С.40.

⁴²Витебская старина. С. 65.

⁴³Курбский. Сочинения. С. 278.

⁴⁴ПСРА. Т.13. С. 368.

⁴⁵Там же. С. 368.

⁴⁶Там же. С. 238.

⁴⁷Там же. С. 524.

⁴⁸Там же. С. 98, 141, 443, 456, 524.

⁴⁹Там же. С. 456.

⁵⁰Там же. С. 448—449.

⁵¹ПСРА. Т. 13. С. 238.

⁵²Переписка. С. 14.

⁵³Там же. С. 19.

⁵⁴См. Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 179—180.

⁵⁵ПСРА. Т. 13. С. 525.

⁵⁶Там же. С. 368.

⁵⁷ДАГ. С. 482.

⁵⁸Там же.

⁵⁹ПСРА. Т.13. С. 376.

⁶⁰Переписка. С. 34.

⁶¹Там же. С. 26.

⁶²Курбский. Сочинения. С. 279.

⁶³Там же. С. 295-297.

⁶⁴Переписка. С. 7.

⁶⁵Переписка. С. 9.

⁶⁶Курбский. Сочинения. С. 305.

Глава 7 СПОР С КУРБСКИМ

Избрание нового митрополита представляло определенные трудности и потому затянулось на целый месяц. Власти противились избранию любого из высших иерархов церкви. Царь хотел иметь на митрополии кого-нибудь из доверенных лиц. В конце концов, выбор пал на протопопа придворного Благовещенского собора Андрея. Более десяти лет Андрей исполнял роль духовника царя. Перемены, происшедшие после падения Сильвестра, прервали на время также и его карьеру. К началу 1562 г. он постригся, принял в монашестве имя Афанасия и удалился в кремлевский Чудов монастырь.

24 февраля старец Афанасий был «возведен» в митрополичий двор. 5 марта состоялась церемония его поставления на митрополию. Грозный вручил новому митрополиту посох и произнес речь, начинавшуюся с указания на божественное происхождение самодержавной власти царя. «Всемогущая и животворящая святая Троица, дарующая нам всеа России самодержжество Российского царства» и т. д. Митрополит, в свою очередь, благословил Ивана: «Мирно да будет и многолетное твое государство и победно, со всеми повинующимися тебе бывает в век и в веки века, во вся дни живота твоего»¹. Одним из результатов согласия

между царем и «людьми» было освобождение из тюрьмы И. В. Шереметева. Опальный боярин получил свободу в марте 1564 г., на третий день после возведения в сан Афанасия.

Вместе с высшим духовенством Шереметева взяли на поруки влиятельнейшие члены Боярской думы: конюший и боярин И. П. Федоров-Челядинин, младшие братья опального Шереметева и другие лица. Вероятно, монарх обещал прекратить кровопролитие, но обещания не сдержал.

Князь Курбский был одним из немногих лиц, не боявшихся перечить самодержцу и осудивших духовенство за компромисс с тираном. Раздор с царем положил конец карьере боярина. После возвращения из полоцкого похода Курбский не получил ожидаемых наград, а был выслан из Москвы на воеводство в Юрьев (Дерпт). По пути он сделал остановку в Псково-Печорском монастыре. Будучи в Юрьеве, князь написал обширное послание единомышленникам — печорским старцам, в котором подверг резкой критике действия «державного» царя и его правительство, «властелей». За грехи, писал князь, погибли древние царства, погиб Рим. Русь стала единственным оплотом православия, но и на Руси дьявол начинает производить «смущение». Только его кознями можно объяснить действия «державных» правителей государства.

Бросая дерзкий вызов Грозному, Курбский писал, что правители России уподобились свирепым, кровожадным зверям: «Державные, призванные на власть, от Бога поставлены да судом праведным подвластных разсудят и в кротости и в милости державу управят, и, грех ради наших, вместо кротости свирепее зверей кровоядцов об-

ретаются, яко ни от естества подобно пощадети попустиша, неслыханные смерти и муки на добротных своих умыслиша»². Приведенные строки были написаны под непосредственным впечатлением от жестоких казней бояр Оболенских, Н. Шереметева и др.

Интересно, что Курбский обвинял правителей не только в кровожадности, но и во всех без исключения бедах, постигших Московское царство: в оскудении дворянства, притеснениях «купеческого» чина и земледельцев, беззаконии в судах. «О нерадении же державы, — писал Курбский, — и кривине суда и о несытстве граблении чюжих имении ни изреци риторскими языки сея днешняя беда возможно»³.

В самом конце послания князь, описав бедствия сословий, замечает: «Таковых ради нестерпимых мук овым без вести бегуном ото отечества быти; овым любезныя дети своя, исчадия чрева своего, в вечныя работы продаваеми; и овым своими руками смерти себе умышляти»⁴. Приведенное замечание показывает, что ко времени составления второго послания Васьяну Курбский уже готовился бежать в Литву.

Боярин упрекал иерархов церкви за то, что они не желают заступиться за страдающих и гонимых. Он был несправедлив к православному духовенству. События, происшедшие вскоре в Москве, доказали это с полной очевидностью.

Срок годовой службы князя в Юрьеве истек 3 апреля 1564 г. Однако он оставался там еще три недели, видимо, вследствие особого распоряжения из Москвы. Юрьев был памятен всем как место опалы и гибели Адашева, поэтому задержка не предвещала Курбскому ничего хорошего.

В конце апреля 1564 г. опальный боярин бежал из Юрьева в литовские пределы. Глубокой ночью верные слуги помогли Курбскому переправиться через крепостную стену. В надежном укрытии его уже ждали сообщники — дети боярские С. М. Вешняков, Г. Кайсаров, Н. Неклюдов, И. Н. Тараканов и другие, всего 12 человек. Отряду удалось ускользнуть от погони и пересечь границу. В Юрьеве воевода оставил жену и новорожденного сына. Судя по последующей переписке, он не успел забрать с собой почти ничего из имущества, даже воинские доспехи и книги, которыми очень дорожил. Причиной крайней спешки была внезапная весть, полученная из Москвы.

Оказавшись в Вольмаре, Курбский обратился с письмом к царю, в котором объяснил бегство за рубеж царскими гонениями: «...коего зла и гонения, — писал он Ивану, — от тебе не претерпех! И коих бед и напастен на мя не подвигл еси! И коих лжей и измен на мя не възвел еси! А вся приключившая ми ся от тебе розличныя беды по ряду, за множество их, не могу изрещи...»⁵. По существу дела, боярин уклонился от объяснения, какие именно обстоятельства толкнули его на отчаянный шаг.

В ответном послании царь пытался опровергнуть жалобы Курбского на вынужденный характер бегства, но его опровержения невольно выдали истину. Если ты праведен, лукаво вопрошал Грозный, «почто убоялся еси неповинныя смерти...? Аще ли же убоялся ложнаго на тя речения смертнаго, по твоих друзей, сотонинских слуг, злодейственному солганию...»⁶. Примечательно, что Курбский жаловался на «беды» от царя, но не упоминал о смертной казни. Грозный же неожиданно

назвал весть о грозившей боярину смерти «злодейственной ложью». Прошло полтора года, и Иван IV велел своим послам в Литве объявить следующее: «...учал государю нашему Курбский делати изменные дела, и государь был хотел его наказати, и он, узнав свои изменные дела, и государю нашему изменил»⁷. Позже самодержец, доверительно беседуя с польским послом, клялся, будто вовсе не думал казнить Курбского, а лишь намеревался убавить ему почестей и отобрать у него «места» — земельные владения⁸.

Отъезд Курбского не был результатом мгновенного решения. Отъезду предшествовали тайные переговоры боярина с литовцами. Имеются достоверные сведения о том, что Курбский получил закрытые листы: один от гетмана литовского Н. Радзивила и пана Е. Воловича, а другой — от короля Сигизмунда Августа. Литовская рада и король предлагали Курбскому отъехать из Московского государства в Литву. Секретные переговоры завершились после того, как Радзивил послал Курбскому открытый лист с обещанием приличного содержания в Литве. Тогда же Курбский получил вторую грамоту от короля.

Трудно сказать, когда боярин установил первые контакты с литовцами. Н. Андреев полагал, что это произошло в течение последнего года, проведенного боярином в Юрьеве. Курбский, писал историк, продолжал вести государственные дела, порученные ему, вел переговоры с ливонскими рыцарями о сдаче различных крепостей. Он читал и писал, но все это время, должно быть, ожидал охранной грамоты из Польши⁹.

Совершенно очевидно, что переговоры заняли несколько месяцев, никак не менее того. Вспом-

ним, сколь медленными были способы передвижения в то время, а также и то, что литовско-русская граница была закрыта и шла кровопролитная война. Помимо этих общих рассуждений, можно привести некоторые новые факты относительно первых контактов Курбского с литовцами. Имеется письмо Сигизмунда II раде великого княжества Литовского от 13 января 1563 г. Король благодарил князя воеводу витебского за старание его в том, что касается воеводы московского князя Курбского, и дозволял переслать его (князя?) письмо тому же Курбскому и Мстиславскому. «...Иное дело, — продолжал король, — что из всего этого еще выйдет, и дай Бог, чтобы из этого могло что-то доброе начаться, хотя ранее от украинских воевод подобные известия не доходили, в частности о таком начинании Курбского»¹⁰.

Текст письма Сигизмунда не совсем ясен. А. А. Зимин полагал, что речь шла о посылке Мстиславскому и Курбскому официальных писем с мирными предложениями¹¹. Аналогичные грамоты литовская рада посылала старшим боярам Бельскому, Юрьеву и Федорову еще осенью 1562 г. Возможно, все так и было. Однако следует обратить внимание на некоторые особенности переписки Курбского с литовцами. Обращение литовских магнатов к старшим боярам носило вполне официальный характер. Гонец был принят думой, грамоты зарегистрированы Посольским приказом. Обращение к Курбскому носило, по-видимому, иной характер. Оно не нашло отражения в московской официальной документации. В переписке с Бельским инициатива всецело принадлежала литовской стороне. Король не писал, что ранее не получал от своих воевод известий, «в частности о таком начинании

Курбского». Иначе говоря, это «начинание» послужило исходным пунктом, и лишь затем король разрешил «воеводе витебскому» направить письма Курбскому, а также Мстиславскому. Можно указать еще на одно совпадение. Король поручил переписку с Курбским «князю воеводе витебскому». Его имя нетрудно установить. Это князь Н. Ю. Радзивил. «Начинание» Курбского послужило исходным пунктом переговоров, завершившихся тем, что тот же самый Н. Ю. Радзивил переслал Курбскому «закрытые листы» — секретные грамоты, гарантировавшие ему приличное содержание в Литве. Эти грамоты боярин хранил в своем архиве до самой своей смерти.

Любимец Грозного вступил в секретные переговоры с литовцами задолго до своего побега за рубеж. Сделанные наблюдения заставляют пересмотреть известия ливонских хроник, повествующие о действиях Курбского на посту наместника русской Ливонии. Известный хронист Ф. Ниештедт рассказывает, что наместник шведского герцога Юхана в Ливонии некий граф Арц после ареста герцога королем Эриком XIV искал помощи у поляков, а затем обратился к Курбскому и тайно предложил сдать ему замок Гельмет. Договор был подписан и скреплен печатями. Однако заговор не удался, граф Арц был увезен в Ригу и там казнен в конце 1563 г. Слуга Арца поступил на службу к Курбскому, и от него хронист Ф. Ниештедт слышал, что боярин не раз со вздохами сокрушался о кончине Арца. Хронист осветил гелметские переговоры в благоприятном для Курбского свете, но добросовестно записал также и слухи, компрометировавшие боярина. «Князь Андрей Курбский, — пишет он, — так же впал в подозрение у

великого князя из-за этих переговоров, что будто бы он злоумышлял с королем польским против великого князя»¹². Данные о тайных сношениях Курбского с литовцами показывают, что подозрения царя не были беспочвенными. Кажется, Курбский сам предал Арца, о смерти которого потом лицемерно сожалел. Будучи царским наместником Ливонии, князь, по-видимому, мог оказывать важные услуги литовцам. Примечательно, что изменнические переговоры воеводы с литовцами вступили в решающую фазу в то самое время, когда военная обстановка приобрела кризисный характер. Московская армия вторглась в пределы Литвы, но гетман Н. Радзивил, располагавший точной информацией о ее движении, устроил засаду и наголову разгромил царских воевод. Произошло это 26 января 1564 г. Через три месяца Курбский бежал в Литву.

История измены Курбского, может быть, дает ключ к объяснению его финансовых дел. Э. Кинан обратил внимание на странный парадокс. По письмам, Курбский занимал деньги у печорских монахов. Но за границу он явился с мешком золота. Кинан разрешил несоответствие с помощью простого, но неверного предположения. Он счел недостоверными данные о займах Курбского. Однако достоверность этих сведений бесспорна. Возникает вопрос, почему весной 1563 г. Курбский должен был обращаться к печорским монахам за займами, а через год увез в Литву огромную по тому времени сумму денег?

Возможно несколько объяснений. Готовясь к бегству, боярин мог продать принадлежавшие ему земельные владения. Правда, сам же Курбский свидетельствует, что его земли были конфискованы

царем после бегства. Следовательно, предположение о продаже вотчин оказывается несостоятельным.

Уместна и другая версия. Поскольку Курбский поддерживал изменнические сношения с литовцами и оказывал им услуги, он мог получить от них и деньги. Когда беглый боярин явился за рубеж, в его кошельке нашли 300 злотых, 30 дукатов, 500 немецких талеров, 44 московских рубля.

Боярин явился за рубеж богатым человеком. Почему же он обращался в Печоры за займом, упомянутым в третьем послании Васьяну? Тут все объясняется очень просто. Сохранилась поданная в литовский суд жалоба Курбского, где боярин подробно излагает историю своего побега из Юрьева. Жалоба включена в книгу актов Литовской метрики, и ее подлинность не вызывает сомнений.

Когда Курбский пересек границу и заехал в ближайший к Юрьеву замок Гельмет, чтобы взять проводника до Вольмара, где его ждали королевские чиновники, гельметские «немцы» схватили перебежчика и отобрали у него золото. Из Гельмета его как пленника повезли в замок Армус. Тамошние дворяне довершили дело: они содрали с воеводы лисью шапку, отняли лошадей и т.п. Когда ограбленный до нитки боярин явился в Вольмар, то там он имел возможность поразмыслить над превратностями судьбы. Послание царю, написанное на другой день после гельметского грабежа, очень точно воспроизводит душевное состояние беглеца.

В послании Курбского, отмечает Э. Кинан, исключительно важны слова: «...всего лишен бых, и от земли Божия тобою (царем. — Р. С.) туне отогнан бых»¹³. Курбский, утверждает Э. Кинан, не

мог законно жаловаться на это, так как он едва ли знал о конфискации его поместья, последовавшей в наказание за побег. Американский исследователь восстал против мифа о преследуемом и гонимом страдальце Курбском. Боярин оставил в России жену, но это, по мнению Э. Кинана, не было делом вынужденным. Он бежал, имея по крайней мере трех лошадей, и успел захватить двенадцать сумок, набитых добром. Ясно, делает вывод Э. Кинан, Курбский взял то и тех, что и жого он считал для себя нужным для дальнейшей жизни за границей: жену он оставил с легким сердцем¹⁴. В записках современников побег Курбского освещен несколько иначе. По словам Г. Штадена, Курбский отъехал к королю, пристроив жену и детей. Ф. Ниештедт, писавший со слов слуги Курбского, утверждал, что жена боярина в тот момент, когда он бежал за рубеж, ждала ребенка. Побег из Юрьева был делом исключительно трудным, и Курбский писал, что его самого «от гонения на своей вые» вынесли верные слуги. Мнение Э. Кинана насчет равнодушия Андрея Курбского к семье едва ли основательно. Впрочем, известны многие факты, характеризующие князя как человека черствого и жестокого. Будучи в Литве, Курбский убил слугу, помогшего ему бежать из Юрьева. Боярин не раз грабил соседей по имению. В своих владениях он сажал местных еврейских торговцев в водяные ямы, кишевшие пиявками, и вымогал у них деньги.

В период подготовки к побегу за рубеж Курбский написал второе послание в Псково-Печорский монастырь. Оказавшись в Вольмаре, беглый боярин первым делом отрядил на Русь верного слугу, поручив ему тайно пробраться в Печоры и

попросить у монахов денег в долг. Однако надежды Курбского не оправдались. Старцы не только категорически отказались ссудить князю деньги, но и поспешили прервать всякие отношения с «государевым изменником». «Посылал есми к игумену и к вам человека своего бити челом о потребных животу, — писал Курбский старцам, — и для достоинства моего от вас презрен бых...» «...не токмо есте нас предали и отчаяли, — продолжал он, — но и милости естя своя, обычные язычником и мытарем, не сотворили: имуци у себя, что подати, а утробу свою затворили есте; еще же и взаимы прошино и паки возвращенно быти хотящися»¹⁵. После посещения Печор холоп Курбского должен был заехать в Юрьев и повидать там надежных людей. В записке к своим юрьевским друзьям Курбский просил достать из тайника на воеводском дворе «писание», адресованное в Печоры («писано в Печоры») и заключавшее в себе «дело государственное». Боярин заклинал доставить его «писание» к царю или же в Псково-Печорский монастырь. «Вымите, бога ради, положено писание под печью, страха ради смертного. А писано в Печоры, одно в столбцах, а другое в тетратях; а положено под печью в ызбушке в моей в малой; писано дело государственное. И вы то отошлите любо к государю, а любо ко Пречистой в Печоры»¹⁶. В тайнике на воеводском дворе в Юрьеве, видимо, хранилось второе послание в Псково-Печорский монастырь.

Послание Курбского содержало целую политическую программу, пронизанную страстным протестом против действий царя и осифлянкой церкви. Формально оно было адресовано Васьяну, фактически имело в виду царя. После побега Курб-

ский просил отослать свое печорское послание, как то ни удивительно, прямо к царю или же в Печорский монастырь.

Автор послания-памфлета стремился изобличить царя в «законопреступлениях». Впервые он получил возможность открыто, не боясь гонений, подвергнуть критике действия державного правителя России, а вместе с тем и оправдать свою измену и отъезд в Литву.

Тайным гонцом Курбского был Василий Шибанов. В поздних летописях можно прочесть историю о том, что боярин тотчас после побега прислал верного раба Ваську Шибанова с «досадительным» письмом к царю. Последний будто бы вручил письмо Грозному в Москве на Красном крыльце. «Тогда царь ярости исполнился, признав холопа тово близ себя и осном (посохом — Р. С.) своим ударил в ногу его и пробив ногу, наляже на посох свой и повеле лист прочитати, в нем бе же написано со всяким досадительством»¹⁷. Приведенный рассказ, как справедливо отметил Я. С. Лурье, есть поздняя романтическая легенда.

Шибанов не успел выполнить поручений господина. Он был пойман в Юрьеве воеводами и под стражей отведен в Москву. По свидетельству официальной летописи, Шибанов «сказал про государя своего князя Андрея изменные дела, что государю царю и великому князю умышлял многие изменные дела»¹⁸. Холоп и не думал предавать своего господина. Он лишь выполнил его прямое распоряжение, указав тайник, где хранились писания Курбского. В глазах Грозного эти писания-памфлеты явились наиболее веским доказательством «великой» измены беглого боярина.

Ваську Шибанова царь предал мучительной

казни. Несмотря на все понуждения и пытки, верный холоп не захотел отречься от своего господина.

В первые недели после бегства Курбский укрывался в Вольмаре. Письма, составленные там, автор посвятил почти исключительно оправданию своей измены и бегства. В письме к Васьяну боярин раздраженно укорял старцев за их скупость, осуждал за отказ выступить против несправедливых властей и за предательство в отношении гонимых. «...Чим прегордых державных обуздали? — вопрошает он монахов, — где собори мученических борителей? (...) днесь же всю землю нашу погибшу уже предаде!». Курбский утверждал, что бывшие нестяжатели из Печорского монастыря впадают в ересь «угодного (властям) учения», когда говорят: «не надобе... глаголати пред цари не стыдяся о свиденних господних, ниже обличати о различных законопреступных делах их, неудобь бо стерпима ярость их человеческому естеству»¹⁹. В глазах боярина подобная позиция была худшим предательством.

В письме к царю Курбский в самых резких выражениях клеймил преступления державных властей. «За что, — спрашивал он царя, — побил ты «сильных во Израили» бояр-воевод, пролил их кровь в церквах и предал различным смертям?». В письме явственно звучала угроза жестокому властителю России: «Не мни, царю, не помышляи нас (опальных бояр. — Р. С.) суемудренными мыслями, аки уже погибших, избьенных от тебя неповинно, и заточенных и прогнанных без правды; не радуися о сем, аки одолением тощим хваляся... прогнанные от тебе бес правды от земля к Богу вопием день и ночь на тя!»²⁰.

Послания к монахам и к царю заканчивались одинаковыми фразами. Беглец грозил предателям-старцам и царю Ивану Божьим судом и претит тем, что возьмет писания против них с собою в гроб.

Ко времени появления Курбского в Литве там собралось немало русских беглецов. В конце XV—начале XVI в. имел место исход знати из Литвы в Москву. В середине XVI в. русская знать повернулась лицом к Литве, выразив тем самым свое отношение к нарождавшимся в России самодержавным порядкам. Царь жестоко пресекал «самовольство» бояр. Но властям не удалось полностью закрыть границы. В Литве образовалась эмиграция, что имело важные политические последствия. Впервые за много лет противники Грозного получили возможность открыто защищать свои интересы и противопоставить официальной точке зрения собственные требования.

Один из эмигрантов, Тимофей Тетерин, обратился в середине 1564 г. с письмом к М. Я. Морозову — новому наместнику Юрьева. В извинительных выражениях расстрига указывал ему на унижения бояр, недоверие к ним царя, на всесилие и лихоимство приказной администрации, новых царских «верников»-дьяков. В конце Тетерин притворно сожалел о том, что Морозов и прочие гонимые царем бояре не решаются покинуть Россию: «А Бог, государь, у вас ум отнял, что вы над женами и над детьми своими и над вотчинишками головы кладете, а жен своих и детей губите, а тем им не пособите»²¹.

Благодаря оживленным торговым и дипломатическим сношениям между Россией и Литвой, эмигранты могли поддерживать постоянные свя-

зи со своими единомышленниками в России и, в первую очередь, с недовольным боярством. В русской же столице жадно ловили все слухи и вести, исходявшие из-за рубежа.

Полагают, что переписка Грозного и Курбского принадлежала к жанру «агитационной литературы». Царь и боярин обменялись «открытыми письмами». Монарх будто бы адресовал свое письмо «во все царство» и рассылал его по разным местам. Эту гипотезу выдвинули Я. С. Лурье и А. А. Зимин²².

Ничто не мешало царю Ивану адресоваться к широкому читателю и рассылать свои писания в качестве открытых писем «во все царство». Но для этого ему надо было изготовить Послание во множестве экземпляров, что неизбежно бы отразилось в рукописной традиции XVI в.

Отсутствие списков XVI—начала XVII в. заставляет предположить, что Грозный обращался не к широкому читателю «во все свое царство», а прежде всего, к Курбскому. На протяжении многих лет царя Ивана и князя Курбского связывала личная интимная дружба. Мучительный для обоих разрыв вызвал жгучую потребность объяснить начистоту, выразить накопившиеся обиды. Вот причина того, что переписка бывших друзей насыщена интимными мотивами и жалобами, взаимными оскорблениями. Конечно, эти люди были не только частными лицами. Выдающиеся государственные деятели своего времени, они выражали противоположные политические устремления. По этой причине их послания приобрели значение публицистических памятников. Любой жанр, включая жанр «открытых писем», неразрывно связан со своей исторической эпохой. Обмен «открыты-

ми письмами» предполагает минимальную возможность открытого обсуждения. В преддверии опричнины такая возможность, и прежде незначительная, исчезла полностью. Царь обсуждал свое письмо с помощниками, Курбский — с эмигрантами. Но нет доказательств того, что их письма уже в то время нашли путь к читателям в России.

Свое послание царю Курбский начал словами: «царю, от Бога препрославленному, паче же во православии пресветлу явившуся, ныне же грех ради наших, сопротивным обретеся»²³. Упрек Курбского, по мнению Я. С. Лурье, сводился к тому, что в начале царствования (на Стоглавом соборе) Иван IV явился «от Бога прославленным», «пресветлым в православии», а ныне стал «сопротивным» — изменил своей «пресветлости». Отвечая на вопрос, о чем спорили Курбский и Грозный, Я. С. Лурье пишет: «Основным или, во всяком случае, главным предметом полемики между ними был вопрос о том, кто верен заветам начала царствования Ивана IV и кто стал им «сопротивен»²⁴.

С такой интерпретацией трудно согласиться. Нет оснований связывать упрек Курбского с конкретными событиями и понятиями, со Стоглавым собором 1551 г. или Избранной радой. Слова Курбского о «сопротивном», по-видимому, имели в виду не «заветы» Избранной рады и не решения названного собора, а нечто значительно более важное — заветы Господа Бога и идеал пресветлого Русского царства. Суть этого идеала, который одинаково разделяли и государь, и его боярин, сводилась к следующему. Пал Константинополь, порушилось святое греческое православие, в результате последним оплотом истинной веры стало пресветлое Московское царство. Спор Курбского с Гроз-

ным сосредоточился на вопросе, кто остался верен идеалу христианского царства, а кто стал «сопротивен» ему, т. е. впал в ересь. В конце письма боярин объявил о появлении Антихриста в роли ближайшего советника царя.

Слова Курбского глубоко уязвили царя, прежде всего, потому, что они заключали страшную угрозу для трона. Присяга на верность монарху, вступившему в союз с Антихристом, утрачивала законную силу. Долг каждого христианина заключался в том, чтобы не покоряться, а бороться с такой властью всеми возможными средствами. Всяк пострадавший в борьбе с Антихристом превращался в мученика, а пролитая им кровь становилась святой.

Обвинение в ереси носило не личный и частный, а, скорее, всеобщий характер. Пример крушения великого Рима и царственного Константинополя был перед глазами, и если столп и глава последнего христианского царства впал в ересь и в его окружении появился Антихрист, тогда гибель «Нового Израиля» неизбежна. За обвинениями Курбского угадывалась апокалиптическая картина. Для Курбского речь шла о спасении истинной веры. Совершенно также понимал дело и Грозный. Но каждый из них предлагал свой путь спасения Святोरусского царства. Обозначение этого пути в значительной мере зависело от ответа на вопрос, на ком держится истинно христианское царство, а кто его рушит.

По утверждению Курбского, Иван IV перешел в число «сопротивных», так что оплотом «пресветлого православия» являются бояре — «сильные во Израиле», готовые пролить свою «святую кровь» ради истинной веры. Боярин Репнин был первым

из советников, пытавшихся удержать монарха от неблагочестия — участия в попойках, скоморошьих забавах и маскарадах. За это он принял мученическую смерть: его святая кровь пролилась в церкви. О подвигах Репнина и других страдальцев за веру Курбский подробно повествует в «Истории о великом князе Московском». Убиенные, подчеркивал он, были «воистину святыми» или «святого жительство людьми», в нравах и жизни «ангелом подобны», искусны в священном писании. С гибелью самых святых и благочестивых «во Израиле», очевидно, рушится и сам Израиль. Монарху помогает Антихрист, которого Курбский прямо называет «губителем Святорусского царства»²⁵.

В ответном послании Грозный старался доказать, что если кто и впал в разные ереси, то это Курбский и другие изменники-бояре, тогда как государь «сопротивен» только своим неверным подданным, которые стараются поработить или погубить его. Если «пресветлый в православии» самодержец и допускал некоторые отступления от благочестия, то делал он это либо по молодости, либо уступая «немощи человеческой». Казнив изменных бояр, монарх лишь осуществил свои законные права. Избавившись от опеки наставников и взяв царство в свои руки, царь остался таким же столпом Святорусского царства, каким был. Таков смысл рассуждений Ивана IV.

«Широковещательное» и «многощумящее» послание Грозного составляло, по тогдашним масштабам, целую книгу во много десятков страниц. По содержанию своему — это подлинный манифест самодержавия, в котором наряду со здравыми идеями много ходульной риторики и хвастов-

ства, претензии выдаются за действительность. Главный вопрос, который целиком владел вниманием царя, был вопрос о власти и государственном устройстве. При Иване III литовские князья и знать искали прибежище в православной Москве. При внуке Ивана III поток устремился в обратном направлении. Грозный был достаточно опытным политиком, чтобы понять причины такого поворота. Для России Польша оставалась своеобразным окном на Запад. Благодаря тесным сношениям с Польшей, Россия знакомилась с политическим устройством, отличным от ее собственного. Участвовавшие попытки бегства бояр в Литву явились симптомом перемен в сознании русской знати. Не одной лишь аристократии литовского происхождения, не порвавшей связей с родиной, импонировали порядки Польско-Литовского государства. Они гарантировали привилегии магнатов, их незыблемое право участия в решении государственных дел, включая избрание на трон монарха. Сдвиг в сторону самодержавия, явственно обозначившийся в правление Грозного, стал главным источником конфликта между монархом и русской аристократией.

В споре с Курбским царь употребил все красноречие, чтобы скомпрометировать принципы устройства шляхетской республики и доказать превосходство и богоугодность русского единодержавия. «Безбожные языцы..., — писал Иван, — ...те все царствии своими не владеют: как им повелят работные их, так и владеют. А Российское самодержавство изначала сами владеют своими государствами, а не бояре и вельможи»²⁶.

Ход рассуждений Грозного весьма несложен. Западные народы чужды православию, следова-

тельно, они безбожны, как безбожно и их политическое устройство. Подданные не могут решать государственные дела, следуя своим интересам. Не подданные — «работные» государей — источник власти, и не им определять, как царю владеть своими царствами. Всякое отступление от единодержавия, по мысли Грозного, губительно для России. Законный монарх, получивший власть от самого Бога, не должен делить ее ни с кем. Без крепкой единодержавной власти Российское царство тотчас распадется от беспорядков и междоусобных браней. К этому тезису царь возвращается многократно, подкрепляя его священным писанием и ссылками на историю древних царств. Договорный политический строй у безбожных «языцев» Запада Грозный воспринимает как порабощение верховной власти со стороны собственных «работных». Этому порочному принципу он противопоставляет принцип порабощения властью всех подданных, к какому бы чину они ни принадлежали — от высокородных князей до страдников. Божьим изволением еще деду его, великому государю Ивану III, всевышний поручил в работу прародителей Курбского и прочих бояр-князей. Разве это благочестно, чтобы «под властию нарицаемого попа (Сильвестра. — Р. С.) и вашего (бояр. — Р. С.) злочестия повеления самодержьству быти?». «Доселе русские владетели... вольны были подовластных жаловати и казнити...»²⁷.

Вопрос о взаимоотношении монарха с боярством занимает центральное место в послании Грозного. Когда Сильвестр и Курлятев за их измены подверглись наказанию и в Боярской думе («сиглите») вспыхнули распри, Курбский разжег пожар, приняв участие в «злодейственном сове-

те». Суть злодейства заключалась в том, что бояре «Богом им данного и рождышагося у них на царстве царя... отвергшися и елико возмогоша, злая сотвориша — всячески, словом и делом, и тайными умышлениями...»²⁸. Приведенные строки представляются наиболее откровенными во всем послании. Обличая боярскую измену на страницах московских летописей, Иван IV не предвидел того, что очень скоро ему придется адресовать обличительные письма крамольным боярам за рубеж. Как бы то ни было, именно летописные работы наилучшим образом подготовили царя к спору с Курбским. Грозный не желал обсуждать с изменником трудности своего нынешнего положения, и потому его письмо было полно недомолвок и иносказаний, едва он обращался к текущим событиям. Летописные приписки помогают расшифровать многие из этих недомолвок. Курбский и другие крамольники из Боярской думы, утверждал Иван, отвергли Богом данного им государя. В этом случае царь лишь повторил в общей форме мысль, изложенную ранее на полях летописи. В «Повести о мятеже» эта мысль дала основное содержание сочиненным «царским речам». Находясь в 1553 г. на смертном одре, самодержец горько упрекал членов Боярской думы за то, что они изменяют многократно принесенной присяге на верность престолу: «...целовал есте мне крест и не одинова, чтобы есте мимо нас иных государей не искали... и вы свои души забыли, а нам и нашим детям служить не хотите... и коли мы вам ненадобны, и то на ваших душах»²⁹. Трехлетний опыт самостоятельного правления и раздор с думой породили в голове Ивана трагическое сознание того, что он и его дети «ненадобны» более его могущественным вас-

салам. Отвергнув государя, писал Грозный Курбскому, бояре нанесли ущерб трону не только словом — «тайным умышлением», но и делом. Речь шла о тайных обсуждениях в думе проекта низложения Ивана и передачи короны царскому брату. Если верить сетованиям Грозного, планы переворота вступили в фазу практического осуществления. Привыкнув в юности рубить головы боярам, монарх нисколько не сомневался в том, что бояре, взяв верх, истребят и малолетних царских детей с их матерью, и их родню. Растерявшихся Захарьиных Иван, как значится в летописных приписках, пытался вдохновить словами: «Вы от бояр первыя мертвецы будете! И вы бы за сына за моего да и за мать его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали!». Составленные в 1563—1564 гг. приписки обнаруживают, что уже накануне опричнины самодержец впервые пришел к мысли о том, что из-за раздора с думой ему и его наследникам придется спасаться бегством за рубеж. Не надеясь на одних Захарьиных, государь обратился с отчаянным призывом ко всем верным членам думы. «Будет стаетца надо мною воля Божия, — будто бы произнес больной государь, — меня не станет, и вы пожалуйста, помяните, на чем есте мне и сыну моему крест целовали; не дайте бояром сына моего извести некоторыми обычай, побегите с ним в чюжую землю, где Бог наставит»³⁰.

Образ неограниченного, могучего повелителя, нарисованный в монаршем послании, не раз вводил в заблуждение историков. Но простое сопоставление послания с текстом царских речей к думе ставит под сомнение достоверность этого образа и нацело разрушает его. Царь жаждет всевластия,

но отнюдь не располагает им. Он слишком живо чувствует зависимость от своих могущественных вассалов. За декларациями о неограниченном самодержавии и высокомерным третированием холопов-подданных скрывается страх перед «боярской жестокостью», отчаяние за будущее династии.

На заре правления Грозного дворянский писатель Иван Пересветов высказал слова, которым, казалось бы, суждено было стать программой этого царствования. «Не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы». «Ты, государь, — пророчил Пересветов Ивану IV, — грозный и мудрый, на покаяние приведешь грешных и правду во царстве своем введешь».

В глазах Пересветова греческий царь погубил свое царство, отдав власть вельможам, которые, вследствие «дьявольского прельщения», поработили землю и тем самым разрушили правду, «которая земля поработена, в той земле все зло сотворяется»; «такое царство великое, и сильное, и славное и всем богатое царство Московское, есть ли в том царствие правда?». На этот вопрос Пересветов отвечал без обиняков: «Вера, государь, христианская добра... правды нет»; «Коли правды нет, то и всего нет!»³¹.

С точки зрения Пересветова, царская гроза нужна для утверждения правды в государстве, чтобы покончить с порабощением земли вельможам. В глазах Ивана, гроза нужна для утверждения в стране «православного истинного христианского самодержавства». Чтобы уберечь святую Русь от судьбы Византии, царь должен не давать воли «вельможам», которые «растлевают» государство «нестроением и междоусобными браньми»³².

Грозный же не ограничивается тирадами против вельмож. В его «сиротских воспоминаниях», исторических экскурсах и полемических выпадах точно определен круг конкретных «вельможных» фамилий, противостоящих «христианскому самодержавству». В царском списке изменников первым стоит «вельможный» род Шуйских в лице князей Василия, Ивана и Андрея, род Оболенских в лице князя Курлятева и пр. Измена прежнего друга Курбского уязвила монарха, и он не жалел бранных эпитетов для беглеца и всей его родни. Послание беглеца к царю — сплошной «извет»: боярин писал «злосбесным своим собацким умышлением», «еже подобно псу лая или яд ехидны отыргая». Заодно с Курбским Грозный бичует его прародителя князя Федора, деда Тучкова, брата князя Ивана Кубенского. В своей краткой досадительной отписке боярин грозил Ивану, что не явит ему своего лица до дня Страшного суда. В ответ Грозный разразился насмешкой: «Кто бо убо и желает такового ефиопскаго лица видети? Где же убо кто обрящет мужа правдива, иже зыкры очи имуща?». Серые глаза и «эфиопское» лицо боярина ненавистны самодержцу.

На разные лады в царском послании повторяется мысль, что за непокорство и «измены» бояре достойны худших гонений, что без прочной власти все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. «Безсогласны» (непокорны) царю не все бояре, а лишь друзья и советники беглого князя Курбского, повинные в новых заговорах. «Безсогласных же бояр у нас несть, — утверждает царь, — разве друзей и советников ваших, иже и ныне, подобно бесом, вся советы своя лукавыя не

престающе содевати...»³³. Своим противникам в думе царь недвусмысленно грозит расправой.

Основной смысл эпистолии царя к Курбскому состояла в обосновании необходимости неограниченных репрессий против Боярской думы. Послание идейно подготавливало почву для опричнины и ее террора. Обличения Грозного точно указывали на круг «вельможных» семей, на которые должен был пасть удар. Вся аргументация царского послания, в конечном счете, сводилась к тезису о «великой» измене, свившей гнездо в думе. Боярскому своеволию царь может противопоставить лишь тезис о неограниченном своеволии монарха, выступающего в роли восточного деспота. Власть монарха утверждена Богом и не может быть ограничена в пользу бояр или кого бы то ни было другого.

Царь писал свое послание Курбскому во время поездки в Переяславль и Можайск в мае-июле 1564 г. В Переяславле он гостил в Никитском монастыре, затем отправился в Можайск, отдыхал в дворцовых селах Можайского и Вяземского уездов. Среди лиц, находившихся с Иваном в Можайске, наибольшим его доверием пользовался боярин А. Д. Басманов. Не вызывает сомнения, что этот проклятый Курбским «моавитянин» был причастен к составлению царского манифеста. Помимо того, Грозный использовал услуги своей канцелярии. Сочетание традиционного канцелярского «отписывания» с неожиданными и яркими отступлениями, — отметил Я. С. Лурье, — основная особенность стиля послания царя; ключевые места письма «несомненно, писал (вероятнее всего, диктовал) сам царь, чей индивидуальный стиль, ха-

рактерный и для других его произведений, здесь ясно ощущается»³⁴.

По возвращении в Москву царь отправил эписколию в Литву Курбскому. Тот не остался в долгу и написал ответ, но отправил его в Россию лишь через 15 лет вместе с третьим посланием Грозному. Объясняя причины, помешавшие переписке, Курбский писал в 1579 г.: «Аз давно уже на широковещательный лист твой отписах ти, да не возмогох послати, непохвального ради обыкновения земель тех, иже затворил еси царство Русское... аки во аде твердыни...»³⁵. Переписка оборвалась не только потому, что границы России оказались закрыты для боярина. Эписколия царя дошла до Курбского после того, как он переехал в Литву, где в июле 1564 г. король Сигизмунд II пожаловал ему богатейшее королевское имение Ковель. Интерес к словесной переписке с Грозным стал ослабевать. Отныне спор боярина с царем могло решить лишь оружие. По совету Курбского король натравил на Россию крымских татар, а затем послал свои войска к Полоцку. Курбский участвовал в литовском вторжении. Несколько месяцев спустя с отрядом литовцев он вторично пересек русские рубежи. Как свидетельствуют о том вновь найденные архивные документы, князь, благодаря хорошему знанию местности, сумел окружить русский корпус, загнал его в болото и разгромил. Легкая победа вскружила боярскую голову. Он настойчиво просил короля дать ему 30-тысячную армию, с помощью которой намеревался захватить Москву. Если по отношению к нему есть еще некоторые подозрения, заявлял Курбский, он согласен, чтобы в походе его приковали цепями к телеге, спереди и сзади окружили стрельцами с

заряженными ружьями, чтобы те тотчас же застрелили его, если заметят в нем намеренность; на этой телеге, окруженный для большего устрашения всадниками, он будет ехать впереди, руководить, направлять войско и приведет его к цели (к Москве), пусть только войско следует за ним»³⁶.

Переписка оборвалась, едва начавшись. Царь позаботился о том, чтобы завершить переписку с Курбским достойным образом. Не позднее июня 1564 г. он велел всенародно казнить Василия Шибанова. Верный холоп Курбского не предал господина, оказавшись в руках палача. В начале июля Грозный стыдил Курбского: «Како же не устроиши раба своего Васки Шибанова? Еже убо он свое благочестие соблюде, пред царем и пред всем народом, при смертных вратех стоя... и похваляя всячески умрети за тебя тшашеся»³⁷.

В назидание «изменникам» труп казненного был выставлен для всеобщего обозрения. Однако вскоре один из ближайших друзей Курбского боярин В. В. Морозов велел подобрать тело Шибанова и похоронить. Царь воспринял подобное своеволие как дерзкий вызов, но не решился сразу наказать боярина. В октябре 1564 г. Морозов получил последнее служебное назначение — стал командовать сторожевым полком в армии И. П. Яковлева. После того имя его навсегда исчезнет из разрядов. Вскоре же по приказу царя В. В. Морозов был арестован. Альберт Шлихтинг сообщает следующие подробности относительно «дела» В. В. Морозова: «Тиран думал, что Владимир (Морозов. — Р. С.) устроил какой-то заговор с Курбским и ложно обвинил его наконец в том, будто он неоднократно переписывался с Курбским»³⁸.

Рассказ Шлихтинга требует критического раз-

бора. В своем памфлете Шлихтинг всячески чернит царя и обеляет его жертвы. Поэтому он часто изображает факты боярской измены, доподлинно ему известные, как недостоверные (именно таким образом он сообщает об изменнических переговорах князя С. В. Ростовского с послом С. Довойной, заговоре И. П. Федорова и т.д.). К таким фактам относится, видимо, и известие о тайных сношениях В. В. Морозова с Курбским. Поскольку Морозов был ближайшим другом беглого боярина и, не боясь царского гнева, велел похоронить его слугу, в предположении о тайной переписке Морозова нет ничего невероятного. Будучи арестован, боярин В. В. Морозов провел в тюрьме много лет.

Казнив Шибанова и отписав Курбскому, царь, казалось бы, мог торжествовать победу. Последнее слово в споре осталось за ним. От Курбского отвернулись даже ближайшие его единомышленники — печорские старцы. Но последующие события показали, что торжество царя было преждевременным.

Примечания к главе 7. Спор с Курбским

¹ПСРА. Т.13. С. 381.

²Курбский. Сочинения. С. 395.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Переписка. С. 8.

⁶Там же. С. 14.

⁷Сб. РИО. Т.71. С.321.

⁸Чтения ОИДР. 1848. Кн.9. Отд. IV. С. 300.

⁹Andreyev N. E. Kurbski's Letters to Vas'yan Muromsev // The Slavonic and East European Review. London. 1955, Vol.33 N 81. P. 427—428.

¹⁰Архив Курник (Познань). Коп. N 1536. Этот источник любезно указан нам Б. Н. Флорей.

¹¹Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции // Подготовил А. А. Зимин. Вып.3. М., 1978. С. 533.

¹²Летопись ф. Ниештедта // Прибалтийский сборник. Т.4. С. 37—38.

¹³Переписка. С. 6.

¹⁴Кинан. Апокриф. С. 200, прим.46.

¹⁵Курбский. Сочинения. С. 405, 409—410.

¹⁶Там же. С. 359—360.

¹⁷Устрялов Н. Г. Сказания князя А. М. Курбского. СПб., 1842. С. 372.

¹⁸ПСРА. Т.13. С. 383.

¹⁹Курбский. Сочинения. С. 407.

²⁰Переписка. С. 7—8.

²¹Послания Ивана Грозного. С. 537.

²²Дурье Я. С. Археографический обзор посланий Ивана Грозного // Послания Ивана Грозного. С. 540, 553, 557—558. См. также Переписка. С. 221, 224.

²³Переписка. С. 6.

²⁴Там же. С. 228—229.

²⁵Курбский. Сочинения. С. 276—284.

²⁶Переписка. С. 16.

²⁷Там же. С. 35.

²⁸Там же. С. 19.

²⁹ПСРА. Т.13. С. 525.

³⁰Там же.

³¹Сочинения И. С. Пересветова. М.;Л., 1956. С. 153, 172, 176, 181.

³²Переписка. С. 43, 47.

³³Там же. С. 46.

³⁴Переписка. С. 225.

³⁵Там же. С. 110.

³⁶Государственный архив Латвии (Рига). Ф. А—2. Оп. К—В. Д. 43. Л.10.

³⁷Переписка. С. 15.

³⁸Шлихтинг. Новое известие. С. 38.

Глава 8 УЧРЕЖДЕНИЕ ОПРИЧНИНЫ

В письме к печорским старцам Курбский многократно повторил мнение о том, что в России нет людей, которые могли бы потушить лютый пожар и спасти гонимую «братию». Незадолго до опалы боярин просил помощи и заступничества у влиятельных иерархов церкви, но успеха не добился и даже стал жертвой наветов со стороны некоторых из них. Курбский не называл имен своих клеветников, но, судя по всему, главным лицом среди них был чудовский архимандрит Левкий. В своей «Истории» Курбский награждает его многими бранными эпитетами.

Нет в России святителей, которые бы обличили царя в его законопреступных делах и «возревновали» о пролитой крови. «Где убо кто возпрети царю или властителем о законопреступных и запрети благовременно и безвременно?»¹ — писал Курбский Васьяну.

Однако Курбский ошибался. В Русском государстве были люди, признававшие опасность поворота к террору и не боявшиеся противостоять самодержцу. Церковное руководство в лице митрополита Афанасия на первых порах не обладало прочным положением и авторитетом для каких бы то ни было самостоятельных шагов. Но как только Афанасий получил поддержку священного собора

и вступил в более тесные отношения с Боярской думой, он попытался вернуть церкви ту роль, которую она играла при митрополите Макарии. Можно полагать, что он начал с негласных увещаний, вернувшись к давней роли царского духовника. Но Грозный призвал наставника на митрополию не для того, чтобы вновь, как во времена Сильвестра, выслушивать его поучения. Убедившись в тщетности душеспасительных бесед, митрополит Афанасий решился на открытое выступление. Поводом для протеста послужило убийство воеводы князя Д. Ф. Овчины-Оболенского. Не зная подлинных причин выступления думы и митрополита, А. Шлихтинг склонен был объяснить дело огромным влиянием, которым пользовался «граф Овчина» в Московии². Казненный воевода происходил из старшей ветви княжеского рода Оболенских. Его отец Федор Овчина — фаворит Елены Глинской — фактически правил Россией. В Москве толковали, будто он, а не Василий III, был подлинным отцом Ивана IV, из чего следовало, что царь и его жертва были братьями. Дмитрий Овчина не пользовался влиянием при дворе и не имел боярского чина. Его казнь была спровоцирована письмом Курбского³. Противники Басмановых готовы были использовать любые средства, включая клевету, чтобы добиться их изгнания из ближней думы царя. Буквально в те же месяцы, когда Курбский составлял свое письмо из эмиграции, князь Д. Ф. Овчина, будучи в кремлевском дворце, опрометчиво выбрал Федора Басманова за «нечестивые деяния» с царем. Федор, плача, пожаловался Ивану, а тот велел казнить придворного. Убийство Овчины без суда и следствия вызвало негодование в Москве.

Еще недавно Иван IV с гордостью писал, что волен казнить и миловать любого подданного. Казнь Овчины как будто бы подтверждает его слова. Но между теорией и практикой оказалась немалая дистанция. Шлихтинг, автор весьма осведомленный, сообщает следующие подробности. Некоторые знатные лица вместе с верховным священнослужителем, пораженные убийством Овчины, сочли нужным для себя вразумить царя воздерживаться от столь жестокого пролития крови своих подданных без всякой причины и проступка. Православному царю, заявили они, не подобает свирепствовать против людей, как против скотов⁴. Митрополит вспомнил давнишнюю роль царского духовника и стал стращать питомца страшным судом.

Речи митрополита и бояр к царю внешне мало напоминали гневные филиппики беглого боярина Курбского. Их челобитная была составлена в самых верноподданических выражениях. Но суть требований была та же. Церковное руководство и дума настоятельно просили царя прекратить неоправданные репрессии. Судя по письмам Курбского, требование о прекращении террора было одновременно требованием об удалении из правительства А. Д. Басманова. Причастность сына Басманова к убийству Овчины давала оппозиции весьма удобный повод настаивать на отставке ненавистного временщика.

Выступление Курбского, неповиновение церковного руководства и объединение оппозиционных сил внутри страны произвели на царя ошеломляющее впечатление. Горделивые декларации царя относительно вольного «Российского само-

держства», права монарха казнить своих холопов-подданных рассыпались прахом.

Раздор между удельным князем Владимиром и самодержцем, происшедший в 1563 г., имел частное значение. Но за этим конфликтом скрывалось несравненно более важное столкновение между главой государства, претендовавшим на неограниченную власть, и Боярской думой — представительным органом могущественной княжеско-боярской аристократии.

В 1563—1564 гг. в России сложилась своеобразная политическая ситуация. В период Избранной Рады Иван IV всецело подчинялся авторитету наставников, вершивших дела в полном согласии с Боярской думой. Отстранив Адашева и вождей рады, самодержец попытался править государством по собственному произволу, опираясь на ближнюю думу, в которой распоряжалась царская родня — бояре Захарьины. Самостоятельное правление Грозного закончилось провалом. Отказ от суда над князем Владимиром и его приверженцами в 1563 г. обнаружил тот факт, что верхи правящего боярства сохранили политическое господство даже после отставки руководства Избранной рады. Царь оказался бессилен перед лицом сплотившейся Боярской думы. Боярство во второй раз одержало верх над монархом в 1564 г. Протест митрополита Афанасия и руководства думы по случаю казни Овчины достиг цели. Самодержец должен был признать свое поражение и подчиниться общественному мнению. В течение полугода он воздерживался от каких бы то ни было репрессий против знати и дворянства.

Иван Грозный не мог сломить сопротивление

думы, оставаясь на почве традиционного правопорядка. Ввиду этого ему пришлось совершить в 1565 г. государственный переворот и ввести опричнину.

С осуждением царя выступили не только руководители Боярской думы, но, по-видимому, и некоторые из членов его ближней думы.

Единственным из родственников Овчины, допущенным в регентский совет, был князь П. И. Горенский. Осенью 1564 г. он был удален от двора и послан с ратными людьми в Великие Луки. В наказах посольского приказа значилось: «... князя Петра государь пожаловал великим жалованьем и держал его близко себя, и князь Петр во государственных делах учал его держати от себя подале и послал на свою службу»⁵. Попав на границу, кравчий пытался бежать в Литву. Ему удалось пересечь границу и уйти в литовские пределы. Однако посланный вдогонку отряд настиг беглеца. Князь Горенский был закован в цепи и под сильной охраной доставлен в Москву.

После суда П. И. Горенский был повешен. Как объяснили царские дипломаты за рубежом, «князь Петр, узнав свои вины, побежал в Литву догнали его на рубеже и ко государю привели и государь велел ево того для казнить, что он, будучи при государе в великом приближенье и в том приближеньи будучи, такую великую измену учинил...»⁶. Современники передают, что Горенский предпринял побег в Литву, рассчитывая на милость и покровительство короля. Из царского синодика следует, что заодно с Горенским Грозный велел казнить его двоюродных братьев Никиту и Андрея Черных, сыновей боярина Ф. М. Черног-Оболенского. Запись синодика гласит: «Князя Петра

Горенской, князя Никиту, князя Ондreja Черные Оболенские». После казни Горенского Грозный дал 50 руб. на помин его души в Троице-Сергиев монастырь.

Опекунский совет, назначенный Грозным по случаю второго брака, распался через несколько лет. Его признанный глава дворецкий Д. Р. Юрьев-Захарьин скончался за несколько месяцев до опричнины. Другой опекун — боярин И. П. Яковлев-Захарьин — был арестован и выдан на поруки. Младший член регентского совета князь П. И. Горенский повешен за измену.

Раздор между монархом и знатью приобретал все более опасные масштабы. А. Д. Басманов и его единомышленники настойчиво советовали самодержцу усилить репрессии. Однако новое руководство не обладало необходимой властью и авторитетом, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение, вопреки воле Боярской думы и церковного руководства. Между тем дума и митрополит осуждали любые попытки возобновления террора. Царь не мог рассчитывать на успех, если бы вздумал добиваться осуществления своих замыслов путем обычной процедуры утверждения его указа в Боярской думе и на священном соборе. По этой причине он вынужден был избрать совершенно необычный способ действия. Стремясь навязать свою волю думе, Иван объявил об отречении от престола. Таким путем он рассчитывал вырвать у думы согласие на введение в стране чрезвычайного положения и новые репрессии против боярской оппозиции.

Подлинные мотивы отречения Грозного не были секретом для его современников. «У великого князя, — писали Таубе и Крузе, — вовсе не

было намерения (как рассудит любой здравомыслящий человек) удалиться из государства или отказать от него. Также немислимо было для него приписывать какое-то предательство всей стране» Единственной причиной его поступков была «вражда к самым благородным княжеским и дворянским родам»⁷.

Отречению Грозного предшествовали события самого драматического свойства. К началу декабря 1564 г. царская семья завершила приготовления к отъезду из Москвы. В течение нескольких дней и ночей царь посещал главнейшие столичные церкви и монастыри и усердно молился в них. К величайшему неудовольствию церковных властей он велел забрать и свезти в Кремль самые почитаемые иконы. В воскресенье 3 декабря Иван присутствовал на богослужении в кремлевском Успенском соборе. После окончания службы он трогательно простился с митрополитом, членами Боярской думы, дьяками, дворянами и столичными гостями, присутствовавшими в соборе.

Между тем во дворце заканчивались последние приготовления к отъезду. На площади перед Кремлем стояли сотни нагруженных повозок и ждала многочисленная свита из нескольких сот вооруженных дворян. Царская семья увозила с собой всю московскую «святость»: «иконы и креслы, златом и камением драгим украшенные, и суды золотые и серебряные и поставцы». Сокровища столичных церквей и монастырей, их «святейшие» иконы стали как бы залогом в руках царя. Помимо того, Иван увозил из Москвы всю государственную казну: «всяких судов золотое и серебряное, и платие и деньги и всю свою казну повеле (царь. — Р. С.) взять с собою».

Царский выезд носил совершенно необычный характер. Ближние бояре, дворяне и приказные, сопровождавшие Грозного, получили распоряжение забрать с собой семьи: «Тем, — повествует летописец, — многим повеле с собою ехати з женами и з детми...»⁸.

Итальянский купец Барберини видел отъезд собственными глазами. По его словам, царь покинул столицу с 40-тысячным войском и 4 тыс. саней⁹. Однако приведенные цифры лишены достоверности. Охрану царского поезда осуществляли немногочисленные отряды дворян и детей боярских. Всем им велено было явиться в Кремль в полном боевом снаряжении «с людьми и с конми, со всем служебным нарядом»¹⁰.

Необычные приготовления в Кремле породили тревогу среди населения столицы. Носились слухи о готовящемся отречении Грозного. Смятение усугублялось тем, что никто не знал толком, куда едет царская семья. По сообщению официальной летописи, бояре и духовенство «в недоумении и во унынии быша... государьскому великому необычному подъему, и путного его шествия не ведамо куды бяша»¹¹.

Царский поезд покинул столицу 3 декабря 1564 г. Начались «скитания», длившиеся целый месяц. При отъезде из Москвы у Ивана не было какого-то определенного плана. Во всяком случае, он не думал ехать в Александровскую слободу. По кратчайшей ростовской дороге до нее можно было добраться в считанные дни. Между тем царь выехал из столицы в противоположном направлении — в с. Коломенское на Москве-реке, к югу от столицы. Чтобы попасть отсюда на северную дорогу, царскому обозу пришлось бы вернуться

в Москву или же ехать проселками, кружным путем.

В Коломенском царская семья оставалась две недели. Причиной задержки была неожиданно наступившая оттепель и дожди. Переждав непогоду, царь проселками объехал Москву с востока и остановился в с. Тайнинском на Яузе, к северу от столицы, где провел несколько дней. Затем он отправился на молитву в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда выехал в Александровскую слободу.

В Слободе Грозный составил грамоту об отречении от престола и, по-видимому, работал над духовным завещанием. Царская духовная заключала в себе множество удивительных признаний. «А что по множеству беззаконий моих, божию гневу распростершуся, изгнан есмь от бояр, самоволства их ради, от своего достояния и скитаюся по странам, — писал самодержец, — а може Бог когда не оставит¹². Царские жалобы отразили момент, когда Иван среди зимы покинул царствующий град и начались его скитания «по сторонам» — подмосковным селам и слободам. Грозный откровенно признавал, что его отъезд является вынужденным шагом: он бежал из столицы от непокорных бояр.

Готовя грамоту об отречении, Иван IV допускал, что Боярская дума и духовенство примут его отставку. На этот случай царь и его окружение выработали проект передачи власти малолетним царевичам. Этот проект не был тайной для современников. Наиболее интересные подробности о нем сообщил А. Шлихтинг. Царь, повествует немецкий автор, притворился, будто хочет сложить с себя корону, и по этому случаю заявил о передаче трона двум своим сыновьям, которых он называл правителями государства. «У вас есть мои

сыновья, — сказал царь, — и по способностям и по возрасту пригодные к власти, их возьмите за вождей, за владык и повелителей... Пусть они живут с вами, пусть властвуют, пусть судят, пусть ведут войны. Если будет грозить вам какое-либо трудное и тяжкое для сил и плеч ваших дело, то вы будете иметь меня в нем советником, недалеко от вас живущим»¹³. Свидетельство Шлихтинга не вполне точно. Проект передачи власти царевичам не был обнародован по той причине, что Боярская дума не согласилась на отречение Грозного. Однако осведомленность Шлихтинга, одного из лучших мемуаристов времен опричнины, не подлежит сомнению. Документальным подтверждением тому служит царское завещание, которое давало правовую базу для передачи царства «соправителям» — царевичам Ивану и Федору. Царь намеревался отказаться от короны, но при этом сохранить все права престолонаследия за своими малолетними детьми. Более того, он разработал проект, который позволял ему сохранить в своих руках реальную власть после вынужденного отказа от трона. В основу проекта был положен принцип раздела государства между двумя царевичами. Грозный выделил младшему сыну Федору города и уезды, никогда не передававшиеся удельным государям. Федору исполнилось семь лет, и его слабоумие еще не бросалось в глаза. Впрочем, для отца это не имело никакого значения. По завещанию Федор должен был получить многие крупные города и волости, включая древний Суздаль, Кострому, Ярославль. Его владения не уступали по территории многим европейским королевствам. Необычный проект «раздела» страны между соправителями-царевичами можно объяснить разве что

чрезвычайными обстоятельствами, возникшими в стране вследствие отречения Грозного.

По случаю грядущих перемен, Иван IV включил в завещание подробные наставления об управлении государством, адресованные сразу обоим царевичам. Отеческий совет любимым «чадцам» заключал излюбленную идею единовластия. Иван советовал сыновьям: «А всякому делу навывайте, и божественному, и священническому, и иноческому, и ратному, и судейскому, московскому пребыванию, и житейскому всякому обиходу... как кто живет, и как кому пригоже быти, и в какове мере ктѣ держится, тому б есте всему научены были. Ино вам люди не указывают, вы станите людям указывать. А чего сами не познаете, и вы сами станите своими государствы владети и людьми»¹⁴. Царь явно желал предупредить сыновей от опеки со стороны временщиков и фаворитов, чего сам не избежал в десятилетний период правления Адашева и Сильвестра.

Сознавая опасность разделения государства, царь Иван снабдил завещание бесконечными наставлениями будущему удельному князю Федору. Он наказывал ему во всем быть «заодно» со старшим братом, не подыскивать под ним государства и во всем слушаться его, а за крамолу угрожал проклятием и даже смертью. Сыну Ивану царь приказывал не искать удела под Федором. А пока царевич Иван не утвердится на государстве, наказывал Грозный сыновьям, «и вы ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас заодин служили, и земля бы заодин, и казна бы у вас заодин была, ино то вам прибыльняе».

В последующих поучениях «чадцам» явствен-

но проступают контуры близкой опричной реформы. «А как людей держати и жаловати, и от них беречися, и во всем их умети к себе присвоивати, и вы б тому навывали же. А людей бы есте, которыя нам прямо служат, — рекомендует царь сыновьям, — жаловати и любили, их ото всех берегли, чтобы им изгони ни от кого не было, и оне прямее служат». Приведенные рассуждения в скором времени воплотились в привилегии людей «прямой службы» — опричников, которые были ограждены от всякой «изгони» и пользовались полной безнаказанностью. Иван усердно внушает сыновьям милосердие по отношению к подданным: «А каторыя (люди. — Р. С.) лихи, и вы б на тех опалы клали не вскоре, по разсуждению, не яростию». Конечно, если бы царь вздумал учить сыновей милосердию в разгар кровавых опричных казней, в его словах можно было бы усмотреть сплошное лицемерие. Накануне опричнины подобный совет звучал иначе.

В царском завещании отчетливо слышатся ноты тревоги. Ивана томят мрачные предчувствия; он сознает, что его наследников ждут многие испытания, может быть, изгнание. Все это расплата за его собственные грехи: «И вам (сыновьям. — Р. С.) есми грехом своим беды многия нанесены...». Иван закликает сыновей не забывать родителей среди бед, «не токмо что в государствующем граде Москве или инде где будет, но аще и в гонении и во изгнании будете...». Поучение детям заканчивается выражением надежды на то, что наследники-сыновья, в конце концов, добьются трона: «А будет Бог помилует, и государство свое доступите и на нем утвердитесь и аз благословляю вас...»¹⁵. При-

веденные строки появились на свет, вероятно, в дни, когда Грозный готовил акт об отречении от престола и не знал, чем закончится его затея.

Наряду с поучением «чадцам», завещание содержало «исповедание». Иван каялся во всевозможных грехах и преступлениях и откровенно признавал, что снискал всеобщую ненависть своими злыми делами: «Аще и жив, но Богу скаредными своими делы паче мертвеца смраднейшии и гнуснейшии... сего ради всеми ненавидим есмь...»¹⁶. Царь говорил о себе то, чего не смели произнести вслух его подданные.

Совсем недавно боярин Курбский пенял на чудовищную неблагодарность царя, сетовал на изгнание в дальние страны и т. д. «...Воздал еси мне злыя за благие, — писал он Ивану, — и за возлюбление мое непримирительную ненависть»¹⁷. Теперь совершенно тем же языком заговорил другой «изгнанник» — царь Иван. Ум «острюпись», жалуется Иван, «тело изнеможе, болезнует дух, струпи телесна и душевна умножишася, и не суцу врачу, исцеляющему мя, ждах, иже со мною поскорбит, и не бе, утешающих не обретох, воздаша ми злая възблагая, и ненависть за возлюбление мое»¹⁸.

Для человека, обладавшего колоссальным честолюбием и вполне традиционным складом мышления, свято верившего в божественное происхождение своей власти, отъезд «с государства» не был фарсом. Исполненные трагизма жалобы царя на невыносимые душевные и телесные страдания и одиночество передают чувства, владевшие им в это время. По рассказам современников, в дни отречения от престола Иван пережил потрясение, внезапно изменившее весь его облик. Как видно, жалобы на «изнеможение» тела, умножение струпий

телесных и душевных в царском завещании не были простой риторической фразой. Готовясь к отречению, Грозный испытывал смертельную тревогу за будущее династии.

Иван IV понимал, что его отказ от короны способен повлечь за собой события, управлять которыми окажется невозможным. По этой причине он решил оставить при себе в Слободе лишь самых доверенных и близких лиц — среди них боярина А. Д. Басманова и князя А. И. Вяземского. Оружничий боярин Л. А. Салтыков, боярин И. Я. Чеботов и другие воеводы, дворяне и приказные, сопровождавшие царя, получили приказ возвращаться в столицу. Современники восприняли эту меру как проявление царской опалы на бояр. По словам опричников Таубе и Крузе, царь выпроводил сановников из Слободы без шуб, налегке, и те якобы шли в столицу пешком, раздетые донага, что мало правдоподобно.

Возвращение многих лиц из царской свиты усилило тревогу в столице. Наконец, 3 января 1565 г., в Москву прискакал царский гонец К. Д. Поливанов с грамотами к думе, митрополиту и населению. Объявляя подданным об отречении, Грозный ссылался на свои обиды и выражал надежду, что Бог ему поможет. По словам официальной летописи, отречение было облечено в следующую форму: он, царь, «от великие жалости сердца... оставил свое государство и поехал, где вселится, идеже его, государя, Бог наставит»¹⁹. Примерно в тех же выражениях передают текст обращения Таубе и Крузе: «Он поедет туда, если Бог и погода ему помогут, им же, его изменникам, передает он свое царство...»²⁰. В послании к власти имущим царь объявлял, что кладет опалу на думу — бояр, конпо-

шего (И. П. Федорова), дворецкого (Н. Р. Юрьева), казначеев (Н. Фуникова и Х. Тютина), а заодно и на дьяков и дворян, епископов, игуменов и прочих вассалов, светских и духовных. Далее Иван многословно перечислял «измены боярские и воеводские и всяких приказных людей, которые они измены делали и убытки государьству его до его государьского возрасту...».

Послание царя в значительной части повторяло аргументы послания к Курбскому, написанного полугодом ранее. Во времена боярского правления, как с укоризной писал царь митрополиту, бояре делали «многие убытки» народу, истощили царскую казну, растаскивали государские земли и раздавали их родне и приятелям, собрали себе великие богатства и стали уклоняться от службы, не только не радели о православном народе, но и чинили насилия «крестиянам». Царь ничего не может поделаться с изменниками: едва он захочет «понаказать» боярина, князя, приказного или дворянина, как духовенство, «сложась» с думой, берет опальных под свою защиту.

Обращение Ивана вызвало страх и замешательство среди членов Боярской думы, спешно собравшихся в Кремле на подворье митрополита.

Между тем в нескольких шагах от митрополичьего двора думные дьяки П. Михайлов и А. Васильев поочередно читали царское послание к населению столицы. Слухи об отречении мгновенно распространились по всей Москве. Вскоре площадь перед дворцом запрудила громадная толпа ремесленников, мелких торговцев, кабального люда, нищих и т. д. Специальным посланием царь извещал посадских людей о своем отречении и просил их, «что-

бы они себе некоторого сомнения не держали, гневу на них и опалы некоторые нет»²⁰.

Выражая милость посадскому населению, Иван IV в то же время объявлял опалу властью имущим. Тем самым он апеллировал к народу в своем давнем споре с боярством. Царь, не стесняясь, говорил об измене бояр, притеснениях и обидах, причиненных ими народу. Отречение царя и его обращение к народу привели в движение низы и вызвали призраки бунта. Опасность волнений полностью дезорганизовала аппарат управления: «все приказные люди приказы государские отставиша, и град отставиша, никим же брегом».

Толпа горожан, возбужденных слухами о великой боярской измене и царской опале на власть имущих, со всех сторон окружила митрополичий двор, где собрались члены Боярской думы. Представители купечества и горожане, допущенные в митрополичьи покои, заявили, что остаются верны старой присяге и будут просить царя, чтобы тот «государьства не отставлял и их на разхищение волком не давал, наипаче же от рук сильных избавлял». Челобитная посада заканчивалась прямыми угрозами по адресу вождей боярской оппозиции. «А хто будет государьских лиходеев и изменников, — заявляли горожане, — и они за тех не стоят и сами тех потребят».

Опасность волнений существенно повлияла на решение думы и священного собора, собравшихся на митрополичьем дворе. Противники Грозного, пользовавшиеся большим весом в Боярской думе и среди титулованной знати, не осмелились поднять голос среди общего негодования на «изменников» и, таким образом, безвозвратно упус-

тили благоприятный момент. Ждали, что митрополит Афанасий возьмет на себя роль посредника и уприсит Ивана IV вернуться на царство. Но Афанасий объявил, что остается в Москве для «бережения» столицы, так как приказные покинули приказы и город остался без властей. Вместо себя Афанасий в тот же день 3 января отправил к отрекшемуся государю новгородского архиепископа Пимена и чудовского архимандрита Левкия. Они давно зарекомендовали себя как приспешники и «ласкатели» царя, послушные исполнители его воли. В записках иностранцев и в русских летописях суть верноподданнического обращения к царю передана сходным образом. Опричники Таубе и Крузе приводят следующий текст: «Если он (царь. — Р. С.) действительно знает, что есть изменники, пусть объявит их, назовет их имена, и они должны быть готовы отвечать за свою вину, ибо он, государь, имеет право и силу строжайше наказывать и казнить... они были бы счастливы передать себя в его полное распоряжение»²¹. Согласно официальной летописи, «моление» Афанасия включало согласие предоставить монарху неограниченные полномочия (чтобы «на государстве бы был и своими бы государствы владел и правил, как ему, государю, годно») и обещание насчет выдачи самодержцу всех изменников («...хто будет государские лиходеи, которые изменные дела делали, и в тех ведает Бог да он, государь, и в животе и в казни его государская воля»)²².

Можно подозревать, что приведенная формулировка не принадлежала митрополиту, — она была выработана в итоге переговоров в Слободе, а затем положена в основу указа об опричнине. Во всяком случае, никакого единого решения на

совещании у митрополита принято не было. Князья церкви поспешили «сами о себе бити челом», иначе говоря, каждый заботился о том, чтобы выразить царю свои верноподданнические чувства и отмежеваться от «изменников». Старшим из иерархов, отправившихся к царю, был архиепископ ростовский Никифор. Вслед за ним туда же выехали главные бояре, казначеи, дворяне, приказные люди. Многие пустились в путь, «не езда в дома своя». Следом за боярами двинулись столичные гости, купцы и целая толпа черных людей. Согласно официальной версии, бояре направились к царю в порыве верноподданнических чувств. По свидетельству же некоторых современников, Грозный сам назвал имена лиц, которые должны были немедленно явиться в Слободу²³. Опричник Штаден утверждает даже, что царь покинул столицу якобы из-за мятежа (опасаясь мятежа), затем оцепил Слободу воинской силой и приказал привести из Москвы и других городов тех бояр, кого он потребует²⁴.

Подступы к Слободе охранялись сильными воинскими заставами. Согласно летописному отчету, представители митрополита были задержаны в Слотино и смогли продолжить путь лишь после того, как получили разрешение у царя. Даже Пимена и Левкия, известных своей преданностью царю, привезли во дворец «с приставы», т. е. под стражей. Бояре были доставлены под усиленной охраной, «как явные враги».

Иван IV не желал вести переговоры со всеми челобитчиками разом. Он предпочел разъединить их. Лишь те, кто получил от него персональное разрешение, мог попасть в загородную резиденцию монарха. Так возникло представление о том,

что царь сам назвал имена тех, кто должен был к нему явиться.

Никаких долгих совещаний с государем бывшие, по-видимому, не вели. Они поочередно являлись во дворец для заявления верноподданных чувств. Первыми прибыли архиепископ Пимен и архимандрит Левкий, за ними — архиепископ Никифор с другими церковниками. Церковные иерархи «преже биша челом о себе, чтобы государь милость свою им показал, гнев свой с них сложил». Затем они просили монарха, чтобы он простил членов думы и приказных: «велел очи свои видети бояром и приказным и опалу бы свою им отдал и государствы свои правил, как ему, государю, годно». После многих слезных молений монарх дал себя уговорить и приказал допустить в Слободу думных людей: «бояром своим и приказным людям очи свои велел видети». Купцов и прочих черный народ, толпой двинувшийся в Слободу за боярами, в царскую резиденцию не пустили. Во всяком случае, летопись об этом не говорит ни слова. Народ выполнил отведенную ему роль, и больше о нем никто не вспомнил.

По традиции, царь пригласил к себе бояр для совета — думы. В Слободу он дал понять боярам, что отныне не намерен считаться с обычаем. Он обращался с великими боярами как господин с впавшей в немилость челядью. Бояре предстали пред светлые очи монарха, но не им, а духовенству государь «свое жалованное слово рек». Он заявил, что по молению главы церкви «митрополита всеа Руси» и челобитью всех своих богомольцев решает вернуться на царство — «государства свои взяти хотим, а как нам свои государства взяти и государства своим владети, о том о всем прика-

жем к... Офонасию митрополиту всеа Руси с своими богомольцы» — с Пименом, Никифором, Левкием и др.

Прием во дворце начался 5 января и закончился в тот же день. Фактически, членам Боярской думы не дали раскрыть рта. Взамен старой возникла новая процедура. Высшее духовенство взяло на себя роль посредника или, точнее, проводника царской воли. Речь Ивана была адресована одному духовенству — верному Пимену с Левкием. Из той же речи дума узнала, что окончательное решение царь доведет до сведения бояр через митрополита.

Укоренившиеся порядки, в силу которых Боярская дума возглавляла управление государством, были слишком прочны. Попытка лишить думу ее прерогатив равносильна была государственному перевороту. В Слободу бояре фактически оказались под стражей. Если бы царь отпустил всех бояр в Москву, его противники в думе получили бы возможность действовать или по крайней мере высказать свое отношение к происходящему. Желая помешать думе вернуть себе функции высшего органа монархии, Иван IV решил разделить ее. В день аудиенции, 5 января, монарх объявил, что оставляет при себе князей И. Д. Бельского, П. М. Щенятева и некоторых других бояр, а князей И. Ф. Мстиславского, И. И. Пронского, других бояр, приказных людей отсылает в Москву с повелением, «да будут они по своим приказом и правят его государство по прежнему обычаю». Судя по тому, что Бельский был главой думы, а Щенятев многими местами был выше Пронского, самодержец оставил при себе самых влиятельных бояр. В отсутствие главных руководителей дума не мог-

ла предпринять никаких самостоятельных решений, хотя формально царствующий град Москва и был возвращен под управление бояр.

Служилые немцы Таубе и Крузе оставили наиболее подробное описание событий, сопровождавших введение опричнины. В записках И. Таубе и Э. Крузе изложены «речи» Грозного к думе, произнесенные им после отречения от трона. Названные авторы заняли высокое положение в опричной иерархии не в момент учреждения опричнины, а некоторое время спустя, чем и объясняется ряд неточностей в их рассказе. Однако их источники информации достаточно надежны. В грамоте к думе царь писал о беззакониях бояр «в его государские несвершенные лета» и заявлял, что не желает более терпеть «их многих изменных дел». В речах к думе в Слободе Иван IV назвал изменников по именам и объявил за ними такие вины, за которые они должны были поплатиться жизнью. Если верить Таубе и Крузе, Грозный обвинил своих противников в намерении свергнуть законную династию. Он напомнил боярам, «как мятежны были его подданные по отношению к нему и его предкам... до сего дня и как много пролили они крови этого рода (Владимира Мономаха. — Р. С.), пытаюсь прекратить высокославную династию и посадить вместо нее другую, и теперь еще они постоянно готовы совершить это». После смерти Василия III, заявил царь, бояре хотели лишить его законных прав и сделать своим государем Горбатого. В рассказе Таубе и Крузе допущены неточности. Царь будто бы заявил о притязаниях на трон выходца из рода Челяднина-Горбатого. Составляя записки после казни И. П. Федорова-Челяднина,

немцы смешали воедино дело о казни А. Б. Горбатого и заговоре Челяднина.

Заодно с Горбатым царь обвинил в измене и других своих противников. Этим людей, говорил Иван IV, он ежедневно сам должен видеть в числе тех, кто причастен к правлению. Заговорщики, утверждал царь, «стремятся лишить его жизни, уничтожив его и его близких, подобно тому, как это случилось с благочестивой, почившей в бозе царицей, происходившей из рода Романовых, и если бы Бог не воспротивился этому и не открыл их козни, то то же случилось бы с ним и его сыновьями»; «вследствие этих и им подобных причин он, царь, принужден принять меры, чтобы предупредить надвигающееся несчастье»²⁵.

Всего за год до опричнины иностранцы наблюдали, как монарх разъезжал по столичным улицам без всякой охраны, в сопровождении одного лишь служителя, бывшего в небольшой барабан²⁶. Однако после того, как пролилась боярская кровь, положение переменилось. В дни работы над старыми летописями царь не скрывал страха за свою жизнь и жизнь близких ему людей. Под влиянием страха он впервые пришел к мысли о бегстве за рубеж.

По традиции глава государства не мог казнить «великих бояр» без специального расследования думы и без боярского суда. При нормальном ходе дел царю едва ли удалось бы избежать сопротивления думы. Но в решающий момент она оказалась разьединена, и никто из ее руководителей не осмелился перечить самодержцу. Выслушав царские речи, представители думы и духовенство не только приняли все его условия, но и как могли

благодарили государя. Фактически они выдали царю на расправу всех его «непослушников».

По мнению С. О. Шмидта, с декабря 1564 г. и до февраля 1565 г. в Москве с перерывами заседал Земский собор, санкционировавший учреждение опричнины. Такое предположение не имеет опоры в источниках.

Московский летописец, упомянув об оставлении в Слободе бояр и духовенства, затем подробно излагает указ об опричнине. Изложение завершается краткой ремаркой: «Архиепископы (в действительности один Никандр. — Р. С.)... и весь священный собор, да и бояре и приказные люди то все положити на государьской воле». Вся роль чинов, задержанных в Слободе, свелась к изъявлению верпоподданнического согласия на любые меры царя.

По возвращении в Москву, повествуют Таубе и Крузе, Иван IV вызвал к себе оба сословия — дворянство и духовенство — и вновь обратился к чинам с речью. По случаю введения опричнины, он будто бы сделал думе многословные наставления. Прежде всего, Иван указал высшим боярам на все то, что при благоприятных обстоятельствах и времени могло бы способствовать расширению и процветанию государства. Далее он велел боярам следить за тем, чтобы в случае его кончины не возникло спора и раскола между его сыновьями. Боярская дума не приняла отречения царя, и потому необходимость в передаче царства наследникам отпала. Но проект, изложенный в духовном завещании Грозного, все же получил частичное осуществление. В дворовой ведомости 1573 г. имеется помета насчет того, что «дворовые люди, которые были у царевичев, а государево жалованье

имали из Большого приходу». Большой приход был одним из главных земских ведомств, что дает основание предположить, что царевичи, будучи несовершеннолетними, возможно, были оставлены отцом в земщине.

Учреждая опричнину, царь старался убедить всех в том, что заботится о водворении в стране порядка, мира и единства. В своей речи к думе Иван в особенности настаивал на необходимости покончить со злоупотреблениями властей и прочими несправедливостями. В этом «тезисе» заключался, как это ни парадоксально, один из главных аргументов в пользу опричнины.

Незадолго до введения опричнины боярская оппозиция устами Курбского обвинила «державного» царя и его «волостелей» в таких бедах, как произвол и беззакония в судах. Речь Грозного явилась непосредственным ответом на обвинения Курбского. Подобно Адашеву, Иван IV не одобрял злоупотреблений своих приказных и бояр, но его попытки искоренить лихоимство и показная строгость не давали результатов. Итальянец Барберини передает, что царь нередко приказывал сечь уличенных во взятках чиновников и правителей и даже знатнейших из своих бояр, поэтому среди чиновников не было почти ни одного, которого бы ни разу не высекли²⁷.

Отнюдь не расположенные к царю И. Таубе и Э. Крузе свидетельствуют, что Иван, веря думе земщину, просил бояр позаботиться об искоренении несправедливостей и преступлений и водворении в стране порядка. В совершенно тех же выражениях рассказывает об этом Г. Штаден: царь «хотел искоренить неправду правителей и приказных страны» и «устроить так, чтобы новые прави-

тели, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов»²⁸. Какие бы внушения чинам ни делал самодержец, его декларации очень мало напоминали совещание с представителями сословий, конституировавшимися в Земский собор. В Описи царского архива документ о введении опричнины описан следующим образом: «Ящик 191. А в нем указ, как государь приехал из Слободы, об опричнине»²⁹. Очевидно, закон об опричнине имел форму именно царского указа.

По мнению А. А. Зимина, царь вернулся в Москву в день Сретенья, т. е. 2 февраля, когда и был обнародован указ об опричнине³⁰. Эта датировка всецело опирается на записки И. Таубе и Э. Крузе. Однако хронология — наиболее уязвимая часть их сочинения. Немцы неверно назвали не только день, но и год отъезда Царя в Слободу. Наиболее достоверна хронология официальной московской летописи, согласно которой царь впервые вернулся из Слободы в Москву 15 февраля 1565 г. Тогда же он объявил о введении опричнины.

Текст указа об опричнине не сохранился, однако его содержание подробно передано летописью. Летописное изложение пестрит выражениями: царь «приговорил», «приказал», «повелел», «а учинити ему» и т. д. Царский указ предусматривал образование в государстве «опришнины», организованной по типу удельного княжества и находившейся в личном владении монарха. Опричнина получила свою территорию, финансы и войско.

В состав опричных владений царя вошли земли трех категорий. Во-первых, крупные дворцовые и великокняжеские оброчные волости, распо-

ложенные по большей части недалеко от столицы. Во-вторых, обширные территории Поморья и Севера. И в-третьих, несколько небольших центральных уездов с развитым служилым землевладением.

В опричнине оказались старинные великокняжеские волости, которые должны были снабжать опричный двор всеми необходимыми продуктами.

Северные территории России были поделены между опричниной и земщиной. Самые пустынные и, кстати, самые обширные районы: Печорский край с Пустоозером, Вятская земля, Пермь — остались за земщиной. Опричнине отошли уезды с богатыми торговыми городами: Холмогоры, Вологда, Устюг Великий и пр.

Опричное правительство забрало в опричнину важные центры соляной промышленности страны, включая Каргополь, Соль-Тотемскую, Соль-Вычегодскую, Солигалич, Соль-на-Балахне (Балахну) и Старую Руссу. Среди всех перечисленных городов первое место, бесспорно, занимала Старая Русса. Главным богатством города были соляные варницы — много сотен варниц, на которых ежегодно добывали сотни тысяч пудов соли. Обычно опричные уезды имели конфигурацию сплошных массивов. В отношении Руссы допущено было исключение: она располагалась посередине новгородских пятин, наподобие небольшого островка. В руках опричного правительства соляная монополия стала важнейшим средством финансовой эксплуатации населения страны, как опричного, так и земского. Напомним, что в XVI в. торговля солью была делом более прибыльным, нежели даже виноторговля. Основным потребителем вина было городское население, численность которого в XVI в. была

ничтожно мала, а денежные средства ограничены. Потребителем же соли выступало и посадское, и значительно более многочисленное сельское население страны.

В соответствии с древней традицией, после образования опричного «удела» царь получил свою долю, «жеребей» на Москве. Незадолго до учреждения опричнины в Кремле случился пожар, сгорели двор Старицкого, царские конюшни и задние хоромы митрополичьего двора. Вскоре же царь велел «чистить» пожарище под новый опричный дворец. Пожар дал опричным властям удобный предлог, чтобы потеснить земщину. Кроме двора удельного князя Старицкого, под новую опричную землю предполагалось взять все митрополичье подворье, царицыны хоромы и многочисленные дворцовые службы до Курятных ворот. Но не прошло и года, как государь отказался от своего намерения и решил выехать за пределы «города» (Кремля) на Арбат. По указу об опричнине, к ее владениям были отмежованы Чертольская улица, начинавшаяся у Кремля и доходившая до всполья, Арбат до Дорогомиловского всполья и Новодевичьего монастыря, а также три столичных слободы³¹. Из опричных кварталов Москвы были выселены все бояре, дворяне и приказные люди, не принятые в опричину. На их место водворились опричные служилые люди, бояре, дьяки и т. д. Тяглая посадская община (гости, купцы, мелкие торговцы, ремесленники и пр.) почти вовсе не была затронута опричным переселением.

В опричину попало около десятка уездов с развитым служилым землевладением. Только три из них можно отнести к числу уездов средней величины (Вязьма, Можайск, Суздаль). Прочие были

мелкими уездами (Галич, Малый Ярославец, Медынь, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин). Названные уезды должны были дать основные контингенты для опричного дворянского войска.

Ни одна крупная пограничная крепость в опричину не вошла. Вязьма и Можайск были прикрыты с запада Смоленском. Опричные города юго-западной окраины (Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин) располагались на верхней Оке под защитой находившихся южнее земских крепостей.

Одним из первых мероприятий опричных властей явилось формирование опричного дворянского и стрелецкого войска. «А учинити государю у себя в опришнине, — значилось в царском указе, — князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов»³². После утверждения указа об опричнине правительство вызвало в Москву дворян трех опричных уездов — Суздальского, Можайского и Вяземского — и произвело генеральный смотр. Им руководила специальная опричная комиссия в составе первого боярина А. Д. Басманова, князя А. Вяземского и П. Зайцева. Во время смотра четверо «старших» дворян из каждого уезда должны были после особого допроса и под присягой показать перед комиссией происхождение рода уездных служилых людей, рода их жен, указать также, с какими князьями и боярами они вели дружбу³³. В опричину царь велел зачислить лишь тех, против кого у него не было подозрения и кто не был дружен с князьями и боярами. Такие стали его людьми, «опричниной»³³.

О принципах отбора служилых людей в опричину одинаково рассказывают столь различные авторы, как царь Иван, Курбский, Штаден, Таубе и Крузе. Курбский повествует, что царь,

учредив опричнину, собрал вокруг себя «человеков скверных», вместо «нарочитых», т. е. знатных людей. Штаден называл служилых опричников «новодельными господами, которые должны бы быть холопами тем прежним». Таубе и Крузе презрительно писали о них же, как о «нищих и косолапых мужиках»³⁴. Насквозь проникнутый аристократическими предрассудками, сам царь Иван горько сетовал на то, что вынужден из-за боярской измены приближать к себе в опричнине худородных дворян-страдников. «...По грехом моим учинилось, — писал он опричному думному дворянину В. Грязному, — и нам того как утаити, что отца нашего князи и бояре нам учили изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды»³⁵.

По замыслам опричного правительства привилегированное дворянское войско должно было стать надежным орудием в борьбе с непокорной знатью. Ввиду этого при наборе опричной тысячи предпочтение оказывалось худородному провинциальному дворянству.

Согласно указу об опричнине, царь принял к себе на службу 1000 дворян, «и поместья им подавал в тех городех с одново, которые города поимал в опришнину». Задача испомещения опричных людей разрешалась двойным способом: Местные дворяне (а они составляли основную массу) сохраняли свои старинные поместья в данном уезде и получали «додачу», т. е. дополнительное земельное обеспечение. Как свидетельствуют И. Таубе и Э. Крузе, принятым в опричнину дворянам полагалось от 50 — 60 до 100 четвертей (гуфов) земли³⁶. По-видимому, опричники были подразделены на несколько статей. Опричник Г. Штаден пишет, что был причислен к слу-

жилым людям «четвертой степени». Позже, благодаря покровительству Басмановых, он был уравнен с начальными опричными людьми, князьями и боярами³⁷.

Вопрос о землевладении опричных служилых людей решался, по-видимому, в строгом соответствии со старинными удельными традициями. Теми же традициями руководствовался царь Иван при подборе дворян в «удел» в период кратковременного «правления» Симеона Бекбулатовича в 1575 — 1576 гг. Дворяне, принятые в опричнину или в «удел», имели право беспрепятственно вывезти имущество из покидаемых поместий в новые поместья на территории опричнины или «удела», но они сохраняли за собой все старые вотчины, где бы они ни были³⁸. «Удельная» привилегия не распространялась на земских людей, терявших вотчины в опричных уездах.

Благодаря дополнительному земельному обеспечению, в опричнине была установлена своя особая градация поместных окладов дворян, значительно более высокая, чем в земщине.

Чтобы дополнительно обеспечить опричников, нужны были десятки тысяч четвертей земли. Необходимые земли были конфискованы у землевладельцев опричных уездов. Царский указ об опричнине категорически предписывал «вывести» из опричных уездов вотчинников и помещиков, «которым не быти в опришнине», предоставить им земли «в то место в иных городех, понеже опришнину (царь. — Р. С.) повеле учинити себе особно».

Царский указ не остался на бумаге. В самых авторитетных документах можно встретить указание на отчуждение земель в опричнине. Так, в наказе писцам начала XVII в значилось: «Которые

будут вотчины у вотчинников иманы в опричнину, а вотчинники высланы в земское, и раздаваны те их вотчины в поместья опричинцам».

По словам очевидцев, опричные писцы отписывали в казну в первую очередь земли, выбывшие из службы. Как писал Г. Штаден, царь перебирал уезды один за другим и отписывал имения у тех, кто по смотренным спискам не служил со своих вотчин его предкам на войне; эти имения раздавались опричным,

С. Ф. Платонов преувеличил значение конфискаций в опричных уездах, будто бы подорвавших княжеско-боярское землевладение. Оспаривая аргументацию Платонова, С. Б. Веселовский указал на незначительный удельный вес вотчинного землевладения в уездах, зачисленных в опричнину в 1565 г. «В Можайском и Суздальском уездах, — писал он, — было некоторое количество вотчинных земель, а во всех остальных уездах вотчин было мало или они совсем отсутствовали». Если это справедливо, то земельный пересмотр в опричных уездах в 1565 г. свелся, главным образом, к перераспределению поместного фонда земель. Судя по спискам дворовых, аристократическая прослойка среди землевладельцев Суздаля, Можайска и Вязьмы, в самом деле, была невелика. Главной целью земельного пересмотра во всех названных уездах было образование свободного земельного фонда для помещения опричной тысячи.

Вопрос о масштабах выселения земских дворян из опричных уездов вызвал разногласия в литературе. По мнению С. Б. Веселовского, с опричных территорий было выселено несколько тысяч людей, в результате чего было разорено не-

сколько десятков тысяч средних и мелких землевладельцев³⁹. Проанализировав летописные сведения в сопоставлении с данными Разрядных росписей, мы пришли к заключению, что выселения дворян носили массовый характер, хотя их масштабы были более скромными, чем представлялось С. Б. Веселовскому⁴⁰.

Официальная московская летопись сообщает, что после учреждения опричнины Иван IV организовал опричное войско в 1000 голов детей боярских, испомещенных «заодин» в опричных уездах. Летописная цифра находит подтверждение в цифровых данных Разрядного приказа. Ниже приводятся данные о численности уездных полковых дворян в пределах опричной территории на 1563 г. (в скобках указаны данные по тем же уездам на 1572 г.):

- по Суздалью — 636 (210);
- по Можайску — 486 (127);
- по Вязьме — 314 (180);
- по Козельску — 290 (130);
- по Галичу — 250 (150);
- по Медыни — 218 (95);
- по Малому Ярославцу — 148 (75);
- по Белеву — 50 (данные отсутствуют)⁴¹.

Накануне опричнины семь уездов выставляли в поле 2392 детей боярских, в 1572 г. — в тех же самых уездах, ставших опричными, комплектовалось опричное войско в 1000 голов. В Разрядах приведены неполные данные (967 детей боярских), что объясняется отсутствием сведений по Белеву.

В 1563 и 1572 гг. имели место крупнейшие за всю историю XVI в. мобилизации военных сил. Численность полевых армий в крупнейших кампаниях составляла: 18105 детей боярских в 1563 г.,

11974 сына боярских в 1572 г. Возникает вопрос, почему число дворян полковой службы уменьшилось после учреждения опричнины более чем вдвое, а по Суздалю — втрое, тогда как в масштабах всей страны численность дворянского ополчения сократилась всего лишь в полтора раза? Известно, что не опричные, а земские уезды подвергались погромам со стороны опричного войска. Ответ однозначен: причиной сокращения числа служилых людей в опричных уездах был массовый вывод местных помещиков.

Количественные данные Разрядов могут быть проверены с помощью наблюдений за именными списками землевладельцев опричных уездов, реконструированными на основании писцовых книг и дворовых списков. А. П. Павлов провел ретроспективное изучение писцовой книги Вяземского уезда 1594 — 1595 гг. и составил список вяземских землевладельцев предопричного периода, включавший примерно 200 фамилий. К концу столетия в уезде осталось около четверти старых фамилий и появилось 170 новых. Сопоставив эти данные с опрично-земскими разрядами и дворовыми списками, А. П. Павлов установил, что среди старых землевладельцев, сохранивших вяземские поместья, и новых вяземских землевладельцев преобладали опричные фамилии, тогда как среди выживших из уезда дворян преобладали земцы. Наблюдения А. П. Павлова подтверждают вывод о том, что опричные выселения носили массовый характер. «Земские дворяне высылались из опричных уездов едва ли не поголовно», что значительно ослабляло традиционные связи членов Государева двора со своими уездами⁴².

Н. К. Фомин исследовал состав землевладельцев Суздальского уезда, предприняв ретроспективное изучение суздальских писцовых книг 20-х гг. XVII в. и другой документации. Как он установил, примерно 20% семей опричников, владевших землей в Суздальском уезде, принадлежали к местным коренным родам, тогда как на долю «иногородних» приходилось до 80% опричников⁴³. Отсюда следует, что из Суздальского уезда было выселено не две трети, а гораздо большая доля прежних местных суздальских землевладельцев.

Массовые выселения из опричного Суздальского уезда можно объяснить следующим образом. Во-первых, местных землевладельцев, принятых в опричину, надо было обеспечить дополнительными поместьями в связи с установлением в опричнине высоких поместных окладов. Во-вторых, предстояло обеспечить полными окладами «иногородних» дворян-опричников, переведенных сюда из других уездов. В-третьих, царь преследовал цели политического характера. Потомки местной княжеской династии князя Шуйские-Суздальские были сильны не только своими богатствами, но и тем, что они поддерживали давние и многообразные связи со многими местными дворянскими родами, некогда бывшими их вассалами. Именно эти связи и пытался порвать Грозный, высылая сотни местных дворян из Суздаля. При учреждении опричнины Иван IV объявил, что главным государственным преступником является князь А. Б. Горбатый-Суздальский. При наборе на опричную службу предпочтение отдавалось тем, кто не был дружен со знатными родами. В Суздале таким знатным родом, дружба с которым без-

условно осуждалась, был род «изменника» Горбатого. По этой причине опричные власти выселили из Суздаля больше дворян, чем из других уездов.

Опричный корпус сохранял традиционную структуру. Основную массу его составляли городские дети боярские, служившие с уездом; верхушка входила в опричный Государев двор. По прихоти Грозного его «особный двор» принял вид своего рода монашеского ордена или братства. Его члены по временам надевали монашеские куколи и предавались посту и молитвам.

Опричные начальные люди Таубе и Крузе отметили, что орден насчитывал 300 человек⁴⁴. Датский посол Я. Ульфельд, будучи в Москве, разузнал, что царь избрал себе 300 опричников, дав им власть над жизнью и смертью людей⁴⁵. Очевидно, и опричники, и посол имели в виду дворовых опричников — «двор», составлявший непосредственное окружение царя. Опричный двор достиг численности в 300 человек ко времени расцвета опричнины, когда ее территория значительно расширилась. К моменту учреждения «государевой светлости» опричный двор не превышал 100 — 200 человек.

Указ об организации опричной тысячи имел некоторые общие черты с приговором 1550 г. об испомещении «тысячи лучших слуг» под Москвой (одинаковый численный состав, испомещение дворян статьями и т. д.) Однако по существу опричная тысяча была организована на совершенно иных началах. «Тысяча лучших слуг» должна была набираться по всем уездам и включала верхушку уездных дворян. Опричная тысяча комплектовалась из дворян нескольких уездов и включала в себя массу рядовых служилых людей этих уездов.

Все «лучшие слуги» принадлежали к составу Государева двора. В избранную опричную тысячу входили не только и не столько дворовые, сколько городские дети боярские, мелкие провинциальные служилые люди. Возможно, в связи с этим «лучшие слуги» получали в III статье 100 четвертей земли, а опричники низшей статьи — всего лишь 50 — 60.

Дворянский идеолог И. Пересветов еще в 50-х гг. ратовал за организацию постоянной личной гвардии царя, предлагал жаловать дворян не по «породе», а по воинским заслугам. В известном смысле, опричная реформа шла навстречу подобным требованиям дворянства. Опричная тысяча была создана как личная гвардия царя. Служба в опричнине открывала широкие перспективы перед худородным дворянством. Однако результаты опричной земельной реформы нарушили интересы широкого слоя земских дворян.

Сведения о наборе в опричнину худородных детей боярских — «косопалых мужиков» — способствовали возникновению исторического мифа о борьбе дворянства с боярством. В действительности, опричнина не делила дворянское сословие на знатное и низшее дворянство. Подавляющая часть мелких помещиков оставалась в земщине и терпела злоупотребления опричников наряду с прочими земскими людьми.

Опричнина была наделена функциями охранного корпуса. При зачислении в государев удел каждый опричник клятвенно обещал разоблачать опасные замыслы, грозившие царю, и не молчать обо всем дурном, что он узнает. Опричникам запрещалось общаться с земщиной. Удельные вассалы царя носили черную одежду, шитую из гру-

бых тканей. Символами службы в опричнине были, по утверждению Таубе и Крузе, собачья голова и метла, привязанная к седлу: подобно псам, опричники должны были грызть царских врагов, а метлой выметать измену из страны⁴⁶. Насколько достоверно известие о песьих головах как главном символе опричников? Со слов очевидцев, автор немецкой брошюры 1572 г. так описал въезд Грозного в Москву после возвращения из повгородского похода. Впереди ехал дворянин на лошади, а на груди была свежотрубленная голова большой английской собаки. Иван IV также ехал на лошади, у которой на груди была большая серебряная песья голова, и она была устроена так, что при каждом шаге лошади пасть пса, открываясь, громко лязгала зубами⁴⁷. При разгроме вотчин Федорова и нападениях на дворы посадских людей в Новгороде опричники первым делом убивали сторожевых собак на дворах. В этих случаях недостатка в отрубленных головах не было, но в другое время опричники не могли еженедельно рубить тысячи собак, чтобы украшать себя символами собачьей преданности монарху. Наиболее точное описание опричной символики можно найти в записках служилого немца-опричника Г. Штадена и в русских летописях. По словам Штадена, опричники носили «у колчана, куда прятались стрелы, что-то вроде кисти или метлы, привязанной к палке». Один русский современник записал в летописи: «...ходиша и ездиса в черном... все люди опришницы, а в саадцах (колчанах. — Р. С.) помяла»⁴⁸. Вводя опричнину, Грозный обещал навести в стране порядок и утвердить «правду». Символом его обещаний и стало помело.

Помимо дворян функции личной охраны царя

были возложены также на «приказ» опричных стрельцов численностью в 500 человек. На них распространялись привилегии опричнины. По словам Г. Штадена, царь щедро пожаловал стрельцов денежным жалованьем и одеждой.

Управление опричниной осуществляло правительство в лице опричной Боярской думы. Поначалу в нее входили бояре, окольниковые, дворецкий и казначей, назначенные «особно» в соответствии с указом об опричнине.

Согласно традиционному взгляду, опричное правительство было менее аристократическим по своему составу, чем земское. А. А. Зимин отверг это мнение на том основании, что «среди восьми опричных бояр к концу 1572 г. только двое не носили княжеского титула»⁴⁹. Однако А. А. Зимин не учел того, что опричнина неоднократно меняла свою направленность и в разные периоды состав ее думы был различным. В. Б. Кобрин посвятил специальное исследование составу опричного «двора», особое внимание уделив думным чинам опричнины. Но он придал алфавитный порядок составленному опричному списку и не заметил главного — метаморфозы опричного двора. По мнению В. Б. Кобрина, одним из главных инициаторов опричнины стал боярин В. М. Юрьев-Захарьин, и именно вокруг Захарьиных сгруппировался руководящий кружок опричнины, включавший Басмановых, Яковлевых-Захарьиных, Сицких, Черкасских⁵⁰. Источники не подтверждают этот вывод. Незадолго до опричнины старший из Захарьиных Д. Р. Юрьев умер, а чин дворецкого перешел к его брату Н. Р. Юрьеву. В отреченной грамоте царь специально выделил дворецкого среди лиц, которым объявлялась опала. Благодаря первому

браку Н. Р. Юрьев породнился с семьей Головиных, вторым браком он был женат на дочери Горбатого. И Головины, и Горбатые подверглись опале в самом начале опричнины. Автор Пискаревского летописца утверждал, будто опричнина была учреждена «по злых людей совету: Василия Михайловича Юрьева да Олексея Басманова»⁵¹. А. Д. Басманов действительно был инициатором опричнины. Относительно В. М. Юрьева известие позднего летописца кажется сомнительным. В опричной документации его имя не фигурирует. Юрьева пригласили на Земский собор, на котором ни один из членов опричной думы не присутствовал.

Захарьины все больше утрачивали доверие царя, свидетельством чему была опала на боярина И. П. Яковлева — одного из руководителей правительства в предопричный период. После введения опричнины он был арестован и содержался под стражей до 28 марта 1565 г., когда был освобожден на поруки.

Родной брат опального В. П. Яковлев-Захарьин служил дворецким у наследника, дворовый штат которого числился по земскому ведомству. Фактически царевич Иван находился при отце в опричнине, что определяло и положение его бояр. Тем не менее В. П. Яковлев никогда не был ключевой фигурой царской опричной думы.

Смерть Анастасии Романовой и вступление царя во второй брак сказались на положении Захарьиных при дворе. Не Захарьины, а Черкасские заняли почетное место в опричной думе. Брат царицы Марии Салтанкул Черкасский был привезен на Русь мальчиком за шесть-семь лет до опричнины. Здесь он перешел в православную веру и крестился под именем Михаил. По слухам, царица

Мария будто бы первой подала Грозному мысль об учреждении привилегированной стражи, опричных стрельцов. Но это известие весьма сомнительно. Едва вышедшая из детского возраста, Кученей Черкасская не имела особого влияния на Грозного. Царица знала московские порядки и язык еще хуже, нежели ее брат.

Иван IV пожаловал Михаилу Черкасскому в удел городок Гороховец с уездом. В пределах своего «княжества» Черкасский распоряжался как полновластный владетель. Его люди собирали налоги с подданных, пошлины с проезжих. Старцы соседнего монастыря, жалуясь на самоуправство княжих слуг, говорили, что Черкасский был «тогда (в годы опричнины. — Р. С.) человек великой и временной, управы было на него добиться не мочно»⁵². Формально князь Михаил Черкасский возглавлял опричную думу в полном соответствии с московскими традициями. В ливонском походе 1567 г. он числился главным дворовым воеводой, т.е. вторым после царя лицом в опричной армии. Сын мелкого горского владетеля, Черкасский не располагал прочными связями в среде российской титулованной аристократии. Ко времени опричнины он был сравнительно молодым человеком и не оказывал решающего влияния на дела опричного управления.

При учреждении опричнины в ее думе почти не было титулованной знати, а ее члены по знатности далеко уступали членам земской Боярской думы. Земскую думу возглавляли Бельский, Мстиславский, Щенятев, Захарьины, Федоров. Опричной думой руководили Басмановы-Плещеевы, которые не могли тягаться ни с одной из названных фамилий. Опричные разряды сообщают сведения

о пожаловании думных чинов в «государевой светлости», а эти сведения, в свою очередь, позволяют точно определить состав группировок, игравших руководящую роль в опричнине.

Боярин А. Д. Басманов был самым выдающимся из вождей опричнины. В первые же годы существования опричных порядков он добился пожалования думных чинов двум своим ближайшим родственникам З. И. Очину-Плещееву и Ф. А. Басманову.

Сын Басманова Федор, несмотря на молодость, быстро достиг в опричнине высших чинов. Он породнился с царской семьей, благодаря браку с племянницей царицы Анастасии княгиней В. В. Сицкой. Вскоре после учреждения опричнины царь пожаловал своему новому фавориту думный чин кравчего. Интересно, что до Басманова этот титул носили обычно выходцы из наиболее знатных удельных и княжеских фамилий.

Многочисленный род Плещеевых первенствовал в опричном правительстве и армии в первые годы существования опричнины.

Вслед за Плещеевыми в опричнину потянулись Колычевы, Морозовы, Чеботовы, Бутурлины и Воронцовы.

Титулованная знать занимала в опричной думе значительно более скромное положение, чем старомосковская знать. Князья Ростовские в числе первых удостоились чести служить в опричнине. Но царь принял одного из них, князя В. И. Темкина, в опричную думу не при учреждении опричнины, а после знаменитых амнистий 1566 г.

Опричная дума отличалась от земской не только тем, что знать не имела в ней широкого пред-

ставительства, но и той ролью, которую играли в управлении опричниной думные дворяне.

Влиятельным членом опричной думы был, бесспорно, князь А. И. Вяземский. В 1566 г. он носил титулы окольного, оружничего и наместника опричной Вологды. Царь Иван неограниченно доверял своему любимцу. Из всех членов опричной думы князь А. Вяземский один участвовал в секретных переговорах относительно предоставления царской семье убежища в Англии.

Видное положение в опричной думе занимали дворяне Наумовы, происходившие из провинциального дворянства. В. Ф. Наумов руководил в начале опричнины Постельным приказом и, как постельничий, возглавлял личную канцелярию царя.

В первые годы опричнины начали свою карьеру дворяне В. Г. Грязной и его троюродный брат В. Ф. Ошанин, М. Л. Скуратов-Бельский, Р. В. Алферьев и М. А. Безнин. В опричную думу никто из них первоначально не входил.

В связи с организацией опричнины штаты дворцовых ведомств были разделены надвое, как и уездное дворянство. Параллельно земскому был образован опричный Дворец. Принятые в него лица прошли самую строгую проверку. Специальные опричные ведомства расследовали прошлое дворцовой прислуги, ее родственные связи и т.д. В царском архиве «анкеты» дворовых, входивших во Дворец, занимали отдельный ящик: «Ящик 200, в нем сыски родства ключников, и подключников, и сытников, и поваров, и хлебников, и помясов, и всяких дворовых людей»⁵³. Среди всех дворовых ведомств только Большой дворец получил четкую организацию с первых же дней существования

опричнины. Прочие отрасли дворцового управления не были дифференцированы. Вероятно, в силу своей малочисленности взятые в опричнину мастера (оружейники и пр.), конюхи, псары, истошники первоначально не были организованы в особые приказы — «дворцы». Однако такие дворцовые чины, как постельничий, ясельничий, вошли в опричнину с самого момента ее организации. Объясняется это двумя причинами. Во-первых, названные чины по должности были тесно связаны с обслуживанием царской семьи. Во-вторых, в опричнине эти чины становятся простым атрибутом думного дворянства, а следовательно, связь их с соответствующими дворцовыми приказами постепенно становится номинальной. К примеру, при учреждении опричнины произошло разделение штата Конюшенного приказа. Большая часть его осталась в ведении земского конюшего И. П. Федорова, меньшая перешла в опричнину с ясельничим П. В. Зайцевым. Функции этого последнего не ограничивались надзором за опричными конюхами. Зайцев руководил набором опричных войск, возглавлял опричный суд в Москве. Иначе говоря, он был думным дворянином. Подобным же образом атрибутом думного дворянства стали другие дворцовые чины: оружничий, постельничий и т. д.

Наряду с Дворцом в опричнине образуется ведомство казначеев и некоторые другие приказы, копировавшие параллельные земские учреждения. Организованная в опричнине лестница чинов включала «дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей».

Опричная казна пополнилась посредством прямого ограбления земщины. В связи с отречением от престола царь вывез в Слободу всю государ-

ственную казну, золотые и серебряные слитки, сосуды. По возвращении на государство он вернул часть сокровищ (серебряные «суда» и т. д.) земской казне, но одновременно наложил на земщину громадную контрибуцию. «За подъем же свой, — значилось в летописи, — приговорил царь и великий князь взяти из земского сто тысяч рублей»⁵⁴. Фактически вся тяжесть расходов, связанных с организацией опричнины, была взыскана на плечи земщины.

В ведении опричных казначеев находилась Четверть, или Четвертной приказ — один из главных финансовых органов опричнины. Четверть непосредственно осуществляла сбор «кормленных окупов» и других платежей в северных уездах опричнины.

Опричнина имела обширный поместный фонд и многочисленную армию. Поэтому ее приказные ведомства неизбежно должны были осуществлять функции, аналогичные функциям земского Поместного и Разрядного приказов, а иногда и Посольского приказа, поскольку опричное правительство не раз вело самостоятельные дипломатические переговоры с иностранными послами. Круг дел опричной администрации был весьма широк. Тем не менее опричнина не обладала столь разветвленным и сложным аппаратом, как земщина. Функции различных ее ведомств не были строго разграничены. Сплошь и рядом опричные дьяки по очереди исполняли самые разнообразные поручения.

Образовавшиеся в опричнине приказные ведомства были сколком земских приказов. К примеру, опричный Земский двор, учрежденный в опричной части Москвы, полностью копировал

Земский двор, оставшийся в земской половине столицы. Оба ведомства служили управой благочиния. Чиновники земских дворов преследовали кормчество, хватали пьяных и подвергали их штрафу или били на торгу батогами, следили за порядком на городских улицах. Начальниками Земского двора были кн. П. Долгорукий в земщине и Г. Грязной Меньшой — в опричнине.

При учреждении опричнины царь объявил о том, что передает все управление Московским царством земской Боярской думе, но при этом сделал ряд существенных оговорок. По указу об опричнине «государство... свое Московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские (царь. — Р. С.) приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских: князю Ивану Дмитриевичю Белскому, князю Ивану Федоровичю Мстиславскому и всем бояром... а ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходити ко государю и государь з бояры тем делом управу велит чинити»⁵⁵.

Передача правления думе носила фиктивный характер. Будучи главой опричного правительства, Грозный сохранял право решать вопросы войны и «великие земские дела» во всем Московском царстве. Фактически ни одно важное решение не могло быть принято в земщине без участия царя, опиравшегося на советы опричной думы.

В смысле политических форм опричнина была возвратом к отжившей удельной старине. В опричнине царь предстал перед своими подданными в древнем одеянии удельного владыки. Казалось бы, опричнина возродила в стране удельные порядки в самых широких масштабах. На самом же

деле новое учреждение в существе своем имело мало общего с удельной практикой и традициями.

Опричнина стала своеобразным государством в государстве или, точнее, государством над государством. В опричнине царь освободился от традиционной опеки со стороны Боярской думы и князей церкви. По сути, опричнина явилась первой попыткой утверждения в России самодержавной формы правления.

Примечания к главе 8. Учреждение опричнины

- ¹Кубский. Сочинения. С. 395—397.
²Шлихтинг. Новое известие. С. 16—17.
³Переписка. С. 8.
⁴Шлихтинг. Новое известие. С. 17.
⁵Сб. РИО. Т. 71. С. 322.
⁶Там же.
⁷Послание Таубе и Крузе. С. 31—32; Хофф. Тирания. — Л. 5 об.
⁸ПСРА. Т. 13. С. 391.
Любич-Романович В. Сказания иностранцев о России в XVI—XVII столетиях. СПб., 1843. С. 15.
⁹ПСРА. Т. 13. С. 392.
¹⁰Там же.
¹¹ДДГ. С. 427.
¹²Шлихтинг. Новое известие. С. 18.
¹³ДДГ. С. 442.
¹⁴Там же. С. 427, 432—433.
¹⁵Там же. С. 426.
¹⁶Переписка. С. 7.
¹⁷ДДГ. С. 426.
¹⁸ПСРА. Т. 13. С. 392.
¹⁹Там же.
²⁰Послание Таубе и Крузе. С. 32.
²¹ПСРА. т. 13. С. 393.
²²Послание Таубе и Крузе. С. 32.
²³Штаден. Записки. С. 86.
²⁴Хофф. Тирания. — Л. 5.

- ²⁶Любич-Романович В. Сказания иностранцев... С. 30.
- ²⁷Там же. С. 33.
- ²⁸Штаден. Записки. С. 110.
- ²⁹Государственный архив XVI столетия: Опыт реконструкции. Т.1., М., 1978. С. 82
- ³⁰Зимин. Опричники. С. 134.
- ³¹ПСРА. Т.13. С. 395.
- ³²Там же
- ³³Хофф. Тирания. — Л. 7.
- ³⁴Послание Таубе и Крузе. С. 35.
- ³⁵Послания Ивана Грозного. С. 193.
- ³⁶Хофф. Тирания. — Л.7.
- ³⁷Штаден. Записки. С. 124, 130, 134.
- ³⁸РИБ. Т. 22. С. 76 — 77.
- ³⁹Веселовский. Исследования. С. 30—31, 156—158, 175.
- ⁴⁰Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 262—276.
- ⁴¹Витебская старина. С. 118—120; Буганов. Документы. С. 174—177; Боярские списки. ч.2. С. 74—93.
- ⁴²Павлов А. П. Политика государства и мобилизация помещного и вотчинного землевладения. //Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Тезисы докл., Вып.2. — М., 1988. С. 223—229.
- ⁴³Фомин Н. К. Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда //Россия на путях централизации. М., 1982. С. 92—94.
- ⁴⁴Хофф. Тирания. — Л. 9 об.
- ⁴⁵Посольство Я. Ульфельда в Московии //Historia Ruthenicae Scriptorum Exteri saeculi XVI. Berolini; Petropoli. Vol.1. 1842. P.8.
- ⁴⁶Послание Таубе и Крузе. С. 35.
- ⁴⁷Каппелер. Последние годы опричнины. С. 19.
- ⁴⁸Штаден. Записки. С. 89; ПСРА. Т. 34. С. 190.
- ⁴⁹Зимин. Опричина. С. 366.
- ⁵⁰Кобрин В. Б. Социальный состав опричного двора. Автореферат канд. диссертации. М., 1961. С. 7—12.
- ⁵¹ПСРА. т.34. С. 190.
- ⁵²Назаров В. Д. Из истории аграрной политики царизма в XVI в. // Советские архивы. 1968. N 3. С. 109.
- ⁵³Описи царского архива. С. 39.
- ⁵⁴ПСРА. Т.13. С. 395..
- ⁵⁵Там же.

Глава 9 ГОНЕНИЯ НА АРИСТОКРАТИЮ

Главным условием своего возвращения на царство Грозный выставил неограниченное право распоряжаться жизнью и имуществом «изменников». Насилие и террор стали основным средством достижения политических целей монархии с первых дней опричнины. Ее учреждение сопровождалось вакханалией арестов и убийств. В них не сразу удается обнаружить какую-то единую политическую линию или цель. По мнению А. А. Зимина, задачей репрессий было «подорвать основную опору старицкого князя среди московской аристократии», ибо «казни и опалы первой половины 1565 г. направлены были в первую очередь против тех, кто еще в 1553 г. поддержал Владимира Старицкого...»¹. Факты не укладываются в предложенную схему. Среди сторонников Старицкого высшие посты в Боярской думе занимали князья П. М. Щенятев и Иван Пронский, избежавшие наказания при учреждении опричнины. Претензии князя Владимира на трон поддержали князья Куракины «родом». Четверо братьев Куракиных управляли крупнейшими крепостями государства — Новгородом, Смоленском, Псковом и Казанью. Двое старших Куракиных, Федор и Дмитрий, сохранили свои посты. Главный воевода Казани Иван был заточен в монастырь, а боярин Петр Куракин отослан из

пограничной крепости Смоленск в Казань. Еще один участник давнего заговора Старицких боярин князь Дмитрий Ерш Немого Оболенский, родня царя, был насильственно пострижен в монахи. В летописных приписках царь обличил боярина Петра Серебряного Оболенского. Но при учреждении опричнины аресту подвергся не он, а его брат Василий. После недолгого ареста Василия освободили на поруки. Жестоким гонениям подверглись дворяне Оболенские, не имевшие думного чина. Головы лишился брат ранее казненного боярина Юрия Кашина Иван, дворянин Дмитрий Щепин Шевырев Оболенский. Последнему уготована была мучительная казнь — его посадили на кол. Были убиты сыновья боярина Никита и Андрей Черные Оболенские и родственник боярина Курлятева Андрей Ногтев Оболенский.

Учреждение опричнины не привело к изгнанию из Боярской думы самых влиятельных приверженцев Владимира Старицкого. Что касается самого удельного князя, санкций против него носили умеренный характер. Царь отнял у брата его обширный двор в Кремле, но сохранил в неприкосновенности его удельное княжество.

В летописных приписках и письме Курбскому Иван IV подробно описывал «мятежи» и «самовольство» князей Шуйских-Суздальских. При учреждении опричнины он объявил, будто изменники желали возвести на царский трон одного из Суздальских князей. Обвинения подобного рода готовили почву для смертного приговора. Ко времени кризиса 1563 г. самыми выдающимися вождями думы были князь Петр Шуйский и Александр Горбатый. По-видимому, они заняли твердую позицию в конфликте с царем, что и предопреде-

лило ход конфликта. Репрессии были остановлены. Князь Петр Шуйский погиб в Литве в 1564 г., так что к началу опричнины старшее поколение суздальских Шуйских сошло со сцены, за исключением одного князя Александра Горбатого. Среди казненных опричниками он, бесспорно, был самой крупной политической фигурой.

В феврале, повествует официальная летопись, государь повелел казнить «за великие их изменные дела» боярина князя А. Б. Горбатого с семнадцатилетним сыном Петром и с тестем окольным П. П. Головиным². Отметим характерный момент: при описании давних боярских смут царь в числе сообщников Шуйских не раз называл Головиных.

Горбатые были похоронены в Троице-Сергиевом монастыре. Из надписи на могильных плитах следует, что оба они «преставились» 7 февраля. Опальные Горбатые доводились родней царской семье, а потому 12 февраля 1565 г. Иван IV прислал в Троицу 200 руб. на помин души князя Александра³.

Князь А. Б. Горбатый был одним из старших бояр думы и имел выдающиеся заслуги перед государством. Он по праву стяжал славу покорителя Казани. Роль царя в этой войне была не очень значительна, тем не менее заслугу покорения басурманского царства он приписывал всецело себе. К воинской славе Горбатого он питал, по-видимому, глубокую зависть. В дворянской среде выдающийся воевода пользовался симпатиями, тогда как популярность государя стремительно падала. Горбатого отличала не только доблесть, но и образованность. «Муж глубокого разума и искусный зело в военных вещах и к тому последователь тща-

ливой священных писании», — так отзывался о Горбатом Курбский.

Заслуженный воевода был одним из немногих бояр, которые обладали достаточным авторитетом и мужеством, чтобы противостоять царю и думе. Только так можно объяснить поспешность, с которой самодержец устранил самого опасного из своих противников. Горбатого обезглавили до того, как власти обнародовали и ввели в действие указ об опричнине. Царь явился в Москву через несколько дней после казней, терроризировавших столичные верхи и население. Теперь он мог не опасаться противодействия в думе.

Расправа с Горбатым отличалась крайней жестокостью. Боярина доставили к месту казни вместе с сыном. Будучи ободран палачом, Петр Горбатый первым положил голову на плаху. Однако отец не хотел видеть гибель сына и, отстранив юношу, сам лег под топор. Петр поцеловал отрубленную голову, после чего сам принял смерть⁵. Род Горбатов пресекся.

Принадлежа к знатнейшим суздальским родам, Горбатые владели крупными родовыми вотчинами на территории бывшего Нижегородско-Суздальского княжества. После казни эти земли перешли в казну. Иван IV завещал их младшему сыну Федору. «Да сыну ж моему Федору, — писал он, — даю в Суздале... волость Коряковская со всеми деревнями и с починки и с рыбными ловлями, да село Лопатниче, да Борисово, да полсела Гориц, да две трети села Тернеева, что были княжо Александровские Горбатого»⁶. Много лет спустя Шуйские вернули себе некоторые из перечисленных здесь вотчин. В 80-х гг. боярин И. П. Шуйский был

сослан Годуновым «в вотчину ево в село Лопатни» (Лопатниче. — Р. С.)⁷.

Суздальские князья были далеко не так многочисленны, как князья Ярославские, Ростовские и Стародубские. Но в Боярской думе они имели наибольшее представительство. При Адашеве пять Суздальских носили боярский чин и трое служили по княжеским спискам. К концу первого года опричнины ни одного члена этого рода в думе не осталось. Для России XVI в. данный случай был из ряда вон выходящим. Грозный не мог управлять государством без своей знати и потому не помышлял об истреблении одной из самых аристократических фамилий. Его политика определялась не только интересами обогащения казны, но в еще большей мере вопросом о власти, об утверждении самодержавных порядков. Казнь А. Б. Горбатого обезглавила суздальский княжеский дом, сделала его членов безгласными и послушными. Тем самым Грозный достиг основной политической цели. Опричное правительство употребило различные средства, чтобы ограничить влияние Шуйских. В этом плане следует рассматривать и зачисление в опричнину Суздаля с уездом. То была единственная опричная территория с развитым княжеско-вотчинным землевладением. Цель зачисления Суздаля в опричнину сводилась к тому, чтобы ослабить традиционные связи уездных землевладельцев с потомками княжеской династии. По свидетельству очевидцев, в опричнину не принимали тех, кто поддерживал дружбу со знатью. В итоге, из Суздаля было выселено почти столько же детей боярских, сколько из Можайска, Вязьмы и Галича.

Суздаль был «старшим» из городов и наибо-

лее крупным политическим центром, попавшим в опричнину. Созданная по типу удела опричнина могла с полным правом именоваться «суздальским уделом».

Наряду с Горбатым одной из первых жертв опричнины стал бывший боярин князь С. В. Лобанов-Ростовский. После суда 1554 г. он был брошен в тюрьму, а затем получил полное прощение и вернулся на службу. Накануне опричнины он служил воеводой в Нижнем Новгороде под начальством двоюродного брата наместника князя И. Ю. Хохолкова. По указу о перемене воевод 13 марта 1565 г. И. Ю. Хохолков был отослан на воеводство в Чебоксары, по-видимому, в качестве ссыльного. Князя С. В. Ростовского опричники арестовали, более 40 его слуг бросили в тюрьму. Вслед за тем они повезли опального в Москву, но в дороге убили, тело спустили под лед, а отрубленную голову отвезли в мешке царю. Иван погрозил пальцем мертвой голове и будто бы произнес: «О голова, голова, достаточно и с избытком пролила ты крови, пока была жива»⁸. Грозный казнил бы Ростовского еще в 1554 г., если бы не вмешательство митрополита Макария. В то время князя Семена судил боярский суд, признавший его виновным в государственной измене. Суд не придавал особого значения участию Ростовского в неудавшемся заговоре в пользу Старицких. Боярину вменили в вину попытку бегства в Литву, которой предшествовали изменнические переговоры с литовским послом, нанесшие ущерб государственным интересам России.

Для понимания целей и сущности опричнины важное значение имеет анализ земельных мер и земельной политики опричного правительства.

Впервые С. Ф. Платонов приписал опричнине «систематическую ломку», разгром крупного княжеско-вотчинного землевладения. Во всех своих построениях исследователь исходил из представления о массовом выселении вотчинников из опричных уездов, а также предположения, будто «в опричное управление были введены за немногими и незначительными исключениями все те места, в которых ранее существовали старые удельные княжества» и которые ко времени опричнины оставались центрами княжеско-вотчинного землевладения⁹. Проблема земельной политики опричнины была сведена С. Ф. Платоновым, в конечном счете, к изучению территориального состава опричнины.

Эта концепция встретила решительные возражения со стороны С. В. Веселовского. По мнению последнего, С. Ф. Платонов неточно и частично неверно определил опричную территорию, в связи с чем его концепция переполнена промахами и фактически неверными положениями¹⁰. С. Б. Веселовский первый указал на то, что в опричнину вошли по преимуществу уезды с развитым помещичьим землевладением, в которых никогда не было наследственных княжеских владений. Сюда относились уезды Можайский, Вяземский, Козельский, Лихвинский, Медынский, а также Костромской, Переяславский и пр. Вне опричнины остались, по его мнению, такие центры княжеского землевладения как Ростов, Ярославль, Стародуб, а также другие районы с наибольшим количеством старинных княжеских вотчин.

Взгляды С. Б. Веселовского поддержал А. А. Зимин. Опираясь на данные о территориальном составе опричнины, он пришел к заключению, что

опричная земельная политика не имела антикняжеской направленности, хотя и была нацелена против пережитков удельной раздробленности и удельно-княжеских традиций. Решительным сторонником точки зрения А. А. Зимина выступил В. Б. Кобрин¹¹.

При анализе земельной политики опричнины надо четко разграничить два вопроса: во-первых, вопрос о территории опричнины и, во-вторых, вопрос об отношении опричного правительства к крупному светскому землевладению. Территория опричнины, зачисление в государев удел тех или иных уездов определялись, в первую очередь, потребностями организации опричного войска. Поэтому в опричнине оказался целый ряд уездов с развитым поместным землевладением. Основным содержанием земельных мероприятий в опричных уездах явилось перераспределение фондов поместного и лишь отчасти вотчинного землевладения.

Для выяснения вопроса о земельной политике опричнины важно разобраться в специальных мерах опричного правительства по отношению к крупному феодальному землевладению. Исключительное значение в этом плане имеет вопрос о ссылке княжат и дворян в Казанский край после провозглашения опричнины.

Первая попытка анализа и оценки данных о казанской ссылке принадлежит С. Б. Веселовскому. Опираясь на опубликованную в отрывках писцовую книгу Казани, он составил список казанских ссыльных, насчитывающий 58 человек¹². С. Б. Веселовский утверждал, что ссыльные дворяне в подавляющем большинстве принадлежали к низшим слоям Государева двора, и на этом основании сделал вывод о том, что для царя учреж-

дение опричнины было разрывом не с одними княжатами и боярами, а со всем старым двором и дворянством вообще. Подобный вывод был тем более парадоксален, что среди названных С. Б. Веселовским ссыльных по крайней мере 26 лиц имели княжеский титул. Изыскания С. Б. Веселовского о казанской ссылке, сделанные в виде чернового наброска в 1945 г., увидели свет только в 1963 г. в связи с изданием его «Исследований по истории опричнины».

За три года до публикации названного труда нам удалось независимо от С. Б. Веселовского реконструировать указ Грозного о казанской ссылке и на основании хранящихся в архиве Казанских писцовых книг составить более полные списки (до 150 имен) дворян, сосланных в Казанский край при учреждении опричнины, а также доказать тот кардинальный факт, что ссылка опальных княжат сопровождалась массовой конфискацией княжеско-вотчинного землевладения. Нас интересовал вопрос о казанской ссылке с точки зрения поземельной политики, в первую очередь. В работе С. Б. Веселовского этот вопрос остался неисследованным. Главнейшие результаты наших изысканий изложены в статье «Опричная земельная реформа Грозного 1565 года», опубликованной в 1961 г. в «Исторических записках».

Официальная летопись очень кратко, со многими пропусками описывает кровавые оргии опричнины в Москве. Но она становится вовсе немногословной, когда речь заходит о казанской ссылке. После рассказа о казнях летописец замечает: «А дворяне и дети боярские, которые дошли до государские опалы, и на тех (царь. — Р. С.) опалу свою клал и животы их имал на себя, а иных

сослал в вотчину свою в Казань на житье, з женами и з детми» (курсив наш. — Р. С.)¹³.

Сообщение летописи о ссылке дворян в Казань дополняется рассказом опричников Таубе и Крузе. «... Представители знатных родов, — пишут И. Таубе и Э. Крузе, — были изгнаны безжалостным образом из старинных, унаследованных от праотцов имений, так что они не могли и не имели права взять с собой даже движимое имущество и вообще ничего из своих имений. Их судьбой поручено было заняться некоторым из местных бояр. Они были переведены на новые места, где им были указаны поместья. Их жены и дети были также изгнаны и должны были идти пешком к своим мужьям и отцам, питаясь в пути подаванием. Это тиранство он (царь. — Р. С.) облекал в такую видимость, будто эти несчастные тяжко перед ним провинились»¹⁴.

Ни летопись, ни записки Таубе и Крузе не дают ответа на вопрос, кто же был сослан опричниной в Казанский край. Некоторые данные на этот счет сообщают книги Разрядного приказа, в которых сказано: «Того же году (1565) послал государь в своей государеве опале князей Ярославских и Ростовских и иных многих князей и дворян и детей боярских в Казань на житье и в Свяжской город и в Чебоксарский город и жити в Казани городе» (курсив наш. — Р. С.)¹⁵.

В ряде других записей Разрядной книги за 1565 — 1566 (7073 — 7074) гг. мы находим имена некоторых казанских ссыльных. Например, в 1565 г. в Казань были сосланы полоцкие воеводы князь Д. Ю. Сицкий-Ярославский и И. П. Квашнин-Поляков: «И государь на князь Данила Сицкого да на Ивана Квашнина опалу свою положил да и послал

их в Казань на житье»¹⁶. Несколько десятилетий спустя, в 1603 г., известный воевода кн. Д. М. Пожарский-Стародубский в челобитной царю писал: «И в те, государь, поры (имеется в виду время Ивана Грозного. — Р. С.) дед мой князь Федор Иванович Пожарский сослан в Казань в вашей государской опале»¹⁷.

Для исследования вопроса о составе казанской ссылки наибольшее значение имеют писцовые книги Казани, составленные Н. В. Борисовым и Д. А. Кикиным в связи с указом Грозного о казанской ссылке. В течение 1565 — 1566 гг. писцы составили следующие описания: 1) «Книги Казанского уезда новых поместных дач письма и отделу окольного Микиты Васильевича Борисова да Дмитрия Андреева сына Кикина с товарищи лета 7075 в октябре, а писали и меряли тех поместных дач села и деревни лета 7073 и 74 году»; 2) «Книги межевые Казанского уезду новых поместных дач письма Микиты Васильевича Борисова». Писцы завершили составление писцовой книги Казанского уезда в октябре 1566 (7075) г. Раздачу же поместных земель («новых поместных дач») в уезде они производили в 7073 (ранее 1 сентября 1565 г.) и 7074 г. (1 сентября 1565 — 1 сентября 1566 г.). Наряду с книгами «новых поместных дач», т. е. описанием поместий казанских ссыльных («новых жильцов»), писцы составили «Книгу Казанского уезда поместных земель детей боярских казанских старых жильцов письма и меры Дмитрия Андреева сына Кикина»¹⁸.

Аналогичные книги те же самые писцы составили в пределах Свяжского уезда: «Список с книги писцовой и межевой Свяжского уезда письма Никиты Борисова с товарищи лета 7073, 7074 и

7075 годов»¹⁹. Описание в Свияжске продолжалось по крайней мере до осени 1566 (7075) г. Как и в Казани, в Свияжске писцы описали земли, «которые довелися в поместье роздати князем и детям боярским, которых государь велел оставити в Свияжском городе на житье». Писцовые книги Казанского и Свияжского уездов были составлены в одно и то же время, с одной и той же целью, одними и теми же писцами.

Одновременно с уездом был описан Казанский посад, ставший местом поселения ссыльных дворян. Сохранился «Список с писцовых книг окольного Микиты Васильевича Борисова да Дмитрия Андреева сына Кикина 74-го, 75-го и 76-го годов»²⁰. Писцы приступили к описанию посада ранее осени 1565 г., так как известно, что в октябре 1565 г. они полностью завершили описание казанского торгога: «Книги Казанского торгогу всего письма Никиты Васильевича Борисова да Дмитрия Андреева сына Кикина с товарищи, а писал Казанский торг при государе годовом таможеннике при Матвее Тараканове лета 7074-го октября в... день». В книгах казанского посада подробнейшим образом описаны «дворы князей и детей боярских, которым государь велел быть в Казани на житье, а давали им по государеву наказу в 73-м году казанские воеводы боярин князь Петр Андреевич Булгаков и все воеводы дворы белые оцеля, а иные дворы воеводы имали оцеля ж у посацких всяких людей, который двор воеводы у кого оцелив взяли и кому отдали и чем оцелен и кому за двор шли денги и то под теми дворы писано имянно»²¹.

Ввиду недостатка места для поселения ссыльных, Казанский острог был перестроен, а стены

его раздвинуты «для пространства посаду всяких людей, потому государь царь и великий князь прислал в свою отчину в Казань на житье князей и детей боярских многих людей, а велел воеводе в Казани давать тем людям дворы и места порозжие под дворы».

Писцовые книги и разрядная документация позволили составить полный список казанских ссыльных. В. Б. Кобрин высказал сомнение по поводу включения в списки знатных дворян Куракиных и пр., в руках которых была вся местная администрация²². Обратимся к Разрядным книгам — документации наиболее авторитетного характера. 1 мая 1566 г. государь пожаловал, «половину опальных дворян» из Казани взял, а «другую половину взял и пожаловал государь опосле». В первую половину входили дворяне попроще, во вторую — все поименно перечисленные местные воеводы, включая Куракиных, Троекурова и др. Разряды поясняют, что воеводам не разрешили вернуться в Москву (как разрешили опальным дворянам первой половины), а оставили годовать на воеводстве в Казани «и поместья у них не взяты казанские»²³. Писцовые материалы подтверждают данные Разрядов о том, что Куракины и другие воеводы были опальными дворянами и как таковые получили казанские поместья вместе с прочими ссыльными.

Факт ссылки опальных на восточную окраину и конфискации у них земель зафиксирован в писцовых книгах и Разрядных книгах периода опричнины, летописях, записках иностранцев. Все эти источники дают в распоряжение исследователя массовый материал, исключительный по своей достоверности. Ниже приводится список казанских ссыльнопоселенцев.

Списки лиц, сосланных в Казань, Свияжск и Чебоксары по указу Грозного в 1565 г.

Боярин князь П. А. Булгаков-Куракин с сыном, казанский воевода; князь Г. А. Булгаков-Куракин, казанский воевода.

Ярославские князья: Федор Иванович Троекуров, казанский воевода, Андрей Федорович Оленкин-Жеря, казанский воевода, дворовый, кн. Ярославский; Юрий Иванович Сицкий, дворовый, кн. Ярославский; Данила Юрьевич Меньшого Сицкий, дворовый, кн. Ярославский; Василий Андреевич Молоскова; Данила Васильевич Чулков Ушатый, казанский воевода, дворовый, кн. Ярославский; Иван Васильевич Чулков Ушатый; Семен Юрьевич Меньшой Ушатый, дворовый, кн. Ярославский; Иван Дмитриевич Большого Шестунов с товарищами, всего 9 человек; Дмитрий (Дмитриевич) Шестунов; Семен Александрович Щетинин, дворовый; Иван Григорьевич Щетинин с братьями, всего 7 человек, дворовый, кн. Ярославский; Семен Иванович Баташев-Засекин, дворовый, кн. Ярославский; Федор Иванович Засекин Сосунов, казанский воевода, дворовый, кн. Ярославский; Андрей Лобан Петрович Засекин-Солнцев, дворовый, кн. Ярославский; Дмитрий Васильевич Засекин-Солнцев, дворовый, кн. Ярославский; Василий Дмитриевич Жирового-Засекин, дворовый, кн. Ярославский; Иван Дмитриевич Жирового-Засекин; Василий Федорович Жирового-Засекин; Андрей Иванович Ноздронов-Засекин, кн. Ярославский, дворовый; Иван Иванович Черного Засекин, дворовый, кн. Ярославский; Лев Иванович Засекин, дворовый; Дмитрий Петрович Засекин, дворовый, кн. Ярославский; Иван Иванович Володимеров-Засекин; Иван Юрьевич Засекин; Михаил Федорович Засекин, дворовый, кн.

Ярославский; Семен Дмитриевич Засекин, дворовый, кн. Ярославский; Иван Засекин; Иван Глебов Засекин; Василий (Иванов) Морткин, дворовый; Лев Васильевич Морткин, дворовый; Иван (Федорович?) Морткин; Иван (Юрьевич?) Морткин.

Ростовские князья: Андрей Иванович Катырев, боярин, первый воевода Свияжска; Иван Юрьевич Хохолоков, первый воевода Чебоксар; Дмитрий Юрьевич Темкин, дворовый, кн. Ростовский; Михаил Григорьевич Темкин; Иван Григорьевич Темкин; Иван Васильевич Темкин; Никита Дмитриевич Янов, воевода Свияжска;

Федор Дмитриевич Янов; Иван Федорович Бахтеяров, воевода Чебоксар; Василий Федорович Бахтеяров, воевода Чебоксар; Михаил Федорович Бахтеяров, воевода Свияжска; Василий Васильевич Волк Приимков, дворовый, кн. Ростовский; Роман Андреевич Приимков, дворовый; Владимир Романович Приимков, дворовый; Михаил Андреевич Приимков, дворовый; Дмитрий Михайлович Приимков; Иван Семенович Лобанов; Федор Михайлович Лобанов; Андрей Матвеевич Бычков.

Стародубские князья: Андрей Иванович Стригин Ряполовский; Никита Михайлович Сорока Стародубский, воевода Свияжска; Андрей Иванович Кривоборский; Василий Иванович Кривоборский; Федор Иванович Кривоборский; Василий Меньшой Иванович Кривоборский; Иван Андреевич Ковров, кн. Стародубский; Петр Андреевич Ковров; Иван Семенович Ковров, дворовый, кн. Стародубский; Иван Борисович Ромодановский, дворовый, кн. Стародубский; Никита Иванович Ромодановский, дворовый; Афанасий Андреевич Нагаев-Ромодановский; Иван Васильевич Гундоров, дворовый; Андрей Иванович Гундоров, дворовый; Роман Ивано-

вич Гундоров; Федор Иванович Меньшого Пожарский, дворовый, кн. Старогубский; Семен Борисович Пожарский, воевода Свияжска, дворовый, кн. Старогубский; Михаил Борисович Пожарский, дворовый, кн. Старогубский; Петр (Васильевич?) Пожарский, кн. Старогубский; Иван Федорович Гагарин; Владимир Иванович Гагарин; Дмитрий Данилович Шемяка Гагарин с братьями и племенниками (всего 12 человек Гагариных), дворовый; Иван Семенович Гагарин.

Оболенские князья: Василий Борисович Тюфякин; Михаил Васильевич Тюфякин; Василий Васильевич Тюфякин.

Представители нетитулованных боярских фамилий: Андрей Иванович Шеин, дворовый, свияжский воевода; Михаил Юрьевич Шеин; Петр Васильевич Шестов (Морозов); Михаил Матвеевич Лыков, казанский воевода, окольный; Иван Михайлович Большого Головин, дворовый; Василий Никитич Борисов Бороздин, дворовый; Яков Иванович Усюм Данилов, дворовый; Федор Яковлевич Усюмов Данилов, дворовый; Иван Петрович Поярков-Квашнин, дворовый; Феофан Терентьев сын Заболоцкий, дворовый по Переяславу-Залесскому.

Дети боярские: Путиловы-Ольговы (18 человек), Туровы (2 человека), Тетерины (14 человек), Яков Кашкаров, Тырповы (4 человека) и др.

Приведенный список казанских ссыльных отличается высокой степенью достоверности. Однако можно определенно утверждать, что он не является полным и исчерпывающим. Во-первых, писцы Казанского края завершили описание спустя несколько месяцев после амнистии, распространенной на половину опальных. Во-вторых, Разряды со всей очевидностью указывают на то, что

для поселения опальных использовали не только Казань и Свияжск, но и Чебоксары. Однако писцовые книги по Чебоксарам отсутствуют.

Помимо дворян, перечисленных выше, в ссылку попали их жены и дети. Учитывая многодетность тогдашних семей, можно заключить, что на поселение в Казань опричники отправили никак не меньше 600—700 человек. Установленные факты позволяют сделать вывод, что казанская ссылка явилась одной из крупнейших репрессивных мер XVI в. Опричнина при самом своем возникновении предстает перед нами как репрессивный по преимуществу режим.

Сибирь тогда еще не была завоевана русскими, и Грозный использовал Казанскую землю, которая являлась в то время самой дальней восточной окраиной государства. Казанское переселение стало первым в русской истории опытом политической ссылки, предтечей сибирской ссылки. Испомещение опальных обнаружило патриархальный ее характер. Решение об испомещении было принято, возможно, не сразу. Опричные власти ставили целью терроризировать страну. Одних изменников казнили, других увезли на поселение в восточные районы. Указ об опричнине не предусматривал надения опальных земель. В тексте указа нет и намека на подобную государеву милость. У царя Ивана был перед глазами образец его дед Иван III выселил из Новгорода местных бояр, немногие крамольники были казнены, а большинство бояр высланы за пределы Новгородской земли. Подобным же образом поступил самодержец Иван IV, но при этом он приказал наделять поместьями казанских ссыльнопоселенцев. Тем самым решено было сразу несколько задач. Во-

первых, так называемые изменники были сохранены для государевой службы. Во-вторых, земская казна была опустошена опричной контрибуцией, и испомещение избавило ее от расходов на содержание ссыльных. В-третьих, властям надо было успокоить оставшуюся в Москве братию опальных, возмущенную опричными беззакониями. Ссыльнопоселенцы были восстановлены в правах служилых людей, а самые знатные из них сразу вернулись к исполнению воеводских обязанностей. Нечто подобное случилось и с главными московскими боярами, которым царь сначала объявил опалу, а затем разрешил вернуться к делам управления. Однако в последнем случае обошлось без переселений.

Правительство рассчитывало с помощью переселения княжат и дворян на восточную окраину упрочить русское господство в Среднем и Нижнем Поволжье. Стремясь создать в Казанском крае авторитетную администрацию, царь распорядился назначить на воеводство в Казани, Свияжске и Чебоксарах самых видных лиц из числа опальных.

Ярославские князья, которые были самой многочисленной группой среди казанских ссыльных, постоянно назначались воеводами в Казани. В Свияжске, ставшем местом поселения множества Ростовских и Стародубских княжат, вся местная администрация была передана в их руки. Наконец, в Чебоксары на воеводство назначались исключительно Ростовские князья.

Наличные фонды казанских земель никак не соответствовали числу и прежним земельным окладам сосланных в Казань лиц, поэтому размеры поместных «дач» были крайне невелики.

Воевода князь Г. А. Булгаков-Куракин, поместный оклад которого равнялся 900 четвертям пашни, получил 125 четвертей пашни и 12 четвертей перелогу. Некоторые опальные испомещались целыми семьями. Например, общее поместье получили князь Дмитрий Шемяка-Гагарин с братьей и племянниками (всего 12 человек).

Не следует представлять себе дело так, что князья и дворяне, объявленные государевыми изменниками, получили «подрайскую казанскую землю» в дополнение к уже имевшимся у них вотчинам. Для понимания сути и значения казанской ссылки решающим является тот факт, что все эти лица были высланы в Казанский край в царской опале, что повлекло за собой конфискацию их земель и имущества. Как значилось в указе об опричнине, «челобитье же государь... принял на том, что ему своих изменников, которые... в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити, и животы их и статки имати...» Официальный отчет о первых опричных репрессиях прямо указывает на реализацию этого пункта указа в феврале 1565 г. «А дворяне и дети боярские, — значитя в летописи, — которые дошли до государские опалы, и на тех (царь. — Р. С.) опалу свою клал и животы их имал на себя»²⁴. Сведения о конфискации всего имущества ссыльных находим во многих источниках документального характера, а также в мемуарах иностранцев.

Фонд конфискованных ярославских княжеских вотчин был столь значителен, что царь счел необходимым упомянуть о нем в своем завещании, составленном и пополнявшемся в годы опричнины. Ярославские вотчины он предполагал передать младшему сыну царевичу Федору к его

уделу. «А которые есми вотчины поимал у князей Ярославских, — писал царь, — и те вотчины сыну моему Федору, а сын мой Федор в том волен, хочет те вотчины за собою держать, хочет он отдать». Последнее распоряжение, очевидно, относилось ко времени, когда казна стала возвращать вотчины их прежним владельцам.

Конфискация княжеских вотчин в Ярославле не носила всеобщего характера. Земель лишились лишь те князья, которым объявлена была царская опала. Прочие их сородичи сохранили родовые владения. В соответствии с этим, в завещании царь сделал сыну Федору следующее наставление: «А у которых князей Ярославских их вотчин не имал, и сын мой Федор тех вотчин не отнимает у них...»²⁵.

Конфискация вотчин у Ярославских князей вызвала яростный протест со стороны беглого боярина князя Курбского. По утверждению Курбского, царь погубил его родственников (князей Ушатых и т. д.), чтобы завладеть их земельными богатствами: «... Тех же княжат Ярославских роду погубил всеродне: понеже имели отчины великие, мною, негли ис того их погубил»²⁶.

Данные о землевладении Стародубских князей подтверждают вывод о том, что казанская ссылка сопровождалась широкой конфискацией стародубских вотчин. Иван IV намерен был передать их наследнику престола. В его завещании перечислено два десятка сел и деревень, отобранных в казну у Стародубских князей в связи со ссылкой их в Казань. Следует оговориться, что царское завещание не получило утверждения и не стало юридическим документом. Духовная осталась черновым проектом, сохранившимся к тому же в дефектной копии. Сказанное ограничивает значение

«казенного списка» стародубских вотчин, включенного в черновик завещания.

Среди известий о земельных конфискациях опричнины особого внимания заслуживает свидетельство английского посла Д. Флетчера. Учредив опричнину, рассказывает Флетчер, Грозный провел такие меры, которые подорвали влияние «удельных князей»: «Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав и проч. и оставив им одно только название, он дал им другие земли на праве поместном (как оно здесь называется), владение коими зависит от произвола царя и которые находятся на весьма далеком расстоянии и в других краях государства, и этим способом удалил их в такие области, где бы они не могли пользоваться ни милостью, ни властью, не будучи тамошними уроженцами или хорошо известными в тех местах; почему теперь знатнейшие дворяне (называемые удельными князьями) сравнивались с прочими, с тою только разницею, что во мнении народа и относительно привязанности его к ним они стоят выше и что во всех общественных собраниях они постоянно занимают свое первое место»²⁷.

Осведомленный современник, Флетчер весьма точно определяет направленность земельных мероприятий опричнины.

По мнению американского историка Р. Крами, казанская ссылка не оказала значительного влияния на судьбы российского боярства, так как среди титулованных и нетитулованных ссыльных дворян только 21 человек принадлежал к аристократическим кланам²⁸. Исключение подавляющего большинства князей, отправленных в ссылку, из состава аристократии основано на недоразумении.

Р. Крами тщательно классифицировал кланы, принадлежавшие к боярской элите в XVII в. Но положение московской аристократии в XVI в. было совсем иным. С начала XVII в. трон заняли Романовы, и суздальская знать утратила привилегии, связанные сродством с царствующей династией. Родовое землевладение этой знати подверглось дроблению. Точное представление о российской аристократии времен Ивана Грозного дают подлинные документы Государева двора середины XVI в. К знати принадлежали, прежде всего, те кланы, которые проходили службу при дворе по княжеским спискам и были представлены в Боярской думе. Можно установить, что в середине XVI в. четыре княжеских дома (Суздальский, Ростовский, Ярославский и Стародубский) имели 17 представителей в Боярской думе. 142 дворянина служили по особым княжеским спискам, а всего по дворовым спискам служили 289 лиц из названных фамилий.

По мнению В. Б. Кобрин, последствия казанской ссылки были незначительны: старших суздальских князей (род Шуйских) ссылка не коснулась — их землевладение исчезало не от опричнины, а «от прекращения мужских линий»; у Ростовских князей не было родовых вотчин и пр. Нельзя считать, пишет В. Б. Кобрин, будто главные удары опричнины обратила против суздальской знати — князей Суздальских-Шуйских и их родичей, поскольку этот тезис Р. Г. Скрынникова подкреплен одним только фактом казни князя А. Б. Горбатого-Суздальского при учреждении опричнины²⁹. В наших исследованиях понятие «суздальская знать» имеет широкое значение. А. Б. Горбатый-Суздальский был выдающимся историческим деятелем, и казнь

его имела большое значение. Но свидетельством опричных гонений на суздальскую знать явилась не только гибель этого воеводы, но и ссылка в Казанский край многих десятков семей, которые, как и князя Суздальские-Шуйские, вели род от великого князя Владимирского — Всеволода Большое Гнездо. Многие из потомков местной великокняжеской династии Владимиро-Суздальской земли сохранили родовые княжеские вотчины в пределах некогда принадлежавших им княжеств.

В документах Государева двора середины XVI в. среди суздальских княжеских служилых списков одно из первых мест занимает ростовский список. «Вероятно, — пишет В. Б. Кобрин, — ростовские князья почти полностью лишились своих родовых вотчин»³⁰. По непонятным причинам В. Б. Кобрин игнорирует показания наиболее авторитетной документации — дворовых списков, четко деливших князей Ростовских на две категории. Те князья, которые сохраняли вотчины в родовых гнездах, проходили службу по княжеским спискам. Князья, утратившие родовые земли и перешедшие на поместья и пр. в других уездах, служили вместе с уездными дворянами. Согласно дворовым документам 1550—1561 гг., восемнадцать Ростовских князей проходили службу по княжеским спискам в Ростове и более тридцати — по уездам. В первую категорию входило более трети членов княжеского дома, а следовательно, говорить о полной утрате Ростовскими родовых вотчин невозможно.

Сопоставление казанских книг и дворовых документов позволяет выявить характерную черту казанской ссылки, до сих пор ускользавшую от внимания историков. Опричные судьбы отправили

в Казань подавляющую часть лиц, записанных в княжеский список, и лишь немногих из Ростовских князей, служивших по уездным спискам. Среди ссыльнопоселенцев были князья И. Ю. Хохолков (записан первым в княжеском списке), А. И. Катыврев (записан вторым), И. Темкин и М. Темкин (их отец Г. И. Темкин записан третьим; в тексте имеется помета «почернен»); дети боярина Д. Ю. Темкин и И. Ю. Темкин, Н. Д. Янов и Ф. Д. Янов, И. Ф., В. Ф. и М. Ф. Бахтеяровы. Из числа записанных в княжеский список опалы и ссылки избежали лишь несколько человек, например, семья Гвоздева-Приимкова. Против имени В. В. Волка-Приимкова в тексте сделана помета: «Почернены. Помечен в Торжек»³¹. Перевод в Торжок из Ростова не спас Волка, и он также был отправлен в ссылку.

Опричный суд, выборочно назначавший Ростовским меру наказания, по-видимому, учитывал такие признаки, как служба и землевладение. В ссылку попали многие из тех, кто имел право на думный чин или же преуспел по службе. На поселение в Свияжск был отправлен боярин А. И. Катыврев, который оставался единственным представителем Ростовского дома в Боярской думе накануне опричнины. Царский спальник И. Ю. Хохолков до ссылки занимал высокий пост наместника Нижнего Новгорода. В. Волк-Приимков служил воеводой в Мценске. Ссылке подверглись сыновья и племянники боярина Ю. Темкина, сын старицкого боярина В. Темкина, двое спальников Яновых, сын и племянник бывшего боярина С. Лобанова и др.

Гонения на членов Ярославского княжеского рода носили аналогичный характер. По указу 1565 г.

в казанскую ссылку были сосланы следующие лица, проходившие службу при Государевом дворе по княжескому списку: Ф. И. Троекуров, А. Ф. Аленкин Жеря, Ю. И. Сицкий, Д. Ю. Меньшого Сицкий, Д. В. и И. В. Чулков-Ушатый, С. Ю. Меньшой-Ушатый, И. Г. Щетинин с братией (всего 7 человек), С. И. Баташев-Засекин, Ф. И. Засекин-Сосунов, А. П. Лобан Засекин-Солнцев, Д. В. Засекин-Солнцев, В. Д. Жирового-Засекин, А. И. Ноздрунов-Засекин, И. И. Черного-Засекин, Д. П. Засекин, М. Ф. Засекин. Меры в отношении ярославского дома подтверждают выявленную особенность опричной политики. В Казань попали 37 князей Ярославских, их сыновей и братьев из фамилий, проходивших службу по княжеским спискам. Что же касается 77 князей, которые несли службу по городам, — из них в ссылку отправились всего 7 человек.

Среди Ушатых князь С. Ю. Меньшой владел вотчиной в 8 тыс. четвертей пашни и мог вывести в поход 25 вооруженных слуг. В самом начале опричнины он был сослан в Казань, а все его земли конфискованы в казну.

Очень крупные вотчины были конфискованы у князей Сицких. Один из них, Д. Ю. Сицкий Меньшого, владел до опричнины вотчиной в 4800 четвертей пашни. После ссылки в Казань он также расстался со своими владениями.

В дворовых документах 1550—1561 гг. числилось примерно 60 Стародубских князей, из которых 35 проходили службу по княжеским спискам. Ссыльнопоселенцами стали по крайней мере 14 лиц, поименованных в стародубском княжеском списке.

Княжеские списки Дворовой тетради, подтвер-

ждавшие право суздальской знати — ближайшей родни правящей династии — на исключительные привилегии, стали своего рода проскрипционными списками. Это превращение можно объяснить, обратившись к Переписке Грозного и Курбского. В письме Курбскому, написанном на пороге опричнины, Иван утверждал, что по вине его советников Боярская дума отказала монарху в повиновении, причем ответственность за это несли не одни бояре, но и некие дети боярские. Сильвестр с Адашевым, — писал Иван IV, — мало-помалу «всех вас бояр в самовольство нача приводити, нашу же власть с вас (бояр. — Р. С.) снимающе и в супротисловие вас (бояр. — Р. С.) приводяще и честию вас мало не с нами ровняюще, молотчих же детей боярских с вами честью уподобляюще, и тако помалу сотвердися сия злоба»³². Как истолковать сетования царя по поводу возвышения «молотчих» детей боярских. Подразумевать в этом случае под «молотчими» мелкопоместных уездных детей боярских нет возможности, потому что никому не могло прийти в голову равнять их честью с боярами. Очевидно, государь имел в виду верхушку Государева двора, представительным органом которого была Боярская дума. Эти дети боярские из знатнейших семей, записанные в княжеские списки, имели первоочередное право на получение высших военных должностей и думных чинов. Царь обвинил их в том, что честью они почти сравнялись с боярами, а значит, вместе с боярами ограничили монаршую власть. За эту провинность они должны были понести наказание, что и произошло сразу вслед за учреждением опричнины. История казанской ссылки доказывает это с полной очевидностью.

Опричные репрессии обезглавили не только Боярскую думу, но и другой важнейший институт в системе русской монархии — Государев двор. Царь сослал в Казань как раз тех «молодших» (по отношению к Боярской думе) детей боярских, которые стояли ступенью ниже думных людей и несли службу по особым княжеским спискам. Лица, занесенные в эти списки, занимали высшие воеводские посты, получали кормления, крупные денежные и поместные оклады, наконец, думные чины в первую очередь. В княжеских списках фигурировала первостатейная знать.

Формально опричные мероприятия не уничтожили традиционную структуру земского Государева двора. Но фактически князья, служившие по княжеским спискам, стали жертвами царских гонений. При учреждении опричнины никто из Суздальских и Оболенских князей не был принят в опричный двор, а потому дворовая служба в опричнине исключала службу по княжеским спискам.

Планы опричного правительства, по-видимому, состояли в том, чтобы переселить на вновь завоеванные земли на востоке страны, прежде всего, суздальскую знать. Прочая титулованная знать и старомосковское нетитулованное боярство пострадали от указа о казанской ссылке меньше, чем князья Ростовские, Ярославские и Стародубские.

При учреждении опричнины опале подвергся род Морозовых. Боярин В. В. Морозов был брошен в темницу за переписку с Курбским. Видный воевода А. И. Шеин-Морозов и его родственники М. Ю. Шеин и П. В. Шестов-Морозов были сосланы на поселение в Казанский край. От опричных репрессий пострадал знатный род Головиных. Окольничий П. П. Головин был казнен, а его пле-

мянник Иван Большого Головин сослан в Казань. Окольный М. М. Лыков, будучи ребенком, провел семь лет в литовском плену. Он воспитывался при королевском дворе и его обучали «шляхетским наукам и языку римскому»³³. Сразу после учреждения опричнины окольный попал на поселение в Казань.

Наряду со знатью опричнина подвергла террору некоторых уездных дворян. На поселение в Казань были сосланы все родственники А. Ф. Адашева: дворяне Ольговы, Путиловы и Туровы — всего более 20 человек.

Более половины казанских ссыльных принадлежали к рядовому дворянству. Однако переоценивать этого факта не следует. При общей численности низшего дворянства в 20—30 тыс. человек переселение сотни мелких помещиков на восток не имело большого значения. Конфискованные у рядовых дворян земли не шли ни в какое сравнение с богатствами, конфискованными у знати.

По царскому указу в Казанский край было сослано никак не менее 140 дворян³⁴. Но более всего от опричных гонений пострадала суздальская знать.

В. Б. Кобрин энергично возражает против вывода о том, что казанская ссылка разорила опальных княжат. Лишившись вотчин, княжата, по мнению В. Б. Кобрина, сохранили движимое имущество. Можно ли, пишет он, отнять хозяйственный инвентарь у тех, кому тут же раздавали казанские поместья; можно ли отнять боевое снаряжение у людей, оставшихся на службе?³⁵ Казанская ссылка сопровождалась отчуждением у опальных родовых вотчин. Этот факт имеет основополагающее значение. Утрата земельных владений сама по себе разоряла землевладельцев,

даже если им удавалось сохранить некоторое движимое имущество.

Сообщив о казнях на Москве, официальный летописец добавил, что на дворян, которые «дошли до государские опалы», царь «на тех опалу свою клал и животы их имал на себя, а иных сослал в вотчину свою в Казань...»³⁶ При чтении летописи складывается впечатление, что одни дворяне «дошли до опалы» и у них отобрали имущество, а иных дворян сослали в Казань как бы помимо царской опалы. Но это явная ошибка. У казанских ссыльных отобрали вотчины именно вследствие государевой опалы. Особенность летописи состояла в том, что ее текст был отредактирован после «прощения» всех казанских ссыльных. Опричные меры потерпели неудачу, и редактор старался избежать упоминаний о широкомасштабных опалах. Без всякого сомнения, казанские ссыльные были опальными людьми, а следовательно, на них распространялось действие указа о конфискации «животов». Предложенное истолкование летописи находит полное подтверждение в записках иностранцев. И. Таубе и Э. Крузе были очевидцами событий, последовавших за объявлением указа об опричнине. Знатные лица, повествуют эти опричники, были безжалостно изгнаны из старинных наследственных имений, «так что они не могли и не имели права взять с собой даже движимое имущество и вообще ничего из своих имений»³⁷.

Большинство опальных дворян, отправленных на восточную окраину под конвоем опричников, оказались в трудном положении. Им не давали времени на сборы. В наименьшей спешке вслед за опальными отправляли членов их семей. Они не

имели возможности забрать с собой все имущество, так как для перевозки потребовались бы огромные обозы. Власти не могли отнять боевое снаряжение у дворян, остававшихся на государственной службе. Тем не менее высылка в Казань несколько не походила на обычное служебное перемещение дворян.

Могущество аристократии опиралось, в первую очередь, на ее земельные богатства. Добиваясь неограниченной власти, Иван IV попытался ограничить княжеско-боярское землевладение, использовать процесс упадка родовых княжеских вотчин в целях расширения фонда государственной земельной собственности. Первой попыткой в этом направлении явилось Уложение о княжеских вотчинах 1562 г. Продолжением того же курса стали массовые конфискации княжеских вотчин в начале опричнины.

Казанская ссылка стала крупнейшей вехой в истории княжеского землевладения. Она ускорила процесс отчуждения родовых богатств суздальских князей. Возврат вотчин и земельные компенсации после амнистии 1566 г. имели важные последствия, но не могли восстановить положение, существовавшее до опричной катастрофы. Земельные компенсации способствовали перемещению княжат с территории некогда принадлежавших им княжеств в другие уезды.

Царь Иван Грозный мог бы расправиться с неудобными ему лицами, не прибегая к такой экстраординарной затее, как разделение страны на две половины и организация опричных войска и правительств. Данные о казанской ссылке впервые проясняют вопрос о подлинных причинах организации опричнины. Конфискация родовых вотчин,

незаконная с точки зрения феодального права, грубо нарушала материальные интересы верхов правящего боярства. Царь готовился вооруженной рукой раздавить сопротивление недовольных.

Указ о казанской ссылке имел более широкие цели, чем принято думать. Новгородские экспроприации конца XV в. не отменили московскую традицию, в силу которой казна могла отобрать вотчину у боярина только с санкции Боярской думы. В опричнине Иван IV избавился от опеки думы, что позволило ему произвести массовую конфискацию княжеских вотчин. В случае успеха опричные меры, фактически, привели бы к утверждению в стране нового порядка, при котором государство могло не только требовать обязательной службы с вотчин, но и отчуждать вотчины в казну. Следствием было бы новое гигантское расширение фонда государственной собственности за счет вотчинных частных владений. Упразднение частной собственности поставило бы аристократию в полную зависимость от самодержца, «коро-на поглотила бы общество». Однако посягательство на частную собственность привело к единственному результату: опричная политика потерпела крушение.

Конфискация княжеских вотчин ослабила, но не подорвала влияние аристократии в Русском государстве. Суздальская знать сохранила среди других привилегий право служить при дворе по особым княжеским спискам. Раздор главы государства со знатью достиг крайних пределов. Политическая опора монархии быстро сужалась. Россия шла навстречу террору.

Примечания к главе 9. Гонения на аристократию

- ¹Зимин А. А. Опричнина. С. 135, 141.
²ПСРА. Т. 13. С. 395.
³Горский А. В. Историческое описание Троицко-Сергиевой Лавры. М., 1887. С. 84; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 102.
⁴Курбский А. Сочинения. С. 121—122.
⁵Там же
⁶ДДГ. С. 443
⁷ПСРА. Т. 14. С. 37; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 264.
⁸Шлихтинг А. Новое известие. С. 21.
⁹Платонов С. Ф. Очерки. С. 110.
¹⁰Веселовский С. Б. Исследования. С. 29—31. См. также Веселовский С. Б. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году//ВИ. 1946. N 1. С. 88—91, 103—104.
¹¹Зимин А. А. Земельная политика в годы опричнины (1565—1572 гг.)//ВИ. 1962. N 12. С. 79; Кобрин. Власть и собственность. С. 149—160.
¹²Веселовский С. Б. Исследования. С. 24—28.
¹³ПСРА. Т. 13. С. 396.
¹⁴Хофф. Тирания. Л. 7 об.
¹⁵Разряды. Л. 327 об. Известие Разрядной книги о ссылке Ярославских и Ростовских князей в Казань впервые отмечено Д. Н. Альшицем в статье «Разрядная книга московских государей XVI в.» (См.: Проблемы источниковедения. М., 1958. Т. 6. С. 150).
¹⁶Разряды. Л. 316.
¹⁷Сб. Муханова. СПб., 1866. С. 160.
¹⁸ЦГАДА. Ф. 1209. N 643. Л. 238 об. — 282, 333—369, 424—500 об. В отрывках напечатана К. Е. Невоструевым (Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877. С. 62).
¹⁹ЦГАДА. Ф. 1209. N 848. Л. 131 об. — 201.
²⁰Материалы. С. 1—56.
²¹Там же.
²²Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 157.
²³Разряды. Л. 237 об.
²⁴ПСРА. Т. 13. С. 394.
²⁵ДДГ. С. 442.
²⁶Курбский А. Сочинения. С. 285.
²⁷Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 41.

²⁸Crummey R. O. The Fate of Boyar Clans. 1556—1613 // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Berlin. 1986. Bd. 38. S. 243—245.

²⁹Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 157—160.

³⁰Там же. — С. 64. Исследование А. П. Павлова подтвердило, что Ростовские сохраняли в своих руках часть родовых вотчин до времени опричнины. (Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 154—155).

³¹ТКАД. С. 120.

³²Послания Ивана Грозного. С. 38—39.

³³Курбский А. Сочинения. С. 299.

³⁴В списках казанских жильцов можно найти двух князей Мезецких, И. Михнева, детей боярских Онучиных. Однако по наблюдению Е. В. Липакова, эти лица попали в Казань вне связи с опричным указом о казанской ссылке. Согласно подсчетам того же автора, в Казань было сослано 140 «новых жильцов» — опальных дворян (Липаков Е. В. Дворянство Казанского края в конце XVI — первой половине XVII в. Формирование. Состав. Служба: Автореф. канд. дис. Казань, 1989. С. 8).

³⁵Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 154—155.

³⁶ПСРА. Т. 13. С. 396.

³⁷Хофф. Тирания. Л. 7 об.

Глава 10 ПОИСКИ МИРА

Россия искала мира с Польско-Литовским государством. Но ее притязания на ливонские земли были отвергнуты королем. Переговоры с великим посольством, явившимся в Москву из Польши, затянулись.

В июне 1566 г. московские власти прервали переговоры и созвали Земский собор. На собор были приглашены, помимо членов Боярской думы и высшего духовенства, представители дворянства, приказные люди и богатейшее купечество. От имени царя им был задан вопрос о мире с Литвой и дальнейшей борьбе за Ливонию. «Чины» подали ответ на царские вопросы каждый отдельно от других.

Высшее духовенство высказалось против «уступки» литовцам ливонских земель, «подошедших» к Юрьеву и Пскову. Если эти земли останутся в руках недругов, то не только Юрьеву и Пскову «тесноты будут великие, но и Великому Ноугороду и иных городов торговым людям торговли затворятца»¹.

По мнению думы, литовцы искали перемирия с Москвой лишь для того, чтобы укрепить границу возле Полоцка и сосредоточить дополнительные военные силы в Ливонии. Коль скоро они достигнут этих целей, то «тогда и неволею Полот-

цку не простояти», да «и Пскову будет нужда, не токмо Юрьеву с товарищи». Боярская дума советовала царю не мириться с литовцами и «прося у Бога милости, ныне с королем промышляти». «А нам всем, — добавляли бояре, — за государя головы свои класти...»².

Особое мнение подал член думы и глава Посольского приказа И. М. Висковатый. Он указал на возможные условия заключения перемирия с Литвой, заняв более осторожную позицию в вопросе о войне. По мнению думного дьяка, для заключения перемирия достаточно будет, если король выведет свои войска из рижского округа, после чего царь сам будет «искать» себе Ригу.

Дворяне заявили о своей готовности выполнить все, что укажет им государь: «А нам ся видит, холопом его: что государю нашему пригоже, за то за все стояти; а наша должная холопей его, за него государя и за его государеву правду служити ему, государю своему, до своей смерти». Зная о настроениях царя, представители дворян выступали против каких бы то ни было уступок литовцам. Если дело идет к новой большой войне, то «в том ведает Бог да государь наш», а они, царские холопы, готовы немедленно помереть за царя «для его государева дела». Помещики из пограничных уездов выражали готовность сложить голову за десятину полоцкой земли. «Ныне на конех сидим, — заявляли они, — и мы за его государское с коня помрем»³.

Столь же решительно высказались за войну приказные люди и купечество: «... мы молим Бога о том, чтобы государева рука была высока; а мы люди неслужилые, службы не знаем, ведает Бог да государь, не стоим не токмо за свои животы, и

мы и головы свои кладем за государя везде, чтобы государева рука везде была высока... »⁴.

2 июля Земский собор утвердил текст приговора. Члены Боярской думы и князья церкви скрепили приговорную грамоту своими подписями. Прочие участники собора принесли присягу с обязательством служить царю «правдою», «безо всякие хитрости» и «против его недругов стояти».

После роспуска собора правительство поспешило закончить мирные переговоры с литовцами. 22 июля великое посольство было выпровождено из России. Попытки мирного урегулирования, предпринятые Польско-Литовским государством, закончились очевидной неудачей.

Царь пригласил на собор одних земских людей. Отсутствие опричников объясняется довольно просто. Правительству необходимы были средства для продолжения Ливонской войны. Созывая собор, правительство ставило главной целью добиться от земщины санкций на новые чрезвычайные расходы. С помощью Земского собора царь желал переложить военные издержки, все бремя войны за Ливонию на плечи земщины.

Оценивая значение Земского собора 1566 г., надо учитывать, что его деятельность протекала в условиях чрезвычайного положения, введенного в стране опричным правительством. В обычных условиях важнейшие решения, касавшиеся войны и мира, принимались по формуле «царь указал, а бояре приговорили». На соборе 1566 г. царь, по утверждению официальной летописи, «говорил со князем Володимером Ондреевичем и с своими богомольцы... с Пимином» и другими иерархами, с боярами и другими чинами. Документы собора наводят на мысль, что в своих взаимоотношениях

с собором царь следовал процедуре, выработанной при учреждении опричнины. В то время Иван IV передавал все приказы и распоряжения боярам и приказным исключительно через церковных иерархов. На Земском соборе лишь Пимен и другие руководители церкви в своих речах употребили формулу «государь нам говорил». В соответствии с этим они составили свой ответ: «... и мы государю свой совет учинили такой... ». На вопрос: «Как нам стояти против своего недруга короля польского?» — духовенство отвечало декларацией: «Ливонская земля от прародителей государя нашего» и «государская правда перед королем велика». От конкретных советов насчет ливонских городов духовенство воздержалось, заявляя: «А как ему государю за те города стояти, и в том его государская воля, как его государя Бог вразумит; а наша должная за него государя Бога молити, о том советовати нам непригоже»⁵. На соборе Пимен и прочие руководители церкви заняли, как и в Слободе, позицию безоговорочного подчинения царской воле. На этом условии им, по-видимому, и было предоставлено право советования государю.

Среди участников собора дворяне преобладали. Но из 205 дворянских представителей по крайней мере 80 — 90 принадлежали к высшей титулованной знати и старомосковскому боярству.

Боярская дума сохраняла значение высшего представительного органа правящей аристократии. Но, в отличие от духовенства, бояре, как и другие чины, не употребляли формулу «государь нам говорил». Они составили свои речи «по государя своего цареву и великого князя приказу», «по государеву наказу». Своих богомольцев царь спрашивал от первого лица: «Как нам стояти против

своего недруга?». Боярам вопрос был задан от третьего лица: «На каковой мере государю нашему с королем помирится?». Соответственно святители должны были учинить совет государю, а бояре — лишь выразить свою мысль. В этом отношении бояре были полностью уравнены со всеми другими чиновными группами земщины. Они следовали формуле: «и государю нашему... наша мысль», «и мы государю своему изъявляем нашу мысль», «и мысль наша то...», «и нам ся видит...»⁶.

Процедура утверждения соборного приговора выделяла высшее духовенство: епископы к своим речам «руки свои приложили и печати привесили». Бояре, приказные люди, дьяки также скрепили речи подписями, но вместе со всеми прочими чинами они государю «крест целовали», т. е. за присягой обязались выполнить соборное постановление.

Члены собора должны были решить вопрос о военных расходах. По этой причине власти пригласили на собор 75 торговых людей. На вопрос про «ливонские города» купцы заявили, что государь не может от них «отступиться», потому что на завоевание их потрачены огромные средства: «доступаючи» их «все люди (особенно же обладатели капиталов. — Р. С.) животы свои положили». Высказываясь за продолжение войны, купцы обещали предоставить в распоряжение царя не только свои богатства («животы»), но и головы⁷.

Монархия не могла обойтись без услуг крупных торговцев и очень часто поручала им проведение всевозможных финансовых операций, передавала им таможенные сборы, всевозможные откупа. При случае купцы выполняли дипломатические поручения за рубежом. Крупный купечес-

кий капитал получал из Казны подряды, закупал для нужд правительства товары на зарубежных рынках.

На Земском соборе присутствовали верхи богатейшего купечества, официальные представители «третьего сословия». Прочее торгово-промышленное население допущено не было.

«Созыв Земского собора 1566 г. знаменовал важный этап на пути превращения России в сословно-представительную монархию»⁸. Эта оценка требует серьезных корректив. Представители дворян и столичного купечества не были избраны сословиями, а получили назначение от правительства. По замыслу царя функции собора должны были свестись к одобрению правительственной военной программы. Только духовенство получило право подать «совет» царю, тогда как все прочие чиновные группы лишь поделились с государем своими мыслями. Однако деятельность собора 1566 г. вышла за рамки официальных предписаний.

Удалившись в опричнину, Иван IV продолжал вершить дела земщины. Прошел год с момента опричного переворота, и царь решил ликвидировать Старицкое удельное княжество в его традиционных границах. В виде компенсации двоюродный брат царя получил из казны обширные владения в Дмитрове и других уездах страны.

Князь Владимир должен был согласиться на обмен под давлением правительства. Но в некоторых отношениях мена носила почетный для него характер. В свое время Иван III отказал Дмитров старшему из удельных князей, своему второму сыну, тогда как Старицей владел младший удельный пятый сын великого князя. В прочих отноше-

ниях променянные земли были примерно равноценными. Старицкое удельное княжение не сразу перешло в опричнину, а поначалу было передано в ведение земщины. Царь Иван и его опричное правительство в обмене непосредственно не участвовали. Всю операцию должна была произвести земская Боярская дума, выделившая для этой цели специальную комиссию. В нее вошли боярин и конюший И. П. Федоров, земский дворецкий боярин Н. Р. Юрьев и другие лица.

Санкции против Владимира Андреевича носили куда более умеренный характер, чем санкции против опальных суздальских князей. Царь обошелся с братом по-родственному. Владимир Андреевич смог перевезти свое имущество из старых резиденций во вновь пожалованные города. Все это заняло, вероятно, не один месяц. Процедура обмена была завершена в январе-марте 1566 г., когда земская боярская комиссия приписала к земщине города Старицу, Алексин и Верею и закрепила передачу Владимиру Андреевичу городов Дмитрова, Боровска, Звенигорода, Стародуба Рязановского и села Мошок под Муромом.

Новый «двор» Владимира Андреевича был укомплектован за счет местных помещиков. Что касается вотчинников, живших на территории прежнего и нового уделов, то они могли служить при царском или удельном дворе по своему выбору. Относительно этой категории вассалов в мемовных грамотах царя со Старицким было сказано: «... и тем людем служити государю царю... или которые похотят служити... князю Володимеру Андреевичу... волно где кто хочет»⁹. Договор Грозного с удельным князем исходил, таким образом, из старинного правила, сложившегося в между-

княжеских отношениях в период раздробленности: «а боярам и детям боярским и слугам промеж нас волным воля».

На практике обмен землями привел к массовому «отъезду» вотчинников Старицы и Дмитрова из удела. В царском архиве хранились длинные «списки — имена детей боярских, которые приехали от князя Володимера Ондреевича и которых царь и великий князь взял у князя Володимера Ондреевича в свое имя»¹⁰.

Главнейшим результатом «перемены» Старицкого удела явился окончательный роспуск старицкого двора и армии. Основная масса удельных детей боярских, издавна служивших Старицким, перешла на государеву службу.

К весне 1566 г. в опричной политике наступил крутой поворот. Князь Владимир получил назад кремлевский двор, ранее конфискованный в опричнину. В апреле царь приказал освободить из тюрьмы М. И. Воротынского. Удельный князь был выдан на поруки духовенству, думе и дворянству. Поручительство Воротынского позволяет выделить круг лиц, настоявших на изменении политического курса и переходе от репрессий к амнистиям. То была старомосковская знать, которой царь доверил руководство земщиной после удаления в опричный удел. Главным поручителем М. И. Воротынского стал конюший боярин И. П. Федоров, возглавлявший московскую семибоярщину.

Князь М. И. Воротынский клятвенно обязался не отъезжать в Литву, равно как и в Старицкий удел, не поддерживать дружбу со старицкими боярами, не ссылаться с литовцами и т. д. Ему возвратили родовое удельное княжество, где были возрождены старинные удельные порядки, «все

старые обычаи и чины»¹¹. Удельному владыке служили бояре и воеводы. Его армия включала дворян, их вооруженных слуг, стрельцов и казаков. После возвращения из ссылки М. И. Воротынский занял одно из первых мест в земской Боярской думе. Однако царь не вернул ему почетного титула «слути», который тот носил до своей опалы.

В апреле 1566 г. царь и его опричное окружение приняли одно из самых важных решений, объявив об амнистии казанских ссыльнопоселенцев. Текст царского указа изложен в книгах Разрядного приказа. «В 74 (1566. — Р. С.) году, — сказано в Разрядах, — государь пожаловал, ис Казани и из Свяжского (половину. — Р. С.) опальных людей дворян взял, а приехал в Казань з государевым жалованьем Федор Семенов сын Черемисинов майя в 1 день. А другую половину дворян взял и пожаловал государь опосле. А в Казани остались воеводы годовать и поместья у них не взяты казанские: князь Петр да князь Григорей Ондревиичи Куракины... А в Свяжском князь Ондрей Иванович Катырев... В Чебоксарском городе князь Иван Юрьевич Хохолков... (и другие. — Р. С.)»¹². Нетрудно заметить, что Разрядная запись заключает в себе два известия неодинакового характера. Царский указ о прощении первой половины опальных точно датирован, названо имя гонца, прибывшего в Казань. Сведения о второй амнистии лишены такой определенности. Разрядные дьяки не знали, когда она была проведена и кто ездил в Казань. Они лишь упомянули, что она была «опосле». Иначе говоря, оставленные в Казанском крае опальные могли получить помилование через месяц, через год и т. д.

Попытки примирения с удельными князьями и особенно прощение казанских ссыльных свидетельствовали о крушении опричной политики. В мероприятиях опричнины поражало несоответствие целей и средств. Русская монархия не располагала мощным аппаратом насилия с полицией, тюрьмами и регулярной армией. Непосредственной опорой трона было феодальное ополчение. При таких условиях государство не могло проводить в течение сколько-нибудь длительного времени политику, не только не отвечавшую интересам господствующего класса, но и грубо попиравшую его интересы. Конфискация поместий и прочих имений, в особенности же изъятие в казну родовых княжеских вотчин без суда и следствия, фактически без всякой провинности со стороны землевладельцев явились в глазах дворян вопиющим нарушением законности и правопорядка. Негодование верхов общества было столь сильным, что Иван Грозный отступил от раз принятого курса и стал возвращать знати отобранные у нее земли.

Боярской думе не удалось добиться амнистии для всех подвергшихся опале при учреждении опричнины. Более того, амнистия не распространилась на наиболее влиятельных лиц из числа опальных. Грозный задержал в казанской ссылке Куракиных, Катырева-Ростовского и других видных воевод, составлявших цвет сосланной в Казань титулованной знати. Наряду с опальными княжатами в местах поселения были задержаны родственники Адашева.

Количество поместных земель в Казанском крае не соответствовало числу казанских помещиков. Опальные не могли исправно нести государеву службу, не имея достаточного земельного обес-

печения. Одной из главных целей майской амнистии было стремление упорядочить службу ссыльнопоселенцев. Царские писцы, не завершившие описание края, получили наказ заново разверстать наличные поместные казанские земли и использовать образовавшийся после амнистии свободный фонд для обеспечения оставшихся поселенцев. Писцы, составлявшие Свияжские книги в конце 1566 г., различали «новых жильцов» и «новых прежних жильцов, которых государь велел от свияжского житья отставить». Земли «отставленных» жильцов распределялись между теми, кто не был взят в Москву.

Во время новой разверстки земель в октябре 1566 (7075) г. боярин князь П. А. Куракин получил поместья князей В. Чеснокова, Бабичевых, Ю. Сицкого, выехавших из Казани по амнистии. В результате его владения увеличились со 160 четвертей до 301 четверти пашни и 60 четвертей перелога. К этим землям добавлялись «дикое поле» и лес, засчитанные за пашню. Все эти угодья и земли были приравнены писцами к 500 четвертям пашни, т. е. половине боярского земельного оклада¹³.

Подобным же образом в «половину» оклада были испомещены в Казани и другие воеводы.

Различие в положении взятых в Москву дворян и оставшихся в местах поселения заключалось в том, что первые могли претендовать на получение поместий в московских уездах, тогда как вторые обязаны были нести службу с новых поместий в Казанском крае, получая в придачу к ним часть оклада в Центре.

Прекращение царской опалы имело одинаковые последствия для всех бывших ссыльных, коль

скоро речь шла об их вотчинных землях. Прощенные дворяне все одинаково имели право на возвращение старинных вотчин или получение равноценных земель.

По майскому указу из мест поселения была отозвана в Москву большая часть суздальской знати, почти все ссыльные из нетитулованной знати. Среди Ярославских князей амнистию получили 35 человек (из 39), среди Ростовских — 14 (из 20), среди Стародубских — 22 (из 25), среди нетитулованной знати — окольный М. М. Лыков, двое Шейных-Морозовых, И. М. Головин, В. Н. Борисов, двое Даниловых, И. П. Квашнин и более 20 других дворян. На поселении в Казанском крае осталось несколько десятков человек. Им объявили о прощении позже.

Казна возвращала прощенным дворянам ранее конфискованные у них вотчины или предоставляла равноценные земли.

Имеющиеся источники позволяют заключить, что возврат вотчин носил массовый характер. Особый интерес в этом отношении представляет история стародубских княжеских вотчин, записанных в казенный список царского завещания. Можно установить, что многие вотчины, фигурировавшие в завещании как собственность казны, попали в руки бывших владельцев.

Земли, столетиями остававшиеся собственностью одной княжеской семьи, теперь меняли владельцев с необычайной легкостью. После амнистии никто не мог возместить опальным понесенных ими имущественных потерь. Положение усугубилось неурожаями, поразившими страну в 1569 — 1570 гг. Голодная смерть косила население

страны. Княжеские имения, подорванные опричными конфискациями, приходили в полный упадок, превращались в пустоши.

Разоренные ссылкой, князья старались как-то поправить дела, занимали в долг деньги, продавали часть земель. В роли кредиторов и покупателей чаще всего выступали богатые монастыри. Они охотно ссужали вотчинников деньгами, а затем принимали от них «за долг» и на помин души земельные вклады.

Формально монастыри не могли купить у опальных княжат их вотчины. Действующее земельное уложение полностью воспрещало черному духовенству новые земельные приобретения. Несмотря на распоряжение вотчинника, казна накладывала руку на земли опальных, отказывалась возмещать затраты монастырей. Но сила традиции была очень велика, и вотчинники, вопреки поземельным законам, продолжали завещать земли монастырям на помин души, за «сдачу», чтобы вотчины не пропали «безлеп» в казне. Что касается монастырей, то они пускались во все тяжкие, чтобы приобрести право и титул земельного собственника. Монахи аккуратно хранили духовные и данные грамоты клиентов и на основании их в конце концов добивались своего. Иногда это происходило при жизни Грозного, иногда — много позже.

Прощение удельного князя Воротынского и казанских ссыльных знаменовало крутой поворот в опричной земельной политике. По существу, опричное правительство вынуждено было отказаться от важнейших результатов мероприятий, проведенных им при учреждении опричнины. Земельная политика опричнины потеряла свою первоначаль-

ную антикняжескую направленность. Однако надо иметь в виду, что княжеские репрессии начала опричнины, отличавшиеся исключительным размахом и остротой, не прошли бесследно, невзирая на все объявленные амнистии. С точки зрения правительства, казанское переселение по крайней мере частично достигло своей основной цели, ослабив суздальскую знать.

Освобождение многих десятков казанских поселенцев, прощение Воротынского и прочие поступки не удовлетворили недовольных. Титулованная знать возмущалась тем, что в Казани остались самые видные из опальных бояр и воевод. Те, кто заслужил прощение, негодовали на опричнину, не зная за собой никакой вины. Их возвращение в Москву ко времени собора значительно усилило брожение в среде столичного дворянства.

Раздоры с могущественной аристократией побуждали монархи создать себе прочную военную опору в лице опричного войска, сформированного из дворян. Опричные преторианцы получили широкие привилегии, но эти привилегии распространялись на очень небольшой круг служилых людей. Интересы и нужды подавляющей части дворян, оставшихся в земщине, опричнина полностью игнорировала. В годы опричнины правительство отказалось от осуществления программы дворянских реформ и ничего не предпринимало против растущего оскудения среднего и мелкого дворянства.

Незадолго до опричнины публицисты самыми мрачными красками рисовали бедствия мелкого дворянства. В послании к печорским старцам Курбский нарисовал картину полного упадка и оскудения дворянства, бедственного положения купцов

и землевладельцев, задавленных безмерными податями: «Купецкий же чин и земледелец все днесь узрим, како стражут, безмерными данми продаваемы и от немилостивых приставов влачима и без милосердия умышляюще»¹⁴.

Послание Курбского в Печорский монастырь позволяет заключить, что высшая знать, подвергшаяся гонениям и казням, готова была бросить вызов самодержавному монарху от имени всех чинов, страждущих от «нерадения» державы, «кривины» суда, чрезмерных поборов и дурного общественного устройства. На пороге полного разрыва с царем Курбский сознавал себя защитником как своей «братии» — несправедливо гонимых князей и бояр, так и разоренного дворянства и низших сословий. Продолжая традицию своего учителя Максима Грека, Курбский с большим сочувствием писал об ужасном положении крестьян.

Опричные мероприятия носили беспрецедентный характер. Никогда еще правительство не отчуждало у дворян поместий, а тем более вотчин без всякой провинности с их стороны, а главное, в столь широких масштабах. Земских дворян особенно тревожило то обстоятельство, что царский указ об опричнине предусматривал возможность распространения опричных порядков на новые уезды, а следовательно, и возможность новых выселений и конфискаций. Как значилось в указе об опричнине, «с которых городов и волостей доходу не достанет на его государский обиход, и иные города и волости имати»¹⁵. Когда и какие уезды царю вздумается забрать в опричнину, никто не знал.

Насилия и произвол опричников, в особенности же земельные конфискации, затронули интересы весьма значительного числа земских дворян.

С учреждением опричнины недовольство охватило значительное число земских дворян. Отражением этого факта служит известие хорошо осведомленного Пискаревского летописца. По его словам, государь, учинив опричнину, «грады также раздели и многих выслаша из городов, кои взял в опричнину, и из вотчин и ис поместей старинных... И бысть в людех ненависть на царя от всех людей...»¹⁶.

Созванный в Москве собор способствовал сплочению всех недовольных элементов земщины. Наибольшее представительство на нем получила старомосковская нетитулованная знать, а также верхи столичного и уездного дворянства. Аристократия задавала тон не только в Боярской думе, но и в дворянских куриях, особенно среди дворян первой статьи. На соборе присутствовали видные бояре, незадолго до того подвергшиеся репрессиям. Среди них были удельный князь М. И. Воротынский, И. В. Большой Шереметев и И. П. Яковлев-Захарьин. В деятельности Земского собора приняли участие многие дворяне и дети боярские, высланные из своих уездов при учреждении опричнины. Среди лиц, записанных в списки двух дворянских курий собора, примерно каждый седьмой непосредственно испытал на себе последствия опричной земельной ломки.

Немецкие купцы, вернувшиеся из Москвы в конце 1566 г., утверждали, что негодование знатных людей, которых царь желал погубить, готовит почву для переворота: «другое правление должно прийти в стране... Против этого (против какого-то тяжелого земского налога. — Примеч. Н. М. Карамзина) воспротивились многие из его (царя. — Р. С.) подданных из числа именитых господ, которых он

(царь. — Примеч. Н. М. Карамзина) желал погубить, а некоторых желал перевести из их имений в другие места»¹⁷.

Средневековые летописцы фиксировали изменения в настроениях общества с помощью мистических символов и обозначений — всякого рода «знамений», примет и пр. В дни собора настроения в столице были тревожными. Земский летописец отразил этот факт, внося в официальную летопись запись о том, что 26 июня 1566 г., накануне открытия собора, в Москве разразилась страшная буря, «взошла туча темна и стала красна, аки огнена, и опосле опять потемнела, и гром бысть и трескот великой и молния и дождь, и до четвертого часу»¹⁸. Зловещее предзнаменование вызвало в столице много толков.

Режим неограниченной власти, воздвигнутый посредством опричнины, носил, в целом, неустойчивый характер. Иван IV не мог полностью отгородиться от Боярской думы, к которой по указу об опричнине перешли функции управления земщиной — «государством Московским». Царь добился послушания Боярской думы благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, он сумел опереться на авторитет церкви, по существу, ставшей орудием его политической интриги. Во-вторых, Иван IV внес раскол в ряды думы и запугал ее членов, подвергнув казни и ссылке некоторых из самых видных ее деятелей. И все же знать не желала гибнуть молча. Первым бросил вызов царю князь Петр Щенятев. Знатность и успешная служба позволили боярину занять самое высокое положение в думе, уступая лишь Бельскому и Мстиславскому. Даже князь Александр Горбатый не мог равняться с ним «честью». Молодой князь Иван Шуйский в

1565 г. пытался местничать со Щенятевым, но потерпел неудачу. В октябре 1565 г. Бельский, Мстиславский и Щенятев во главе земских полков отразили нападение татар на Болхов, за что все трое были награждены золотыми. После победы Щенятев демонстративно покинул думу и удалился в монастырь. Повествуя об этом эпизоде, Курбский писал: «Муж зело благородный был и богатый и оставя все богатство и многое стяжание, мнишествовати был произволил»¹⁹. В ответ на самовольное пострижение власти немедленно конфисковали вотчины П. М. Щенятева. Уже в феврале 1566 г. Иван IV в обмене отдал брату Владимиру Андреевичу «в Московском уезде село Туриково, село Собакино, что было княже Петровское Щенятева»²⁰. Очевидно, П. М. Щенятев ушел в монастырь зимой 1565—1566 гг. С некоторым запозданием, но вполне определенно власти выразили свое отрицательное отношение к этому поступку, включив в текст поручных грамот на бояр соответствующее запрещение. В грамоте князя М. И. Воротынского, составленной в апреле 1566 г., и во всех более ранних грамотах такое запрещение отсутствует, тогда как в грамотах Очина и Охлябнина весны — лета 1566 г. впервые включено обязательство «в чернцы не постричься»²¹.

19 мая 1566 г. митрополит Афанасий, следуя по стопам Щенятева, без совета и разрешения Грозного самовольно сложил с себя сан митрополита и удалился в Чудов монастырь. Правительство поспешило заявить, будто глава церкви ушел с поста «за немощию велией». По словам Курбского, царь предложил пост митрополита казанскому архиепископу Герману Полеву. Тот переехал на митрополичий двор, но тут же стал «тихими и крот-

кими словесы» убеждать монарха отменить опричнину²². По настоянию боярина Басманова Грозный предложил архиепископу немедленно покинуть митрополичий двор. Казалось бы, ничто не мешало монарху поставить во главе церкви одного из своих угодников, во всем послушных царской воле. Однако Иван IV неожиданно предложил пост митрополита соловецкому игумену Филиппу. Мотивы такого решения могут быть установлены лишь предположительно. Надо учитывать, что тиранические склонности сочетались в личности Грозного с искренней верой и преданностью православной церкви. Иван IV много лет знал игумена и уважал его за строгую иноческую жизнь и талант строителя. Постоянно манипулируя церковью, превращая ее в орудие политической интриги, царь по-своему заботился о ее величии и красоте. Среди иерархов Филипп мог лучше других позаботиться об укреплении авторитета митрополичьего дома и устройстве его материальных дел. Живя на дальних северных островах, игумен остался в стороне от бурных событий, разыгравшихся в столице после учреждения опричнины, что также говорило в его пользу.

Амнистией опальных дворян Иван признал полное крушение своих опричных деяний. Попытки примирения с земщиной лишь усилили антагонизм, дав выход давно зреющему недовольству. Домогаясь неограниченной власти, царь стремился опереться на авторитет церкви. Утрата поддержки церкви чревата была значительными осложнениями. Высшее духовенство было раздражено бесцеремонным изгнанием с митрополичьего двора Германа Полева. В таких условиях опричная дума не осмелилась вторично вмешаться в дело избра-

ния главы церкви. На отношение опричной думы к Филиппу оказал влияние также тот факт, что одним из ее руководителей был опричный боярин Ф. И. Умной-Колычев, двоюродный брат соловецкого игумена. Однако решающее значение имело все же не это. В вопросе о кандидатуре Филиппа царь вынужден был сделать уступку церковной оппозиции и более могущественным политическим силам, которые стояли за ее спиной.

Среди других группировок наиболее прочные позиции в земской думе занимали две. Первую возглавляли бояре Захарьины, вторую — конюший И. П. Федоров-Челяднин. С образованием опричнины влияние первой группировки неуклонно падало. В тот же самый период конюший И. П. Федоров выдвинулся как один из главных руководителей земщины. Именно он возглавил московскую семибоярщину во время войны с татарами в октябре 1565 г. Современники единодушно отмечают, что тогда значение И. П. Федорова в земщине было исключительным. Опричник Штаден передает, что в отсутствие царя И. П. Федоров был первым боярином и судьей на Москве²³. По свидетельству А. Шлихтинга, воеводу московского Иоанна Петровича царь «признавал более благоразумным среди других и высшим правителем всех», его он «обычно даже оставлял вместо себя в городе Москве...»²⁴. Эти показания вполне подтверждаются Разрядами и другими документами тех лет. В отличие от многих других бояр конюший отличался честностью, не брал взяток и любил справедливость. На протяжении длительного времени И. П. Федоров возглавлял одно из приказных ведомств — Конюшенный приказ — и сохранил чин конюшего в годы опричнины. По древней традиции, ко-

нюшие-бояре занимали более высокое положение, нежели дворецкие, и обладали особыми прерогативами в качестве старших бояр старомосковской Боярской думы. По-видимому, конюший И. П. Федоров и его сторонники сыграли какую-то особую роль в приглашении Филиппа на митрополию. Опричные дипломаты И. Таубе и Э. Крузе, бывшие непосредственными очевидцами избрания, по-своему истолковали этот факт, когда писали, что Филипп был «благородного происхождения от прусских родов Колычевых или Челяднинных»²⁵. Соловецкий игумен приходился дальней родней конюшему. Еще более важное значение имел тот факт, что Филипп со времени избрания на митрополию полностью связал свою судьбу с судьбой боярина Федорова.

Вопреки традиционным представлениям, Филипп Колычев едва ли был инициатором выступления против опричнины. В действительности, соловецкий игумен оказался вовлечен в водоворот событий, развернувшихся в Москве до его приезда. Главными действующими лицами этих событий были не только и не столько церковные иерархи, сколько члены Земской думы и собора, заседавшего тогда в Москве.

По крайней мере два источника различного происхождения сообщают о крупнейшем выступлении земщины против опричнины. Первый из них — Сказания А. Шлихтинга, написанные в Литве в начале 70-х гг. XVI в., второй — летописец московского происхождения начала XVII в. А. Шлихтинг исполнял роль переводчика во время бесед фламандца лейб-медика с его друзьями, членами опричного руководства. Информация А. Шлихтинга исходила из «первых рук» и отлича-

лась большой достоверностью. Московский «Пискаревский летописец» следовал традиции, сложившейся в земщине.

По свидетельству летописца, опричнина вызвала крайнее озлобление в земщине, «бысть в людех ненависть на царя от всех людей и биша ему челом и даша ему челобитную за руками о опричнине, что не достоин сему быти»²⁶.

По свидетельству Шлихтинга, в 1566 г. более трехсот знатных лиц из земщины, в числе их придворные царя, явились во дворец с протестом против бесчинств и злоупотреблений опричников и потребовали упразднения опричнины. В своей челобитной царю дворяне писали: «Все мы верно тебе служим, проливаем кровь нашу за тебя. Ты же за заслуги воздаешь нам такую благодарность. Ты приставил к шеям нашим своих телохранителей, которые из среды нашей вырывают братьев и кровных наших, чинят обиды, бьют, режут, давят, под конец и убивают»²⁷. О выступлении против опричнины в 1566 г. сообщает еще один документ — Запись о поставлении Филиппа. Согласно Записи, «нареченный на митрополию соловецкий игумен Филипп» в июле публично потребовал, чтобы царь «оставил опричнину» и «соединил бы (государство. — Р. С.) воедино, как прежде было», а иначе «ему в митрополитах быти невозможно; и хотя его и поставят в митрополиты, и ему за тем митрополию оставить»²⁸. Столкнувшись с требованием земщины, Грозный, прежде всего, попытался уладить свои отношения с духовенством. Начались трудные переговоры. Архиепископы и епископы били челом царю «о его царском гневу», а затем передали Филиппу, что государь «гнев свой отложил», продиктовав при этом собору условия поставле-

ния Колычева на митрополию. Запись о поставлении скрепил Пимен, но на документе отсутствует подпись архиепископа Германа Казанского и епископа Левферия Суздальского. Видимо, Иван IV вел переговоры не со всем священным собором, а с отобранными им самим лицами. Главным пособником опричнины вновь выступил Пимен Новгородский. Через Пимена Грозный передал Филиппу, что опричина — это его личное и семейное дело и митрополиту не следует вмешиваться в его «домовой обиход». Царь уступил лишь в одном: он признал за митрополитом право «советования» с государем, «как прежние митрополиты советовали». Право совета, включавшее право на «печалование» за опальных, было упразднено при введении опричнины. Это право приобретало исключительное значение в момент, когда стране грозил новый взрыв террора.

Действия Ивана IV и его опричных советников не оставляют сомнения в том, что они находились во власти страха и растерянности. Несмотря на то, что ходатайство земских бояр и дворян носило верноподданический характер, царь отказался от курса на примирение с земщиной и пустил в ход насилие.

Следуя его приказу, опричники произвели многочисленные аресты в земщине. Лица, участвовавшие в подаче челобитной грамоты, были брошены в тюрьму. Арестованные составляли цвет земщины, наиболее активную политическую силу в государстве, на стороне которой выступило также и церковное руководство. При всем своем политическом безрассудстве вожди опричнины понимали невозможность длительного тюремного заклю-

чения правящей элиты земщины — «Московского царства».

После пятидневного ареста Грозный отдал приказ о казни зачинщиков выступления. Несколько земских дворян опричники четвертовали, несколькими урезали язык. Наказы русским дипломатам за рубежом, составленные в конце 1566 г., позволяют установить имена казненных. На возможные вопросы литовцев русские дипломаты должны были дать следующие разъяснения: «... а учнут говорити про князя Василия Рыбина и про Карамышева и им (послам. — Р. С.) говорити: государь милостив, а лихих везде казнят: про тех государь сыскал, что они мыслили над государем и над государскою землею лихо, и государь, сыскав по их вине, потому и казнити их велел»²⁹.

В официальных документах названы имена двух жертв опричнины. Имена прочих установить невозможно, за одним исключением. Опричники Таубе и Крузе передают, что вместе с князем В. Пронским и И. Карамышевым был казнен К. Бундов (Burdna)³⁰.

Русские эмигранты за рубежом были осведомлены о московских событиях достаточно хорошо. А. Курбский знал по имени зачинщика смуты князя В. Пронского и слышал, что в один день с ним (а значит, по одному делу) опричники казнили более 200 знатных земских дворян. Но А. Курбский, похоже, сознательно искажал известные ему факты. Он писал: «И другого княже Пронское Василии, глаголемого Рыбина, погубил. В той же день и иных не мало благородных мужей нарочитых воин, аки двести, избиенно, а неции глаголют и вящей»³¹. Более достоверен рассказ литовского хрониста

А. Гваньини, имевшего возможность уточнить некоторые из данных Шлихтинга, согласно которому опричники подвергли многих челобитчиков торговой казни. Гваньини добавляет, что опричники избили батогами 50 человек. Все прочие челобитчики числом более 200—250 человек были освобождены после пятидневного тюремного заключения без всякого наказания³².

П. А. Садилов первым установил, что все трое казненных в 1566 г. дворян были видными участниками собора, и на этом основании высказал предположение о массовом выступлении членов Земского собора против опричнины. А. А. Зимин признал это предположение вполне обоснованным и подкрепил его указанием на Пискаревский летописец³³. Но П. А. Садилов и А. А. Зимин не учли связь между выступлением членов собора и протестом против опричнины Филиппа Колычева и стоявших за его спиной сил.

Филипп прибыл в Москву в тот момент, когда оппозиция, объединившая все недовольные элементы земщины, готовилась вручить царю петицию и добиться от него отмены опричнины. Именно благодаря этому обстоятельству, соловецкий игумен смог занять твердую позицию в вопросе об опричнине. Выступление Филиппа имело место в ближайшие недели после роспуска Земского собора, поскольку Филипп, во-первых, не присутствовал на соборе, закрывшемся 2 июля, и, во-вторых, уже 20 июля вынужден был отказаться от своих требований. В этот же самый период против опричнины выступили триста знатных лиц из земщины. Трудно представить, чтобы дворяне отправились к царю после открытой капитуляции митрополита и всего духовенства, и также неве-

роятно, чтобы Филипп мог выдвинуть свои требования после кровавой расправы с челобитчиками.

Угроза террора заставила Колычева и его сторонников полностью отказаться от своих требований. Игумен собственноручно подписал Запись, обязавшись «не вступаться в опричнину», «а по поставленьи за опричнину и за царский домо-вой обиход митрополю не отставливати». Оценивая поведение Колычева, Г. П. Федотов отметил колебания, уступки, как бы некоторую слабость игумена, недостаток у него властности, уверенности в себе в начале всякого дела³⁴. Такая оценка, кажется, далека от истины. Она не учитывает чрезвычайных обстоятельств, при которых действовал Колычев. Игумен уступил не раньше, чем добился от самодержца восстановления права церкви на «печалование» за опальных. Без промедления используя это право, Филипп помешал опричникам учинить массовые избиения в земщине.

20 июля Филипп Колычев подписал ограничительную запись, через четыре дня переехал на митрополичий двор, а затем был посвящен в сан митрополита.

Наиболее важное значение имеет вопрос, какие боярские группировки стояли за спиной митрополита Филиппа и участвовали в протесте против опричнины. Уточнить состав земской оппозиции, выступившей после собора, позволяет одно замечание современника: по Шлихтингу, после освобождения фрондеров из тюрьмы «немного спустя он (царь. — Р. С.) вспомнил о тех, кто был отпущен, и, негодуя на увещание, велит схватить их и рубить на куски»³⁵. Участников выступления следует искать среди дворян и членов собора, казненных в ближайшее время после роспуска собора.

Из членов собора 1566 г. жертвами террора в 1567 – 1568 гг. стали конюший И. П. Федоров, боярин князь И. И. Турунтай-Пронский, окольный М. И. Колычев, дворяне И. Б. и И. И. Колычевы и другие.

И. П. Федоров присутствовал на Земском соборе, но затем его карьера оборвалась. Многие признаки указывают на то, что во второй половине 1566 г. семью И. П. Федорова постигла катастрофа. Жена конюшего М. В. Челядина никак не позднее июля-августа 1566 (7074) г. отказала Новоспасскому монастырю громадную родовую вотчину в Бежецком Верху, выговорив себе право пожизненного владения бежецкой вотчиной³⁶. Таким путем они пытались обеспечить себя на случай опалы.

Представляется возможным проследить карьеру И. П. Федорова на протяжении многих десятилетий вплоть до времени выступления членов Земского собора против опричнины. Последние службы его можно перечислить по дням и неделям. В январе – марте 1566 г. он руководил разменом Старицкого удельного княжества, 17 июня подписал приговор Боярской думы о литовском деле, затем участвовал в Земском соборе и 2 июля скрепил подписью соборный приговор. 17 июля конюший принял литовских послов и обсуждал с ними вопрос об обмене пленных. Затем в его карьере наступил перелом. Его имя исчезло из официальных документов. Спустя несколько месяцев И. П. Федоров оказался на воеводстве в провинциальной крепости Полоцке. В связи с царской опалой И. П. Федорову грозила, по-видимому, та же участь, что и К. С. Бундову, И. М. Карамышеву и В. Ф. Рыбину. В начале 1567 г. литовское прави-

тельство тайно предложило И. П. Федорову убежище, указывая на то, что царь желал над ним «кровопроливство вчинити»³⁷.

Приведенные данные позволяют уточнить время крупнейшего выступления земской оппозиции против опричнины. Еще 17 июля боярин И. П. Федоров исполнял ответственные правительственные поручения. В ближайшие дни он, вероятно, был взят под стражу, после чего Филипп 20 июля публично отрекся от своих требований. Царь, не желая, чтобы литовские послы были свидетелями его раздоров с земщиной, отложил казни на несколько дней. Русские власти поспешили выпроводить королевских послов из Москвы. 17 июля царь сказал послам «отказ», дав им срок «побыти на Москве до недели». Вопреки правилам, прощальная аудиенция во дворце состоялась до того, как были разрешены все вопросы. После аудиенции переговоры продолжались фактически еще три дня. Последнюю неделю приставы держали посольский двор на замке и внимательно следили, чтобы никто из членов посольской свиты и купцов не покидал литовского подворья.

Послы промешкали пять дней и 22 июля покинули русскую столицу. Спустя считанные дни после их отъезда, опричники подвергли экзекуции несколько десятков земских дворян. Приведенные факты, быть может, объясняют, зачем правительству понадобилось пять дней держать челобитчиков в тюрьме.

Высшая титулованная знать, в особенности суздальские княжата, подверглась жестоким гонениям в начале опричнины. Она была испугана и придавлена репрессиями. По этой причине почин антиопричного выступления исходил не от нее, а

от старомосковского боярства, которое в начале опричнины пользовалось доверием царя. Старомосковская знать возглавила земское правительство и явилась естественным выразителем давно зревшего в земщине недовольства.

Выступление руководителей земщины было поддержано членами созванного в Москве Земского собора. Ходатайство против опричнины подписали от 200 до 300 дворян. Врученный царю документ был составлен в самых верноподданнических выражениях. Но основное требование относительно прекращения репрессий и отмены опричнины носило достаточно категорический характер.

На царя выступление произвело, как видно, ошеломляющее впечатление. Мало того, что Грозный давно уже не выносил возражений, он должен был, наконец, отдать себе отчет в том, что все попытки стабилизировать положение путем уступок потерпели неудачу. Опричная политика вызвала осуждение вождей земской Боярской думы и земского дворянства в целом.

Пока во главе церкви стоял митрополит Афанасий, человек слабый и зависимый во всех своих поступках от царя, высшее духовенство выступало фактически в роли пособника опричных репрессий. Положение переменилось после того, как на митрополию были приглашены сначала Герман Полев, а затем Филипп Колычев. Обладая достаточным авторитетом и независимостью суждений, эти иерархи не пожелали мириться с опричниной. Посредничество церкви, позволившее царю осуществить свои планы в начале опричнины, на этот раз связало опричному правительству руки, предотвратив массовые казни.

Выступление земских дворян против опрични-

ны привело к новому повороту в политическом развитии страны. Репрессивный аппарат, бездействовавший в течение полугода, вновь заработал. Царь использовал момент для расправы со своими политическими противниками, заведомо не имевшими никакого отношения к протесту членов Земского собора.

Князь Петр Щенятев тщетно надеялся на то, что пострижение в монахи спасет его от царского гнева. Монастырь мог бы стать для него надежным убежищем только в случае, если бы боярина постригли насильно, по государеву повелению. Нисколько не считаясь с обычаями и традиционным отношением к монашескому житию, опричники арестовали старца Пимена Щенятева и из монастыря увезли на Пыточный двор. Боярина жгли на большой железной сковороде, подогреваемой огнем. Опричные каты били ему иглы под ногти. Престарелый воевода не вынес мук и 5 августа умер³⁸. Всего две недели отделяли день его смерти от выступления оппозиции на Земском соборе.

Земский собор 1566 г. был самым примечательным собором в царствование Грозного. Впервые широкое представительство на соборе получили дворяне, а также верхи посадского населения. Если деятельность первых соборов (1549—1551 г.) сводилась к заслушиванию правительственных деклараций и формальному их одобрению, то в дальнейшем компетенция соборов несколько расширилась. Земский собор 1566 г. принял решение о продолжении Ливонской войны и введении новых чрезвычайных налогов. Высшие сословия получили возможность участвовать в обсуждении политики правительства. Однако каждый раз власти стави-

ли перед членами собора весьма ограниченные задачи и строго регламентировали их деятельность.

В чем же заключены причины отмеченного парадоксального явления — развития соборной практики в мрачные годы опричнины с ее террором и злоупотреблениями?

Распри монархии с могущественной боярской аристократией сузили политическую базу правительства. Опричное правительство попыталось найти поддержку у привилегированных сословий земщины.

Самый представительный собор середины XVI в. был созван на втором году опричнины, когда опричное правительство встало на путь уступок и поисков компромисса. Этот период оказался слишком кратковременным. Новый взрыв террора положил конец дальнейшему развитию практики Земских соборов.

Созыв первых представительных соборов в годы опричнины имел важное историческое значение. Возникла новая политическая форма, новое учреждение, которому со временем суждено было сыграть важную роль в политическом развитии России. Из вполне аристократических соборов первых лет опричнины развились более представительные, демократические и полномочные земские соборы начала XVII в.

Примечания к главе 10. Поиски мира

¹СГДА, ч. 1. С. 546.

²Там же. С. 548.

³Там же. С. 550.

⁴Там же. С. 554.

⁵Там же. С. 548—549.

⁶Акты, относящиеся к истории Земских соборов. М., 1909. С. 2—4, 6, 8.

⁷СГДА, ч. 1. С. 554.

⁸Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л. 1966. С. 317.

⁹ДАГ. С. 422.

¹⁰Описи царского архива. С. 39.

¹¹Послания Ивана Грозного. С. 266.

¹²Текст Разряда приведен по Эрмитажному списку (Разряды. Л. 237 об.). Щукинский список содержит разночтение («у иных»). (Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1981. С. 196.

¹³ЦГАДА. Ф. 1209. N 643. Л. 241—246.

¹⁴Курбский А. Сочинения. С. 398.

¹⁵ПСРА. Т. 13. С. 395.

¹⁶ПСРА. Т. 34. С. 190.

¹⁷Карамзин. История. Прим. 166—168.

¹⁸ПСРА. Т. 13. С. 402.

¹⁹Курбский А. Сочинения. С. 283.

²⁰ПСРА. Т. 13. С. 400.

²¹СГДА, ч. 1. С. 503—526, 533—545, 558—561.

²²Курбский А. Сочинения. С. 317—319.

²³Штаден Г. Записки. С. 79.

²⁴Шлихтинг А. Новое известие. С. 21.

²⁵Хофф. Тирания. Л. 12 об.

²⁶ПСРА. Т. 34. С. 190.

²⁷Шлихтинг А. Новое известие. С. 38—39.

²⁸СГДА, ч. 1. N 193. С. 557.

²⁹Сб. РИО. Т. 71. С. 465.

³⁰Хофф. Тирания. Л. 13.

³¹Курбский А. Сочинения. С. 285.

³²См.: *Sarmatia Europea discriptio... Alexandri Gwagnini veronesis*. Krakow, 1578. Fol. 31—32; Шлихтинг А. Новое известие. С. 39.

³³Садиков П. А. Очерки. С. 29; Зимин А. А. Опричнина. С. 203.

³⁴Федотов Г. П. Святой Филипп Митрополит Московский. Париж, 1928. С. 108.

³⁵Шлихтинг А. Новое известие. С. 39.

³⁶Шумаков С. Обзор грамот коллегии экономии. М., 1889. Вып. 1. С. 22.

³⁷Послание Ивана Грозного. С. 276., 444.

³⁸Курбский А. Сочинения. С. 282; Веселовский С. Б. Исследования. С. 474; Титов А. А. Вкладные книги Ростовского Борисоглебского монастыря. Ярославль, 1881. С. 26.